

До встречи с тобой



ДЖОДЖО МОЙЕС

Захватывающий роман, от которого
у вас замирает сердце.

Heat



Annotation

Лу Кларк знает, сколько шагов от автобусной остановки до ее дома. Она знает, что ей очень нравится работа в кафе и что, скорее всего, она не любит своего бойфренда Патрика. Но Лу не знает, что вот-вот потеряет свою работу и что в ближайшем будущем ей понадобятся все силы, чтобы преодолеть свалившиеся на нее проблемы.

Уилл Трейнор знает, что сбивший его мотоциклист отнял у него желание жить. И он точно знает, что надо сделать, чтобы положить конец всему этому. Но он не знает, что Лу скоро ворвется в его мир буйством красок. И они оба не знают, что навсегда изменят жизнь друг друга.

В первые месяцы после выхода в свет романа Джоджо Мойес «До встречи с тобой» было продано свыше полумиллиона экземпляров. Книга вошла в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», переведена на 31 язык. Права на ее экранизацию купила киностудия «Метро-Голдвин-Майер».

Грустная история о маленькой жизни и больших мечтаниях, которая заставит вас плакать.

Daily Mail

Книга Джоджо Мойес — один из самых уникальных и эмоциональных рассказов о любви, написанных за последние годы.

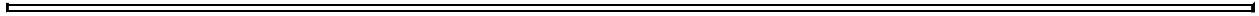
Metro Goldwyn Mayer

-
- [Джоджо Мойес](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)



Джоджо Мойес

До встречи с тобой

Чарли с любовью

Пролог

2007

Когда он выходит из ванной, она просыпается. Откинувшись на подушки, она листает туристические буклеты, лежащие рядом с кроватью. На ней одна из его футболок, длинные волосы спутаны, навеяв мысли о прошлой ночи. Он стоит, наслаждаясь мимолетным воспоминанием, и вытирает голову полотенцем.

Она отрывает взгляд от буклета и надувает губы. Пожалуй, она немного старовата, чтобы надувать губы, но они встречаются не так долго, чтобы это раздражало.

— Нам так уж обязательно карабкаться в горы или висеть над ущельями? Это наш первый настоящий совместный отдых, а здесь нет ни единого маршрута, где не придется откуда-то прыгать или, — она нарочито вздрагивает, — носить флис.

Она бросает буклеты на кровать и вытягивает над головой загорелые руки. Ее голос слегка охрип — свидетельство бессонной ночи.

— Как насчет роскошного спа на Бали? Можно валяться на песке... нежиться часами... расслабляться долгими ночами...

— Мне не по душе такой отдых. Мне необходимо чем-нибудь заниматься.

— Например, прыгать с самолета.

— Сперва попробуй, потом критикуй.

— Если ты не против, я все же предпочту критиковать, — кривится она.

Чуть влажная рубашка липнет к его коже. Он проводит расческой по волосам и включает сотовый телефон, морщась при виде списка сообщений, которые тут же начинают выскакивать на маленьком экране.

— Ладно, — говорит он. — Мне пора. Не забудь позавтракать.

Он склоняется над кроватью, чтобы поцеловать ее. От нее веет теплом, духами и непритворной сексуальностью. Он вдыхает аромат ее затылка и на мгновение забывается, когда она обнимает его за шею и тянет вниз.

— Так мы куда-нибудь поедem в эти выходные?

— Зависит от сделки. — Он неохотно высвобождается. — Пока все в подвешенном состоянии. Возможно, мне придется отправиться в Нью-Йорк. В любом случае как насчет приятного ужина где-нибудь в четверг?

Ресторан на твой выбор. — Он тянется за кожаными мотоциклетными перчатками, висящими на двери.

— Ужин, — щурится она, — с мистером Блэкберри^[1] или без?

— Что?

— С мистером Блэкберри я чувствую себя третьей лишней. — Снова надутые губы. — Как будто он соперничает со мной за твое внимание.

— Я выключу звук.

— Уилл Трейнор! — восклицает она. — Ты должен выключать его хотя бы изредка.

— Я выключил его прошлой ночью, забыла?

— Только под давлением.

— Теперь это так называется? — усмехается он.

Он натягивает перчатки. Лисса наконец теряет власть над его воображением. Он перебрасывает мотоциклетную куртку через руку и посылает ей с порога воздушный поцелуй.

На его «блэкберри» двадцать два сообщения, первое пришло из Нью-Йорка в 3.42. Какая-то юридическая проблема. Он спускается в лифте на подземную парковку, пытаюсь войти в курс ночных событий.

— Доброе утро, мистер Трейнор.

Охранник выходит из своей кабинки, защищенной от непогоды, хотя здесь нет никакой погоды. Уилл иногда гадает, чем он занимается там в предрассветные часы, глядя на экран видеонаблюдения и блестящие бамперы машин стоимостью 60 тысяч фунтов, всегда безупречно чистые.

— Как там на улице, Мик? — спрашивает он, натягивая кожаную куртку.

— Кошмар. Льет как из ведра.

— Серьезно? — Уилл останавливается. — Мотоцикл отменяется?

— Увы, сэр, — качает головой Мик. — Если вы не хотите поставить его на поплавки. Или разбиться.

Уилл смотрит на свой мотоцикл и стягивает кожаные перчатки. Что бы там Лисса ни думала, он не любитель напрасного риска. Он отпирает багажник мотоцикла, убирает в него перчатки, запирает и бросает ключи Мику, который умело ловит их одной рукой.

— Засунь мне под дверь, хорошо?

— Нет проблем. Вызвать такси?

— Не надо. К чему тебе мокнуть?

Мик нажимает кнопку автоматической решетки, и Уилл выходит наружу, подняв руку в знак благодарности. Темно, грохочет гром, но дороги Центрального Лондона уже забиты машинами, хотя едва минуло семь. Он

поднимает воротник и шагает по улице к перекрестку, где проще всего поймать такси. Дороги скользкие от воды, серые отблески играют на зеркале мостовой.

Он мысленно бранится, заметив других людей в костюмах на краю тротуара. И когда только весь Лондон начал просыпаться в такую рань? Всем пришло в голову одно и то же.

Он размышляет, где лучше встать, когда звонит телефон. Это Руперт.

— Уже еду. Как раз пытаюсь поймать такси.

Он видит на противоположной стороне улицы приближающееся такси с оранжевым огоньком и направляется к нему, надеясь, что никто его больше не заметил. Мимо проносится автобус, а за ним грузовик, визжа тормозами и заглушая слова Руперта.

— Ничего не слышу, Рупи, — перекрикивает он шум машин. Повтори.

Он на мгновение замирает на островке безопасности, машины рекой текут мимо, мерцает оранжевый свет, и он поднимает свободную руку, надеясь, что водитель разглядит его сквозь проливной дождь.

— Позвони Джеффу в Нью-Йорк. Он еще не спит, ждет тебя. Мы всю ночь пытались до тебя дозвониться.

— Что случилось?

— Юридическая проволочка. Две статьи договора... тянут время... подпись... бумаги... — Голос тонет в шуме проезжающего автомобиля, шины шуршат по мокрому асфальту.

— Ничего не понимаю.

Таксист заметил его. Машина сбрасывает скорость и останавливается на противоположной стороне, взметнув фонтан воды. Он замечает мужчину чуть дальше, который бросается к такси, но разочарованно останавливается, сообразив, что Уилл успеет раньше. Он испытывает чувство подленького торжества.

— Слушай, пусть Келли оставит бумаги на моем столе, — кричит он. — Я буду через десять минут.

Он смотрит по сторонам, нагибает голову и пробегает несколько последних шагов к такси. На кончике его языка уже вертится «Блэкфрайарз».^[2] Дождь затекает между воротником и рубашкой. Он промокнет, прежде чем доберется до офиса, хотя идти совсем недалеко. Возможно, придется послать секретаршу за новой рубашкой.

— И нужно еще разобраться с этой проверкой благонадежности, пока Мартин не начал...

Он поднимает взгляд, услышав скрежет, оскорбительный рев гудка. Видит бок блестящего черного такси впереди, водитель уже опускает окно,

и что-то не вполне различимое на краю поля зрения, несущееся к нему на невероятной скорости.

Он поворачивается и в эту долю секунды понимает, что стоит на его пути и никак не успеет убраться с дороги. От удивления он разжимает пальцы, и «блэкберри» падает на землю. Он слышит крик, возможно свой собственный. Последнее, что он видит, — кожаная перчатка, лицо под шлемом, удивление в глазах мужчины — зеркальное отражение его удивления. Взрыв — и все разлетается вдребезги.

Дальше — ничего.

От автобусной остановки до дома сто пятьдесят восемь шагов, но они могут растянуться до ста восьмидесяти, если вы не спешите, например, если на вас туфли на платформе. Или туфли из благотворительного магазина с бабочками на носках, но недостаточной поддержкой пятки, которая объясняет их потрясающую цену в 1,99 фунта. Я повернула за угол на нашу улицу — шестьдесят восемь шагов — и увидела краешек дома — пятикомнатного дуплекса в ряду других четырех- и пятикомнатных дуплексов. Папина машина стояла на улице, а значит, он еще не уехал на работу.

Позади меня солнце садилось за замком Стортфолд, темная тень, будто тающий воск, скользила по склону холма, пытаясь меня затопить. В детстве наши длинные тени устраивали перестрелки и улица превращалась в кораль «О. К.».^[3] В какой-нибудь другой день я могла бы рассказать, что приключалось на этой дороге, где папа учил меня кататься на двухколесном велосипеде, где миссис Догерти в съехавшем парике пекла для нас валлийские оладьи, где одиннадцатилетняя Трина засунула руку в изгородь и потревожила осиное гнездо, после чего мы с визгом бежали до самого замка.

Трехколесный велосипед Томаса лежал, перевернутый, на дорожке. Закрывая за собой калитку, я затащила его под крыльцо и открыла дверь. Тепло ударило меня, словно подушка безопасности, — мама не выносит холода и держит отопление включенным круглый год. Папа вечно распахивает окна и ноет, что она доведет нас до разорения. Он говорит, что наши счета за отопление больше, чем ВВП маленькой африканской страны.

— Это ты, милая?

— Ага. — Я повесила куртку на колышек, среди других курток.

— А кто именно? Лу? Трина?

— Лу.

Я заглянула в гостиную. Папа лежал лицом вниз на диване, засунув руку глубоко под подушки. Томас, мой пятилетний племянник, сидел на корточках и пристально наблюдал за ним.

— «Лего». — Папа обратил ко мне лицо, багровое от напряжения. — И почему только проклятые детали такие мелкие? Ты не видела левую руку

Оби-Вана Кеноби?^[4]

— Она лежала на DVD-плеере. Похоже, он поменял местами руки Оби и Индианы Джонса.

— У Оби не может быть бежевых рук. Нужно найти черные руки.

— Какая разница? Разве Дарт Вейдер^[5] не отрубил ему руку во втором эпизоде? — Я ткнула пальцем себе в щеку, чтобы Томас поцеловал ее. — Где мама?

— Наверху. Ого! Монета в два фунта!

Я подняла глаза, заслышав знакомый скрип гладильной доски. Джози Кларк, моя мать, не знает ни минуты покоя. Это дело чести. Как-то раз она стояла на приставной лестнице и красила окна, время от времени останавливаясь, чтобы помахать нам рукой, пока мы ели жаркое на ужин.

— Ты не поищешь эту чертову руку? По его настоянию я ищу ее уже полчаса, а мне нужно собираться на работу.

— Ночная смена?

— Ага. Уже половина пятого.

— Вообще-то, половина четвертого, — посмотрев на часы, сказала я.

Он вытащил руку из-под подушек и бросил недоверчивый взгляд на часы:

— Тогда почему ты вернулась так рано?

Я неопределенно покачала головой, как будто не вполне поняла вопрос, и прошла на кухню.

Дедушка сидел в кресле у окна, изучая sudoku. Патронажная сестра сказала, что это полезно для концентрации, помогает сосредоточиться после инсультов. Похоже, никто, кроме меня, не замечал, что он просто заполняет квадратики первыми попавшимися цифрами.

— Привет, дедуля.

Он поднял взгляд и улыбнулся.

— Чашечку чая?

Он покачал головой и приоткрыл рот.

— Чего-нибудь холодненького?

Он кивнул.

Я открыла дверцу холодильника.

— Яблочного сока нет. — Я припомнила, что яблочный сок слишком дорогой. — Как насчет «Райбины»?^[6]

Он покачал головой.

— Воды?

Он кивнул и пробормотал нечто отдаленно похожее на «спасибо»,

когда я протянула ему стакан.

Мать вошла в комнату с большой корзиной аккуратно сложенного белья.

— Это твое? — помахала она парой носков.

— Вроде бы Трины.

— Я так и думала. Станный цвет. Похоже, на них полиняла папина фиолетовая пижама. Ты рано вернулась. Куда-нибудь собираешься?

— Нет. — Я налила в стакан воды из-под крана и выпила.

— Патрик зайдет вечером? Он недавно звонил. Ты отключила сотовый телефон?

— Не-а.

— Он сказал, что собирается забронировать вам гостиницу. Твой отец утверждает, будто что-то видел по телевизору. Куда вы собрались? Ипсос? Калипсос?

— Скиатос. [\[7\]](#)

— Да, точно. Проверь гостиницу как следует. По Интернету. Они с папой что-то видели в обеденных новостях. Похоже, половина недорогих предложений — стройплощадки, но узнаешь об этом только на месте. Папа, хочешь чашечку чая? Неужели Лу тебе не предложила?

Мама включила чайник и посмотрела на меня. Возможно, наконец заметила, что я молчу.

— У тебя все хорошо, милая? Ты ужасно бледная.

Она протянула руку и пощупала мой лоб, как будто мне было не двадцать шесть, а намного меньше.

— Вряд ли мы куда-то поедem.

Мамина рука замерла. Из ее глаз брызнули рентгеновские лучи. Так бывало с самого моего детства.

— У вас с Патом проблемы?

— Мама, я...

— Я вовсе не лезу в ваши дела. Просто вы вместе уже очень давно. Вполне естественно, что время от времени у вас возникают трения. В смысле, мы с твоим отцом...

— Я потеряла работу. — Мой голос повис в пустоте. Слова пылали в маленькой комнате еще долго после того, как растаяли звуки.

— Что?

— Фрэнк закрывает кафе. С завтрашнего дня. — Я протянула руку с чуть влажным конвертом, который в шоке сжимала всю дорогу домой. Все сто восемьдесят шагов от автобусной остановки. — Он заплатил мне за три месяца вперед.

Тот день начался, как все другие дни. Все мои знакомые ненавидят понедельники, но я исключение. Мне нравилось приезжать с утра пораньше в «Булочку с маслом», включать огромный кипятильник в углу, таскать с заднего двора ящики с молоком и хлебом и болтать с Фрэнком, готовясь к открытию.

Мне нравилось душное тепло с ароматом бекона, порывы прохладного воздуха, когда дверь отворялась и затворялась, тихий гул разговоров, а когда все смолкало — радио Фрэнка, бормочущее в углу. Кафе не было фешенебельным — его стены украшали пейзажи с замком на холме, столы покрывал старомодный пластик, а меню не менялось с тех пор, как я приступила к работе, не считая парочки изменений в ассортименте шоколадных батончиков и появления шоколадного печенья и маффинов на подносе с глазированными булочками.

Но больше всего мне нравились посетители. Нравились Кев и Анджело, водопроводчики, которые заходили почти каждое утро и дразнили Фрэнка вопросами о происхождении мяса. Нравилась Леди Одуванчик, получившая свое прозвище за копну белоснежных волос. С понедельника по четверг Леди Одуванчик заказывала яйцо с жареной картошкой и сидела, читая бесплатные газеты и выпивая две чашки чая. Я всегда старалась поговорить с ней. Мне казалось, что в течение всего дня со старой женщиной никто больше не говорит.

Мне нравились туристы, заглядывавшие по дороге в замок и обратно, верещащие школьники, забегавшие после школы, завсегдатаи из офисов через дорогу и Нина и Шери, парикмахерши, выучившие калорийность каждого пункта меню «Булочки с маслом». Даже неприятные посетители, такие как рыжеволосая владелица магазина игрушек, не реже раза в неделю скандалившая из-за сдачи, меня не раздражали.

Я наблюдала, как за столиками завязываются и разрываются отношения, как разведенные супруги меняются детьми; виноватое облегчение родителей, ненавидящих готовить, запретное наслаждение пенсионеров, завтракающих жареным. Вся человеческая жизнь проходила перед моими глазами, большинство посетителей бросали мне пару слов, шутили или отпускали замечания над кружками дымящегося чая. Папа любил повторять, что я могу в любой момент сболтнуть какую-нибудь ерунду, но в кафе это не имело значения.

Фрэнку я нравилась. Он был тихим по натуре и говорил, что я оживляю его кафе. Вроде как барменша, только не надо возиться с напитками.

Но в тот день, когда закончилась обеденная суета и на мгновение стало тихо, Фрэнк, вытирая руки о фартук, вышел из-за плиты и повернул дверную табличку стороной «Закррито» к улице.

— Но-но, Фрэнк, я же тебе говорила! Интимные услуги в минимальную зарплату не входят. — Правда, папа утверждал, что Фрэнк голубее, чем яйца дрозда. Я подняла глаза. Фрэнк не улыбался. — Неужели я опять насыпала соль в банки для сахара?

Он крутил в руках посудное полотенце и выглядел на редкость смущенным. На мгновение мне пришло в голову, что кто-то на меня пожаловался. А потом он жестом пригласил меня сесть.

— Прости, Луиза, но я возвращаюсь в Австралию. Отец не очень хорошо себя чувствует, — добавил он, объясняя, в чем дело, — и в замке явно собираются устроить собственное кафе. Видела объявление на стене?

Наверное, у меня в прямом смысле отвисла челюсть. А потом Фрэнк протянул мне конверт и ответил на следующий вопрос, прежде чем тот слетел с моих губ.

— Я знаю, что мы не заключали официального договора или чего-либо подобного, но я хочу позаботиться о тебе. Здесь деньги за три месяца вперед. Мы закрываемся завтра.

— Три месяца! — взорвался папа, а мама сунула мне в руки чашку сладкого чая. — Весьма благородно с его стороны, учитывая, что она последние шесть лет вкалывала в его кафе как проклятая.

— Бернард! — Мама бросила на него предостерегающий взгляд и кивком указала на Томаса.

Родители присматривали за ним после школы, до возвращения Трины с работы.

— И что ей теперь делать? Мог бы известить ее пораньше, чем за один чертов день.

— Ну... ей просто надо найти другую работу.

— Нет никакой чертовой работы, Джози. Ты знаешь это не хуже меня. Мы посреди дерьмового экономического спада.

Мама на мгновение закрыла глаза, как будто собираясь с духом, прежде чем заговорить.

— Она умная девочка. Она что-нибудь найдет. У нее отличный послужной список. Фрэнк даст ей хорошую рекомендацию.

— Да просто замечательную... «Луиза Кларк умело мажет тосты маслом и ловко обращается со старым чайником».

— Папа, спасибо за поддержку.

— А что я такого сказал?

Я знала подлинную причину папиного беспокойства. Родители зависели от моих заработков. Трина почти ничего не получала в цветочном магазине. Мама не могла работать, потому что присматривала за дедушкой, а дедушкина пенсия стремилась к нулю. Папа жил в постоянной тревоге о своей работе на мебельной фабрике. Его начальник уже много месяцев толковал о возможном сокращении штатов. В доме шептались о долгах и жонглировании кредитными карточками. Два года назад папину машину разбил незастрахованный водитель, и почему-то этого оказалось достаточно, чтобы карточный домик родительских финансов наконец рассыпался. Мои скромные заработки составляли основу денег на хозяйство, и их хватало, чтобы семья сводила концы с концами.

— Давай не будем забегать вперед. Пусть завтра сходит на биржу труда и узнает, что ей могут предложить. Деньги у нее пока есть. — Они говорили так, будто меня нет рядом. — И она умница. Ты ведь умница, милая? Что, если ей пойти на курсы машинописи? Найти работу в офисе?

Я сидела, а родители обсуждали, на какую еще работу можно рассчитывать с моей скромной квалификацией. Фабричная работница, швея-мотористка, девочка на побегушках. Впервые за весь день мне захотелось плакать. Томас внимательно наблюдал за мной большими круглыми глазами, а затем протянул мне половину отсыревшего печенья.

— Спасибо, Томми, — сказала я одними губами и съела печенье.

Он был в спортивном клубе, как я и думала. С понедельника по четверг, точно по расписанию, Патрик занимался в тренажерном зале или бегал кругами по залитому светом прожекторов стадиону. Я спустилась вниз, обхватив себя руками от холода, и медленно вышла на дорожку, помахав, когда он приблизился достаточно, чтобы узнать меня.

— Побежали со мной, — запыхавшись, предложил он. Дыхание вырывалось из его рта клубами пара. — Осталось четыре круга.

Помедлив мгновение, я побежала рядом. Только так я могла побеседовать с Патриком. На мне были розовые кроссовки с бирюзовыми шнурками, единственная моя обувь, пригодная для бега.

Я провела день дома, стараясь приносить пользу. Примерно час назад я начала путаться у матери под ногами. Мама и дедушка занимались своими делами, и мое присутствие им мешало. Папа спал, потому что работал в этом месяце по ночам, и его нельзя было беспокоить. Я убралась в комнате и стала смотреть телевизор с отключенным звуком, время от времени вспоминая, почему сижу дома среди белого дня, и испытывая

неподдельную боль в груди.

— Я тебя не ждал.

— Надоело сидеть дома. Я подумала, может, сходим развлечься.

Он покосился на меня. На его лице тонкой пленкой блеснул пот.

— Чем раньше ты найдешь новую работу, детка, тем лучше.

— Прошло всего двадцать четыре часа, как я потеряла старую. Можно мне немного побыть несчастной и вялой? Хотя бы сегодня?

— Посмотри на все с хорошей стороны. Ты же знала, что не сможешь работать там вечно. Тебе надо двигаться дальше, вперед.

Два года назад Патрика выбрали стортфолдским молодым предпринимателем года, и он до сих пор не оправился от подобной чести. За это время у него появился деловой партнер Рыжий Пит, предлагающий персональные тренировки клиентам в радиусе сорока миль, и два фирменных фургона, приобретенных в рассрочку. Кроме того, у него в офисе была белая доска, на которой он любил толстыми черными маркерами писать предполагаемый оборот, исправляя цифры по несколько раз, пока они не сходились, к его удовлетворению. Я сомневалась, что они имеют какое-то отношение к реальности.

— Сокращение может изменить жизнь человека, Лу. — Он взглянул на часы, засекая время круга. — Чем ты хочешь заняться? Можно пройти переподготовку. Уверен, для таких, как ты, есть субсидии.

— Для таких, как я?

— Для тех, кто ищет новые пути. Кем ты хочешь быть? Как насчет косметолога? Ты достаточно хорошенькая. — Он на бегу пихнул меня в бок, словно это был невесть какой комплимент.

— Ты же знаешь, как я ухаживаю за собой. Мыло, вода, шампунь.

Патрик начал злиться.

Я начала отставать. Терпеть не могу бегать. Я ненавидела его за то, что он не сбавляет скорость.

— Послушай... Продавщица. Секретарша. Агент по продаже недвижимости. Ну, не знаю... Ты же хочешь кем-то быть?

Но я не хотела. Мне нравилось работать в кафе. Нравилось знать все на свете о «Булочке с маслом» и следить за жизнью людей, проходящих через нее. Там мне было уютно.

— Хватит ныть, детка. Ты должна с этим справиться. Все лучшие предприниматели пробили себе дорогу с самого дна. Джеффри Арчер,^[8] например. И Ричард Брэнсон.^[9] — Он похлопал меня по руке, намекая, что пора прибавить ходу.

— Вряд ли Джеффри Арчер хоть раз лишился работы по поджариванию булочек к чаю. — Я запыхалась. И на мне был неудобный лифчик. Я остановилась, уронив руки на колени.

Патрик развернулся и побежал спиной вперед, его голос плыл по неподвижному столу воздуха.

— Но если бы лишился... Я просто хочу помочь. Утро вечера мудренее. Наденешь деловой костюм и отправишься на биржу труда. Или я научу тебя работать со мной, если хочешь. Дело прибыльное, сама знаешь. И не переживай из-за отдыха. Я заплачу.

Я улыбнулась ему. Он послал мне воздушный поцелуй, и его голос эхом раскатился по пустому стадиону.

— Вернешь, когда встанешь на ноги.

Я подала свое первое заявление на пособие по безработице. Посетила сорокапятиминутное собеседование, а потом — групповое, где оказалась в обществе двух десятков самых разных мужчин и женщин, причем половина из них, как и я, сидели с таким же слегка ошеломленным видом, а половина — с равнодушным, скучающим видом людей, которые приходят сюда слишком часто. На мне было «штатское», как выразился папа.

В результате приложенных усилий я недолго в ночную смену замещала на птицефабрике приболевшего сотрудника, после чего мне неделями снились кошмары. И провела два дня на обучающем семинаре для домашних консультантов по электричеству. Довольно быстро я сообразила, что, в сущности, меня натаскивают обманом вынуждать стариков сменить поставщика электроэнергии, и заявила Саиду, моему личному «консультанту», что не стану этого делать. Он настаивал, чтобы я продолжала, но я перечислила несколько приемов, которые мне велели применять, после чего он притих и предложил нам — он всегда говорил «мы», хотя очевидно было, что у одного из нас работа уже есть, — попробовать что-то еще.

Две недели я трудилась в ресторане быстрого питания. Часы работы меня устраивали, и я смирилась с тем, что от форменной одежды электризуются волосы, но придерживаться сценария «уместных реакций», а именно: «Чем могу вам помочь?» и «Добавить к заказу большую картошку?» — оказалось совершенно невозможно. Меня уволили после того, как одна из специалисток по пончикам застала меня за обсуждением сравнительных достоинств бесплатных игрушек с четырехлетней. Что я могу сказать в свое оправдание? Четырехлетняя была развитой. А Спящие красавицы — ужасно слащавыми.

В результате я сидела на своем четвертом собеседовании, пока Саид искал на сенсорном экране новые «возможности» занятости. Даже Саид, с его зловеще жизнерадостным поведением человека, трудоустроившего самых безнадежных кандидатов, уже казался слегка утомленным.

— Хм... Как вы относитесь к мысли заняться шоу-бизнесом?

— Что, цирку требуются клоуны?

— Вообще-то, нет. Но есть вакансии для танцовщицы на шесте. Даже несколько.

— Надеюсь, вы шутите, — подняла я бровь.

— Тридцать часов в неделю без заключения трудового договора. Хорошие чаевые, надо полагать.

— Я правильно понимаю: вы только что посоветовали мне разгуливать в нижнем белье перед толпой незнакомцев?

— Вы же говорили, что ладите с людьми. И похоже, вам нравится... театрально... одеваться. — Он покосился на зеленые в блестках колготки.

Я надеялась, что они меня подбодрят. Томас весь завтрак напевал под нос лейтмотив из «Русалочки».

Саид что-то набрал на клавиатуре:

— Как насчет «диспетчера телефонной линии для взрослых»? — (Я уставилась на него.) — Вы же говорили, что вам нравится беседовать с людьми, — пожал он плечами.

— Нет. Полуголая официантка — тоже нет. И массажистка. И оператор веб-камеры. Ищите, Саид. У вас должна найтись работа, от которой моего папу не хватит удар.

Похоже, я привела его в замешательство.

— Мы исчерпали все возможности работы в торговле с гибким графиком.

— А как насчет раскладывания товара по полкам в ночную смену? — Я провела здесь достаточно времени, чтобы научиться разговаривать на их языке.

— Тогда вы попадете в список ожидания. Такую работу предпочитают родители школьников, — виновато произнес он и снова посмотрел на экран. — Итак, у нас остались только сиделки.

— Вытирание задов старикам.

— Боюсь, для остального, Луиза, вы недостаточно квалифицированы. Если хотите пройти переподготовку, я с радостью направлю вас по верному пути. В обучающем центре для взрослых множество курсов.

— Но это мы уже обсуждали, Саид. В таком случае я останусь без пособия по безработице, верно?

— Если не будете готовы приступить к работе в любой момент, то да.

Мы немного посидели в тишине. Я посмотрела на двери, у которых стояли два могучих охранника. Интересно, они нашли эту работу через биржу труда?

— Я плохо справляюсь со стариками, Саид. После инсультов дедушка перебрался к нам, и я не могу с ним ужиться.

— А! Так у вас есть опыт ухода!

— Вообще-то, нет. За ним ухаживает моя мама.

— Быть может, предложить эту работу ей?

— Смешно.

— Я не шучу.

— А мне придется ухаживать за дедушкой? Нет уж. Кстати, ему это понравится не больше, чем мне. А в кафе ничего нет?

— У нас почти не осталось кафе, готовых предложить вам трудоустройство, Луиза. Как насчет «Кентакки фрайд чикен»? Возможно, там у вас сложится лучше.

— Поскольку их продавать легче, чем чикен макнаггетс? Сомневаюсь.

— Тогда давайте расширим поле поиска.

— В город и из города ходят всего четыре автобуса, сами знаете. Я помню, вы советовали выяснить расписание туристического автобуса, но я звонила на станцию, и он ходит только до пяти вечера. И стоит в два раза дороже обычного.

Саид откинулся на спинку стула:

— На данном этапе, Луиза, я вынужден подчеркнуть, что как здоровому и дееспособному человеку, желающему и далее получать пособие, вам необходимо...

— ...продемонстрировать, что я стремлюсь найти работу. Я в курсе.

Как объяснить ему, насколько сильно я хочу работать? Он хотя бы отдаленно представляет, как мне не хватает моей старой работы? Безработица была всего лишь понятием, о котором занудно твердили в новостях в связи с верфями или автомобильными фабриками. Мне и в голову не приходило, что можно тосковать по работе, будто по ампутированной конечности — постоянно, рефлекторно. Я не предполагала, что потеря работы порождает не только очевидные страхи из-за денег и будущего, но и чувство собственной неполноценности, бесполезности. Что вставать по утрам будет сложнее, чем по грубому окрику будильника. Что можно скучать по своим бывшим коллегам, сколь бы мало общего у вас ни было. И даже что можно высматривать знакомые лица, прогуливаясь по главной улице. Когда я впервые встретила Леди

Одуванчик, бредущую мимо витрин с таким же потерянным видом, как я, мне нестерпимо захотелось броситься к ней на шею.

Голос Саида вырвал меня из задумчивости:

— Ага! Это может подойти. — (Я попыталась заглянуть в компьютер.) — Только что поступило. Сию минуту. Место сиделки.

— Я же сказала, что не умею ладить со...

— Это не старики. Это... частная позиция. Необходима помощь по дому, и меньше чем в паре миль от вас. «Требуется сиделка и компаньонка для инвалида». Вы умеете водить машину?

— Да. Но не придется ли мне вытирать его...

— Насколько я могу судить, вытирание зада не требуется. — Он изучил экран. — У него... квадриплегия.^[10] В обязанности дневной сиделки входит кормление и помощь. Скорее всего, вам придется сопровождать его в город, помогать с самыми элементарными вещами. О! Хорошие деньги. Намного больше минимальной зарплаты.

— Наверное, потому, что позиция подразумевает вытирание зада.

— Я позвоню и уточню насчет вытирания зада. Но если таковое не требуется, вы согласны пройти собеседование?

Он задал вопрос.

Но мы оба знали ответ.

Я вздохнула и взяла свою сумку, чтобы ехать домой.

— О боже, — произнес отец. — Какой ужас! Мало того что парень оказался в чертовом инвалидном кресле, так еще и наша Лу будет его компаньонкой.

— Бернارد! — возмутилась мать.

За моей спиной дедушка хихикал в чашку чая.

Я вовсе не туповата. Пожалуй, пора прояснить этот вопрос. Но трудно не испытывать кое-какой нехватки серых клеточек, когда растешь вместе с младшей сестрой, которая не только перешла из своего класса в мой, но и перевелась затем на год старше.

Соображала Катрина всегда лучше, хотя была на восемнадцать месяцев младше. Все книги, которые я читала, она прочла первой, все факты, которые я упоминала за обеденным столом, она уже знала. Она единственный известный мне человек, по-настоящему любящий экзамены. Иногда мне кажется, что я так одеваюсь, потому что стиль — единственное слабое место Трины. Она не вылезает из джинсов и свитера. Элегантно одеться, в ее понимании, — это погладить джинсы.

Папа называет меня «фигурой», потому что я склонна говорить первое приходящее на ум. Он утверждает, что я вылитая тетя Лили, которую я никогда не видела. Довольно странно, когда тебя постоянно сравнивают с незнакомым человеком. Я спускаюсь по лестнице в фиолетовых сапогах, и папа, кивая маме, говорит: «Помнишь тетю Лили и ее фиолетовые сапоги?», а мама фыркает и заливается смехом, как будто над тайной шуткой. Мама называет меня «личностью» — вежливый способ сказать, что она не понимает мою манеру одеваться.

Однако, не считая короткого периода в подростковом возрасте, я никогда не хотела выглядеть как Трина или другие девочки. Лет до четырнадцати я предпочитала мальчишескую одежду, а теперь стараюсь себе потакать — смотря с какой ноги встала. Что толку пытаться выглядеть как все? Я маленького роста, с темными волосами и личиком эльфа, если верить папе. «Эльфийская красота» здесь ни при чем. Я не простушка, но вряд ли кто-то назовет меня красавицей. Мне не хватает изящества. Патрик называет меня «шикарной», когда хочет затащить в постель, но не особо утруждает себя притворством. Мы встречаемся уже семь лет.

Мне двадцать шесть, а я так толком себя и не узнала. До того как потеряла работу, я вообще ни о чем не задумывалась. Собиралась выйти замуж за Патрика, нарожать детей, поселиться за пару улиц от родительского дома. Не считая экзотического выбора одежды и довольно скромного роста, меня мало что отличало от других. Вряд ли вы обернулись бы на меня. Обычная девушка, ведущая обычную жизнь. И это совершенно меня устраивало.

— Надень костюм на собеседование, — потребовала мама. — В наши дни все одеваются как попало.

— Можно подумать, чтобы кормить древнего старца с ложечки, нужен костюм в тонкую полоску.

— Не дерзи.

— Мне не на что купить новый костюм. А если мне не дадут эту работу?

— Можешь надеть мой, я поглажу тебе симпатичную блузку, и хотя бы раз в жизни не скручивай эти... — указала она на мои волосы, как обычно уложенные двумя темными узлами по бокам головы, — штуки, как у принцессы Леи. Просто попытайся выглядеть как нормальный человек.

Спорить с матерью было бесполезно. И папе явно запретили комментировать мой наряд, когда я неуклюже вышла из дома в слишком тесной юбке.

— Пока, милая. — Уголки его рта подергивались. — Желаю удачи. Ты выглядишь очень... деловой.

Больше всего смущало не то, что на мне была мамина юбка, и не то, что она сшита по последней моде восьмидесятых, а то, что она мне маловата. Пояс врезался в живот, поэтому я одернула двубортный пиджак. Как выражается папа, у мамы меньше жира, чем у заколки-невидимки.

Всю недолгую автобусную поездку меня подташнивало. Я никогда не была на настоящем собеседовании. В «Булочке с маслом» я оказалась, поспорив с Триной, что смогу найти работу за день. Я вошла и просто спросила у Фрэнка, не нужна ли ему пара рук. Кафе только что открылось, и он был мне безмерно благодарен.

Теперь, оглядываясь назад, я даже не могла припомнить, чтобы мы обсуждали вопрос денег. Фрэнк предложил недельную ставку, я согласилась, и раз в год он сообщал, что слегка поднял мое жалованье, обычно чуть больше, чем я могла бы попросить.

О чем вообще спрашивают на собеседованиях? А если мне предложат сделать что-нибудь полезное с этим стариком, покормить его, искупать и так далее? Саид сказал, что для «интимных потребностей» — и я содрогнулась — у него есть сиделка мужского пола. Он добавил, что описание позиции второй сиделки «несколько туманно в данном отношении». Я представила, как вытираю слюну, вытекающую из старческого рта, и, может быть, громко спрашиваю: «Не желаете чашечку чая?»

Когда дедушка только начал выздоравливать после инсультов, он

ничего не мог делать самостоятельно. Все делала мама.

— Твоя мать — святая, — сказал папа.

Полагаю, это означало, что она вытирала деду зад, не убегая с воплями из дома. Меня святой никто не назовет, в этом я не сомневалась. Я нарезала дедушке еду и заваривала чай, но во всем остальном, вероятно, была слеплена из другого теста.

Гранта-хаус находился по ту сторону замка Стортфолд, рядом со средневековыми стенами, на длинном немощем участке дороги, где располагались всего четыре дома и магазин Национального треста,^[11] прямо посередине туристической зоны. Я проходила мимо этого дома миллион раз, не обращая внимания. Теперь же, идя мимо парковки и миниатюрной железной дороги, пустых и унылых настолько, насколько унылыми могут казаться в феврале летние развлечения, я увидела, что он больше, чем я представляла: дом из красного кирпича, с двумя входами, какие попадаются в старых экземплярах «Кантри лайф»^[12] в приемной врача.

Я прошла по длинной подъездной дорожке, стараясь не думать, видно ли меня из окна. Когда идешь по длинной дорожке, чувствуешь себя ничтожеством. Я как раз подумывала, не отдать ли мне честь, когда дверь отворилась и я подпрыгнула.

На крыльцо вышла девушка чуть старше меня. На ней были белые брюки и блузка, похожая на медицинский халат, под мышкой она несла пальто и папку. Проходя мимо меня, она вежливо улыбнулась.

— Спасибо, что пришли, — донесся голос изнутри. — Мы вам позвоним.

Из двери выглянула женщина, уже не слишком молодая, но красивая, с дорогой филигранной стрижкой. На ней был брючный костюм, который, вероятно, стоил больше, чем папа зарабатывал за месяц.

— Мисс Кларк, полагаю?

— Луиза, — сказала я и, как настоятельно советовала мама, протянула руку.

Родители сошлись на том, что нынешние молодые люди никогда не протягивают руку. В былые времена и помыслить нельзя было о «привете» или воздушном поцелуе. Не похоже, чтобы эта женщина одобрила бы воздушный поцелуй.

— Да. Хорошо. Входите. — Она мгновенно выдернула руку, но ее взгляд задержался на мне, как бы оценивая. — Проходите, пожалуйста. Побеседуем в гостиной. Меня зовут Камилла Трейнор.

Женщина казалась усталой, как будто уже много раз произнесла сегодня эти слова.

Я последовала за ней в огромную комнату с двустворчатыми, от пола до потолка окнами. Тяжелые шторы элегантно ниспадали с массивных, красного дерева карнизов, персидские ковры с замысловатыми узорами устилали полы. Пахло пчелиным воском и старинной мебелью. Повсюду стояли элегантные столики с многочисленными резными шкатулками. И куда только Трейноры ставят чашки с чаем?

— Итак, вы с биржи труда, по объявлению? Садитесь.

Пока женщина листала папку с бумагами, я исподтишка разглядывала комнату. Я думала, дом будет похож на больницу, сплошные подъемники и идеально чистые поверхности. Но он больше напоминал ужасно дорогой отель, пропитанный запахом старых денег, полный нежно любимых вещей, казавшихся по-настоящему бесценными. На буфете стояли фотографии в серебряных рамках, но слишком далеко, чтобы разобрать лица. Она изучала бумаги, а я придвинулась ближе, стараясь рассмотреть фото.

И в этот миг раздался звук рвущихся стежков, который ни с чем не спутаешь. Я опустила глаза и увидела, что два куска ткани разошлись на моем правом бедре и обрывки шелковой нити торчат неаккуратной бахромой. Я густо покраснела.

— Итак... мисс Кларк... у вас есть опыт работы с квадриплегиками?

Я повернулась к миссис Трейнор, изогнувшись таким образом, чтобы максимально прикрыть юбку пиджаком.

— Нет.

— Давно ли вы работаете сиделкой?

— Вообще-то, я никогда не работала сиделкой, — ответила я и добавила, как будто в ушах раздался голос Саида, — но уверена, что могу научиться.

— Вам известно, что такое квадриплегия?

— Когда... — Я запнулась. — Кто-то застрял в инвалидном кресле?

— Полагаю, можно сказать и так. Степень квадриплегии бывает разной, но в данном случае мы говорим о полной утрате подвижности ног и крайне ограниченной подвижности рук и кистей. Вас это не затруднит?

— Ну, вряд ли больше, чем его. — Я улыбнулась, но лицо миссис Трейнор по-прежнему ничего не выражало. — Простите... я не хотела...

— Вы умеете водить машину, мисс Кларк?

— Да.

— Нарушений не было?

Я покачала головой.

Камилла Трейнор что-то пометила в списке.

Прореха на юбке росла. Я видела, как она неумолимо ползет вверх по бедру. Такими темпами, поднявшись, я буду выглядеть, словно танцовщица из Вегаса.

— Вы хорошо себя чувствуете? — пристально посмотрела на меня миссис Трейнор.

— Немного вспотела. Можно я сниму пиджак?

Прежде чем она успела ответить, я быстро сдернула пиджак и завязала на талии, спрятав прореху.

— Ужасно жарко, — улыбнулась я, — когда приходишь с мороза. Сами знаете.

Едва заметная пауза, и миссис Трейнор вернулась к просмотру папки.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— И вы провели шесть лет на прошлом месте.

— Да. У вас должна быть копия моей рекомендации.

— Мм... — Миссис Трейнор приподняла ее и сощурилась. — Ваш предыдущий работодатель утверждает, что вы «доброжелательны, словоохотливы и украшаете жизнь своим присутствием».

— Да, я ему заплатила.

Снова непроницаемое лицо.

«Вот черт!» — подумала я.

Казалось, меня изучают под микроскопом. И отнюдь не доброжелательно. Мамина блузка внезапно показалась дешевой, синтетические нити сверкали в полумраке. Надо было надеть самые простые штаны и рубашку. Что угодно, только не этот костюм.

— И почему же вы оставили работу, на которой вас столь высоко ценили?

— Фрэнк — владелец — продал кафе. У подножия замка. «Булочка с маслом». Бывшая «Булочка с маслом», — поправилась я. — Так бы я с радостью осталась.

Миссис Трейнор кивнула, то ли потому, что не видела необходимости развивать эту тему, то ли потому, что была бы только рада, останься я там.

— Чего вы хотите от жизни?

— В смысле?

— Вы стремитесь сделать карьеру? Эта работа — всего лишь ступенька на пути к чему-то большему? У вас есть профессиональная мечта, которую вы надеетесь осуществить?

Я тупо смотрела на нее.

Это что, вопрос с подковыркой?

— Я... Вообще-то, я не заглядывала так далеко. С тех пор, как потеряла работу. Просто... — сглотнула я, — просто хочу снова работать.

Жалкий лепет. Как можно явиться на собеседование, не зная даже, чего хочешь? Судя по выражению лица миссис Трейнор, она думала о том же.

— Итак, мисс Кларк. — Она отложила ручку. — Почему я должна нанять вас вместо, к примеру, предыдущей кандидатки, которая несколько лет работала с квадриплегиками?

Я посмотрела на нее:

— Гм... Честно? Не знаю.

Она встретила мои слова молчанием.

— Это вам решать, — добавила я.

— Вы не можете назвать ни единой причины, по которой я должна нанять вас?

Перед глазами внезапно всплыло лицо матери. Мысль о том, чтобы вернуться домой в испорченном костюме с очередного неудачного собеседования, была невыносима. И платить здесь обещали намного больше девяти фунтов в час.

— Ну... Я быстро учусь, никогда не боюсь, живу совсем рядом — по ту сторону замка. — Я чуть выпрямила спину. — И еще я сильнее, чем выгляжу... Наверное, мне хватит сил, чтобы помогать вашему мужу передвигаться...

— Моему мужу? Вам предстоит работать не с моим мужем. С моим сыном.

— Вашим сыном? — заморгала я. — Э-э-э... Я не боюсь тяжелой работы. Я умею ладить с самыми разными людьми... и неплохо завариваю чай. — Я начала болтать вздор, лишь бы заполнить тишину. Мысль о том, что пациент — ее сын, выбила меня из колеи. — Мой папа, похоже, считает это не бог весть каким достоинством. Но из собственного опыта знаю, что нет такой беды, которой не поможет чашечка хорошего чая... — (Во взгляде миссис Трейнор мелькнуло что-то странное.) — Простите, — залепетала я, сообразив, что сказала. — Я вовсе не имела в виду, что эту штуку... параплегию... квадриплегию... вашего сына... можно вылечить чашечкой чая.

— Должна предупредить вас, мисс Кларк, что это не постоянный контракт. Не более чем на шесть месяцев. Вот почему зарплата... соразмерна. Мы хотели привлечь правильного человека.

— Поверьте, после нескольких смен на птицефабрике даже база

Гуантанамо^[13] покажется райским уголком.

«Да заткнись уже, Луиза». Я прикусила губу.

Но миссис Трейнор казалась рассеянной. Она закрыла папку:

— Мой сын Уилл два года назад пострадал в дорожно-транспортном происшествии. Ему необходим круглосуточный уход, большую часть которого осуществляет квалифицированный медбрат. Я недавно вернулась на работу, поэтому сиделка должна проводить здесь весь день, развлекать Уилла, помогать ему есть и пить, быть на подхвате и следить, чтобы он не пострадал. — Камилла Трейнор опустила взгляд себе на колени. — Крайне важно, чтобы рядом с Уиллом был человек, осознающий возложенную на его плечи ответственность.

Каждое ее слово и даже интонация намекали на мою глупость.

— Понятно. — Я начала собирать сумку.

— Итак, вы готовы приступить к работе?

Это было так неожиданно, что сначала я подумала, будто ослышалась.

— Что?

— Нам нужно, чтобы вы приступили как можно скорее. Оплата понедельная.

На мгновение я лишилась дара речи.

— Вы решили взять меня, а не... — начала я.

— Часы работы довольно протяженные — с восьми утра до пяти вечера, иногда дольше. Обеденного перерыва как такового не предусмотрено, но можно выкроить полчаса, когда Натан, дневная сиделка, приходит, чтобы покормить его обедом.

— Вам не понадобится ничего... медицинского?

— У Уилла уже есть вся доступная медицинская помощь. Нет, нам нужен кто-то бодрый... и оптимистичный. Жизнь моего сына... нелегка, и очень важно внушить ему... — Камилла Трейнор умолкла, пристально глядя сквозь французские окна куда-то вдаль. Наконец она снова повернулась ко мне. — Достаточно сказать, что его душевное благополучие важно не меньше физического. Вы меня поняли?

— Думаю, да. Мне придется... носить форму?

— Нет. Никакой формы. — Она взглянула на мои ноги. — Хотя, возможно, вам стоит надеть... что-нибудь менее откровенное.

Я опустила глаза и увидела, что пиджак съехал, оголив бедро.

— Я... прошу прощения. Юбка порвалась. Если честно, она не моя.

Но миссис Трейнор, похоже, больше не слушала.

— Что именно нужно делать, я объясню, когда вы приступите. С Уиллом сейчас нелегко приходится, мисс Кларк. Понадобятся не только

ваши... профессиональные навыки, но и правильное отношение к ситуации. Итак. Вы готовы приступить завтра?

— Завтра? А разве вы не хотите... не хотите нас сперва познакомить?

— У Уилла выдался тяжелый день. Думаю, лучше начать с чистого листа.

Я встала, сознавая, что миссис Трейнор не терпит меня выпроводить.

— Да. — Я покрепче затянула на талии мамин пиджак. — Гм... Спасибо. Я буду завтра в восемь утра.

Мама накладывала картошку на папину тарелку. Она положила две картофелины, он подцепил третью и четвертую с сервировочного блюда. Мама вернула их на место и постучала по костяшкам его пальцев сервировочной ложкой, когда он снова потянулся за добавкой. Вокруг маленького столика сидели родители, сестра с Томасом, бабушка и Патрик, который всегда приходил ужинать по средам.

— Папа, — повернулась мама к бабушке. — Нарезать тебе мясо? Трина, ты не могла бы нарезать папе мясо?

Трина наклонилась и начала ловко кромсать мясо на бабушкиной тарелке. Она уже проделала это для Томаса с другой стороны от себя.

— И сильно этот парень изувечен, Лу?

— Вряд ли, раз на него хотят напустить нашу дочь, — заметил папа.

За моей спиной работал телевизор, чтобы он и Патрик могли смотреть футбол. Время от времени они останавливались и с набитыми ртами заглядывали мне за спину, следя за какими-то передачами.

— По-моему, это отличный вариант. Она будет работать в одном из особняков. На хорошую семью. Они аристократы, милая?

На нашей улице аристократом считался любой, у кого членов семьи не привлекали за антиобщественное поведение.

— Наверное.

— Надеюсь, ты отрепетировала реверанс, — усмехнулся папа.

— Ты его уже видела? — Трина подалась вперед и схватила сок, который Томас чуть было локтем не столкнул на пол. — Калеку? Какой он?

— Познакомлюсь с ним завтра.

— И все-таки странно. Ты будешь проводить с ним весь день. Девять часов. Будешь видеть его чаще, чем Патрика.

— Это несложно, — ответила я.

Патрик, сидевший напротив, сделал вид, что не расслышал.

— Зато не нужно беспокоиться, что он начнет тебя лапать, — заметил

папа.

— Бернард! — резко оборвала его мать.

— Я только сказал то, что все думают. Лучшего начальника для твоей подружки не найти, да, Патрик?

Патрик улыбнулся. Он упорно отказывался от картошки, несмотря на старания мамы. В этом месяце он ограничил употребление углеводов, готовясь к марафону в начале марта.

— Я тут вот подумала, не нужно ли тебе выучить язык жестов? В смысле, если он не может общаться, как ты узнаешь, чего он хочет?

— Она не говорила, что он немой, мама. — Я толком не помнила, что говорила миссис Трейнор. Я все еще не оправилась от потрясения, получив работу.

— Возможно, он говорит через особое устройство. Ну, как тот ученый. Из «Симпсонов».

— Педик, — сказал Томас.

— Не-а, — возразил Бернард.

— Стивен Хокинг, — сообщил Патрик.

— Точно, спасибо. — Мама перевела укоризненный взгляд с Томаса на папу. Таким взглядом можно стену прожечь. — Учишь его плохим словам.

— Ничего подобного. Понятия не имею, где он это подцепил.

— Педик, — повторил Томас, пристально глядя на своего дедушку.

— Я бы рехнулась, если бы он говорил через голосовой аппарат, — скривилась Трина. — Вы только представьте! Дайте-мне-стакан-воды, — изобразила она.

Светлая голова, но недостаточно светлая, чтобы не залететь, как временами бормотал папа. Она первой из нашей семьи поступила в университет, но из-за появления Томаса ушла с последнего курса. Мама и папа все еще питали надежды, что в один прекрасный день Трина принесет семье состояние. Или хотя бы будет работать в приличном месте, а не в застекленной будке. Или то, или другое.

— Если он сидит в инвалидном кресле, это еще не значит, что он говорит как далекий, ^[14] — возразила я.

— Но тебе придется общаться с ним тесно и близко. По меньшей мере вытирать ему рот, подавать напитки и так далее.

— Ну и что? Подумаешь, бином Ньютона.

— И это говорит женщина, которая надела Томасу подгузник наизнанку.

— Всего один раз.

— Два раза. Из трех.

Я положила себе стручковой фасоли, стараясь выглядеть более оптимистичной, чем на самом деле.

Но уже по дороге домой на автобусе те же мысли начали гудеть у меня в голове. О чем мы будем разговаривать? Что, если он будет только глядеть на меня, свесив голову, и так день за днем? Недолго и спятить! А если я не смогу понять, чего он хочет? Моя неспособность за кем-то ухаживать вошла в легенды: у нас больше нет ни комнатных растений, ни домашних животных после несчастных случаев с хомячком, палочниками^[15] и золотой рыбкой Рандольфом. И как часто его чопорная мать будет находиться поблизости? Я не переживу, если она будет постоянно стоять над душой. Наверняка под взглядом миссис Трейнор все валится из рук.

— Патрик, а ты что думаешь?

Патрик глотнул воды и пожал плечами.

Дождь барабанил по оконным стеклам, едва различимый сквозь звон тарелок и столовых приборов.

— Деньги хорошие, Бернард. В любом случае это лучше, чем вкалывать по ночам на птицефабрике.

Над столом повис общий согласный гул.

— Очень мило. Значит, единственное, что ты можешь сказать о моей новой карьере, — что это лучше, чем таскать куриные трупы по самолетному ангару, — заметила я.

— Ну, еще между делом можно привести себя в форму и начать давать персональные тренировки вместе с нашим милым Патриком.

— Привести себя в форму. Спасибо, папа. — Я было потянулась за очередной картофелиной, но передумала.

— Почему бы и нет? — Казалось, мама готова присесть — все на мгновение замерли, — но нет, она снова вскочила, чтобы добавить дедушке подливки. — Имей в виду на будущее. Язык у тебя подвешен что надо.

— Живот у нее подвешен что надо, — фыркнул папа.

— Я только что получила наконец работу! — рявкнула я. — И платят на ней, между прочим, побольше, чем на старой.

— Но это временная работа, — возразил Патрик. — Твой папа прав. Параллельно ты можешь приводить себя в форму. Если немного постараться, из тебя выйдет хороший персональный тренер.

— Я не хочу быть персональным тренером. Мне не нравится... прыгать. — Одними губами я обругала Патрика, и он усмехнулся.

— Чего Лу хочет, так это развалиться на диване и смотреть дневные шоу, кормя старину Айронсайда^[16] через соломинку, — фыркнула Трина.

— Ну конечно. Ведь чтобы переставлять увядшие георгины в ведерках с водой, нужны огромные физические и умственные усилия, правда, Трина?

— Мы просто шутим, милая. — Папа поднял кружку чая. — Прекрасно, что ты получила работу. Мы очень рады. И поверь, только ты освоишься на новом месте, как эти педики не смогут без тебя обойтись.

— Педик, — произнес Томас.

— Это не я, — с набитым ртом отговорился папа, прежде чем мама успела что-либо сказать.

— Это флигель. Когда-то в нем располагалась конюшня, но мы поняли, что он подойдет Уиллу больше, чем дом, поскольку здесь все расположено на одном этаже. Тут гостевая комната, чтобы Натан мог при необходимости оставаться на ночь. В первое время это требовалось довольно часто. — Миссис Трейнор бодро, не оборачиваясь, шагала по коридору, указывая то на одну дверь, то на другую, ее высокие каблуки цокали по плитам пола. Похоже, требования ко мне весьма высоки. — Ключи от машины находятся здесь. Я внесла вас в страховку. Надеюсь, вы предоставили верные сведения. Натан должен показать, как работает пандус. Надо только направить коляску, и машина сделает все остальное. Хотя... сейчас Уилл не слишком расположен выбираться из дома.

— Сегодня довольно холодно, — заметила я.

Миссис Трейнор как будто не расслышала.

— Чай и кофе можете готовить себе на кухне. В шкафах всегда есть еда. Ванная находится здесь...

Она открыла дверь, и я уставилась на белый подъемник из металла и пластмассы, растопырившийся над ванной. Площадка под душем была открытой, рядом стояло сложенное инвалидное кресло. В углу, в шкафчике со стеклянными дверцами, лежали аккуратные стопки чего-то затянутого в пленку. Отсюда не было видно, чего именно, но от них тянуло слабым запахом дезинфицирующего средства.

Миссис Трейнор закрыла дверь и на мгновение повернулась ко мне:

— Хочу еще раз подчеркнуть, что очень важно постоянно находиться рядом с Уиллом. Предыдущая сиделка исчезла на несколько часов, чтобы починить машину, и Уилл... поранился в ее отсутствие. — Она сглотнула, как будто воспоминание до сих пор причиняло ей боль.

— Я никуда не уйду.

— Разумеется, вам необходимы... перерывы на отдых. Я только хочу подчеркнуть, что его нельзя оставлять одного дольше, скажем, десяти-пятнадцати минут. В случае неотложного дела либо позвоните по интеркому, поскольку мой муж Стивен может оказаться дома, либо наберите номер моего мобильного. Если вам понадобятся выходные, сообщите об этом как можно раньше. Найти замену не так-то просто.

— Ага!

Миссис Трейнор открыла шкаф в коридоре. Казалось, она повторяет

давным-давно заученную речь.

На мгновение я задумалась, сколько сиделок сменилось здесь до меня.

— Если Уилл найдет себе дело, займитесь чем-нибудь полезным по хозяйству. Постирайте белье, пройдитесь с пылесосом и так далее. Чистящие средства под раковиной. Возможно, он захочет побыть в одиночестве. Вам с ним предстоит самостоятельно решить, насколько тесно вы намерены общаться.

Миссис Трейнор покосилась на мою одежду, как будто только что ее разглядела. На мне была мохнатая жилетка. Папа утверждал, что в ней я похожа на эму. Я попыталась улыбнуться. Это оказалось нелегко.

— Разумеется, я надеюсь, что вы сможете... поладить друг с другом. Мне хотелось бы, чтобы вы стали для него другом, а не наемным работником.

— Хорошо. Что он... гм... любит делать?

— Смотреть фильмы. Иногда слушать радио или музыку. У него есть специальное цифровое устройство. Как правило, он может им управлять, если положить его рядом с рукой. Пальцы Уилла не лишены определенной подвижности, хотя сжимать их в кулак ему сложно.

Я повеселела. Если он любит музыку и фильмы, несомненно, у нас должно найтись что-то общее. Внезапно я представила, как мы с ним смеемся над какой-нибудь голливудской комедией, как я расхаживаю по спальне с пылесосом, а он слушает музыку. Возможно, все будет хорошо. Возможно, мы подружимся. У меня никогда еще не было друга-инвалида — только глухой друг Трины Дэвид, но он дал бы в глаз, назови его кто инвалидом.

— У вас есть вопросы?

— Нет.

— Тогда вам пора познакомиться. — Она взглянула на часы. — Натан уже закончил его одевать.

Мы помедлили у двери, и миссис Трейнор постучала.

— Ты здесь, Уилл? Я хочу познакомить тебя с мисс Кларк.

Нет ответа.

— Уилл? Натан?

Резкий новозеландский акцент:

— Он одет, миссис Ти.

Камилла Трейнор толкнула дверь. Гостиная во флигеле оказалась обманчиво просторной, одна стена ее целиком состояла из стеклянных дверей, выходящих на луга и поля. В углу тихонько пыхтела печка, низкий бежевый диван с наброшенным на него шерстяным пледом стоял перед

огромным телевизором с плоским экраном. Очень спокойная и милая обстановка. Настоящая холостяцкая берлога в скандинавском вкусе.

Посередине комнаты стояло черное инвалидное кресло, накрытое овчиной. Крепко сбитый парень в белой рубаше сидел на корточках, поправляя мужские ноги на подставке кресла. Когда мы вошли в комнату, мужчина в кресле посмотрел на нас из-под лохматых нечесанных волос. Наши взгляды встретились, и через мгновение он издал душераздирающий стон. Затем его рот дернулся, и раздался еще один потусторонний вопль.

Я ощутила, как окаменела его мать.

— Уилл, прекрати!

Он даже не посмотрел на нее. Очередной доисторический рык вырвался откуда-то из глубины его груди. Это был ужасный, мучительный звук. Я едва не вздрогнула. Мужчина гримасничал, вжав в плечи наклоненную голову и обратив ко мне искаженное гневом лицо. Он выглядел гротескно и отчасти разъяренно. Я осознала, что костяшки моих пальцев, вцепившихся в сумку, побелели.

— Уилл! Прошу тебя. — В голос его матери закралась нотка истерики. — Пожалуйста, прекрати.

«О боже, — подумала я. — Я с этим не справлюсь». Я с трудом сглотнула. Мужчина продолжал смотреть на меня. Похоже, он чего-то ждал.

— Меня... меня зовут Лу. — Мой голос, непривычно дрожащий, повис в тишине. Я хотела было протянуть Уиллу руку, но вовремя вспомнила, что он не сможет ее взять, и ограничилась тем, что неуверенно помахала. — Сокращенное от Луиза.

К моему изумлению, он перестал корчить рожи и стал держать голову ровно.

Уилл Трейнор пристально смотрел на меня, на губах его мелькнула едва заметная улыбка.

— Доброе утро, мисс Кларк, — произнес он. — Говорят, вы моя новая сиделка.

Натан закончил регулировать подставку. Он покачал головой и встал.

— Нехороший ты человек, мистер Ти. Совсем нехороший, — усмехнулся он и протянул широкую ладонь, которую я вяло пожала. Натан был сама невозмутимость. — Похоже, Уилл только что изобразил перед вами Кристи Брауна.^[17] Ничего, привыкнете. Он больше лает, чем кусает.

Миссис Трейнор тонкими белыми пальцами теребила крестик на шее. Она машинально гоняла его туда-сюда по тонкой золотой цепочке. Лицо ее было непроницаемо.

— Итак, я должна вас покинуть. Звоните мне по интеркому, если понадобится помощь. Натан ознакомит вас с оборудованием и уходом за Уиллом.

— Я здесь, мама. Не нужно говорить сквозь меня. Мой мозг не парализован. Пока что.

— Да, но если ты намерен вести себя гадко, Уилл, мисс Кларк лучше обращаться напрямую к Натану. — (Я заметила, что во время разговора мать не смотрела на сына, а изучала точку на полу в десяти футах от него.) — Сегодня я работаю дома. Так что загляну к вам в обед, мисс Кларк.

— Ладно, — пискнула я.

Миссис Трейнор исчезла. Мы молча слушали, как ее резкие шаги удаляются по коридору.

— Уилл, — нарушил тишину Натан, — если ты не против, я пойду покажу мисс Кларк твои лекарства. Включить телевизор? Или музыку?

— Радио Би-би-си-четыре, пожалуйста.

— Нет проблем.

Мы прошли на кухню.

— Миссис Ти говорит, ты прежде не имела дела с квадриплегиками?

— Не имела.

— Хорошо. Я не буду особо вдаваться в подробности. Вот папка со всеми сведениями об уходе за Уиллом и экстренными номерами телефонов. Советую почитать в свободную минутку. Думаю, таковая найдется. — Натан снял с пояса ключ и отпер шкафчик, битком набитый коробочками и пластмассовыми баночками с лекарствами. — Это в основном моя забота, но тебе нужно знать, где что лежит, на всякий пожарный случай. Вот расписание на стене, в нем указано, что он принимает регулярно. Все дополнительные лекарства нужно записывать вот здесь. — Натан показал пальцем. — Но лучше обговаривать с миссис Ти, по крайней мере на первых порах.

— Я не знала, что мне придется давать лекарства.

— Это несложно. Уилл в основном знает, что ему нужно. Надо только немного помочь. Мы обычно используем этот стаканчик. Или можно растолочь лекарства пестиком в ступке и подмешать в питье.

Я поднесла к глазам одну из коробочек. По-моему, я никогда не видела столько лекарств не в аптеке.

— Итак, поехали. Два лекарства для кровяного давления: одно, чтобы понизить перед сном, другое, чтобы повысить утром. Лекарство от мышечных спазмов нужно принимать довольно часто — будешь давать одну таблетку утром, одну днем. Глотать их несложно, они маленькие и с

покрытием. Эти таблетки — от спазмов мочевого пузыря, а эти — от кислотного рефлюкса. Могут пригодиться после еды, если он плохо себя почувствует. Это антигистаминное, давать утром, а это назальные спреи, но обычно я прыскаю их сам перед уходом, так что тебе не нужно беспокоиться. При болях можно давать парацетамол, и время от времени он принимает снотворное, но из-за него становится более раздражительным днем, так что снотворное мы стараемся ограничивать. — Он поднял очередную бутылочку. — Тут антибиотики, которые он принимает раз в две недели при замене катетера. Это моя забота, а если я буду в отъезде, оставлю четкие инструкции. Они довольно сильные. Здесь коробки с резиновыми перчатками, на случай если тебе придется его чистить. Еще есть крем от пролежней, но это больше не проблема, с тех пор как купили надувной матрас. — Натан достал из кармана второй ключ и протянул мне. — Это запасной, — пояснил он. — Никому не давать. Даже Уиллу, ясно? Беречь как зеницу ока.

— Так много надо запомнить, — сглотнула я.

— Все записано. Пока тебе надо запомнить только лекарства от спазмов. Вот эти. Держи номер моего мобильного. В свободное время я учусь, так что лучше слишком часто не звонить, но если будут вопросы, не стесняйся, звони.

Я устала сидеть на папку перед собой. Казалось, я попала на экзамен, к которому не готовилась.

— А если ему понадобится... в уборную? — Я подумала о подъемнике. — Не уверена, что смогу, ну, знаешь, поднять его. — Я изо всех сил старалась скрыть панику, которую испытывала.

— Ничего такого не потребуется, — покачал головой Натан. — У него стоит катетер. Я приду в обед и все поменяю. Тебя наняли не для физического ухода.

— А для чего?

Натан изучил пол и поднял взгляд на меня:

— Постарайся его развеселить, хорошо? Он... он немного чудит. Вполне естественно, учитывая... обстоятельства. Но тебе придется отрастить толстую шкуру. Он специально устроил утром представление, чтобы выбить тебя из колеи.

— Поэтому здесь так хорошо платят?

— О да. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. — Натан хлопнул меня по плечу, и я едва не упала. — Да ладно, все с ним в порядке. Не надо ходить вокруг него на цыпочках. — Он помедлил. — Уилл мне нравится. — Натан произнес это так, как будто, кроме него, Уилл не

нравился никому.

Мы вернулись в гостиную. Кресло Уилла Трейнора переместилось к окну, он сидел спиной к нам и смотрел на улицу, слушая радио.

— Я закончил, Уилл. Нужно что-нибудь перед уходом?

— Нет. Спасибо, Натан.

— Тогда оставляю тебя в умелых руках мисс Кларк. Увидимся в обед, приятель.

С нарастающей паникой я следила, как любезный помощник надевает куртку.

— Желаю повеселиться, ребята, — подмигнул мне Натан и был таков.

Я стояла посреди комнаты, засунув руки в карманы и не зная, что делать. Уилл Трейнор продолжал смотреть в окно, как будто меня рядом не было.

— Не хотите ли чашечку чая? — наконец спросила я, когда тишина стала невыносимой.

— А! Ну конечно. Девушка, которая зарабатывает на жизнь, заваривая чай. А я гадал, как скоро вы захотите показать свои умения. Нет. Спасибо, не надо.

— Может, кофе?

— Обойдусь без горячих напитков, мисс Кларк.

— Можете называть меня Лу.

— А толку?

Я моргнула и на мгновение открыла рот, но тут же закрыла. Папа всегда говорит, что с открытым ртом я выгляжу глупее, чем на самом деле.

— Может... принести что-нибудь?

Уилл повернулся ко мне. Его подбородок зарос многонедельной щетиной, а глаза были непроницаемыми. Он отвернулся.

— Тогда... — Я оглядела комнату. — Поищу что-нибудь постирать.

Я вышла из комнаты с колотящимся сердцем. В безопасном укрытии кухни достала мобильный и напечатала сообщение сестре:

Это ужасно. Он меня ненавидит.

Ответ пришел через несколько секунд:

Прошел всего час, тряпка! Ма и па позарез нужны деньги. Соберись и думай о почасовой ставке. Целую.

Я захлопнула телефон и шумно выдохнула. Порылась в корзине с

грязным бельем, наполнила бак стиральной машины от силы на четверть и несколько минут читала инструкцию. Мне не хотелось ошибиться в настройках или сделать что-нибудь, отчего Уилл или миссис Трейнор снова посмотрят на меня как на дурочку. Я запустила стиральную машину и немного постояла, пытаюсь придумать благовидное занятие. Достала пылесос из шкафа в коридоре и вычистила коридор и две спальни, размышляя, что если бы родители меня увидели, то непременно сделали бы фото на память. Гостиная комната была почти пустой, как номер в гостинице. Наверное, Натан редко остается на ночь. И его сложно винить.

Я помедлила у спальни Уилла Трейнора, но решила, что она нуждается в уборке не меньше других. Вдоль одной стены тянулся встроенный стеллаж, на котором стояла пара десятков фотографий в рамках.

Пылесоса вокруг кровати, я позволила себе взглянуть на них. На одной мужчина прыгал с утеса на тарзанке, раскинув руки, словно статуя Христа. На другой был мужчина, похожий на Уилла, среди вроде бы джунглей, на третьей — он же посреди нетрезвых друзей. Мужчины в галстуках-бабочках и смокингах обнимали друг друга за плечи.

Снова он на лыжном склоне, рядом с длинноволосой блондинкой в темных очках. Я наклонилась, чтобы получше разглядеть лицо за лыжными очками. На фотографии он был чисто выбрит, и даже в ярком свете его кожа светилась тем дорогостоящим лоском, какой бывает лишь у богачей, отдыхающих три раза в год. У него были широкие, мускулистые плечи, заметные даже под лыжной курткой. Я осторожно поставила фотографию обратно на стол и продолжила пылесосить за кроватью. Наконец я выключила пылесос и начала сворачивать шнур. Наклонившись, чтобы выдернуть его из розетки, я краем глаза заметила движение и подпрыгнула, тихонько пискнув. Уилл Трейнор наблюдал за мной из дверей.

— Куршевель. Два с половиной года назад.

— Извините. — Я покраснела. — Я просто...

— Вы просто разглядывали мои фотографии. Размышляя, насколько ужасно превратиться в калеку после подобной жизни.

— Нет. — Я покраснела еще гуще.

— Остальные мои фотографии в нижнем ящике, на случай если вас снова одолеет любопытство, — сообщил он.

Инвалидная коляска с тихим гулом повернула направо, и он исчез.

Утро затянулось на несколько лет. Я не могла припомнить, когда еще часы и минуты казались такими нескончаемыми. Я придумывала себе все новые и новые занятия и заходила в гостиную как можно реже, сознавая,

что веду себя трусливо, но, по правде говоря, мне было все равно.

В одиннадцать я принесла Уиллу Трейнору стаканчик с водой и лекарства от спазмов, как велел Натан. Я положила таблетку ему на язык и протянула стаканчик, чтобы он мог запить, все по инструкции. Стаканчик был из блеклой непрозрачной пластмассы, такой же, как у Томаса, только без нарисованного Боба-строителя.^[18] Уилл не без труда проглотил лекарство и жестом приказал оставить его в одиночестве.

Я протерла пыль с полок, которые в этом совсем не нуждались, и раздумывала, не помыть ли окна. В здании вокруг было тихо, не считая еле слышного гула телевизора в гостиной, где сидел Уилл. Я не осмелилась включить радио на кухне. Мне казалось, что он скажет что-нибудь ядовитое о моем музыкальном вкусе.

В половине первого вернулся Натан, впусив с улицы морозный воздух и выгнув бровь.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно. — Я в жизни не была так рада кого-либо видеть.

— Отлично. У тебя полчаса. Нам с мистером Ти надо кое-что проделать.

Я рванула за курткой. Я не собиралась обедать в городе, но чуть не упала в обморок от облегчения, оказавшись за стенами дома. Подняв воротник и надев сумку на плечо, я быстро зашагала по дорожке, как будто мне было куда идти. А на самом деле просто полчаса гуляла по окрестным улицам, выдыхая клубы теплого пара в плотно замотанный шарф.

С тех пор как закрылась «Булочка с маслом», в этом конце города не было кафе. Замок стал необитаем. Ближайшее место, где можно было перекусить, — гастронаб,^[19] но в нем мне не хватило бы денег даже на стакан воды, не говоря уже о быстром перекусе. На его парковке стояли огромные и дорогие машины с новенькими номерами.

Я встала на парковке замка и, убедившись, что меня не видно из окон Гранта-хауса, набрала номер сестры.

— Привет.

— Ты же знаешь, что мне запрещено говорить на работе. Ты что, слетела с катушек?

— Нет. Просто захотелось услышать дружеский голос.

— Он настолько ужасен?

— Трина, он меня ненавидит. Смотрит на меня как на дохлую мышь, которую притащила кошка. И он даже не пьет чай. Я от него прячусь.

— Ушам своим не верю.

— Что?

— Просто поговори с ним, идиотка. Ну конечно, он несчастен. Он застрял в чертовом инвалидном кресле. А от тебя, наверное, никакого проку. Просто поговори с ним. Узнай его получше. Что такого может случиться?

— Не знаю... Не знаю, выдержу ли.

— Я не собираюсь говорить маме, что ты не проработала и полдня. Тебе ничего не заплатят, Лу. Ты не можешь уйти. Мы не можем тебе этого позволить.

Она была права. Я осознала, что ненавижу сестру.

Последовало краткое молчание. Голос Трины стал непривычно ласковым. Это и вправду беспокоило. Это означало, что она в курсе: у меня худшая работа на свете.

— Послушай, — сказала она. — Всего шесть месяцев. Продержишься шесть месяцев, получишь плюстик в резюме и сможешь найти работу по душе. И к тому же... если подумать, разве это не лучше, чем работать по ночам на птицефабрике?

— Ночи на птицефабрике — просто праздник по сравнению с...

— Мне пора, Лу. До встречи.

— Как насчет прогуляться? Можно взять машину.

Натан ушел почти полчаса назад. Я мыла чашки из-под чая целую вечность, и мне казалось, что, если я проведу еще один час в этом мертвом доме, у меня взорвется голова.

— Куда прогуляться? — Он повернулся ко мне.

— Ну, не знаю. Давайте просто прокатимся за город.

Иногда, как в данном случае, я делала вид, будто я Трина. Она очень спокойный и компетентный человек, и поэтому ей никто не перечит. Мне казалось, я говорю профессионально и оптимистично.

— За город, — как бы размышляя, повторил он. — И что мы увидим? Несколько деревьев? Кусочек неба?

— Не знаю. А что вы обычно делаете?

— Я ничего не делаю, мисс Кларк. Я больше не могу ничего делать. Я просто существую.

— Ну, — начала я, — мне сказали, что у вас есть машина, адаптированная для инвалидной коляски.

— И вы боитесь, что она сломается, если не ездить на ней каждый день?

— Нет, но я...

— Вы хотите сказать, что мне не стоит все время сидеть дома?

— Я только подумала...

— Вы подумали, что мне не повредит прокатиться? Подышать свежим воздухом?

— Я только пытаюсь...

— Мисс Кларк, моя жизнь не слишком улучшится от автомобильной прогулки по стортфолдским проселкам. — Уилл отвернулся.

Он вжал голову в плечи, и я задумалась, удобно ли ему. Но момент был неподходящий, чтобы спрашивать. Мы сидели в молчании.

— Принести вам компьютер?

— Что, подумали о группах поддержки для квадриплегиков? «Паралитики, но не нытики»? «Жизнь на колесах»?

— Ладно... хорошо... — Я глубоко вдохнула, стараясь говорить уверенно. — Учитывая, что нам предстоит проводить много времени вместе, быть может, нам стоит лучше узнать друг друга...

Выражение его лица заставило меня запнуться. Он смотрел в стену перед собой, и у него дергался подбородок.

— Просто... это и правда немало времени. Целый день, — продолжила я. — Возможно, если вы расскажете о том, что любите делать, что вам нравится, я смогу... устроить все по вашему вкусу?

На этот раз тишина была мучительной. Я следила, как она медленно поглощает мой голос, и не могла придумать, куда девать руки. Трина и ее компетентная манера поведения испарились.

Наконец инвалидное кресло загудело, и Уилл медленно повернулся ко мне.

— Итак, вот что я знаю о вас, мисс Кларк. Моя мать утверждает, что вы очень разговорчивы. — По его тону казалось, будто это физический недостаток. — Давайте заключим сделку. Вас не затруднит быть неразговорчивой рядом со мной?

Я сглотнула, мое лицо пылало.

— Хорошо, — сказала я, когда вновь обрела дар речи. — Я буду на кухне. Если вам что-нибудь понадобится, просто позовите.

— Я не верю, что ты уже сдалась.

Я лежала на кровати поперек, задрав ноги на стену, как любила делать подростком. Я поднялась к себе сразу после ужина, что было на меня не похоже. С тех пор как родился Томас, они с Триной переехали в комнату побольше, а я оказалась в каморке, такой крохотной, что довольно было провести в ней полчаса, чтобы заработать приступ клаустрофобии.

Но я не хотела сидеть внизу с мамой и бабушкой, потому что мама все время поглядывала на меня с беспокойством и изрекала сентенции вроде: «Все наладится, дорогая» и «Любая работа в первый день утомительна». А ведь последние двадцать лет она не работала! Из-за нее я чувствовала себя виноватой, хотя ничего плохого не сделала.

— Я не говорила, что сдалась.

Как всегда, Трина ворвалась, не постучав, хотя мне приходилось тихонько стучаться к ней в дверь, на случай если Томас спит.

— А если бы я была голой? Ты бы хоть крикнула, если стучать не умеешь.

— Чего я там не видела? Мама думает, что ты хочешь уволиться.

— О боже, Трина. — Я спустила ноги со стены и приняла сидячее положение. — Это хуже, чем я думала. Он такой несчастный.

— Он не может двигаться. Ну конечно он несчастный.

— Да, но к тому же саркастичный и гадкий. Стоит мне что-нибудь сказать или предложить, как он смотрит на меня как на дуру или говорит что-нибудь, отчего я чувствую, себя двухлеткой.

— Наверное, ты ляпнула какую-нибудь глупость. Вам просто надо привыкнуть друг к другу.

— Ничего я не ляпнула. Я была очень осторожна. Да я вообще ничего не говорила, кроме: «Не хотите ли прокатиться?» и «Не желаете ли чашечку чая?».

— Ну, может, он со всеми так себя ведет поначалу. Погоди, пока он поймет, что ты пришла надолго. У них наверняка сменились толпы сиделок.

— Он даже не хочет, Чтобы я сидела с ним в одной комнате. Я не смогу, Катрина. Просто не выдержу. Ну правда... ты бы поняла, если бы видела.

Трина помолчала, не сводя с меня глаз. Она встала и выглянула за дверь, как будто проверяя, нет ли кого на площадке.

— Я подумываю вернуться в колледж, — наконец сказала она.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать смену темы.

— О боже, — сказала я. — Но...

— Я собираюсь взять ссуду, чтобы внести плату. Но мне могут дать специальную субсидию, потому что у меня есть Томас, и университет предлагает сниженную ставку, потому что... — Она пожала плечами, немного смутившись. — Они считают, что я могу преуспеть. Кто-то бросил курс экономики и менеджмента, и меня могут взять на его место с начала следующего семестра.

— А как же Томас?

— В кампусе есть детский сад. Мы можем жить в дотируемой квартире в общежитии и возвращаться сюда почти каждые выходные.

— Вот как. — Я чувствовала, что она наблюдает за мной, и не знала, что делать с выражением лица.

— Мне нестерпимо хочется снова использовать свой мозг. От кручения букетов у меня голова идет кругом. Я хочу учиться. Хочу стать лучше. И мне до смерти надоело, что руки мерзнут от воды.

Мы обе посмотрели на ее руки, розовые даже в тропическом климате нашего дома.

— Но...

— Да. Я не буду работать, Лу. Я не смогу дать маме ни гроша. Возможно... возможно, мне даже понадобится небольшая помощь родителей. — Теперь Трине стало явно не по себе. Она подняла на меня почти извиняющийся взгляд.

Мама внизу смеялась над чем-то по телевизору. Было слышно, как она выступает перед дедушкой. Она часто объясняла ему сюжет шоу, хотя мы не раз говорили, что это лишнее. У меня отнялся язык. Важность слов сестры доходила до меня медленно, но верно. Я словно пала жертвой мафии и наблюдала, как бетон медленно застывает вокруг моих ног.

— Мне правда нужно это сделать, Лу. Я хочу большего для Томаса, большего для нас обоих. И единственный способ чего-то добиться — это вернуться в колледж. У меня нет Патрика. И не факт, что будет, поскольку после рождения Томаса никто не проявил ко мне ни малейшего интереса. Я должна все сделать сама. — Когда я ничего не ответила, она добавила: — Ради меня и ради Томаса.

Я кивнула.

— Лу? Ну пожалуйста!

Я никогда не видела сестру такой. Мне стало на редкость плохо. Я подняла голову и растянула губы в улыбке.

— Конечно, ты права. — Голос казался чужим, когда я наконец заговорила. — Мне просто надо привыкнуть к нему. В первые дни всегда тяжело, правда?

Минули две недели, и жизнь вошла в определенную колею. Каждое утро я приезжала в Гранта-хаус к восьми, оповещала о своем появлении, а затем, после того как Натан заканчивал одевать Уилла, внимательно выслушивала наставления о лекарствах Уилла или, что более важно, о его настроении.

После ухода Натана я настраивала радио или телевизор для Уилла, отмеряла таблетки, иногда толкла их маленьким мраморным пестиком в ступке. Как правило, минут через десять Уилл давал понять, что мое присутствие его утомило. После этого я пробавлялась мелкими домашними делами, стирала еще чистые кухонные полотенца или вычищала плинтуса и подоконники с помощью различных насадок для пылесоса, с религиозным рвением заглядывая к Уиллу каждые пятнадцать минут, как велела миссис Трейнор. Он неизменно сидел в кресле и смотрел на поблекший сад.

Позже я приносила ему воду или один из высококалорийных напитков, которые должны были поддерживать его вес и напоминали клейстер для обоев пастельного цвета, либо еду. Он мог немного шевелить кистями, но не руками, поэтому приходилось кормить его с ложечки. Это было самой неприятной частью дня. Мне почему-то казалось странным кормить взрослого мужчину, и от смущения я становилась неловкой и неуклюжей. Уилл ненавидел эти минуты так сильно, что даже не смотрел мне в глаза.

Ближе к часу возвращался Натан, и я, схватив куртку, выбегала на улицу. Иногда я обедала на автобусной остановке у замка. Было холодно, и я, наверное, представляла собой жалкое зрелище, ютясь с сэндвичами на жердочке, но мне было все равно. Я была не в силах провести в этом доме целый день.

Во второй половине дня я ставила фильм — Уилл был членом DVD-клуба, и новые фильмы приходили по почте каждый день, — но он ни разу не предложил мне посмотреть кино вместе, так что обычно я сидела на кухне или в гостевой комнате. Я стала брать с собой книгу или журнал, но испытывала странное чувство вины, оттого что бью баклуши, и не могла сосредоточиться на тексте. Иногда ближе к вечеру заглядывала миссис Трейнор... Впрочем, со мной она почти не разговаривала, только спрашивала, все ли в порядке, явно ожидая утвердительного ответа.

Она спрашивала Уилла, не нужно ли ему чего-то, иногда предлагала занятие на завтра — прогулку или встречу с другом, который спрашивал о

его здоровье, — а он почти всегда пренебрежительно, если не грубо отказывался. Казалось, его слова причиняют ей боль, она теребила тонкую золотую цепочку и вновь исчезала.

Его отец, пухлый кроткий мужчина, обычно появлялся, когда я уже уходила. Такого мужчину легко представить в панаме, смотрящим крикетный матч. Вроде бы он заведовал делами замка, с тех пор как оставил хорошо оплачиваемую работу в городе. Наверное, чтобы «не потерять навык», подобно тому как великодушный землевладелец время от времени выкапывает картофелину-другую. Он заканчивал работать ровно в пять вечера и садился смотреть телевизор с Уиллом. Иногда мне в спину летело какое-нибудь замечание об увиденном в новостях.

За эти первые недели я узнала Уилла Трейнора ближе. Я заметила, что он, похоже, решил выглядеть совсем иначе, чем прежде: его светло-каштановые волосы торчали неопрятной копной, подбородок зарос щетиной. Серые глаза — из-за усталости или постоянного недомогания — окружала сетка морщин. Натан сказал, что Уилл редко чувствует себя хорошо. Глаза Уилла казались пустыми, как у человека, всегда на несколько шагов отстоящего от окружающего мира. Иногда мне думалось, что это защитный механизм, поскольку единственный способ примириться с подобной жизнью — сделать вид, будто это происходит не с тобой.

Мне хотелось его пожалеть. Правда хотелось. Когда я замечала, как он смотрит в окно, мне казалось, что он самый печальный человек на свете. С течением времени я поняла, что его состояние связано не только с сидением в кресле и утратой физической свободы, но и с бесконечной вереницей унижений и проблем со здоровьем, опасностей и дурного самочувствия. Я решила, что на месте Уилла тоже была бы ужасно несчастна.

Но Боже праведный, как гнусно он со мной обращался! На любые мои слова у него находился ядовитый ответ. Если я спрашивала, тепло ли ему, он рывкал, что вполне в состоянии попросить второе одеяло в случае необходимости. Если я спрашивала, не слишком ли громко гудит пылесос — я не хотела мешать смотреть фильм, — он спрашивал, не изобрела ли я способ пылесосить бесшумно. Когда я кормила его, он жаловался, что еда слишком горячая или слишком холодная или что я пихаю в него новую ложку до того, как он проглотил предыдущую. Уилл умел повернуть почти все, что я говорила или делала, таким образом, чтобы выставить меня дурой.

За эти первые недели я научилась сохранять невозмутимое выражение лица. Просто поворачивалась и уходила в другую комнату и говорила с ним

как можно меньше. Я начала его ненавидеть и уверена, что он это понимал.

Я не подозревала, что смогу скучать по своей старой работе еще больше, чем прежде. Мне не хватало Фрэнка и его искренней радости при виде меня по утрам. Не хватало клиентов, их общества и непринужденной беседы, которая вздымалась и опадала вокруг, подобно ласковому морю. Этот дом, дорогой и красивый, был неподвижным и тихим, как морг.

«Шесть месяцев, — повторяла я про себя, когда мне становилось невыносимо. — Шесть месяцев».

Как-то раз, в четверг, когда я смешивала высококалорийный напиток, который Уилл принимал поздним утром, в коридоре раздался голос миссис Трейнор. Но были и другие голоса. Я прислушалась, стиснув вилку, и смогла различить женский голос, молодой, с аристократическим выговором, и мужской.

Миссис Трейнор появилась в дверях кухни, и я притворилась, будто занята делом, оживленно взбивая содержимое стаканчика.

— Шестьдесят частей воды и сорок частей молока? — Она впиалась глазами в напиток.

— Да. Это клубничный.

— К Уиллу заглянули друзья. Наверное, вам лучше...

— У меня хватает занятий на кухне.

По правде говоря, я испытала немалое облегчение оттого что буду избавлена от его общества на час или около того. Я накрутила крышку на стаканчик.

— Ваши гости не желают чая или кофе?

— Да. — Она почти удивилась. — Это было бы очень кстати. Кофе. Пожалуй, я...

Миссис Трейнор казалась даже более напряженной, чем обычно, ее взгляд метнулся к коридору, откуда доносилось тихое бормотание. Вряд ли к Уиллу часто заходят друзья.

— Наверное... я оставлю их одних. — Она выглянула в коридор, явно думая о чем-то другом. — Руперт. Это Руперт, старый друг с работы. — Она внезапно повернулась ко мне. Наверное, это почему-то было важно, и ей надо было с кем-то поделиться, хотя бы и со мной. — И Алисия. Они были... очень близки... какое-то время. Кофе был бы очень кстати. Благодарю, мисс Кларк.

Я мгновение помедлила, прежде чем открыть дверь бедром, удерживая в руках поднос.

— Миссис Трейнор сказала, что вы не отказались бы от кофе, —

произнесла я, входя и опуская поднос на низенький столик.

Я вставила стаканчик Уилла в держатель на кресле, повернув соломинку таким образом, что он мог достать ее губами, и украдкой покосилась на гостей.

Сначала я обратила внимание на женщину. Длинноногая блондинка с бронзовой кожей. Такие женщины заставляют меня задуматься, действительно ли все люди принадлежат к одному биологическому виду. Скаковая лошадь в человеческом обличье. Я иногда встречала таких женщин: как правило, они взбирались по холму к замку, таща за собой маленьких детишек, одетых в «Боден»,^[20] а после звенели на все кафе хрустально-чистыми невозмутимыми голосами: «Гарри, милый, как насчет кофе? Хочешь, я узнаю, готовят ли здесь макиато?»^[21] Передо мной, несомненно, была женщина-макиато. От нее веяло деньгами, уверенностью, будто ей все должны, и жизнью, сошедшей со страниц глянцевого журнала.

Затем я взглядела в нее повнимательнее и, вздрогнув, поняла, что это: а) женщина с лыжной фотографии Уилла и б) ей очень, очень не по себе.

Женщина поцеловала Уилла в щеку и отступила, натянуто улыбаясь. На ней был жилет из стриженного барашка (я в таком напоминала бы йети) и светло-серый кашемировый шарф, который она принялась теревить, как будто не могла решить, размотать его или нет.

— Неплохо выглядишь, — сказала она Уиллу. — Правда. Ты... немного оброс.

Уилл промолчал. Просто смотрел на нее, и лицо его было непроницаемым, как всегда. Я на мгновение исполнилась благодарности, что он не только на меня так смотрит.

— Новое кресло, да? — мужчина похлопал кресло Уилла по спинке, выпятив подбородок и одобрительно кивая, как будто, восхищался первоклассным спортивным автомобилем. — Выглядит... чертовски замысловатым. Чертовски... продвинутым.

Я не знала, что делать. Секунду постояла, переминаясь с ноги на ногу, пока голос Уилла не нарушил тишину.

— Луиза, вы не могли бы подбросить дров в огонь? По-моему, он начал угасать. — Он впервые назвал меня по имени.

— Конечно, — откликнулась я.

Я захлопотала у печки, выбирая из корзины деревяшки подходящего размера.

— Боже, ну и холод на улице, — заметила женщина. — Что может

быть лучше живого огня!

Я открыла дверцу печки и пошевелила тлеющие угли кочергой.

— Здесь определенно на несколько градусов холоднее, чем в Лондоне.

— Определенно, — согласился мужчина.

— Я собиралась купить печку. Она намного эффективнее, чем открытый огонь. — Алисия чуть наклонилась, чтобы осмотреть печку, как будто никогда их раньше не видела.

— Да, я тоже об этом слышал, — подтвердил мужчина.

— Надо заняться этим вопросом. Вечно откладываешь, а потом... — Она умолкла.

— Чудесный кофе, — добавила Алисия после паузы.

— Ну... что поделяешься, Уилл? — В голосе мужчины чувствовалась нарочитая веселость.

— Почти ничего, как ни странно.

— А физиотерапия и так далее? Не отлыниваешь? Тебе... становится лучше?

— Вряд ли я скоро встану на лыжи, Руперт. — Голос Уилла сочился сарказмом.

Я чуть не улыбнулась. Узнаю старину Уилла! Я принялась сметать пепел с пола перед камином. Мне казалось, все наблюдают за мной. Тишина давила. Может, у меня ярлычок торчит из-за шивороты? Я подавила желание проверить.

— Итак... — наконец сказал Уилл. — Чему обязан удовольствием? Прошло... восемь месяцев?

— О да, я знаю. Прости. Я была... ужасно занята. У меня новая работа в Челси. Управляю бутиком Саши Голдстайн. Помнишь Сашу? По выходным я тоже много работала. Столько дел по субботам! Ни минутки не выкроить. — Голос Алисии стал ломким. — Я звонила пару раз. Мать тебе говорила?

— У нас в «Левинс» такая карусель закрутилась! Ты... ты и сам знаешь, как это бывает, Уилл. У нас новый партнер. Парень из Нью-Йорка. Бейнс. Дэн Бейнс. Вы с ним встречались?

— Нет.

— Чертов парень, похоже, работает двадцать четыре часа в сутки и от остальных ожидает того же. — Мужчина явно испытал облегчение, направив разговор в привычное русло. — Ты же знаешь рабочую этику янки — больше никаких долгих обеденных перерывов, никаких грязных шуток... Уилл, ты не поверишь. Совсем другая атмосфера стала.

— Неужели?

— О боже, да. Самый настоящий презентеизм.^[22] Иногда мне страшно встать со стула.

Я встала и вытерла ладони о джинсы.

— Пойду... принесу еще дров, — пробормотала я примерно в сторону Уилла. Подхватила корзину и сбежала.

На улице было морозно, но я не спешила, старательно выбирая деревяшки, чтобы убить время. Я пыталась решить, что лучше — отморозить палец-другой или вернуться в комнату. Но было слишком холодно. Указательный палец, которым я пользовалась при шитье, посинел первым, и наконец пришлось признать поражение. Я как можно медленнее несла дрова по коридору. Подходя к гостиной, я услышала женский голос сквозь приоткрытую дверь.

— Вообще-то, Уилл, мы пришли не просто так, — говорила она. — У нас... новость.

Я помедлила у двери, обхватив корзину с дровами.

— Я подумала... то есть мы подумали... что нужно сказать тебе... а, ладно, дело вот в чем. Мы с Рупертом собираемся пожениться.

Я застыла на месте, прикидывая, можно ли развернуться так, чтобы меня не слышали.

— Послушай, я знаю, для тебя это шок, — сбивчиво продолжала женщина. — Если честно, для меня тоже. Мы... ну... это началось далеко не сразу...

У меня заболели руки. Я посмотрела на корзину, пытаюсь сообразить, что делать.

— Ты же знаешь, мы... с тобой... — Снова тяжелое молчание. — Уилл, пожалуйста, скажи что-нибудь.

— Поздравляю, — наконец произнес он.

— Я знаю, что ты думаешь. Но мы ничего такого не планировали. Честно. Мы ужасно долго были просто друзьями. Друзьями, которые беспокоились о тебе. Просто Руперт стал для меня надежной опорой после несчастного случая с тобой...

— Как благородно.

— Не надо так говорить. Это просто ужасно. Я так боялась тебе рассказывать. Мы оба боялись.

— Очевидно, — равнодушно заметил Уилл.

— Послушай, — раздался голос Руперта, — мы пришли только потому, что беспокоимся о тебе. Не хотели, чтобы ты слышал от кого-то другого. Но, знаешь ли, жизнь продолжается. Ну конечно знаешь. В конце концов, прошло два года.

Молчание. Я поняла, что не хочу ничего больше слышать, и начала тихонько отступать от двери, побряхтывая от напряжения. Но Руперт заговорил громче, и я все равно его услышала.

— Ну же, приятель. Я знаю, это ужасно тяжело... все это... Но если тебе не плевать на Лиссу, ты должен желать ей добра.

— Скажи что-нибудь, Уилл. Пожалуйста.

Я словно видела его лицо, одновременно непроницаемое и с легкой примесью презрения.

— Поздравляю, — наконец сказал он. — Уверен, вы будете очень счастливы вместе.

Алисия начала невнятно протестовать, но Руперт ее прервал:

— Идем, Лисса. Нам лучше уйти. Уилл, ты не думай, что мы явились за благословением. Это простая вежливость. Лисса считала... то есть мы оба считали... что тебе надо знать. Извини, старина. Я... я надеюсь, что твои дела наладятся и что ты меня найдешь, когда... ну, ты знаешь... когда все немного уляжется.

Я услышала шаги и склонилась над корзиной с дровами, как будто только что вошла. В коридоре раздался шум, и передо мной появилась Алисия. Ее глаза были красными, как будто она собиралась расплакаться.

— Можно мне воспользоваться ванной? — Ее голос был хриплым и сдавленным.

Я медленно подняла палец и молча ткнула им в сторону ванной.

Она пристально взглянула на меня, и я поняла, что, вероятно, мои чувства отразились на лице. Я никогда не умела их скрывать.

— Я знаю, о чем вы думаете, — помолчав, произнесла она. — Но я старалась. Правда старалась. Много месяцев. А он только отталкивал меня. — Алисия выпятила подбородок, и лицо ее, как ни странно, стало разъяренным. — Он действительно не хотел, чтобы я была рядом. Он ясно дал это понять. — Она словно ждала от меня ответа.

— Это не мое дело, — наконец произнесла я.

Мы стояли лицом к лицу.

— Знаете, помочь можно только тому, кто готов принять помощь, — сказала она.

С этими словами она ушла.

Я подождала пару минут, слушая шелест колес машины по подъездной дорожке, и направилась на кухню. Я поставила чайник на огонь, хотя вовсе не хотела чаю. Полистала журнал, который уже читала. Наконец я вернулась в коридор, кряхтя, подняла корзину с дровами и потащила ее в гостиную, чуть стукнув по двери, прежде чем войти, чтобы сообщить

Уиллу о своем вторжении.

— Я хотела спросить, не нужно ли вам... — начала я.

Но в комнате никого не было.

Совсем никого.

И тогда я услышала грохот. Я выбежала в коридор, и грохот раздался снова, а за ним звон стекла. Шум доносился из спальни Уилла. О боже, только бы он не поранился. Я запаниковала — предупреждение миссис Трейнор гудело у меня в голове. Я оставила Уилла одного больше чем на пятнадцать минут.

Я пробежала по коридору и замерла в дверях, цепляясь за косяк обеими руками. Уилл сидел посреди комнаты, выпрямив спину. На подлокотниках кресла лежала трость, выступая на восемнадцать дюймов влево, — настоящее турнирное копьё. На длинных полках не осталось ни одной фотографии, разбитые дорогие рамки были раскиданы по полу, из ковра торчали сверкающие осколки стекла. Колени Уилла были усыпаны стеклянным крошечком и деревянными щепками. Я разглядывала сцену разрушения, и мой пульс постепенно замедлялся, по мере того как до меня доходило, что Уилл не пострадал. Он тяжело дышал, как будто потратил немало сил, чтобы учинить разгром.

Он повернулся ко мне в кресле, хрустя стеклом. Наши взгляды встретились. Его глаза были бесконечно усталыми. «Только попробуй меня пожалеть», — как бы говорили они.

Я посмотрела на его колени, а затем на пол вокруг. Мне показалось, что я разглядела их с Алисией фотографию — лицо женщины было закрыто погнутой серебряной рамкой, неотличимое от других жертв.

Я сглотнула, глядя на пол, и медленно подняла глаза. Наши взгляды скрестились на несколько секунд, показавшихся вечностью.

— Не боитесь проколоть шины? — наконец спросила я, кивнув на кресло. — А то я понятия не имею, куда задевала домкрат.

Его глаза расширились. На мгновение мне показалось, что я все испортила. Но на его лице мелькнула слабая тень улыбки.

— Ладно, не двигайтесь, — сказала я. — Схожу за пылесосом.

Я услышала, как трость упала на пол. Когда я выходила из комнаты, мне показалось, что Уилл произнес: «Извините».

В «Голове короля» всегда было полно народу вечером в четверг, а в углу кабинета — и того теснее. Я сидела между Патриком и каким-то парнем по имени Раттер, время от времени поглядывая на бляшки с конской упряжи, прибитые к дубовым балкам над головой, и на

фотографии замка, развешанные по перекладинам. Я пыталась делать вид, будто меня хоть немного интересует разговор, посвященный главным образом проценту жира в организме и углеводной нагрузке.

Я всегда считала собрания «Титанов триатлона из Хейлсбери», проходившие раз в две недели, худшим кошмаром владельца паба. Алкоголь пила только я, и мой одинокий пакетик из-под хрустящего картофеля валялся, скомканный, на столе. Остальные потягивали минеральную воду или изучали соотношение подсластителей в диетической коле. Когда они наконец заказывали еду, в салатах нельзя было найти и капли масла, чтобы смазать листья, и со всех кусочков курицы была жестоко ободрана кожа. Я часто заказывала чипсы, просто чтобы посмотреть, как остальные делают вид, будто им совсем не хочется.

— Фил скис миль через сорок. Утверждает, будто слышал голоса. Ноги словно свинцовые. Вы бы видели его лицо — как у зомби.

— Я тут примерил эти новые японские балансирующие кроссовки. Срезал пятнадцать минут с десятимильной дистанции.

— Умоляю, забудьте о мягких велосипедных чехлах. Найджел заявился с таким в лагерь триатлонистов — не отличить от чертова портпледа.

Не могу сказать, что мне нравились собрания «Титанов триатлона», но с моей сверхурочной работой и расписанием тренировок Патрика они были одной из редких возможностей его видеть. Он сидел рядом со мной, его мускулистые бедра были обтянуты шортами, несмотря на страшный холод на улице. Для членов клуба было делом чести носить как можно меньше одежды. Мужчины были жилистыми и хвастали загадочными и дорогими спортивными нарядами, обладавшими превосходным впитыванием влаги или исключительной легкостью. Их звали Скад или Триг, и они сгибали друг перед другом части тела, демонстрируя травмы или декларируемый рост мышц. Девушки не применяли косметики, и лица их были красными от долгих пробежек по морозу. Они смотрели на меня с легким отвращением... или даже с непониманием, несомненно прикидывая в уме мое соотношение жира и мышц и находя его далеким от идеала.

— Это было ужасно, — сказала я Патрику, размышляя, можно ли заказать чизкейк и избежать убийственных взглядов. — Его девушка и его лучший друг.

— Ты не можешь ее винить, — возразил он. — Ты же не останешься со мной, если меня парализует ниже шеи.

— Разумеется, останусь.

— Нет, не останешься. И я не стал бы от тебя этого требовать.

— А я все равно осталась бы.

— Но я бы этого не хотел. Я бы не хотел, чтобы кто-то оставался со мной из жалости.

— При чем тут жалость? Ты был бы тем же самым человеком.

— Нет, не был бы. Я стал бы совершенно другим. — Патрик сморщил нос. — Мне не хотелось бы жить. Я бы зависел от других даже в мелочах. Когда чужие люди подтирают тебе зад...

Между нами влез мужчина с бритой головой:

— Пат, ты пробовал новый гелевый напиток? На прошлой неделе он взорвался у меня в рюкзаке. В жизни не видел ничего подобного.

— Нет, не пробовал, Триг. Бананы и «Лукозейд»^[23] — вот мой выбор.

— Даззер пил диетическую колу на триатлоне «Норвежец».^[24] А на трех тысячах футов его стошнило. Вот смеху было!

Я вяло улыбнулась.

Бритоголовый исчез, и Патрик снова повернулся ко мне, явно продолжая обдумывать судьбу Уилла.

— Боже. Ты только подумай, чего я лишился бы... — покачал он головой. — Никакого бега, никакого велосипеда. — Он посмотрел на меня, как будто только что сообразил. — Никакого секса.

— Почему же? Просто женщина должна быть сверху.

— Ну, значит, точно никакого секса.

— Смешно.

— Кроме того, если ты парализован ниже шеи, наверное... гм... хозяйство не работает как надо.

Я подумала об Алисии. «Я старалась, — сказала она. — Правда старалась. Много месяцев».

— Уверена, это зависит от человека. В любом случае должен найтись способ, если... проявить творческий подход.

— Ха! — Патрик отпил воды. — А ты спроси его завтра. Слушай, ты говорила, что он ужасен. Возможно, он был ужасен еще до несчастного случая. Возможно, она бросила его именно поэтому. Тебе подобное не приходило в голову?

— Не знаю... — Я подумала о фотографии. — Они казались такой счастливой парой.

С другой стороны, разве фотография что-то доказывает? У меня стояла фотография в рамке, на которой я улыбалась Патрику, как будто он только что вынес меня из горящего дома, хотя на самом деле я назвала его хреном собачьим, а он искренне послал меня куда подальше.

Патрик утратил интерес к разговору.

— Эй, Джим... Джим, ты видел этот новый легкий велосипед? Как он тебе?

Я позволила ему сменить тему, думая о том, что сказала Алисия. Я без труда могла представить, как Уилл отталкивает ее. Но если ты любишь кого-то, разве не нужно быть с ним рядом? Помочь выбраться из депрессии? В болезни и здравии и так далее?

— Тебе взять еще выпить?

— Водку с тоником. Тоник без сахара, — добавила я, когда он поднял бровь.

Патрик пожал плечами и направился к бару.

Я начала испытывать легкое чувство вины, оттого что мы обсуждали моего работодателя. Особенно когда поняла, что ему, наверное, приходилось терпеть это постоянно. Невозможно удержаться от обсуждения самых интимных аспектов его жизни. Я отключилась. Разговор шел о тренировочных выходных в Испании. Я прислушивалась вполуха, пока не вернулся Патрик и не ткнул меня в бок.

— Как тебе эта идея?

— Какая?

— Выходные в Испании. Вместо Греции. Можешь расслабиться у бассейна, если сорок миль на велосипеде тебя не привлекают. Есть дешевые авиабилеты. Через шесть недель. Теперь, когда у тебя завелись деньжата...

— Ну, не знаю... — Я подумала о миссис Трейнор. — Не уверена, что мне позволят отлучиться так скоро.

— Тогда я съезжу один, если ты не против. Мне не повредит высотная тренировка. Я мечтаю о большем.

— О чем — о большем?

— О триатлоне. «Викинг экстрим». Шестьдесят миль на велосипеде, тридцать миль бегом и славный долгий заплыв среди северных льдин.

О «Викинге» говорили с уважением, его участники гордились травмами, словно ветераны давней и чертовски жестокой войны. Патрик едва не прищмокивал губами от предвкушения. Я покосилась на своего парня, и мне пришло в голову, не пришелец ли он. На мгновение мне показалось, что уж лучше бы он торговал всякой ерундой по телефону и не мог пройти мимо бензозаправки, не набив карманы батончиками «Марс».

— Ты собираешься в нем участвовать?

— А почему нет? Я никогда не был в лучшей форме.

Я вспомнила о бесконечных дополнительных тренировках... о долгих

разговорах о весе и дистанции, форме и выносливости. В последнее время привлечь внимание Патрика было особенно тяжело.

— Можешь пройти дистанцию вместе со мной, — предложил он, хотя мы оба знали, что он в это не верит.

— Это твоё дело, — сказала я. — Конечно. Участвуй, если хочешь.

И я заказала чизкейк.

Если я думала, что вчерашние события приведут к оттепели в Грантахаусе, то ошибалась.

Я широко улыбнулась Уиллу и бодро воскликнула: «Привет!», но он даже не удосужился отвернуться от окна.

— Плохой день, — пробормотал Натан, натягивая куртку.

Утро было мерзким, с нависшими тучами, дождь лениво стучал по стеклам, и сложно было представить, что солнце когда-нибудь проглянет. Даже мне было тоскливо в подобные дни. Неудивительно, что Уиллу приходилось ещё хуже. Я приступила к утренней рутине, постоянно напоминая себе, что это неважно. Разве обязательно, чтобы работодатель тебе нравился? Многим людям не нравится. Я подумала о начальнице Трины, серийной разведенке с напряженным лицом, которая следила, сколько раз сестра выходит в туалет, и отпускала едкие комментарии, если считала, что активность ее мочевого пузыря выходит за рамки разумного. Кроме того, я уже выдержала две недели. А значит, осталось всего пять месяцев и тринадцать рабочих дней.

Фотографии лежали аккуратной стопкой в нижнем ящике, куда я убрала их вчера, и теперь, сидя на корточках на полу, я начала раскладывать и разбирать их, прикидывая, какие рамки смогу починить. Я неплохо умею чинить вещи. К тому же мне казалось, что это неплохой способ убить время.

Я занималась этим минут десять, когда тихий гул электрического инвалидного кресла предупредил о появлении Уилла.

Он сидел в дверях и наблюдал за мной. Под его глазами залегли темные тени. Натан говорил, что иногда он почти не спит. Мне не хотелось думать, каково это — лежать в предрассветные часы в кровати, из которой не можешь выбраться, в компании одних лишь мрачных мыслей.

— Решила посмотреть, нельзя ли починить какие-нибудь рамки. — Стараясь выглядеть жизнерадостной, я подняла фотографию, на которой он прыгал с тарзанкой. «Ему нужен кто-то бодрый, кто-то оптимистичный».

— Зачем?

— Ну... мне показалось, — заморгала я, — что некоторые ещё можно

спасти. У меня с собой клей для дерева, на случай если вы разрешите попробовать. Или, если нужны новые, я могу во время обеденного перерыва сбежать в город и поискать замену. Или съездим вместе, если вы не против прогуляться...

— Кто вам велел их чинить? — пристально посмотрел на меня он.

«Ой-ой-ой», — подумала я.

— Я... я просто пыталась помочь.

— Вы хотели исправить то, что я сделал вчера.

— Я...

— Знаете что, Луиза? Было бы очень мило — хоть раз в жизни, — если бы кто-нибудь обратил внимание на то, чего хочу я. Я не случайно расколотил эти фотографии. Это не была попытка радикального изменения дизайна интерьера. Я действительно не хотел их больше видеть.

— Простите. — Я поднялась на ноги. — Я не подумала...

— Вы считали, что вам виднее. Все считают, будто знают, что мне нужно. «Давайте починим эти чертовы снимки. Пусть бедному инвалиду будет на что посмотреть». Я не желаю, чтобы эти чертовы снимки тарачились на меня каждый раз, когда я торчу в кровати, пока кто-нибудь не вынет меня оттуда. Ясно? Как по-вашему, вы в состоянии это усвоить?

Я сглотнула.

— Я не собиралась чинить снимок с Алисией... Я не настолько глупа... Просто мне показалось, что со временем вы можете...

— О боже... — Он отвернулся от меня, его голос был язвительным. — Избавьте меня от психотерапии. Идите и читайте свои чертовы желтые журнальчики, или чем вы там занимаетесь, когда не готовите чай.

Мои щеки пылали. Я смотрела, как он пытается вписаться в узкий коридор, и сама не знаю, как выпалила:

— Вовсе не обязательно вести себя как последний козел!

Слова повисли в тишине.

Кресло остановилось. После долгой паузы он дал задний ход и медленно повернулся лицом ко мне, держась за маленький рычаг управления.

— Что?

Я смотрела на него, и мое сердце колотилось.

— Вы дерьмово обошлись с друзьями. Прекрасно. Вероятно, они это заслужили. Но я-то стараюсь, как могу, день за днем. И буду очень признательна, если вы не станете портить мне жизнь, как всем остальным.

Глаза Уилла распахнулись чуть шире. Он немного помедлил, прежде чем открыть рот.

— А если я скажу, что вы мне не нужны?

— Меня наняли не вы. Меня наняла ваша мать. И если только она не скажет, что больше не нуждается в моих услугах, я останусь. Не потому, что мне есть до вас дело, и не потому, что мне нравится эта дурацкая работа, и не потому, что хочу изменить вашу жизнь, а потому, что мне нужны деньги. Ясно? Мне правда нужны деньги.

Лицо Уилла Трейнора почти не изменилось, но я заметила на нем удивление, как будто он не привык, чтобы с ним не соглашались.

«Вот черт, — подумала я, начиная понимать, во что влипла. — На этот раз я действительно все испортила».

Но Уилл только смотрел на меня, а когда я не отвернулась, еле слышно вздохнул, как будто собирался сказать что-то неприятное.

— Ладно, — произнес он и развернул кресло. — Просто положите фотографии в нижний ящик, хорошо? Все фотографии.

И с тихим гулом он исчез.

Когда тебя катапультирует в совершенно новую жизнь — или, по крайней мере, с размаху прижимает к чужой жизни, словно лицом к окну, — приходится переосмыслить, кто ты есть. Или каким тебя видят другие.

За четыре короткие недели интерес родителей ко мне поднялся на пару-тройку пунктов. Я стала каналом в другой мир. Особенно для мамы, которая каждый день расспрашивала меня о Гранта-хаусе и его укладе, подобно зоологу, методично изучающему неизвестное науке существо и его привычки. «Миссис Трейнор пользуется льняными салфетками во время еды?» — спрашивала она, или: «Как по-твоему, они пылесосят каждый день, как и мы?», или: «А что они делают с картофелем?».

По утрам мама провожала меня строгими наставлениями выяснить, какую марку туалетной бумаги они используют и сделаны ли простыни из смеси полиэстера и хлопка. Как правило, она была глубоко разочарована тем, что я толком не помню. Мама втайне была убеждена, что аристократы живут как свиньи, с тех пор как в шесть лет я рассказала ей о школьной подруге с изысканным выговором, мать которой запрещала нам играть в гостиную, «потому что мы поднимем пыль».

Когда я возвращалась с отчетом, что да, собаке определенно позволяют есть на кухне, и нет, Трейноры не моют переднее крыльцо каждый день, мама поджимала губы, косилась на отца и кивала с тихим удовлетворением, будто я только что подтвердила все ее подозрения насчет неопрятности высших классов.

В силу зависимости от моего дохода или, возможно, того факта, что родители знали, как сильно мне не нравится эта работа, ко мне стали относиться с чуть большим уважением. Особых преимуществ это не принесло — в случае папы это означало, что он перестал называть меня «толстой задницей», а в случае мамы — что обычно по возвращении домой меня ждала кружка чая.

Для Патрика и моей сестры ничего не изменилось — на меня по-прежнему сыпались насмешки, объятия, поцелуи и кислые мины. Я тоже не ощущала перемен. Я выглядела так же, как и раньше, и одевалась, по выражению Трины, как после боя без правил в благотворительном магазине.

Я понятия не имела, что обо мне думает большинство обитателей

Гранта-хауса. Уилл был непроницаем. Для Натана, вероятно, я оставалась всего лишь очередной наемной сиделкой. Он был достаточно дружелюбен, но близко не подпускал. Мне казалось, он сомневается, что я пробуду здесь долго. Мистер Трейнор вежливо кивал, когда мы встречались в прихожей, и время от времени спрашивал, нет ли на улицах пробок и хорошо ли я устроилась. Не уверена, что он узнал бы меня, если бы встретил в другой обстановке.

Но для миссис Трейнор — о боже! — для миссис Трейнор я, несомненно, была самым глупым и самым безответственным человеком на свете.

Это началось с фоторамок. Ничто в доме не ускользало от внимания миссис Трейнор, и я могла бы догадаться, что раздавленные рамки будут расценены как землетрясение. Она выпрашивала, как долго Уилл оставался один, что его спровоцировало, как быстро я устранила беспорядок. Она не то чтобы критиковала меня — она была слишком хорошо воспитана, даже чтобы просто повысить голос, — но все было предельно ясно по тому, как она медленно моргала, услышав мои ответы, и тихонько хмыкала в такт моим словам. Я ничуть не удивилась, когда Натан сказал, что она работает мировым судьей.

Она склонна думать, что мне лучше впредь не оставлять Уилла в одиночестве так долго, какой бы неловкой ни была ситуация. «Хм». Она склонна думать, что в следующий раз, протирая пыль, я не стану ставить вещи так близко к краю, что их можно будет случайно сбить на пол. «Хм». Похоже, она предпочитала верить, будто то была случайность. Миссис Трейнор выставила меня первоклассной идиоткой, и в результате я становилась первоклассной идиоткой в ее присутствии. Она всегда заходила, когда я что-нибудь роняла на пол или сражалась с кухонным таймером, либо стояла в коридоре со слегка недовольным видом, когда я возвращалась с улицы с дровами, как будто я отсутствовала намного дольше, чем на самом деле.

Как ни странно, ее отношение раздражало больше, чем грубость Уилла. Пару раз мне даже хотелось спросить напрямик, все ли в порядке.

«Вы сказали, что берете меня за бойкий нрав, а не за профессиональные навыки, — вертелось на языке. — Прекрасно, я порхаю с утра до вечера. Бодрая и жизнерадостная, как вы и хотели. Так в чем дело?»

Но Камилла Трейнор была не из тех женщин, с кем можно так разговаривать. К тому же во мне крепло подозрение, что в этом доме никто и никогда не говорит напрямик.

«У Лили, нашей предыдущей девушки, была прекрасная привычка жарить на этой сковородке два вида овощей одновременно», что означало: «Ты устраиваешь слишком много беспорядка».

«Как насчет чашечки чая, Уилл?» на самом деле означало: «Я понятия не имею, о чем с тобой говорить».

«Мне нужно разобрать бумаги» означало: «Ты был груб, и я намерена покинуть эту комнату».

Все это произносилось со слегка страдающим видом, и тонкие пальцы теребили цепочку с крестиком. Миссис Трейнор была такой сдержанной, такой отстраненной. Рядом с ней моя мама казалась Эми Уайнхаус.^[25] Я вежливо улыбалась, делая вид, что ничего не заметила, и выполняла работу, за которую мне платили. Или, по крайней мере, старалась.

— Какого черта вы пытаетесь накормить меня морковкой?

Я посмотрела на тарелку. Я разглядывала телеведущую и прикидывала, не выкрасить ли волосы в такой же цвет.

— Что? Ничего подобного.

— Нет, пытаетесь. Вы раздавили морковку и подмешали в подливку. Я все видел.

Я покраснела. Он был прав. Я сидела и кормила Уилла, и мы оба вполглаза следили за обеденным выпуском новостей. На обед был ростбиф с картофельным пюре. Мать Уилла велела положить на тарелку три вида овощей, хотя он четко сказал, что сегодня не хочет овощей. Кажется, вся еда, которую меня вынуждали готовить, была до отвращения сбалансирована по составу.

— Почему вы пытаетесь запихнуть в меня морковку?

— Я не пытаюсь.

— По-вашему, здесь нет морковки?

— Ну... — Я взглянула на крошечные оранжевые кусочки. — Есть...

Он ждал, подняв брови.

— Э-э-э... наверное, я думала, что овощи пойдут вам на пользу.

Отчасти я так ответила из уважения к миссис Трейнор, отчасти в силу привычки. Я привыкла кормить Томаса, пряча овощное пюре под горами картошки или внутри макарон. Каждый кусочек, который удавалось в него запихнуть, казался маленькой победой.

— Можно я уточню? Вы считаете, что чайная ложка морковки улучшит качество моей жизни?

Звучит и правда глупо. Но я привыкла не пугаться, что бы Уилл ни сказал или ни сделал.

— Я вас поняла, — спокойно ответила я. — Больше этого не

повторится.

И вдруг Уилл Трейнор расхохотался. Прямо взорвался смехом, как будто сам не ожидал.

— Господь всемогущий, — покачал он головой. Я глядела на него. — Что еще вы запихали мне в еду? Сейчас вы попросите меня открыть тоннель, чтобы Мистер Поезд мог доставить немного кашицы из брюссельской капусты на чертову Станцию Язык?

Я обдумала его слова.

— Нет, — с непроницаемым видом ответила я. — Я знакома только с Мистером Вилкой. Мистер Вилка совсем не похож на поезд.

Так несколько месяцев назад заявил ее племянник Томас.

— Вас заставила моя мать?

— Нет. Уилл, прошу, извините. Я просто... не подумала.

— Тоже мне редкость.

— Ладно-ладно. Я уберу чертову морковку, если она вас так расстраивает.

— Меня расстраивает не чертова морковка. Меня расстраивает, что ее подмешала мне в еду сумасшедшая, которая называет столовые приборы Мистером и Миссис Вилкой.

— Я пошутила. Послушайте, давайте я уберу морковку и...

— Я больше ничего не хочу. — Он отвернулся. — Просто заварите чай. И не пытайтесь подмешать в него чертов цуккини! — добавил он в спину.

Натан вошел, когда я заканчивала мыть посуду.

— Уилл в хорошем настроении, — заметил он, когда я протянула ему кружку.

— Неужели? — Я ела свои сэндвичи на кухне.

На улице было невыносимо холодно, и почему-то в последнее время дом казался уже не таким негостеприимным.

— Он говорит, что ты пытаешься его отравить. Но он сказал это... ну, знаешь... в хорошем смысле.

Как ни странно, слова Натана мне польстили.

— Ну... ладно... — постаралась я скрыть радость. — Дай только срок!

— И говорит он чуть больше, чем раньше. Он мог неделями не проронить ни слова, но в последние дни слегка разговорился.

Я вспомнила, как Уилл сказал, что, если я не перестану свистеть, ему придется сбить меня креслом.

— Пожалуй, большая разница, кого назвать разговорчивым — его или меня.

— Ну, мы немного поболтали о крикете. И вот что я тебе скажу. — Натан понизил голос. — С неделю назад миссис Ти спросила, как мне кажется, хорошо ли ты справляешься. Я ответил, что, по-моему, ты очень профессиональна, но я знаю, она имела в виду другое. А вчера она зашла и сказала, что слышала, как вы смеялись.

Я вспомнила прошлый вечер.

— Он смеялся надо мной, — поправила я.

Уилла рассмешило, что я не знала, что такое песто.^[26] Я сказала ему: «На ужин макароны в зеленой подливке».

— Да какая ей разница. Он так давно ни над чем не смеялся.

Это правда. Мы с Уиллом вроде наконец-то поладили. Заключалось это в том, что он грубил мне, а я иногда грубила в ответ. Он утверждал, что я плохо выполнила его просьбу, а я отвечала, что, если бы ему было не все равно, он попросил бы как следует. Он бранил меня, называл «гвоздем в заднице», а я парировала, что пусть попробует обойтись без этого «гвоздя» и посмотрим, как долго он протянет. Все это было немного наигранно, но, похоже, устраивало нас обоих. Иногда даже казалось, что Уилл испытывает облегчение, оттого что кто-то готов нагрубить ему, возразить или заявить, что он ведет себя ужасно. Видимо, после аварии все ходили вокруг него на цыпочках... кроме, может быть, Натана, к которому Уилл, похоже, машинально относился с уважением и который был неуязвим для любых ядовитых замечаний. Натан был бронированным автомобилем в человеческом обличье.

— Просто постарайся, чтобы он чаще над тобой насмеялся, хорошо?

— О, это не проблема. — Я поставила кружку в раковину.

Еще одной значительной переменой, не считая атмосферы в доме, было то, что Уилл уже не требовал так часто, чтобы я оставила его в покое, а пару раз даже предложил посмотреть с ним кино. Я охотно посмотрела «Терминатора», хотя уже видела все части, но, когда Уилл указал мне на французский фильм с субтитрами, мельком глянула на обложку и вежливо отказалась.

— Почему?

— Я не люблю фильмы с субтитрами, — пожала я плечами.

— Это все равно что не любить фильмы с актерами. Не будьте дурой. Что именно вам не нравится? То, что нужно читать, а не только смотреть?

— Просто я не люблю иностранные фильмы.

— Чертов «Местный герой»^[27] — последний неиностранный фильм. Или, по-вашему, Голливуд — пригород Бирмингема?

— Смешно.

Уилл не мог поверить, когда я призналась, что ни разу не видела фильма с субтитрами. Но по вечерам у нас дома на пульт дистанционного управления претендовали родители, а Патрика легче было заманить на вечерние курсы вязания крючком, чем на показ иностранного фильма. В мультиплексе ближайшего городка показывали только свежие боевики или романтические комедии, и залы были настолько переполнены улюлюкающими подростками в толстовках с капюшонами, что большинство окрестных жителей редко туда заглядывали.

— Вы должны посмотреть этот фильм, Луиза. Собственно говоря, я вам приказываю. — Уилл откатился назад и кивнул на обычное кресло. — Садитесь. И не двигайтесь, пока фильм не закончится. Ни разу не видела иностранного фильма! Боже праведный, — пробормотал он.

Это был старый фильм о горбуне, который унаследовал дом в деревенской глуши, и Уилл сказал, что он снят по знаменитой книге, о которой я никогда не слышала.^[28] Первые двадцать минут я никак не могла уgomониться. Меня раздражали субтитры, и я гадала, рассердится ли Уилл, если я скажу, что мне надо в туалет.

А потом что-то случилось. Я перестала думать о том, как сложно одновременно слушать и читать, забыла о расписании приема таблеток и о том, что миссис Трейнор может подумать, будто я отлыниваю, и начала переживать из-за несчастного горбуна и его семьи, над которыми издевались бессовестные соседи. К тому времени, как горбун умер, я тихонько рыдала, промочив соплями рукав.

— Ну что ж... — Уилл появился рядом и лукаво посмотрел на меня. — Вам совсем не понравилось.

Я подняла глаза и с удивлением обнаружила, что на улице стемнело.

— Теперь вы будете злорадствовать, — пробормотала я, потянувшись за коробкой с салфетками.

— Немного. Я просто удивлен, как вы могли достигнуть столь преклонного возраста и... Кстати, сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Вам двадцать шесть, и вы ни разу не видели фильма с субтитрами. — Он следил, как я промокаю глаза.

Я посмотрела на салфетку и обнаружила, что стерла всю тушь.

— Я не знала, что это обязательно, — проворчала я.

— Хорошо. И как же вы убиваете время, Луиза Кларк, если не смотрите фильмы?

— Хотите знать, чем я занимаюсь в нерабочее время? — Я скомкала

салфетку в кулаке.

— Разве не вы хотели, чтобы мы поближе узнали друг друга? Ну так расскажите о себе.

Как обычно, по его тону нельзя было понять, не издевается ли он. Похоже, пришло время расплаты.

— Зачем? — спросила я. — Откуда такой внезапный интерес?

— Господь всемогущий! Тоже мне государственная тайна. — Похоже, он начал злиться.

— Не знаю... — начала я. — Выпиваю в пабе. Немного смотрю телевизор. Смотрю, как мой парень бежит. Ничего особенного.

— Вы смотрите, как ваш парень бежит.

— Да.

— Но сами не бежите.

— Нет. Я для этого... — Я посмотрела на свою грудь. — Не приспособлена.

— Что еще? — улыбнулся он.

— В каком смысле еще?

— Хобби? Путешествия? Любимые места?

Уилл напоминал школьного консультанта по профориентации.

— У меня нет настоящих хобби. — Я пошевелила мозгами. — Немного читаю. Люблю наряжаться.

— Удобно, — сухо заметил он.

— Вы сами спросили. Нет у меня никаких хобби. — Как ни странно, я принялась защищаться. — Ничего я особо не делаю, ясно? Работаю и возвращаюсь домой.

— А где вы живете?

— По другую сторону замка. На Ренфру-роуд.

Уилл непонимающе смотрел на меня. Ну конечно! Две стороны замка — два мира.

— Это неподалеку от шоссе с двусторонним движением. Рядом с «Макдоналдсом».

Он кивнул, хотя вряд ли представлял, о чем я говорю.

— Отдых?

— Я съездила в Испанию с Патриком. Моим парнем, — добавила я. — В детстве мы не бывали дальше Дорсета. Или Тенби. Моя тетя живет в Тенби.

— И чего вы хотите?

— Чего я хочу?

— От жизни?

— Это вроде бы слишком личное, — заморгала я.

— Не обязательно вдаваться в подробности. Я не прошу вас заняться психоанализом. Просто спрашиваю: чего вы хотите? Выйти замуж? Нарожать спиногрызов? Сделать карьеру? объездить весь мир?

Последовала долгая пауза.

Наверное, я знала, что мой ответ его разочарует, еще до того, как произнесла:

— Не знаю. Никогда об этом толком не думала.

В пятницу мы отправились в больницу. Хорошо, что я не знала о визите Уилла к врачу до того, как пришла на работу, иначе не спала бы всю ночь, переживая из-за того, как повезу его туда. Я умею водить, это правда. Примерно так же, как говорить по-французски. Да, я сдала соответствующий экзамен. Но с тех пор использовала данный навык не чаще раза в год. Мысль о том, чтобы погрузить Уилла и его кресло в специальный микроавтобус и благополучно отвезти в соседний город и обратно, наполняла меня невыразимым ужасом.

Я неделями мечтала о том, чтобы вырваться из этого дома во время рабочего дня. Теперь же я была готова на что угодно, лишь бы никуда не ходить. Больничную карту Уилла я нашла среди папок с документами, имеющими отношение к его здоровью, — здоровенных толстых скоросшивателей с заголовками «Транспорт», «Страховка», «Как жить с инвалидностью» и «Врачи». Я вытащила карту и проверила — в ней стояла сегодняшняя дата. Во мне теплилась крошечная надежда, что Уилл ошибся.

— Ваша мать едет с нами?

— Нет. Она не ходит со мной по врачам.

Я не сумела скрыть удивления. Мне казалось, миссис Трейнор стремится контролировать все аспекты лечения своего сына.

— Раньше ходила, — пояснил Уилл. — Но мы заключили соглашение.

— А Натан едет?

Я стояла перед Уиллом на коленях. Я так нервничала, что заляпала его брюки едой, и теперь тщетно пыталась их вытереть, так что изрядная часть промокла насквозь. Уилл ничего не сказал, только попросил меня перестать извиняться, но я все равно продолжала дергаться.

— Зачем?

— Просто так.

Я не хотела, чтобы он знал, как мне страшно. Большую часть утра — обычно посвященную уборке — я читала и перечитывала инструкцию по эксплуатации кресельного подъемника и все же с ужасом ждала момента,

когда мне придется взять на себя ответственность и поднять Уилла на два фута в воздух.

— Хватит, Кларк. В чем дело?

— Ладно. Просто... просто я подумала, что на первый раз было бы неплохо, если бы рядом был кто-то опытный.

— В отличие от меня, — сказал он.

— Я не это имела в виду.

— Потому что я не имею ни малейшего представления, как за мной ухаживать?

— Вы умеете управлять подъемником? — спросила я напрямик. — Сможете сказать мне, что именно делать?

Уилл спокойно глядел на меня. Если он готовился к драке, то, похоже, передумал.

— Разумно. Да, Натан едет. Лишняя пара рук не помешает. К тому же я решил, что вы будете меньше психовать, если он будет рядом.

— Я вовсе не психую, — возразила я.

— Ну конечно. — Он глянул на свои колени, которые я продолжала промокать салфеткой. Соус от пасты я убрала, но ткань оставалась мокрой. — Теперь мне припишут недержание мочи?

— Я не закончила. — Я включила фен в розетку и направила раструб ему в промежность.

Уилла обдало горячим воздухом, и он поднял брови.

— Ну да, — сказала я. — У меня тоже были другие планы на вечер пятницы.

— Вы и правда напряжены? — (Я чувствовала, что он изучает меня.) — Выше нос, Кларк. Это мне, а не вам дуют раскаленным воздухом на гениталии.

Я не ответила.

— Да ладно, что такого может случиться? — перекрыл гул фена его голос. — В худшем случае я окажусь в инвалидном кресле.

Возможно, это звучит глупо, но я невольно рассмеялась. Неужели Уилл пытается меня подбодрить?

* * *

Снаружи автомобиль выглядел совершенно нормально, но при открытии задней пассажирской дверцы сбоку до самой земли опускался пандус. Под присмотром Натана я направила уличное кресло Уилла — у

него было отдельное кресло для поездок — прямо на пандус, проверила электрический тормоз-ограничитель и запрограммировала кресло на медленный подъем в машину. Натан сел на второе пассажирское место, пристегнул Уилла ремнями и зафиксировал колеса. Стараясь унять дрожь в руках, я сняла машину с ручного тормоза и медленно покатила по дорожке к больнице.

Вдали от дома Уилл словно стал меньше. На улице было морозно, и мы с Натаном закутали его в шарф и теплое пальто, но он все равно притих, выпятил подбородок и как-то съежился на открытом пространстве. Каждый раз, когда я поглядывала в зеркало заднего вида, то есть довольно часто, несмотря на то что Натан был рядом, я боялась, что кресло сорвется с креплений. Уилл с непроницаемым видом смотрел в окно. Даже когда машина глохла или резко тормозила, что случалось не раз, он только чуть морщился и ждал, когда я разберусь с управлением.

К тому времени, как мы добрались до больницы, я покрылась испариной. Я три раза объехала больничную парковку, подыскивая самый просторный участок, чтобы дать задний ход, пока не почувствовала, что мужчины начинают терять терпение. Наконец я опустила пандус, и Натан выкатил кресло Уилла на бетонированную площадку.

— Отличная работа! — Натан вышел из машины и хлопнул меня по спине, но мне было трудно ему поверить.

Некоторые вещи не замечаешь, пока не сопровождаешь человека в инвалидном кресле. Например, насколько ужасны почти все мостовые, пестрящие плохо заделанными дырами или просто неровные. Я медленно шла рядом с Уиллом, который ехал самостоятельно, и замечала, как он страдальчески дергается на каждом ухабе и как часто вынужден осторожно объезжать возможные преграды. Натан делал вид, что ничего не замечает, но я знала, что он тоже наблюдает. Уилл просто ехал с мрачным и решительным видом.

Другой неприятный момент — насколько эгоистичны почти все водители. Они паркуются напротив съездов с тротуара или так близко, что инвалидное кресло просто не сможет пролезть. Я была шокирована и пару раз едва не засунула какую-нибудь грубую записку под дворник, но Натан и Уилл, похоже, привыкли. Натан отыскивал подходящее место, и мы наконец перешли через дорогу, охраняя Уилла по бокам.

Уилл не произнес ни единого слова, с тех пор как мы вышли из дома.

Сама больница оказалась невысоким сверкающим зданием. Безупречно чистая приемная больше напоминала современный отель, возможно свидетельствуя о частной страховке. Я держалась позади, пока

Уилл называл секретарю свое имя, а затем последовала за ним и Натаном по длинному коридору. Натан нес большой рюкзак, в котором лежало все, что теоретически могло понадобится Уиллу во время короткого визита, от стаканчиков до запасной одежды. Натан собрал его утром у меня на глазах, подробно описывая все возможные неприятности.

«Да, хорошо, что это бывает нечасто», — сказал он, заметив мое потрясенное лицо.

К врачу я не пошла. Мы с Натаном сидели в удобных креслах у кабинета консультанта. Здесь не было больничного запаха, а в вазе на подоконнике стояли свежие цветы. Не какие-нибудь обычные цветы. Огромные экзотические штуковины, названия которых я не знала, искусно собранные в минималистические букеты.

— Чем они там занимаются? — спросила я через полчаса.

— Обычная полугодовая проверка, — оторвался от книги Натан.

— Проверяют, не стало ли ему лучше?

— Ему не становится лучше. — Натан положил книгу. — Поврежден спинной мозг.

— Но ты занимаешься с ним физиотерапией и прочим.

— Только чтобы поддерживать физическую форму, чтобы мышцы не атрофировались, из костей не вымывался кальций, кровь не застаивалась в ногах и так далее. — Когда Натан снова заговорил, его голос был мягким, как будто он опасался меня разочаровать. — Он никогда не будет ходить, Луиза. Чудеса случаются только в голливудских фильмах. Мы всего лишь пытаемся снять боль и сохранить ту скромную подвижность, которая у него есть.

— А Уилл делает то, что ты велишь? В смысле, физиотерапию? По-моему, он не хочет делать ничего, что я предлагаю.

— Делает, но, по-моему, вполсилы. — Натан сморщил нос. — Когда я поступил на работу, он был полон решимости. Реабилитация шла довольно неплохо, но после года без каких-либо улучшений, наверное, сложно верить, что дело того стоит.

— Как по-твоему, он не должен сдаваться?

— Честно? — Натан уставился в пол. — У него квадриплегия C_{5/6}. Это значит, что отсюда и ниже ничего не работает... — Он показал ладонью на верхнюю часть груди. — Спинной мозг пока не научились чинить.

Я смотрела на дверь, думая о лице Уилла, когда мы ехали под зимним солнцем, и о сияющем лице мужчины на фотографии с лыжного курорта.

— Но ведь медицина не стоит на месте? В смысле... в таких

заведениях... должны постоянно над этим работать.

— Это неплохая больница, — ровным тоном ответил он.

— Пока живу — надеюсь, да?

— Конечно, — посмотрел на меня Натан и снова уткнулся в книгу.

В четверть третьего по настоянию Натана я отправилась за кофе. Он сказал, что визит может затянуться надолго, и пообещал удерживать форт, пока я не вернусь. Я немного потянула время в приемной, листая журналы в газетном киоске, изучая шоколадные батончики.

Разумеется, на обратном пути я заблудилась и несколько раз спрашивала у медсестер дорогу, причем две из них ничем не смогли мне помочь. Когда я со стынувшим кофе оказалась на месте, в коридоре никого не было. Подойдя ближе, я заметила, что дверь кабинета консультанта приоткрыта. Я помедлила снаружи, но в ушах все время звучал голос миссис Трейнор, требующей, чтобы я не оставляла Уилла одного. Я снова не справилась.

— Итак, увидимся через три месяца, мистер Трейнор, — говорил голос. — Я изменил дозировку лекарств от спазмов, и вам обязательно сообщат по телефону результаты анализов. Возможно, в понедельник.

— Я могу купить их в аптеке внизу? — услышала я голос Уилла.

— Да. Вот рецепт. И эти тоже должны у них быть.

Женский голос:

— Забрать папку?

Я поняла, что дело близится к концу. Постучала, и кто-то велел мне войти. Ко мне повернулись две пары глаз.

— Прошу прощения, — приподнялся консультант со стула. — Я думал, это физиотерапевт.

— Я... сиделка Уилла, — сообщила я, топчась у двери. Натан в это время натягивал на Уилла рубашку. — Простите... Мне показалось, что вы закончили.

— Погодите минутку снаружи, Луиза, — раздался резкий голос Уилла.

Бормоча извинения, я с пылающим лицом попятилась.

Меня поразило не обнаженное тело Уилла, худое и покрытое шрамами. И не слегка недовольный вид консультанта — с таким же видом миссис Трейнор смотрела на меня день за днем, давая понять, что я все та же неуклюжая идиотка, сколько бы мне ни платили в час.

Нет, меня поразили синевато-багровые линии на запястьях Уилла, длинные неровные шрамы, которые невозможно было скрыть, как бы проворно Натан ни опустил рукава рубашки.

Снег пошел так неожиданно, что я вышла из дома под ясным синим небом, а менее чем через полчаса миновала замок, похожий на пряничный домик, густо залитый белой глазурью.

Я бесшумно брела по подъездной дорожке, не чувствуя пальцев ног и дрожа в слишком тонком китайском шелковом плаще. Вихрь крупных белых снежинок примчался из чугунно-серой дали, почти скрыв Грантахаус, заглушив звуки и неестественно замедлив мир. Машины за аккуратно подстриженной изгородью ехали с новообретенной осторожностью, пешеходы скользили и визжали на мостовых. Я натянула шарф на нос и пожалела, что не надела ничего практичнее балеток и бархатного короткого платья.

К моему удивлению, дверь открыл не Натан, а отец Уилла.

— Он в кровати, — сообщил мистер Трейнор, выглядывая из-под навеса крыльца. — Плохо себя чувствует. Я как раз думал, не позвонить ли врачу.

— А где Натан?

— У него выходной. И как назло, именно сегодня. Чертова медсестра из агентства явилась и умчалась ровно через шесть секунд. Если снег не прекратится, не знаю, что мы станем делать. — Мистер Трейнор пожал плечами, как будто и вправду ничего нельзя было поделать, и скрылся в коридоре, явно довольный, оттого что переложил ответственность на меня. — Вы же знаете, что ему нужно? — крикнул он через плечо.

Я сняла плащ и туфли и, поскольку знала, что миссис Трейнор в суде — она отметила соответствующие даты в расписании на кухне Уилла, — повесила мокрые носки на батарею. В корзине с чистым бельем нашлись носки Уилла. На мне они выглядели до смешного большими, но как же приятно было держать ноги сухими и в тепле! Уилл не ответил на мое приветствие, так что через некоторое время я приготовила ему попить, тихонько постучала и заглянула в дверь. В тусклом свете я с трудом разобрала очертания фигуры под одеялом. Он крепко спал. Я сделала шаг назад, закрыла за собой дверь и приступила к своим утренним обязанностям.

Моя мать, похоже, испытывала почти физическое удовлетворение от идеально прибранного дома. Я уже месяц пылесосила и убиралась каждый день, но до сих пор не понимала, что в этом хорошего. Наверное, я никогда

не доживу до момента, когда буду рада свалить уборку на кого-нибудь другого.

Но в такой день, как сегодня, когда Уилл был прикован к постели, а внешний мир словно замер, мне удалось обнаружить своего рода созерцательное удовольствие в том, чтобы пройти с тряпкой от одного конца флигеля до другого. Я протирала пыль, пылесосила и таскала за собой из комнаты в комнату радио, включив его совсем тихо, чтобы не потревожить Уилла. Время от времени я заглядывала к нему в комнату, просто чтобы удостовериться, что он дышит, и только к часу дня начала немного беспокоиться, когда он так и не проснулся.

Я наполнила дровяную корзину, отметив, что выпало уже несколько дюймов снега. Приготовила Уиллу свежее питье и постучала. Затем постучала еще раз, погромче.

— Да? — Голос был хриплым, как будто я его разбудила.

— Это я. Луиза, — добавила я, потому что он не ответил. — Можно войти?

— По-вашему, я тут танец семи покрывал^[29] танцую?

В комнате было темно, шторы до сих пор задернуты. Я вошла и подождала, пока привыкнут глаза. Уилл лежал на боку, одна рука согнута, словно он пытался приподняться, как и в прошлый раз, когда я заглядывала в комнату. Иногда было так легко забыть, что он не способен перевернуться самостоятельно. Его волосы торчали вбок, а одеяло было аккуратно подоткнуто. Запах теплого немытого мужского тела наполнял комнату — не то чтобы неприятный, но довольно странный для рабочего дня.

— Что-нибудь нужно? Хотите попить?

— Мне нужно сменить позу.

Я поставила питье на комод и подошла к кровати.

— Что... что я должна сделать?

Он старательно сглотнул, как будто ему было больно.

— Поднимите и переверните меня, затем поднимите спинку кровати. Смотрите... — Он кивнул, чтобы я подошла ближе. — Обхватите меня руками, сцепите кисти и тяните назад. Спиной прижимайтесь к кровати, чтобы не надорвать поясницу.

Разумеется, мне было не по себе. Я обняла Уилла, его запах наполнил мои ноздри, теплая кожа прижалась к моей. Сложно было быть еще ближе, разве что я начала бы покусывать его за ухо. При этой мысли мне захотелось истерично засмеяться, но я удержалась.

— Что?

— Ничего.

Я глубоко вдохнула, сцепила кисти и устроилась поудобнее. Он был шире, чем я ожидала, и почему-то тяжелее. Я сосчитала до трех и потянула назад.

— О боже! — фыркнул он мне в плечо.

— Что? — Я едва не уронила его.

— У вас ледяные руки.

— Ага. Если бы вы удосужились выбраться из кровати, то знали бы, что на улице идет снег.

Я наполовину шутила, но вдруг осознала, что его кожа горячая под футболкой — жар так и шел глубоко изнутри. Уилл слегка застонал, когда я уложила его на подушку, а ведь я старалась действовать как можно медленнее и осторожнее. Он указал на устройство дистанционного управления, которое должно было приподнять его голову и плечи.

— Только не сильно, — пробормотал он. — Голова кружится.

Не обращая внимания на вялые протесты, я включила прикроватную лампу, чтобы рассмотреть его лицо.

— Уилл... вы хорошо себя чувствуете? — Мне пришлось повторить вопрос дважды, прежде чем он ответил:

— Не лучший денек.

— Вам нужно обезболивающее?

— Да... и сильное.

— Как насчет парацетамола?

Он со вздохом откинулся на прохладную подушку.

Я подала ему стаканчик и проследила, чтобы он сделал глоток.

— Спасибо, — сказал он, и внезапно мне стало не по себе.

Уилл никогда меня не благодарил.

Он закрыл глаза, и некоторое время я просто стояла в дверях и смотрела на него. Его грудь вздымалась и опадала под футболкой, рот был слегка приоткрыт. Его дыхание было поверхностным и, возможно, чуть более затрудненным, чем в другие дни. Но я никогда не видела его не в кресле. Возможно, это как-то связано с давлением, когда он лежит на спине?

— Идите, — пробормотал он.

Я вышла.

Я прочитала журнал, поднимая голову, только чтобы посмотреть, как снег засыпает дом, ложится пушистыми сугробами на подоконники. В половине первого мама прислала эсэмэску, что отец не смог выехать на дорогу. «Позвони перед выходом», — потребовала она. Интересно, что она

собиралась сделать? Отправить папу навстречу с санками и сенбернардом?

Я прослушала по радио местные новости об автомобильных пробках, задержках поездов и временном закрытии школ, вызванных внезапным бураном. Затем вернулась в комнату Уилла и осмотрела его еще раз. Цвет его кожи мне не понравился. Он был бледен, а на скулах горели алые пятна.

— Уилл? — тихо окликнула я.

Он не пошевелился.

— Уилл?

Я начала испытывать легкие приступы паники. Я еще два раза позвала его по имени, громко. Ответа не было. Наконец я склонилась над ним. Его лицо было неподвижным, грудь, кажется, тоже. Дыхание. Я наверняка смогу почувствовать его дыхание. Я всмотрелась в его лицо, пытаюсь уловить вдох. Ничего. Я осторожно коснулась его лица рукой.

Он вздрогнул, его глаза распахнулись всего в нескольких дюймах от моих.

— Простите, — отшатнулась я.

Он заморгал и оглядел комнату, как будто был вдали от дома.

— Я Лу, — сообщила я, когда мне показалось, что он меня не узнает.

— Я в курсе. — На его лице было написано легкое раздражение.

— Хотите супа?

— Нет. Спасибо. — Он закрыл глаза.

— Еще обезболивающего?

Его скулы чуть блестели от пота. Я пощупала одеяло, и оно показалось мне горячим и влажным. Я занервничала.

— Я могу чем-нибудь помочь? В смысле, если Натан не приедет?

— Нет... Все в порядке, — пробормотал он и снова закрыл глаза.

Я пролистала папку на случай, если что-то забыла. Открыла шкафчик с лекарствами, коробки с резиновыми перчатками и марлевыми повязками и поняла, что даже не представляю, как мне быть. Я позвонила по интеркому отцу Уилла, но звонок растворился в пустом доме. Его эхо гуляло за дверью флигеля.

Я собиралась позвонить миссис Трейнор, когда открылась задняя дверь и вошел Натан, закутанный и неуклюжий. Шерстяной шарф и шапка закрывали его голову почти целиком. Вместе с ним в дом ворвался порыв холодного воздуха и легкий вихрь снега.

— Привет! — Натан стряхнул снег с ботинок и захлопнул за собой дверь.

Казалось, дом внезапно очнулся от сна.

— Слава богу, ты здесь! — воскликнула я. — Уилл нездоров. Проспал

большую часть утра и почти ничего не пил. Не представляю, что делать.

— Пришлось идти пешком. — Натан сбросил пальто. — Автобусы не ходят.

Я занялась чаем, а Натан пошел проведать Уилла. Он вернулся еще до того, как чайник вскипел.

— Он весь горит. Давно?

— Все утро. Я подозревала, что у него жар, но он сказал, что просто хочет поспать.

— О господи! Все утро? Разве ты не знаешь, что его тело не может регулировать свою температуру? — Натан протиснулся мимо меня и принялся рыться в шкафчике с лекарствами. — Антибиотики. Сильные.

Он схватил флакончик, выудил таблетку и принялся яростно растирать ее пестиком в ступке.

Я маячила у него за спиной.

— Я дала ему парацетамол.

— А почему не карамельку?

— Я не знала. Никто не сказал. Я закутала его потеплее.

— Все есть в чертовой папке. Послушай, Уилл не может потеть, как мы с тобой. Фактически он вообще не потеет от места повреждения и ниже. Это значит, что стоит ему чуть простудиться, и температура взмывает до небес. Сходи поищи вентилятор. Поставим в комнату, пока Уилл не остынет. И влажное полотенце, чтобы положить на затылок. Мы не сможем вызвать врача, пока не кончится снег. Чертова медсестра из агентства! Не могла отследить это утром!

Никогда не видела Натана таким злым. Он со мной даже толком не разговаривал.

Я бросилась за вентилятором.

Понадобилось почти сорок минут, чтобы сбить температуру Уилла до приемлемого уровня. Ожидая, пока подействует сверхсильное лекарство от жара, я положила полотенце ему на лоб, а второе обернула вокруг шеи, как велел Натан. Мы раздели Уилла, накрыли его грудь тонкой хлопковой простыней, направив на нее вентилятор. Без рукавов шрамы на его запястьях особенно бросались в глаза. Мы оба делали вид, что я ничего не замечаю.

Уилл сносил всю эту суету почти молча, односложно отвечая на вопросы Натана, иногда совсем неразборчиво, и мне казалось, будто он сам не понимает, что говорит. На свету стало очевидно, что он по-настоящему, ужасно болен, и мне было нестерпимо стыдно, что я этого не поняла. Я извинялась, пока Натана это не начало раздражать.

— Ладно, — сказал он. — Смотри, что я делаю. Возможно, позже тебе придется делать это самой.

Я не посмела возразить. Но все равно меня затошнило, когда Натан приспустил пижамные штаны Уилла, обнажив бледную полоску кожи, аккуратно снял марлевую повязку с маленькой трубочки в его животе, осторожно ее почистил и заменил повязку. Он показал мне, как менять пакет на кровати, объяснил, почему тот всегда должен находиться ниже тела Уилла, и я сама удивилась, как невозмутимо вышла из комнаты с пакетом теплой жидкости. Я была рада, что Уилл толком не смотрит на меня. Мне казалось: он бы тоже смутился, оттого что я стала свидетельницей столь интимного момента.

— Готово, — сказал Натан.

Наконец спустя час Уилл задремал на чистых хлопковых простынях и казался пусть и не вполне здоровым, но хотя бы не безнадежно больным.

— Пусть поспит. Но через пару часов разбуди его и влей стаканчик жидкости. В пять дашь лекарства от жара. В последний час его температура, наверное, подскочит, но до пяти ничего не давай.

Я все записала в блокноте. Боялась что-нибудь напутать.

— Вечером тебе придется повторить все самой. Сможешь? — Натан закутался, как эскимос, и вышел в снегопад. — Прочти чертову папку. И ничего не бойся. Если возникнут проблемы, просто позвони. Я все подробно объясню. И вернусь, если это действительно понадобится.

После ухода Натана я осталась в комнате Уилла. Я слишком боялась, чтобы уйти. В углу стояло старое кожаное кресло с лампой для чтения — наверное, из прошлой жизни Уилла, — и я свернулась на нем с книгой рассказов, которую достала из шкафа.

Комната казалась на удивление мирной. Сквозь щель в шторах виднелся внешний мир, неподвижный и прекрасный под белым покрывалом. В комнате было тепло и тихо, и лишь гул и шипение центрального отопления порой нарушали течение моих мыслей. Я читала, время от времени поднимая глаза, чтобы посмотреть, как безмятежно спит Уилл. Я поняла, что впервые в жизни просто сижу в тишине и ничего не делаю. В нашем доме с его безостановочным гулом пылесоса, бормотанием телевизора и воплями не могло быть и речи о тишине. В редкие минуты, когда телевизор был выключен, папа врубал на полную мощность старые записи Элвиса. В кафе тоже стоял сплошной шум и гам.

А здесь я могла слышать собственные мысли. Я почти слышала, как бьется мое сердце. Удивительно, но мне это понравилось.

В пять часов на мой мобильный пришло сообщение. Уилл пошевелился, и я вскочила с кресла и бросилась к телефону, чтобы не потревожить пациента.

Отменили поезда. Вы не могли бы остаться на ночь?
Натан не может. Камилла Трейнор.

Неожиданно для себя я напечатала ответ:

Без проблем.

Я позвонила родителям и сказала, что остаюсь. Мать, похоже, испытала облегчение. Когда я добавила, что за ночевку мне заплатят, она развеселилась окончательно.

— Ты это слышал, Бернард? — Мама неплотно прикрыла трубку ладонью. — Ей платят за то, что она спит.

— Хвала Господу! — раздалось восклицание отца. — Она нашла работу своей мечты.

Я послала Патрику сообщение, что меня попросили остаться на работе и я позвоню ему позже. Ответ пришел через несколько секунд.

Сегодня вечером у меня снежный кросс. Отличная подготовка к Норвегии! Целую, П.

Я поразилась, как можно приходить в такой восторг от мысли бегать при температуре ниже нуля в тренировочных штанах и майке.

Уилл спал. Я приготовила себе поесть и разморозила немного супа, а вдруг он проголодается. Развела огонь на случай, если ему станет достаточно хорошо, чтобы выйти в гостиную. Прочитала очередной рассказ и попыталась вспомнить, как давно в последний раз покупала книгу. В детстве я любила читать, но с тех пор, похоже, читала только журналы. Трина — та любила читать. Словно я вторгалась на ее территорию, беря в руки книгу. Я подумала о том, что они с Томасом уедут в университет, и поняла, что до сих пор не знаю, радостно мне от этого или грустно... или нечто среднее, более сложное.

Натан позвонил в семь. Похоже, он обрадовался, что я останусь на ночь.

— Я не смогла разбудить мистера Трейнора. Я даже позвонила на домашний телефон, но он сразу переключился на автоответчик.

— Ага. Да. Его не будет дома.

— Не будет?

Я инстинктивно испугалась при мысли, что мы с Уиллом останемся одни на всю ночь. Я боялась совершить еще одну роковую ошибку, поставив под угрозу здоровье Уилла.

— Может, мне позвонить миссис Трейнор?

Короткая пауза в трубке.

— Нет. Лучше не надо.

— Но...

— Послушай, Лу, он часто... часто куда-нибудь уходит, когда миссис Ти ночует в городе.

До меня дошло только через минуту или две.

— Ой!

— Хорошо, что ты останешься, вот и все. Если ты уверена, что Уилл выглядит лучше, я вернусь рано утром.

Бывают здоровые часы, а бывают часы больные, когда время еле тянется и глохнет, когда жизнь — настоящая жизнь бурлит где-то вдалеке. Я посмотрела телевизор, поела и прибралась на кухне, бесшумно передвигаясь по флигелю. Наконец я позволила себе вернуться в комнату Уилла.

Он пошевелился, когда я закрыла дверь, и приподнял голову.

— Сколько времени, Кларк? — Подушка слегка приглушала его слова.

— Четверть девятого.

Уилл уронил голову и переварил услышанное.

— Можно попить?

В нем больше не было резкости, не было злости. Казалось, болезнь наконец сделала его уязвимым. Я дала ему попить и включила прикроватную лампу. Затем присела на край кровати и пощупала его лоб, как, наверное, делала моя мать, когда я была ребенком. Лоб все еще был слишком теплым, но не шел ни в какое сравнение с тем, что было.

— У вас руки холодные.

— Вы уже жаловались.

— Правда? — похоже, искренне удивился он.

— Хотите супа?

— Нет.

— Вам удобно?

Я никогда не знала, насколько ему в действительности неудобно, но подозревала, что он делает хорошую мину при плохой игре.

— Хотелось бы перевернуться на другой бок. Просто перекатите меня.

Сажать не надо.

Я перелезла через кровать и повернула его на другой бок, как можно осторожнее. От него больше не веяло зловещим жаром — только обычным теплом тела, согретого одеялом.

— Что-нибудь еще?

— Разве вам не пора домой?

— Все в порядке, — ответила я. — Я остаюсь.

На улице давно погасли последние отблески света. Снег за окном продолжал сыпаться. Отдельные снежинки купались в меланхоличном бледном золоте фонаря на крыльце. Мы сидели в безмятежной тишине и наблюдали за гипнотическим снегопадом.

— Можно задать вам вопрос? — наконец спросила я.

Его ладони лежали поверх простыни. Казалось странным, что они выглядят такими обыкновенными, такими сильными, — и все же совершенно бесполезны.

— Вряд ли я смогу вам помешать.

— Что случилось? — Я не переставала думать об отметинах на его запястьях. Это был единственный вопрос, который я не могла задать напрямую.

— Как я стал таким? — Уилл открыл один глаз.

Я кивнула, и он снова закрыл глаза.

— Мотоцикл. Чужой. Я был невинным пешеходом.

— Я думала, лыжи, или тарзанка, или что-нибудь в этом роде.

— Все так думают. У Бога хорошее чувство юмора. Я переходил дорогу у своего дома. Не этого дома, — уточнил он. — Моего лондонского дома.

Я взглянула на книги в шкафу. Среди романов — замусоленных томиков в бумажной обложке издательства «Пингвин букс» — встречались и книги по бизнесу: «Корпоративное право», «Поглощение», перечни незнакомых имен.

— И вам пришлось отказаться от работы?

— От работы, от квартиры, от развлечений, от прежней жизни... Кажется, вы знакомы с моей бывшей девушкой. — Пауза не смогла скрыть горечи. — Но мне, несомненно, следует быть благодарным, ведь в какой-то момент врачи не верили, что смогут сохранить мне жизнь.

— Вы это ненавидите? В смысле, жить здесь?

— Да.

— А вы когда-нибудь сможете вернуться в Лондон?

— В таком виде — нет.

— Но вам может стать лучше. То есть Натан говорит, что в лечении подобных травм добились большого прогресса.

Уилл снова закрыл глаза.

Я немного подождала и поправила подушку за его головой и одеяло на груди.

— Простите, если задаю слишком много вопросов. — Я села прямо. — Хотите, чтобы я ушла?

— Нет. Оставайтесь еще. Поговорите со мной. — Уилл сглотнул. Его глаза снова открылись, и он поймал мой взгляд. Он выглядел невыносимо уставшим. — Расскажите мне что-нибудь хорошее.

Помедлив мгновение, я откинулась на подушки рядом с ним. Мы сидели почти в темноте и смотрели, как снежинки на мгновение вспыхивают в лучах света и исчезают во мраке ночи.

— Знаете... я просила папу о том же, — наконец откликнулась я. — Но если я расскажу вам, что он говорил в ответ, вы подумаете, будто я сумасшедшая.

— Еще более сумасшедшая, чем мне кажется?

— Если мне снился кошмар, или было грустно, или я чего-то боялась, он пел мне... — засмеялась я. — Ой... я не могу.

— Говорите.

— Он пел мне «Песню Абизьянки».

— Что?

— «Песню Абизьянки». Я думала, ее все знают.

— Поверьте, Кларк, — пробормотал он, — я впервые о ней слышу.

Я глубоко вдохнула, закрыла глаза и запела:

Я хочу жить в краю Абизьянки.
В жаркий полдень я в нем был рожден.
И на банджо играть чужестранке,
Моем банджо престаро-ро-ром.

— Господи Иисусе.

Я вдохнула еще раз:

Раз я банджо отнес в мастерскую.
Может, смогут его починить,

А они ни-ни-ни ни в какую —
Эти струны нельзя заменить.

Последовало недолгое молчание.

— Вы сумасшедшая. Вся ваша семья сумасшедшая.

— Но это помогало.

— И вы ужасно поете. Надеюсь, ваш папа пел лучше.

— По-моему, вы хотели сказать: «Спасибо, мисс Кларк, за попытку меня развлечь».

— Полагаю, она ничуть не хуже психотерапевтической помощи, которую я получаю. Хорошо, Кларк, расскажите что-нибудь еще. Только не пойте.

— Гм... — Я немного поразмыслила. — Ну ладно... вы заметили на днях мои туфли?

— Трудно было не заметить.

— В общем, мама утверждает, что моя любовь к странной обуви началась в три года. Она купила мне бирюзовые резиновые сапожки, усыпанные блестками... Тогда это была большая редкость... Дети носили простые зеленые сапожки или красные, если повезет. И по ее словам, я носила их не снимая. Я ложилась в них в кровать, купалась, все лето ходила в них в детский сад. Эти блестящие сапожки и пчелиные колготки были моим любимым сочетанием.

— Пчелиные колготки?

— В черно-желтую полоску.

— Великолепно.

— Только не надо грубить.

— Я не грублю. Это звучит отвратительно.

— Может, для вас это и звучит отвратительно, Уилл Трейнор, но, как ни странно, не все девушки одеваются, чтобы понравиться мужчинам.

— Бред.

— Вовсе нет.

— Все, что женщины делают, — ради мужчин. Все, что люди делают, — ради секса. Вы разве не читали «Красную королеву»? ^[30]

— Понятия не имею, о чем вы говорите. Но могу заверить, что сижу у вас на кровати и пою «Песню Абизьянки» не потому, что пытаюсь вас соблазнить. А когда мне было три года, я очень-очень любила полосатые ноги.

Я осознала, что тревога, которая терзала меня весь день, с каждым

замечанием Уилла постепенно отступает. На мне больше не лежала вся полнота ответственности за бедного квадриплегика. Я просто сидела и болтала с исключительно саркастичным парнем.

— И что же случилось с этими великолепными блестящими сапожками?

— Маме пришлось их выкинуть. Я заработала ужасный грибок стоп.

— Прелестно.

— И колготки она тоже выкинула.

— Почему?

— Я так и не узнала. Но это разбило мне сердце. Я больше не встречала колготок, которые полюбила бы так же сильно. Их больше не делают. А может, делают но не для взрослых женщин.

— Странно.

— Смейтесь-смейтесь! Неужели вы ничего не любили так сильно?

Я почти не видела его, комната погрузилась в темноту. Можно было включить лампу над головой, но что-то меня остановило. И я пожалела о своих словах, как только поняла, что именно сказала.

— Отчего же, — тихо ответил он. — Любил.

Мы еще немного поговорили, а затем Уилл задремал. Я лежала рядом, следила, как он дышит, и время от времени гадала, что он скажет, если проснется и обнаружит, что я смотрю на него, на его отросшие волосы, усталые глаза и жидкую бороденку. Но я не могла пошевелиться. Я словно оказалась на сюрреалистическом острове в реке времени. В доме не было никого, кроме нас, и я все еще боялась оставить его одного.

Вскоре после одиннадцати я заметила, что Уилл снова начинает потеть, а дыхание его становится поверхностным. Я разбудила его и заставила принять лекарство от жара. Он ничего не сказал, только пробормотал «спасибо». Я поменяла верхнюю простыню и наволочку, а когда он наконец снова заснул, легла на расстоянии фута от него и спустя немало времени тоже заснула.

Я проснулась от звука собственного имени. Я находилась в школе, заснула за партой, и учительница барабанила по классной доске, повторяя мое имя снова и снова. Я знала, что должна быть внимательной, знала, что учительница сочтет мой сон актом неповиновения, но не могла оторвать голову от парты.

— Луиза.

— Мм... Хррр.

— Луиза.

Парта была ужасно мягкой. Я открыла глаза. Надо мной весьма выразительно шипели:

— Луиза.

Я лежала в кровати. Я заморгала, сфокусировала взгляд и, посмотрев вверх, увидела Камиллу Трейнор. На ней было тяжелое шерстяное пальто и сумка через плечо.

— Луиза.

Я рывком села. Рядом со мной под покрывалами с полуоткрытым ртом и согнутой под прямым углом рукой спал Уилл. Через окно сочился свет, свидетельствовавший о холодном и ясном утре.

— Уф!

— Что вы делаете?

Казалось, меня застукали за чем-то ужасным. Я потерла лицо, пытаюсь собраться с мыслями. Почему я здесь? Что мне ей ответить?

— Что вы делаете в кровати Уилла?

— Уилл... — тихо сказала я. — Уилл был нездоров... И я подумала, что за ним лучше присматривать...

— Что значит «нездоров»? Давайте выйдем в коридор. — Она решительно вышла из комнаты, явно ожидая, что я брошусь следом.

Я повиновалась, пытаюсь поправить одежду. У меня было ужасное подозрение, что косметика размазалась по всему лицу.

Миссис Трейнор закрыла за мной дверь спальни Уилла.

Я стояла перед ней, пытаюсь пригладить волосы и собираюсь с мыслями.

— У Уилла была температура. Натан сбил ее, когда пришел, но я ничего не знала об этой его регуляции и решила за ним присматривать... Натан сказал, что я должна за ним присматривать... — Мой голос был сиплым и вялым. Я даже не была уверена, что говорю связно.

— Почему вы мне не позвонили? Если Уилл был болен, вы должны были немедленно позвонить мне. Или мистеру Трейнору.

В этот миг все шестеренки в моей голове встали на свои места. «Мистер Трейнор. О боже». Я посмотрела на часы. Было четверть восьмого.

— Я не... по-моему, Натан...

— Послушайте, Луиза. В этом нет ничего сложного. Если Уилл настолько болен, что вы спали в его комнате, вы должны были связаться со мной.

— Да. — Я моргала, глядя в пол.

— Я не понимаю, почему вы не позвонили. Вы пытались позвонить

мистеру Трейнору?

«Натан велел ничего не говорить».

— Я...

В этот миг дверь флигеля отворилась, и вошел мистер Трейнор с газетой под мышкой.

— Ты вернулась! — обратился он к жене, смахивая снежинки с плеч. — А я только что выбрался за газетой и молоком. Дороги просто ужасные. Пришлось идти окольным путем до Хансфорд-Корнер, чтобы обойти ледяные участки.

Миссис Трейнор посмотрела на него, и я на мгновение задумалась, заметила ли она, что на нем та же рубашка и джемпер, что и вчера.

— Ты в курсе, что Уиллу ночью было плохо?

Мистер Трейнор посмотрел на меня. Я опустила взгляд. Кажется, мне еще никогда не было настолько не по себе.

— Вы пытались мне позвонить, Луиза? Ради бога, простите... Я ничего не слышал. Похоже, интерком шалит. Я уже пару раз пропускал звонки в последнее время. К тому же мне самому было нехорошо прошлой ночью. Мгновенно отрубился.

На мне все еще были носки Уилла. Я уставилась на них. Интересно, миссис Трейнор осудит меня и за это?

Но она, похоже, отвлеклась.

— Дорога домой была долгой. Что ж... не стану вам мешать. Но если подобное повторится, немедленно позвоните мне. Ясно?

Мне не хотелось смотреть на мистера Трейнора.

— Ясно, — ответила я и ретировалась на кухню.

Весна пришла мгновенно, и зима, подобно незваному гостю, резко натянула пальто и исчезла, не попрощавшись. Повсюду распускалась листва, дороги купались в прозрачном солнечном свете, а воздух внезапно наполнился благоуханием. В нем чувствовалось что-то цветочное и дружелюбное, а птичье пение создавало приятный тихий фон.

Я ничего не замечала. Прошлым вечером я осталась у Патрика дома. Мы виделись впервые за неделю из-за усиленного расписания его тренировок, но, проведя сорок минут в ванне с полпачки морской соли, он так устал, что почти не разговаривал со мной. Я принялась гладить его по спине в редкой попытке соблазнения, но он пробормотал, что действительно очень устал, и дернул ладонью, как бы пытаясь от меня отмахнуться. Через четыре часа я все еще лежала без сна и с досадой глядела в потолок.

Мы с Патриком познакомились, когда я работала стажером в универсальной парикмахерской Хейлсбери «На гребне волны». Это была моя единственная работа до «Булочки с маслом». Он зашел, когда Саманта, хозяйка, была занята, и попросил стрижку номер четыре. Позже он описывал мое творение не просто как худшую стрижку в его жизни, а как худшую стрижку в истории человечества. Через три месяца, осознав, что привычка возиться с собственными волосами вовсе не означает, что я могу причесывать других, я уволилась и поступила в кафе к Фрэнку.

Когда мы начали встречаться, Патрик занимался торговлей и его интересовали пиво, шоколад ручной работы, разговоры про спорт и секс (занятие сексом, а не разговоры) — именно в таком порядке. Приятно проведенный вечер мог включать все четыре увлечения. Он выглядел скорее обычно, чем привлекательно, и задница у него была толще, чем у меня, но мне это нравилось. Нравилась его основательность, нравилось обвиваться вокруг него. Его отец умер, и мне было по душе его отношение к матери, внимательное и заботливое. А его четыре брата и сестры напоминали Уолтонов.^[31] Казалось, они действительно любят друг друга. На нашем первом свидании внутренний голос сказал мне: «Этот мужчина никогда тебя не обидит», и за последующие семь лет я ни разу в том не усомнилась.

А потом он превратился в Марафонца.

Живот Патрика больше не проминался, когда я на нем устраивалась, а

стал жестким и крепким, как доска, и Патрик любил задира́ть рубашку и тыкать в него разными вещами, чтобы показать, насколько он твердый. Лицо Патрика стало чеканным и обветренным от постоянного пребывания на улице. Бедра налились мышцами. Это было бы довольно сексуально, если бы он хотел секса. Но теперь мы занимались любовью всего пару раз в месяц, а я не из тех, кто навязывается.

Казалось, чем спортивнее Патрик становится, тем больше его интересуют собственные формы и тем меньше — мои. Пару раз я спрашивала, нравлюсь ли ему еще, но он отвечал вполне определенно.

«Ты роскошна, — говорил он. — Просто у меня совершенно нет сил. В любом случае не вздумай худеть. Девчонки в клубе... у них не наберется и одной приличной сиськи на всех».

Мне хотелось спросить, как он пришел к этому математическому заключению, но, в общем-то, это был комплимент, так что я решила не уточнять.

Мне хотелось разделять его интересы, правда хотелось. Я ходила на вечера клуба любителей триатлона, где пыталась болтать с другими девушками. Но вскоре поняла, что я аномалия — единственная обычная девушка. Все остальные члены клуба были одиноки или встречались с кем-то не менее развитым физически. Пары боксировали на тренировках, планировали выходные в шортах из спандекса и носили в бумажнике фотографии, на которых финишировали рука в руке либо хвастались командными медалями. Это было невыносимо.

— Не понимаю, на что ты жалуешься, — заявила сестра, когда я рассказала ей об этом. — После рождения Томаса я занималась сексом всего один раз.

— Что? С кем?

— С каким-то типом, который явился за «ярким букетом ручной работы», — ответила она. — Просто хотела проверить, что не разучилась. Только не надо так смотреть, — добавила она, когда у меня отвисла челюсть. — Это было в нерабочее время. А букет предназначался для похорон. Если бы он покупал цветы жене, разумеется, я не стала бы шлепать его гладиолусом.

Я вовсе не какой-нибудь сексуальный маньяк, — в конце концов, мы провели вместе много времени. Просто какая-то извращенная часть меня начала сомневаться в моей привлекательности.

Патрика никогда не волновало, что я одеваюсь «с выдумкой», по его выражению. Но что, если он был не вполне искренним? Работа Патрика, вся его социальная жизнь теперь вращалась вокруг контроля плоти —

усмирения плоти, иссушения плоти, полировки плоти. Что, если по сравнению с крошечными крепкими попками в тренировочных штанах моя собственная теперь оставляла желать лучшего? Что, если мои округлости, которые я всегда считала соблазнительно пышными, его придирчивому взору начали казаться рыхлыми?

Вот какие мысли беспорядочно гудели у меня в голове, когда вошла миссис Трейнор и практически приказала нам с Уиллом выйти на улицу.

— Я вызвала уборщиц, чтобы провести специальную весеннюю уборку, и подумала, что вам стоит насладиться хорошей погодой, пока они в доме.

Уилл посмотрел мне в глаза и едва заметно поднял брови:

— Это не просьба, да, мама?

— Я просто подумала, что свежий воздух тебе не повредит, — парировала она. — Пандус опущен. Луиза, вы не могли бы захватить с собой чай?

Предложение оказалось не лишено смысла. В саду было чудесно. Незначительного повышения температуры хватило, чтобы все внезапно решило зазеленеть. Откуда ни возьмись проклюнулись нарциссы, их желтеющие луковицы намекали на будущие цветы. На коричневых ветках набухли почки, многолетники осторожно пробивались сквозь темную комковатую почву. Я открыла двери, и мы вышли на улицу. Уилл катил по дорожке, выложенной Йоркским камнем.^[32] Он указал на чугунную скамейку с подушкой, и я села на нее. Мы подставили лица тусклому солнцу, слушая перебранку воробьев в живой изгороди.

— Что с вами?

— В смысле?

— Вы притихли.

— Вы велели мне помолчать.

— Не настолько же. Это меня пугает.

— У меня все в порядке. — Я помолчала и добавила: — Проблемы с парнем, если вам действительно интересно.

— А, — откликнулся он. — С Бегуном. — (Я открыла глаза, чтобы проверить, не насмехается ли он.) — Что случилось? Ну же, расскажите Дядюшке Уиллу.

— Нет.

— Моя мать намерена проследить, чтобы уборщицы носились по дому как сумасшедшие еще по меньшей мере час. Вам придется о чем-нибудь говорить.

Я выпрямила спину и повернулась к нему. У его домашнего кресла

была кнопка для подъема сиденья, чтобы он мог разговаривать с людьми, находясь на одном с ними уровне. Уилл редко ею пользовался, потому что от этого кружилась голова, но сейчас не преминул. Мне пришлось смотреть на него снизу вверх.

— В таком случае что вы хотите узнать? — Я запахнулась в пальто и сощурилась.

— Как долго вы вместе? — спросил он.

— Чуть больше шести лет.

— Немало, — явно удивился он.

— Да, — согласилась я. — Немало.

Я наклонилась и поправила плед на его коленях. Он был обманчивым, этот солнечный свет, — обещал больше, чем мог дать. Я подумала о Патрике, который ровно в полседьмого встал и отправился на пробежку. Возможно, мне следует заняться бегом, чтобы мы превратились в еще одну пару, затянутую в лайкру. Или купить кружевное белье и поискать в Интернете советы по сексу. Я знала, что не сделаю ни того ни другого.

— Чем он занимается?

— Он персональный тренер.

— Потому и бегают.

— Потому и бегают.

— Какой он? В трех словах, если вам так удобнее.

— Положительный. — Я немного подумала. — Верный. Озабоченный процентом жира в организме.

— Это семь слов.

— Значит, четыре вы получили бесплатно. А какая она?

— Кто?

— Алисия. — Я посмотрела прямо на Уилла так же, как он смотрел на меня.

Он глубоко вздохнул и взглянул на высокий платан. Его волосы падали на глаза, и мне нестерпимо захотелось отвести их в сторону.

— Роскошная. Сексуальная. Дорогая. И очень неуверенная в себе.

— С чего вдруг ей быть неуверенной? — не выдержала я.

Казалось, его позабавили мои слова.

— Вы не поверите, — сказал он. — Такие девушки, как Лисса, всю жизнь торгуют лицом и потому считают, что у них ничего больше нет. Вообще-то, я несправедлив к ней. Она неплохо управляет с вещами. Одеждой, интерьерами. Умеет навести красоту.

Я подавила желание сказать, что любой сумеет навести красоту при наличии алмазных копеек в бумажнике.

— Она может переставить в комнате пару вещей, и та совершенно преобразится. Я так и не понял, как она это делает. — Он кивнул в сторону дома. — Ее попросили оформить флигель, когда я сюда переехал.

Я мысленно представила великолепно обставленную гостиную и поняла, что впредь не смогу восхищаться ею без задней мысли.

— Как долго вы встречались?

— Восемь-девять месяцев.

— Недолго.

— Для меня — долго.

— Где вы познакомились?

— На торжественном ужине. Просто кошмарном торжественном ужине. А вы?

— В парикмахерской. Я была парикмахером. А он моим клиентом.

— Ха! Специальное предложение, да? — Наверное, я тупо посмотрела на него, потому что он покачал головой и тихо добавил: — Забудьте.

Из дома доносился глухой гул пылесоса. Фирма прислала четырех уборщиц в одинаковых халатах. Интересно, чем они будут заниматься два часа в этом маленьком флигеле?

— Вы скучаете по ней?

Я слышала, как женщины переговариваются. Кто-то распахнул окно, и время от времени в разреженный воздух вырывались взрывы смеха.

— Скучал. — Уилл внимательно изучал горизонт. Потом повернулся ко мне и сухо добавил: — Но я много думал об этом и решил, что они с Рупертом отличная пара.

— Они сыграют дурацкую свадьбу, — кивнула я, — родят спиногрыза-другого, как вы выражаетесь, купят дом в деревне, и не пройдет и пяти лет, как он соблазнит секретаршу.

— Вероятно, вы правы.

Меня понесло:

— И она будет слегка злиться на него все время, толком не понимая почему, пилить его на просто кошмарных торжественных ужинах, к смущению всех друзей, а он не посмеет ее бросить, чтобы не платить алименты. — (Уилл повернулся ко мне.) — Сексом они будут заниматься раз в шесть недель, и он будет обожать своих детей, но пальцем не ударит, чтобы помочь их воспитывать. А у нее будет превосходная укладка, но из-за разговоров исключительно обвиняками вечно кислая мина. — Я поджала губы. — И она с головой уйдет в пилатес,^[33] может, заведет собаку или лошадь и втюрится в инструктора по верховой езде. А в сорок лет он начнет бегать трусцой, купит «харлей-дэвидсон», который она будет

презирать, и каждый день будет ходить на работу, смотреть на молодых парней в своем офисе, и слушать в барах, кого они подцепили на выходных и куда съездили поразвлечься, и чувствовать, что его каким-то образом обвели вокруг пальца, но так и не раскусит каким. — Я повернулась. Уилл смотрел на меня. — Простите, — произнесла я через секунду. — Не знаю, что на меня нашло.

— Мне становится немного жалко Бегуна.

— Он тут ни при чем, — ответила я. — Просто я много лет проработала в кафе, где все видишь и слышишь. Люди ведут себя шаблонно. Знали бы вы, что происходит!

— Поэтому не вышли замуж?

— Наверное, — заморгала я. Мне не хотелось говорить, что всерьез меня замуж не звали.

Возможно, по моему рассказу кажется, что мы ничем особенно не занимались. Но на самом деле дни, проведенные с Уиллом, были чуточку разными — в зависимости от его настроения и, что более важно, от того, насколько сильную боль он испытывал. Иногда я приходила и видела по его выпяченному подбородку, что он не желает со мной — или кем бы то ни было — разговаривать. Заметив это, я хлопотала по хозяйству, стараясь предвосхитить его нужды, чтобы не тревожить его вопросами.

Источники боли были самыми разными. Общие боли из-за атрофии мышц — его тело поддерживало намного меньше мышц, чем прежде, несмотря на все физиотерапевтические усилия Натана. Боль в животе из-за проблем с пищеварением, боль в плече, боль из-за инфекций мочевого пузыря — по-видимому, неизбежных, несмотря на все наши старания. У Уилла развилась язва желудка из-за того, что первое время после несчастного случая он принимал слишком много болеутоляющих — наверное, глотал горстями, как драже «Тик-так».

Время от времени случались пролежни из-за того, что он слишком долго сидел в одной и той же позе. Пару раз Уиллу предписывали постельный режим, просто чтобы залечить пролежни, но он терпеть не мог лежать. Он лежал, слушал радио, и глаза его сверкали от едва сдерживаемой ярости. Еще у Уилла случались головные боли как мне кажется, побочный эффект злости и разочарования. У него оставалось так много умственной энергии, которую не к чему было приложить. Все это искало выход.

Но наиболее изнурительным было жжение в ладонях и стопах — непрекращающееся, пульсирующее, оно не давало ему сосредоточиться на

чем-либо другом. Я наливала в миску холодную воду и погружала в нее его руки и ноги или оборачивала их холодной фланелью в надежде облегчить его страдания. На подбородке Уилла билась жилка, и иногда он словно исчезал, как будто единственным способом справиться с жжением было покинуть собственное тело. Я на удивление привыкла к физическим потребностям Уилла. Казалось несправедливым, что конечности причиняют ему так много мучений, несмотря на то что он не может ими пользоваться или чувствовать их.

Несмотря на все это, Уилл не жаловался. Вот почему мне понадобилось несколько недель, чтобы заметить, что он страдает. Теперь я могла расшифровать его напряженный взгляд, молчание, манеру прятаться в своей скорлупе. Он лишь спрашивал: «Не могли бы вы принести холодной воды, Луиза?» или «По-моему, пора принять обезболивающее». Иногда ему было так больно, что лицо в прямом смысле лишалось красок, становилось желтовато-серым. Такие дни были самыми худшими.

Но в другие дни мы неплохо ладили. Уилл уже не казался смертельно оскорбленным, когда я заговаривала с ним, как было вначале. Сегодня, похоже, выдался день без боли. Когда миссис Трейнор вышла и сказала нам, что уборщицам нужно еще двадцать минут, я приготовила свежий чай, и мы медленно прогулялись по саду. Уилл катил по тропинке, а я следила, как мои атласные туфельки на шпильках темнеют от мокрой травы.

— Любопытный выбор обуви, — заметил Уилл.

Туфли были изумрудно-зелеными. Я нашла их в благотворительном магазине. Патрик сказал, что в них я похожа на лепреккона-трансвестита. ^[34]

— Знаете, вы одеваетесь совсем не как местные. Мне по утрам не терпится увидеть, какое безумное сочетание вы изобрели на этот раз.

— И как же одеваются «местные»?

Он взял левее, чтобы объехать обломок ветки на дорожке.

— Во флис. А подруги моей матери носят только что-нибудь от «Jaeger» или «Whistles». — Он взглянул на меня. — Откуда у вас такие экзотические вкусы? Где еще вы жили?

— Нигде.

— Неужели вы жили только здесь? А где вы работали?

— Только здесь. — Я повернулась и посмотрела на него, оборонительно скрестив руки на груди. — И? Что тут странного?

— Это такой маленький городок. Такой ограниченный. Вся его жизнь вертится вокруг замка. — Мы остановились на дорожке и уставились на замок, вздымавшийся вдалеке на причудливом куполообразном холме, безупречный, словно нарисованный ребенком. — Мне всегда казалось, что

это место, куда люди возвращаются. Когда устают от всего остального. Или когда им не хватает воображения, чтобы отправиться куда-то еще.

— Спасибо.

— Разумеется, в этом нет ничего плохого. Но... Иисусе! Динамичным его не назовешь, верно? И в нем отнюдь не полным-полно идей, интересных людей или возможностей. Местные считают ниспровержением основ, если сувенирная лавка меняет изображение миниатюрной железной дороги на пластиковых салфетках.

Я невольно засмеялась. На прошлой неделе в местной газете была статья именно на эту тему.

— Вам двадцать шесть лет, Кларк. Самое время завоевывать большой мир, ввязываться в неприятности в барах, демонстрировать свой странный гардероб сомнительным мужчинам...

— Я счастлива здесь, — возразила я.

— А не должны бы.

— Похоже, вам нравится указывать другим, что им делать.

— Только когда я знаю, что прав. Поверните мой чай, пожалуйста. Я не могу до него дотянуться.

Я повернула соломинку на сто восемьдесят градусов, чтобы ему было легче пить, и подождала, пока он сделает глоток. От легкого морозца кончики его ушей порозовели.

— О господи, — скривился Уилл, — ну и гадость для девушки, которая зарабатывает на жизнь приготовлением чая.

— Просто вы привыкли к лесбиянскому чаю, — фыркнула я. — Ко всякому там «лапсанг сушонгу»^[35] с травами.

— Лесбиянскому чаю! — Он едва не подавился. — Уж всяко лучше, чем эта политура для мебели. Господи, да в нем, наверное, ложка стоит.

— Значит, мой чай никуда не годится. — Я села на скамейку напротив Уилла. — С какой стати вы считаете себя вправе высказывать мнение, что бы я ни говорила или делала, а мне затыкаете рот?

— Прекрасно, Луиза Кларк. Выскажите свое мнение.

— О вас?

— А разве у меня есть выбор? — театрально вздохнул он.

— Вам нужно подстричь волосы. Вы похожи на бродягу.

— Теперь вы говорите, как моя мать.

— Но вы действительно кошмарно выглядите. Могли хотя бы побриться. Разве у вас кожа не зудит от этой щетины? — (Уилл покосился на меня.) — Зудит, да? Я так и знала. Ладно... сегодня вечером я вас побрею.

— О нет!

— О да! Вы спросили мое мнение. Я ответила. Вам ничего не нужно делать самому.

— А если я откажусь?

— Я все равно вас побрею. Если щетина отрастет еще немного, мне придется выуживать из нее кусочки пищи. Честное слово, если это случится, я подам на вас в суд за стресс на рабочем месте.

Он улыбнулся, как будто я его рассмешила. Наверное, это звучит довольно печально, но Уилл улыбался так редко, что, если мне удавалось его развеселить, у меня от гордости немного кружилась голова.

— Вот что, Кларк, — сказал он. — Окажите мне услугу.

— Какую?

— Почешите мне ухо, хорошо? Зуд сводит меня с ума.

— А вы разрешите вас подстричь? Совсем чуть-чуть?

— Не испытывайте судьбу.

— Тсс! Не заставляйте меня нервничать. Я паршиво управляюсь с ножницами.

Бритва и пена для бритья отыскились в шкафчике в ванной комнате, запрятанные за пакетами влажных салфеток и ваты, как будто ими давно не пользовались. Я затащила Уилла в ванную, наполнила раковину теплой водой, заставила его немного наклонить подголовник кресла и положила горячую фланель на его подбородок.

— Что это? Вы подались в цирюльники? Зачем фланель?

— Понятия не имею, — призналась я. — Но так всегда делают в фильмах. Это как горячая вода и полотенца, когда кто-то рожает.

Я не видела его губ, но вокруг его глаз лучились тонкие веселые морщинки. Хорошо бы, так было всегда. Хорошо бы, он был счастлив... а его лицо утратило загнанное, настороженное выражение. Я болтала. Я шутила. Я начала напевать. Все, что угодно, лишь бы оттянуть момент, когда он снова помрачнеет.

Я закатала рукава и принялась намыливать его подбородок и щеки до самых ушей. Затем помедлила, приставив лезвие к его подбородку.

— Не пора ли признаться, что до сих пор я брила только ноги?

Уилл закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Я начала осторожно скрести его кожу бритвой, и, когда я ее споласкивала, тишину нарушал только плеск воды в раковине. Я трудилась молча, изучая лицо Уилла Трейнора, морщины, которые спускались к уголкам рта и выглядели слишком глубокими для его возраста. Я убрала его волосы с лица и увидела

предательские цепочки стежков, вероятно оставшиеся после несчастного случая. Увидела лиловые тени под глазами, говорившие о многих и многих бессонных ночах, и складку между бровями, свидетельницу немой боли. От его кожи пахло тепло и сладко — кремом для бритья и чем-то, присущим самому Уиллу, сдержанным и дорогим. Его лицо начало проступать, и я увидела, как легко ему было привлечь красавицу вроде Алисии.

Я действовала медленно и осторожно, воодушевленная тем фактом, что на него, казалось, ненадолго снизошел покой. Мелькнула мысль, что после аварии Уилла касались только в ходе медицинских или терапевтических процедур, и я поглаживала его кожу кончиками пальцев, изо всех сил избегая обезличенной резкости, отличавшей действия Натана и врача.

Бритье Уилла оказалось поразительно интимным процессом. Вероятно, я думала, будто инвалидное кресло станет преградой, что неспособность исключить любые чувственные ощущения. Странно, но это не сработало. Невозможно находиться так близко к мужчине, чувствовать, как натягивается его кожа под кончиками пальцев, дышать одним и тем же воздухом, видеть его лицо на расстоянии нескольких дюймов и не испытывать легкого смятения. К тому времени, как я добралась до второго уха, меня сковала неловкость, будто я переступила невидимую черту.

Возможно, Уилл сумел уловить едва заметные изменения в моих прикосновениях, а может, просто тонко чувствовал настроение окружающих. Но он открыл глаза, и наши взгляды встретились.

— Только не говорите, — с невозмутимым лицом произнес он после короткой паузы, — что сбрили мне брови.

— Всего одну. — Я сполоснула лезвие, надеясь, что краска сойдет с моих щек к тому времени, когда я повернусь обратно. — Отлично, — наконец сказала я. — Я вас не слишком замучила? Кажется, скоро придет Натан.

— А что насчет моих волос? — спросил он.

— А вы хотите, чтобы я их подстригла?

— Почему бы и нет?

— Я думала, вы мне не доверяете.

Уилл пожал плечами — насколько возможно. Движение было едва заметным.

— Если вы на пару недель перестанете нить, полагаю, цена невысока.

— О боже, ваша мама будет так рада. — Я вытерла с его щеки остаток крема для бритья.

— Надеюсь, это нас не остановит.

Мы подстригли Уиллу волосы в гостинной. Я зажгла огонь, мы поставили фильм — американский триллер, — и я обернула ему плечи полотенцем. Я предупредила Уилла, что давненько не брала в руки ножниц, но добавила, что хуже, чем сейчас, быть не может.

— Спасибо на добром слове, — ответил он.

Я приступила к работе, пропуская его волосы сквозь пальцы и пытаюсь припомнить несколько базовых правил, которые успела выучить. Уилл смотрел фильм и выглядел расслабленным и почти довольным. Время от времени он что-нибудь сообщал мне о фильме: где еще снимался ведущий актер, в каком фильме он дебютировал, — а я заинтересованно хмыкала, как хмыкаю, когда Томас показывает мне свои игрушки, хотя на самом деле была полностью поглощена тем, чтобы его не изуродовать. Наконец я отстригла все патлы и забежала вперед, чтобы посмотреть, как он выглядит.

— Ну? — Уилл поставил диск на паузу.

— Не уверена, что мне нравится видеть ваше лицо настолько открытым. — Я выпрямилась. — Это немного нервирует.

— Мне холодно, — заметил он, поворачивая голову слева направо, как будто проверяя ощущения.

— Подождите, — сказала я. — Схожу за двумя зеркалами. Тогда вы сможете разглядеть все как следует. Только не шевелитесь. Еще нужно немного убраться. И пожалуй, отрезать ухо.

Я была в спальне, искала в ящиках маленькое зеркало, когда услышала стук двери. Быстрые шаги двух человек, голос миссис Трейнор, высокий, встревоженный.

— Джорджина, умоляю, не надо.

Дверь гостинной с грохотом распахнулась. Я схватила зеркало и выбежала из комнаты. Не хватало только, чтобы меня вновь отругали за отсутствие. Миссис Трейнор стояла в дверях гостинной, прижав обе ладони ко рту и наблюдая за невидимой стычкой.

— Ты самый эгоистичный человек на свете! — кричала молодая женщина. — Поверить не могу, Уилл. Ты всегда был эгоистичным, а стал еще хуже.

— Джорджина. — Взгляд миссис Трейнор метнулся на меня. — Пожалуйста, прекрати.

Я вошла в комнату следом за ней. На плечах Уилла все еще лежало полотенце, вокруг колес его кресла валялись клочья светло-каштановых волос. Напротив него стояла молодая женщина с длинными темными волосами, собранными на затылке неряшливым узлом. На ней были

дорогие потертые джинсы и замшевые сапоги. Как и у Алисии, черты ее лица были красивыми и правильными, кожа загорелой, а зубы ослепительно-белыми, как в рекламе зубной пасты. Я узнала, какого цвета у нее зубы, потому что, багровая от злости, она шипела на Уилла:

— Поверить не могу. Поверить не могу, что подобное пришло тебе в голову. Что ты...

— Пожалуйста, Джорджина! — резким голосом воскликнула миссис Трейнор. — Сейчас не время.

Уилл невозмутимо смотрел перед собой в пустоту.

— Э-э-э... Уилл? Вам что-нибудь нужно? — тихо спросила я.

— Кто вы такая? — вихрем обернулась незнакомка.

И я увидела, что в глазах у нее стоят слезы.

— Джорджина, — произнес Уилл. — Познакомься с Луизой Кларк, моей наемной компаньонкой и поразительно изобретательным парикмахером. Луиза, познакомьтесь с моей сестрой, Джорджиной. Кажется, она прилетела в такую даль из Австралии, чтобы наорать на меня.

— Хватит шуток! — рявкнула Джорджина. — Мама мне рассказала. Она мне все рассказала.

Никто не пошевелился.

— Возможно, мне следует вас оставить? — спросила я.

— Неплохая мысль. — Костяшки пальцев миссис Трейнор, вцепившихся в подлокотник дивана, были белыми. — Луиза, полагаю, сейчас самое время для обеденного перерыва.

Я выскользнула из комнаты.

Придется обедать на автобусной остановке. Я забрала из кухни свои сэндвичи, натянула пальто и пошла по задней дорожке.

Напоследок я услышала голос Джорджины Трейнор, гремевший в доме:

— Тебе вообще приходило в голову, Уилл, что это не только твое личное дело, каким бы нелепым тебе это ни казалось?

Когда я вернулась ровно через полчаса, в доме было тихо. Натан мыл кружку в кухонной раковине.

Заметив меня, он повернулся:

— Как дела?

— Она ушла?

— Кто?

— Сестра?

— А! — бросил Натан. — Так это была сестра? Ага, ушла. Умчалась в

своей машине, когда я пришел. Семейная ссора, да?

— Не знаю, — ответила я. — Я как раз стригла Уилла, когда явилась эта женщина и начала на него орать. Я решила, что это очередная подружка.

Натан пожал плечами.

Я поняла, что он не станет обсуждать подробности личной жизни Уилла, даже если бы знал их.

— Но он притих. Кстати, ты отлично его побрила. Приятно видеть человеческое лицо, а не эту растительность.

Я вернулась в гостиную. Уилл сидел, уставившись в телевизор. Фильм все еще стоял на паузе в том же месте, на котором его остановили.

— Включить дальше? — спросила я.

Минуту казалось, что он не расслышал. Его голова была вжата в плечи, расслабленное выражение лица сменилось непроницаемым. Уилл снова закрылся, заперся в своей скорлупе, сквозь которую я не могла проникнуть.

Он моргнул, как будто только что меня заметил.

— Конечно, — ответил он.

Я услышала их, когда несла корзину белья по коридору. Дверь флигеля была приоткрыта, и голоса миссис Трейнор и ее дочери приглушенными волнами набегали по длинному коридору. Сестра Уилла тихонько всхлипывала, в ее голосе больше не было ярости. Она казалась маленьким ребенком.

— Наверняка что-то можно сделать. Какое-нибудь медицинское открытие. Может, отвезешь его в Америку? В Америке всегда становится лучше.

— Твой отец внимательно следит за прогрессом. Но нет, дорогая, ничего... конкретного нет.

— Он так... изменился. Как будто решил видеть во всем только плохое.

— Он с самого начала был таким, Джордж. Наверное, дело в том, что вы общались, только когда ты прилетала домой. Тогда он, наверное, еще был... полон решимости... и уверен, что все еще может измениться.

Мне было немного неловко, что я подслушиваю такой интимный разговор. Но его странное содержание заставило меня подойти ближе. Я медленно направилась к двери, мои ноги в носках бесшумно ступали по полу.

— Видишь ли, мы с папой тебе не говорили. Не хотели тебя

расстраивать. Но он пытался... — Слова давались миссис Трейнор с трудом. — Уилл пытался... покончить с собой.

— Что?

— Его нашел папа. В декабре. Это было... было ужасно.

Хотя это всего лишь подтвердило мои догадки, я похолодела. Раздался приглушенный плач и тихие утешения. Снова долгое молчание. Наконец Джорджина заговорила, охрипнув от горя:

— Девушка?..

— Да. Луиза должна проследить, чтобы ничего подобного не повторилось.

Я замерла. На другом конце коридора Натан и Уилл тихо беседовали в ванной, счастливо не замечая разговора, который происходил всего в нескольких футах. Я сделала еще шаг к двери. Наверное, я знала обо всем с тех пор, как заметила шрамы на его запястьях. В конце концов, это все объясняло: и требование миссис Трейнор, чтобы я не оставляла Уилла одного надолго, и его недовольство моим появлением, и долгие часы безделья. Я работала нянькой. Я не знала этого, но Уилл знал и потому ненавидел меня.

Я взялась за ручку двери, собираясь осторожно закрыть ее. Интересно, что известно Натану? Стал ли Уилл хоть немного счастливее? Я поняла, что испытываю слабое эгоистичное облегчение, оттого что Уилл возражал не против меня, а против того, что меня — или неважно кого — наняли присматривать за ним. Мысли лихорадочно кружились в голове, и я едва не пропустила следующий обрывок беседы.

— Ты не можешь ему позволить, мама. Ты должна его остановить.

— Это не нам решать, дорогая.

— Нет, нам. Если он хочет заручиться твоей помощью, — возразила Джорджина.

Я замерла, держась за ручку.

— Поверить не могу, что ты согласилась. А как же твоя вера? Как же все, что ты делаешь? Какой тогда был смысл спасать его в прошлый раз?

— Ты несправедлива. — Голос миссис Трейнор был подчеркнуто спокойным.

— Но ты сказала, что отвезешь его. А значит...

— Неужели ты думаешь, что, если я откажусь, он не попросит кого-то еще?

— Но «Дигнитас»?^[36] Это просто неправильно. Я знаю, ему тяжело, но это погубит тебя и папу. Я уверена! Подумай, как ты будешь себя чувствовать! Подумай об огласке! Твоя работа! Ваша с отцом репутация!

Он должен это знать. Эгоистично даже просить о таком. Как он может? Как? Как ты можешь? — Она снова заплакала.

— Джордж...

— Не смотри на меня так. Мне жаль его, мама. Правда жаль. Он мой брат, и я люблю его. Но я этого не вынесу. Не вынесу даже мысли об этом. Он не должен просить, а ты не должна его слушать. И он погубит не только свою жизнь, если ты согласишься.

Я отступила от окна. Кровь шумела в ушах так громко, что я с трудом разобрала ответ миссис Трейнор.

— Шесть месяцев, Джордж. Он обещал мне шесть месяцев. Итак... Я не хочу, чтобы ты впредь упоминала об этом, и уж точно не на людях. И мы должны... — глубоко вдохнула она. — Мы должны, что есть сил молиться, чтобы за это время случилось нечто, способное заставить его передумать.

Я никогда не думала, что стану способствовать убийству собственного сына.

Даже читать это странно. Подобные заголовки встречаются в таблоидах или в тех ужасных журналах, которые вечно торчат из сумки уборщицы, с историями женщин, дочери которых сбежали с их вероломными мужьями, и рассказами о невероятной потере веса и двухголовых младенцах.

Я не из тех, с кем случается подобное. По крайней мере, я так думала. Моя жизнь была строго упорядоченной — самая обычная жизнь по современным стандартам. Я замужем почти тридцать семь лет и вырастила двоих детей. Я делала карьеру, помогала в школе, в родительском комитете и пошла работать, как только дети перестали во мне нуждаться.

Я проработала мировым судьей почти одиннадцать лет и наблюдала все гримасы человеческой жизни: неисправимых бродяг, которые не могут даже собраться с силами и явиться в суд в назначенное время, рецидивистов, озлобленных юношей с жесткими лицами и измотанных, погрязших в долгах матерей. Довольно тяжело оставаться спокойной и понимающей, когда раз за разом видишь одни и те же лица, одни и те же ошибки. Иногда я замечала в своем голосе раздраженные нотки. Тупое нежелание человечества хотя бы попытаться отвечать за свои поступки ужасно удручает.

И наш маленький городок, несмотря на красоту замка, многочисленные архитектурные памятники и живописные проселочные дороги, отнюдь не служит исключением. На площадях эпохи Регентства толкуются подростки с сидром. Стены домиков с соломенными крышами заглушают крики избиваемых жен и детей. Иногда я ощущала себя королем Кнудом,^[37] тщетно противостоящим приливу хаоса и ползучему опустошению. Но я любила свою работу. Я занималась ею, поскольку верила в порядок, в моральный кодекс. Я считала, что можно поступать правильно и неправильно, какими бы устаревшими ни казались мои взгляды.

В тяжелые времена меня спасал мой сад. По мере того как росли дети, я все больше и больше привязывалась к нему. Я могу назвать латинское

название почти каждого растения, на которое вы потрудитесь указать. Забавно, но я даже не учила латынь в школе — я посещала довольно небольшую частную школу для девочек, в которой основное внимание уделялось кулинарии и вышиванию — искусствам, необходимым каждой доброй жене. Тем не менее названия растений мгновенно оседают у меня в голове. Мне достаточно услышать их однажды, чтобы запомнить навсегда: *helleborus niger*, *eremurus stenophyllus*, *athyrium niponicum*.^[38] Я могу повторить их с беглостью, которая в школе была недоступна.

Говорят, сад начинаешь по-настоящему ценить по достижении определенного возраста, и, полагаю, в этом есть доля правды. Наверное, это как-то связано с великим круговоротом жизни. Есть что-то чудесное в неизменном оптимизме свежей зелени, расцветающей после унылой зимы, и я каждый год радуюсь изменениям, тому, как природа поворачивает сад разными гранями, чтобы раскрыть его во всей красе. Порой, когда мой брак начинал трещать по швам, сад становился убежищем, даже счастьем.

Если честно, порой он был болью. Нет ничего хуже, чем соорудить новую клумбу и обнаружить, что она не желает цвести, или увидеть, как некий наглый злоумышленник уничтожил за ночь целую грядку прелестных луковичных. Но даже когда я сокрушалась о времени и усилиях, потраченных на уход за садом, о ноющих после утра прополки суставах, о подпорченном маникюре, мне это нравилось. Мне нравились чувственные радости свежего воздуха, запахи сада, я любила перебирать землю пальцами и испытывала удовлетворение, наблюдая, как все живет и светится, зачарованное собственной недолговечной красотой.

После несчастного случая с Уиллом я год не занималась садом. Дело не только во времени, хотя бесконечные часы, проведенные в больнице, постоянные разъезды на машине и заседания — о боже, заседания! — отнимали так много времени. Я взяла на работе полугодовой отпуск по семейным обстоятельствам, но его все равно не хватило.

Просто мои растения и все, что с ними связано, внезапно утратили смысл. Я наняла садовника, чтобы он следил за порядком, и большую часть года бросала на сад лишь мимолетные взгляды.

Только когда мы привезли Уилла домой, когда переделали и подготовили флигель, я увидела смысл в том, чтобы сад вновь обрел красоту. Мне хотелось, чтобы моему сыну было на что смотреть. Хотелось дать ему понять, что все меняется, растет или увядает, но жизнь не стоит на месте. И что все мы — часть великого цикла, некоего узора, постигнуть который дано только Богу. Разумеется, я не могла сказать это прямо — мы с Уиллом никогда не были склонны разговаривать по душам, — но мне

хотелось показать ему образно. Молча заверить, если можно так выразиться, что мир больше, а будущее светлее, чем ему кажется.

Стивен ворошил поленья кочергой. Он искусно разворошил наполовину сгоревшие поленья, отправив в трубу ворох искр, и бросил в середину новое. Затем он отступил, как обычно с тихим удовлетворением наблюдая за занявшимся огнем, и вытер руки о вельветовые брюки. Когда я вошла в комнату, он обернулся. Я протянула ему стакан.

— Спасибо. Джордж собирается спуститься?

— Очевидно, нет.

— Что она делает?

— Смотрит наверху телевизор. Ей никто не нужен. Я спрашивала.

— Это пройдет. Наверное, устала после дальнего перелета.

— Надеюсь, Стивен. Сейчас ей с нами не очень-то весело.

Мы молча постояли, глядя на огонь. В комнате было темно и тихо, оконные стекла слегка дребезжали под порывами дождя и ветра.

— Ну и ночь.

— Да.

Собака вошла в комнату и со вздохом плюхнулась перед камином, с обожанием взирая на нас снизу вверх.

— Что скажешь? — спросил Стивен. — Насчет этой истории со стрижкой.

— Не знаю. Хотелось бы считать ее хорошим признаком.

— Похоже, у малышки Луизы есть характер.

Я заметила, как муж улыбнулся самому себе. «Только не она», — отгоняя непрошеную мысль, подумала я.

— Да, наверное.

— Как по-твоему, она правильный человек?

Я сделала глоток, прежде чем ответить. Джина на два пальца, ломтик лимона и побольше тоника.

— Может быть, — произнесла я. — Я уже не знаю, что правильно, а что нет.

— Она ему нравится. Уверен, что она ему нравится. Мы разговаривали, когда смотрели новости на днях, и Уилл упомянул ее два раза. Прежде он этого не делал.

— Да. Но не слишком обольщайся.

— По-твоему, я обольщаюсь?

Стивен отвернулся от огня. Я видела, что он разглядывает меня, возможно, отмечает новые морщины вокруг глаз, тревожно поджатые губы.

Он взглянул на золотой крестик, который я в последнее время не снимала. Мне не нравилось, когда он так смотрел. Невольно казалось, что он сравнивает меня с кем-то другим.

— Просто я реалистка.

— Такое впечатление... такое впечатление, что ты уже ждешь, когда это случится.

— Я знаю своего сына.

— Нашего сына.

— Да. Нашего сына.

«Нет, моего, — подумала я. — Тебя никогда не было рядом с ним по-настоящему. На эмоциональном уровне. Ты всего лишь пустота, на которую он упорно пытался произвести впечатление».

— Он передумает, — сказал Стивен. — Времени еще много.

Мы стояли в комнате. Я сделала долгий глоток, по сравнению с жаром огня напиток казался ледяным.

— Я все думаю... — произнесла я, глядя в камин, — все думаю, может, я что-то упускаю.

Муж продолжал за мной наблюдать. Я чувствовала его взгляд, но не могла посмотреть ему в глаза. Возможно, в этот миг он был готов меня коснуться. Но, по-моему, мы уже слишком отделились друг от друга.

— Выше головы не прыгнешь, дорогая. — Он отпил из стакана.

— Я в курсе. Но ведь этого недостаточно!

Стивен снова повернулся к огню, без необходимости вороша поленья кочергой, пока я молча не вышла из комнаты.

Он прекрасно знал, что я так поступлю.

Когда Уилл впервые сказал мне, чего хочет, ему пришлось повторить дважды, поскольку я была совершенно уверена, что неправильно расслышала в первый раз. Поняв, что именно он предлагает, я хладнокровно заявила, что это абсурд, и вышла из комнаты. Возможность уйти от человека в инвалидном кресле — несправедливое преимущество. Между флигелем и главным домом две ступеньки, и без помощи Натана он не может их преодолеть. Я закрыла дверь флигеля и замерла в своем коридоре, а спокойные слова сына продолжали звенеть в ушах.

Кажется, я не шевелилась полчаса.

Он не унимался. Уиллу всегда нужно было оставить за собой последнее слово. Он повторял свою просьбу каждый раз, когда я заходила его повидать, пока я почти не возненавидела эти визиты. «Я не хочу так жить, мама. Не о такой жизни я мечтал. Надежды на выздоровление нет, и

потому вполне разумно просить помочь мне достойно уйти». Я слышала его и живо представляла, каким он был на деловых встречах. Работа сделала его богатым и высокомерным. В конце концов, он привык, чтобы к нему прислушивались. Он не мог смириться, что в некотором роде я обладала властью над его будущим, что я вновь стала матерью.

Согласиться меня заставила совершенная им попытка. Дело не в том, что моя религия запрещает самоубийство, хотя мысль о том, что Уилл будет вечно гореть в аду из-за собственного отчаяния, была ужасна. Но Господь, милосердный Господь примет во внимание наши страдания и отпустит наши грехи — я предпочитаю в это верить.

Просто дело в том, чего никогда не поймешь, не став матерью. Дело в том, что ты видишь перед собой не взрослого мужчину — шумного, небритого, потного, самоуверенного отпрыска со штрафными талонами за парковку, нечищеными ботинками и запутанной личной жизнью. Ты видишь всех людей, которыми он когда-либо был, одновременно.

Я смотрела на Уилла и видела младенца, которого держала на руках, ослепленная наивной любовью, неспособная поверить, что произвела на свет новое человеческое существо. Я видела карапуза, который брал меня за руку, школьника, который рыдал от злости, когда его задирали другие ребята. Я видела уязвимость, любовь, историю. Вот что он просил уничтожить — маленького ребенка, а не только мужчину — всю эту любовь, всю эту историю.

А потом, двадцать второго января, в день, когда я застряла в суде с нескончаемым потоком магазинных воришек, незастрахованных водителей и слезливых и обозленных бывших супругов, Стивен вошел во флигель и нашел нашего сына почти без сознания, его голова болталась у подлокотника, а вокруг колес разливалось море темной липкой крови. Уилл отыскал в задней прихожей ржавый гвоздь, не более чем на полдюйма торчащий из какой-то наспех прибитой деревяшки, прижал к нему запястье и ездил взад и вперед, пока не раскромсал плоть. Я до сих пор не могу представить, какая решимость им руководила, хотя он, наверное, совсем обезумел от боли. Врачи сказали, что от смерти его отделяло меньше двадцати минут.

Они добавили, что это не была попытка самоубийства как крик о помощи, и это еще мягко сказано.

Когда из больницы сообщили, что Уилл будет жить, я вышла в сад и дала волю чувствам. Я проклинала Господа, природу, судьбу, низвергнувшую нашу семью в такие пучины отчаяния. Сейчас мне кажется, я напоминала сумасшедшую. Тем холодным вечером я стояла в

саду и, швырнув большой бокал с бренди в *Euonymus compactus*, орала. Мой голос рвал воздух на части, отражался от стен замка и эхом замирал вдалеке. Видите ли, я была невероятно зла на то, что все вокруг меня может двигаться, сгибаться, расти и размножаться, а мой сын — полный жизни, обаятельный, красивый мальчик — всего лишь существует. Неподвижный, бессильный, окровавленный, страдающий. Красота сада казалась мне теперь непристойной. Я орала, и орала, и бранилась — словами, о существовании которых до тех пор не подозревала, — пока не вышел Стивен и не положил руку мне на плечо. Он ждал, когда я смогу замолчать.

Видите ли, он не понимал. До него еще не дошло. Что Уилл попытается снова. Что нам придется постоянно быть настороже в ожидании следующей попытки, следующего кошмара, который он сможет над собой учинить. Нам придется смотреть на мир его глазами — возможные яды, острые предметы, изобретательность, с которой он завершит работу, начатую тем проклятым мотоциклистом. Наши жизни будут вращаться вокруг возможности его самоубийства. А у него будет преимущество — ему не нужно будет ни о чем больше думать, понимаете?

Через две недели я ответила Уиллу согласием.

Ну конечно ответила.

А что еще мне оставалось делать?

Той ночью я не спала. Лежала без сна в крошечной каморке, глядя в потолок и тщательно восстанавливая события последних двух месяцев на основании того, что мне стало известно. Все словно сместилось, разлетелось на части и заново собралось в узор, который я с трудом узнавала.

Я чувствовала себя обманутой, тупоумной соучастницей, которая не знала, что происходит. Казалось, Трейноры смеялись про себя над моими попытками накормить Уилла овощами или подстричь ему волосы — мелочами, чтобы он почувствовал себя лучше. В конце концов, какой смысл?

Я вновь и вновь повторяла в голове разговор, который подслушала, пытаюсь истолковать его каким-либо иным способом, пытаюсь убедить себя, что я все неправильно поняла. Но «Дигнитас» не место для пикника. Я не могла поверить, что Камилла Трейнор способна совершить подобное со своим сыном. Да, я считала ее холодной, и да, их отношения казались натянутыми. Сложно было представить, как она обнимает его, подобно тому как моя мать обнимала нас — крепко и весело, — пока мы не вырывались из объятий, умоляя о пощаде. Если честно, я думала, что такое обращение с детьми принято в высшем обществе. В конце концов, я только что прочитала роман «Любовь в холодном климате»,^[39] принадлежавший Уиллу. Но активно и добровольно способствовать смерти собственного сына?

Теперь ее манеры казались еще более холодными, а действия — пропитанными мрачным умыслом. Я злилась на нее и злилась на Уилла. Злилась на то, что они сделали меня ширмой. Злилась на то, что много раз сидела и думала, как его порадовать, как сделать его жизнь более счастливой или хотя бы терпимой. А когда не злилась, то горевала. Вспоминала, как сорвался голос миссис Трейнор, когда она пыталась утешать Джорджину, и мне было искренне жаль ее. Я знала, что ее положение невыносимо.

Но самым сильным чувством был ужас. Открывшаяся истина преследовала меня. Как можно жить, считая дни до собственной смерти? Как мог этот мужчина, чьей кожи — живой и теплой — я сегодня утром касалась, решиться оборвать свою жизнь? Как случилось, что при всеобщем одобрении эта кожа через шесть месяцев будет гнить под

землей?

Я никому не могла рассказать. И это было хуже всего. Я стала соучастницей преступления Трейноров. Усталая и вялая, я позвонила Патрику и сказала, что плохо себя чувствую и останусь дома. Ничего страшного, он бегают десять километров, ответил он. В любом случае он ушел бы из спортивного клуба не раньше девяти. Увидимся в субботу. Патрик говорил рассеянно, как будто мыслями был уже в другом месте, на очередном воображаемом треке.

От ужина я отказалась. Я лежала в кровати, пока тяжесть мрачных мыслей не стала невыносимой, и в половине девятого спустилась вниз и молча уставилась в телевизор, примостившись рядом с дедушкой, единственным членом семьи, который гарантированно не стал бы задавать мне вопросов. Он сидел в своем любимом кресле, вперив остекленевший взгляд в телевизор. Я никогда не знала, действительно он смотрит или размышляет совершенно о другом.

— Тебе точно ничего не надо, милая? — возникла рядом мама с чашкой чая. В нашей семье считалось, что любую беду можно исправить чашкой чая.

— Нет. Я не голодна, спасибо.

Я заметила, как она посмотрела на папу. В последнее время родители поговаривали, что Трейноры слишком много от меня требуют, так как уход за инвалидом оказался слишком тяжелым. Я знала, скоро они станут винить себя в том, что уговорили меня поступить на работу.

Пусть думают, что так и есть.

Парадоксально, но на следующий день Уилл был в хорошей форме — непривычно разговорчивый, самоуверенный, бойкий. Возможно, он говорил больше, чем в любой предыдущий день. Похоже, ему хотелось со мной поцапаться, и он был разочарован, что я не подыграла.

— И когда вы собираетесь закончить свою топорную работу?

Я убиралась в гостиной и подняла взгляд, не прекращая взбивать диванные подушки.

— Что?

— Мои волосы. Стрижка сделана только наполовину. Я похож на викторианского сироту. Или дурачка из трущоб. — Он повернул голову, чтобы я получше рассмотрела свой шедевр. — Или это ваше очередное альтернативное **ви**дение стиля?

— Вы хотите, чтобы я подстригла еще?

— Что ж, похоже, вам это понравилось. А мне хотелось бы не

выглядеть как пациент психбольницы.

Я молча принесла полотенце и ножницы.

— Натан явно рад, что я снова стал похож на человека, — сообщил Уилл. — Хотя он заявил, что теперь, когда мое лицо стало прежним, надо бриться каждый день.

— Вот как.

— Вы же не против? А по выходным мне придется мириться с дизайнерской щетиной.

Я не могла с ним разговаривать. Мне было сложно даже посмотреть ему в глаза. Это все равно что узнать о неверности жениха. Станным образом казалось, что он меня предал.

— Кларк?

— Мм?

— Вы опять подозрительно притихли. Что случилось с невыносимой болтушкой?

— Простите, — сказала я.

— Опять Бегун? Что он натворил? Неужели сбежал?

— Нет.

Я зажала мягкую прядь указательным и средним пальцем и раскрыла лезвия ножниц, чтобы подровнять торчащие волосы. Ножницы зависли в воздухе. Как они это сделают? Инъекция? Микстура? Или просто оставят его в комнате, полной бритв?

— У вас усталый вид. Я не собирался этого говорить, когда вы пришли, но... черт побери... вы ужасно выглядите.

— Неужели?

Как они помогут человеку, неспособному пошевелить руками и ногами? Я уставилась на его запястья, всегда закрытые длинными рукавами. Я несколько недель считала, это из-за того, что он мерзнет больше нас. Очередная ложь.

— Кларк?

— Да?

Я была рада, что стою у него за спиной. Мне не хотелось, чтобы он видел мое лицо.

Уилл помедлил. Его шея, прежде прикрытая волосами, была особенно бледной. Она выглядела мягкой, белой и странно уязвимой.

— Вот что... извините меня за сестру. Она была... очень расстроена, но это не дает ей права грубить. Иногда она чересчур непосредственна. Не понимает, как это действует людям на нервы. — Он помолчал. — Наверное, поэтому ей нравится в Австралии.

— Хотите сказать, у них принято резать правду-матку?

— Что?

— Ничего. Поднимите голову, пожалуйста. — Я методично обрабатывала его голову ножницами и расческой, пока все волоски не были подстрижены и не усыпали пол вокруг его ног.

Все стало ясно к концу дня. Пока Уилл смотрел с отцом телевизор, я взяла лист бумаги из принтера, ручку из банки на кухонном окне и все записала. Сложила письмо, нашла конверт и оставила на кухонном столе, адресовав матери Уилла.

Когда я уходила, Уилл беседовал с отцом. Более того, он смеялся. Я замерла в прихожей с сумкой на плече, прислушиваясь. Почему он смеется? Что могло его обрадовать, учитывая, что всего через несколько недель он лишит себя жизни?

— Я пошла, — крикнула я через порог.

— Погодите, Кларк... — начал он, но я уже закрыла за собой дверь.

Во время короткой поездки на автобусе я пыталась придумать, что сказать родителям. Они будут в ярости, узнав, что я бросила идеальную, с их точки зрения, и хорошо оплачиваемую работу. После первого потрясения мать примет страдальческий вид и станет защищать меня, утверждая, что мне приходилось слишком тяжело. Отец, наверное, спросит, почему я не беру пример с сестры. Он часто об этом спрашивает, хотя не я разрушила свою жизнь, забеременев и требуя от родных финансовой поддержки и присмотра за ребенком. В нашем доме нельзя говорить ничего подобного, поскольку, если верить моей матери, это все равно что заявить, будто Томас не дар Божий, а все дети — дар Божий, даже те, которые частенько говорят «педик» и чье присутствие означает, что половина потенциальных кормильцев семьи не может найти себе приличную работу.

Я не смогу поведать им правду. Конечно, я ничего не должна была Уиллу и его семье, но не хотела, чтобы их донимали любопытные соседи.

Все эти мысли теснились у меня голове, когда я вышла из автобуса и пошла вниз по склону холма. А потом я завернула на нашу улицу, услышала крики, ощутила легкую дрожь воздуха и на время обо всем забыла.

У нашего дома собралась небольшая толпа. Я прибавила ходу, опасаясь, что случилось несчастье, но затем увидела родителей на крыльце и поняла, что наш дом вообще ни при чем. Всего лишь последняя из долгой серии маленьких войн, отличавших брак соседей.

Что Ричард Гришем не самый верный муж, не было новостью для соседей. Но, судя по сцене в саду, могло быть новостью для его жены.

— Ты что, считаешь меня полной идиоткой? На ней была твоя футболка! Которую я заказала тебе на день рождения!

— Детка... Димпна... это не то, что ты думаешь.

— Я зашла за твоими чертовыми яйцами по-шотландски!^[40] И увидела ее в твоей футболке! Бесстыдница! А я даже не люблю яйца по-шотландски!

Я притормозила, проталкиваясь через небольшую толпу к нашим воротам и глядя, как Ричард уворачивается от DVD-плеера. За плеером последовала пара ботинок.

— И давно они так?

Мать в аккуратно завязанном фартуке расплела руки, сложенные на груди, и посмотрела на часы.

— Добрых три четверти часа. Бернард, как по-твоему, добрых три четверти часа?

— Смотря откуда считать — когда она начала выбрасывать одежду или когда он вернулся и обнаружил это.

— Я сказала бы, когда он вернулся домой.

— Тогда скорее полчасика, — поразмыслив, решил папа. — Однако в первые пятнадцать минут она вышвырнула из окна изрядно вещей.

— Твой папа говорит, что, если на этот раз она все-таки его выгонит, он поборется за «Блэк энд Декер»^[41] Ричарда.

Толпа росла, но Димпна Гришем не сдавалась. Напротив, казалось, рост аудитории ее воодушевляет.

— Забирай свои грязные журнальчики! — крикнула она, швыряя из окна стопку журналов.

В толпе раздались одобрительные возгласы.

— Посмотрим, как ей понравится, когда ты засядешь с ними в уборной вечером в воскресенье! — Димпна исчезла в доме и вернулась к окну, вывалив корзину белья на лужайку. — И свои грязные подштанники. Посмотрим, будет ли она считать тебя... как бишь там?.. жеребцом, когда ей придется стирать их каждый день!

Ричард тщетно подбирал охапки своих вещей, приземлявшихся на лужайку. Он что-то кричал в окно, но на фоне общего шума и улюлюканья трудно было расслышать. Словно ненадолго признав поражение, он пробился сквозь толпу, отпер свою машину, швырнул на заднее сиденье охапку вещей и захлопнул дверцу. Удивительно, но никто не покушался на его грязное белье, хотя коллекция компакт-дисков и видеоигр пользовалась успехом.

Бабах! Все на мгновение замолчали, когда стереосистема приземлилась на дорожку.

Ричард с недоверием поднял взгляд:

— Сумасшедшая сучка!

— Ты трахал эту сифилитичную косоглазую тролльчиху из гаража, а я — сумасшедшая сучка?

— Как насчет чашки чая, Бернард? — повернулась к отцу мать. — По-моему, становится довольно прохладно.

— С удовольствием, дорогая. Спасибо. — Отец не сводил глаз с соседского дома.

Когда мать ушла в дом, я заметила машину. Это было так неожиданно, что сначала я ее не узнала — «мерседес» миссис Трейнор, темно-синий, приземистый и неброский. Она притормозила, изучая сцену на мостовой, и мгновение помедлила, прежде чем выйти из машины. Она постояла, разглядывая дома, возможно, в поисках номеров. А затем увидела меня.

Я сбежала с крыльца и пошла по дорожке, прежде чем папа успел спросить, куда я направляюсь. Миссис Трейнор стояла подле толпы и взирала на хаос, как Мария-Антуанетта — на бунтующих крестьян.

— Семейная ссора, — сообщила я.

— Заметно. — Она отвела глаза, как будто смутилась.

— И вполне конструктивная по их стандартам. Они ходят к семейному консультанту.

Эlegantного шерстяного костюма, жемчуга и дорогой стрижки хватало, чтобы миссис Трейнор выделялась на нашей улице на фоне тренировочных штанов и дешевых ярких тряпок из сетевых магазинов. Держалась она очень чопорно, хуже, чем в то утро, когда застала меня спящей в комнате Уилла. Дальним уголком сознания я отметила, что не стану скучать по Камилле Трейнор.

— Мне хотелось бы побеседовать с вами. — Из-за шума толпы ей пришлось повысить голос.

Миссис Гришем приступила к коллекционным винам Ричарда. Каждую разбитую бутылку встречали радостные вопли и очередные искренние мольбы мистера Гришема. Ручеек красного вина вился между ног и стекал в канаву.

Я посмотрела на толпу, а затем на свой дом. Я просто не могла привести миссис Трейнор в нашу гостиную, заваленную игрушечными паровозиками, с тихо дремлющим перед телевизором дедушкой, мамой, прыскающей освежителем воздуха, чтобы скрыть запах папиных носков, и Томасом, выскакивающим перед гостями, словно чертик из табакерки, с

коронным «педик» на устах.

— Мм... Сейчас не лучшее время.

— Быть может, поговорим в моей машине? Послушайте, всего пять минут, Луиза. Несомненно, пять минут вы обязаны нам уделить.

Парочка соседей глянула в мою сторону, когда я забиралась в машину. Мне повезло, что Гришемы — сенсация дня, не то меня тут же принялись бы обсуждать. На нашей улице если садишься в дорогую машину, значит подцепила футболиста либо тебя арестовали полицейские в штатском.

Дверца захлопнулась с едва слышным щелчком, и внезапно воцарилась тишина. Автомобильный запах кожи и мы с миссис Трейнор, больше ничего. Никаких оберток от конфет, грязи, забытых игрушек или ароматизаторов, призванных замаскировать вонь пакета с молоком, разлитого три месяца назад.

— Я думала, вы с Уиллом неплохо ладите. — Она словно обращалась к кому-то прямо перед собой. Когда я не ответила, она спросила: — Вас не устраивает оплата?

— Устраивает.

— Хотите увеличить обеденный перерыв? Я понимаю, что он довольно короткий. Я могу попросить Натана...

— Дело не в расписании. И не в деньгах.

— Тогда...

— Я правда не хочу...

— Послушайте, вы не можете бросить работу в одночасье и даже не позволить мне узнать, в чем, собственно, дело.

— Я вас подслушала, — глубоко вдохнув, ответила я. — Вас и вашу дочь. Вчера вечером. И я не хочу... не хочу быть частью этого.

— Вот как...

Мы сидели и молчали. Мистер Гришем пытался выбить переднюю дверь, а миссис Гришем усердно швыряла всем, что подворачивалось под руку, ему в голову. Выбор метательных снарядов — рулон туалетной бумаги, коробка тампонов, ершик для унитаза, флаконы шампуня — позволял предположить, что она перебралась в ванную.

— Пожалуйста, не уходите, — тихо сказала миссис Трейнор. — Уиллу хорошо с вами. Больше, чем когда-либо в последнее время. Я... Будет очень сложно найти вам достойную замену.

— Но вы... вы собираетесь отвезти его в место, где люди кончают с собой. В «Дигнитас».

— Нет. Я буду делать все, чтобы этого не случилось.

— Что, например? Молиться?

Миссис Трейнор окинула меня взглядом, который мама назвала бы «старомодным».

— Полагаю, вам уже известно, что если Уилл решил не подпускать кого-либо к себе, его никто не сможет переубедить.

— Я все поняла, — сказала я. — Меня взяли главным образом для того, чтобы он не сжульничал и не покончил с собой раньше срока. Верно?

— Нет. Это не так.

— Вот почему вас не волновала моя квалификация.

— Мне показалось, что вы яркая, жизнерадостная и необычная. Вы не были похожи на сиделку. Вы вели себя... не как остальные. Я подумала... подумала, что вы можете подбодрить моего сына. И вы... вы его подбодрили, Луиза. Когда я вчера увидела его без этой кошмарной бороды... Похоже, вы одна из немногих способны до него достучаться.

Из окна вылетел ком постельного белья. Простыни изящно развернулись еще в воздухе. Двое детишек схватили одну, натянули на головы и принялись бегать по маленькому садику.

— Надо было сразу сказать, что вам нужен надсмотрщик.

Камилла Трейнор вздохнула, как будто вежливо объясняла что-нибудь дебилу. Интересно, она в курсе, что ее слова заставляют собеседника почувствовать себя идиотом? Интересно, она намеренно развила это качество? Вряд ли я когда-нибудь научусь ставить людей ниже себя.

— Возможно, вначале так и было... но я уверена, что Уилл сдержит данное слово. Он обещал мне шесть месяцев, и я их получила. Нам нужно это время, Луиза. Мы должны показать ему, что потеряно не все. Я надеялась заронить в его душу идею, что он еще может наслаждаться жизнью, хоть и не той, о которой мечтал.

— Но это все ложь. Вы лгали мне и лжете друг другу.

Казалось, она не слышит. Миссис Трейнор повернулась ко мне, доставая чековую книжку, держа ручку наготове:

— Послушайте, что вы хотите? Я удвою вашу зарплату. Скажите, сколько вы хотите.

— Мне не нужны ваши деньги.

— Автомобиль. Льготы. Бонусы...

— Нет...

— Тогда... как мне заставить вас передумать?

— Простите. Я не... — Я попыталась вылезти из машины.

Миссис Трейнор схватила меня за руку. Ее ладонь лежала на моей руке, чуждая и агрессивная. Мы обе смотрели на нее.

— Вы подписали контракт, мисс Кларк, — сказала она. — Вы

подписали контракт, в котором обязались работать на нас в течение шести месяцев. По моим подсчетам, прошло всего два. Я просто требую, чтобы вы выполняли свои контрактные обязательства. — Ее голос стал ломким. Я посмотрела на ладонь миссис Трейнор и увидела, что та дрожит. Она сглотнула. — Пожалуйста.

Родители наблюдали за нами с крыльца. Стояли с кружками в руках. Единственные, кто не смотрел соседское шоу. Они неловко отвернулись, когда увидели, что я их заметила. До меня дошло, что на папе клетчатые тапочки в пятнах краски.

— Миссис Трейнор, я правда не могу сидеть и смотреть сложа руки... Это слишком странно. — Я нажала на ручку дверцы. — Я не хочу в этом участвовать.

— Просто подумайте об этом. Завтра Великая пятница... Я скажу Уиллу, что у вас семейный праздник, если вам действительно нужно время. Возьмите выходной на размышления. Но, пожалуйста... вернитесь. Вернитесь и помогите ему.

По дороге домой я ни разу не обернулась. Направилась в гостиную и села смотреть телевизор, а родители вошли следом, обмениваясь взглядами и делая вид, что не обращают на меня внимания.

Прошло минут десять, прежде чем я наконец услышала, как миссис Трейнор завела машину и уехала.

Сестра явилась ко мне через пять минут после возвращения домой, протопав по лестнице и распахнув дверь моей комнаты.

— Входи. — Я лежала на кровати, закинув ноги на стену и глядя в потолок. На мне были колготки и голубые шорты в блестках, которые в последнее время некрасиво болтались на бедрах.

— Это правда? — Катрина стояла в дверях.

— Что Димпна Гришем наконец выгнала своего никчемного обманщика и волокиту муженька и?..

— Не смешно. Насчет твоей работы.

— Да, я уволилась. — Я провела по узору на обоях большим пальцем ноги. — Да, я знаю, что мама и папа не слишком этому рады. Да, да и да на все, что ты намерена мне заявить.

Сестра старательно закрыла за собой дверь, плюхнулась в изножье кровати и энергично выругалась.

— Поверить, черт возьми, не могу. — Она спихнула мои ноги со стены, так что они почти упали на кровать.

Я села прямо.

— Ой!

— Поверить не могу. — Лицо Катрины было багровым. — Мама просто раздавлена. Папа тоже, хотя виду не подает. Откуда им взять денег? Ты же знаешь, что папа боится потерять работу. Какого черта ты оставила такое замечательное место?!

— Не надо читать мне нотации, Трина.

— Кто-то ведь должен! Тебе нигде больше не предложат таких денег. И как это будет выглядеть в резюме?

— Только не надо делать вид, будто тебя волнует что-либо, кроме тебя самой и твоих желаний.

— Что?

— Тебе плевать, что я делаю, главное, чтобы ты могла уехать и вернуться к своей пафосной карьере. Я нужна только для того, чтобы кормить семью и присматривать за ребенком. Тебе плевать на других. — Конечно, это звучало злобно и некрасиво, но я ничего не могла поделать. В конце концов, именно положение сестры втянуло нас в этот кошмар. Обида, копившаяся годами, наконец нашла выход. — Мы все застряли на работах, которые ненавидим, чтобы малышка Катрина могла удовлетворить свои чертовы амбиции.

— Дело не во мне.

— Неужели?

— Нет, дело в том, что ты не способна удержаться на единственной приличной работе, которую тебе предложили за много месяцев.

— Да что ты знаешь о моей работе?

— Я знаю, что за нее платят намного больше минимальной зарплаты. Больше мне ничего знать не нужно.

— Не все в жизни измеряется деньгами.

— Seriously? Тогда спустись и скажи это маме и папе.

— Не смей читать мне чертовы нотации о деньгах, когда сама годами не платишь ни гроша за этот дом!

— Ты же знаешь: из-за Томаса я на мели.

Я начала выталкивать сестру за дверь. Не припомню, когда в последний раз прикасалась к ней пальцем, но в тот миг мне хотелось кого-то избить, и я боялась, что не сдержусь, если она продолжит меня изводить.

— Иди к черту, Трина! Ясно? Иди к черту и оставь меня одну! — Я захлопнула дверь перед носом сестры.

Когда Катрина наконец принялась медленно спускаться по лестнице, я решила не думать о том, что она скажет родителям, и о том, что они воспримут все это как очередное свидетельство моей катастрофической

неспособности приносить какую-либо пользу. Я решила не думать о Саиде с биржи труда и о том, как я объясню, почему решила бросить самую хорошо оплачиваемую из неквалифицированных работ. Решила не думать о птицефабрике и о том, что в глубине ее лабиринтов, наверное, до сих пор лежит полиэтиленовый комбинезон и шапочка с моим именем.

Я лежала на спине и думала об Уилле. Думала о его злости и его печали. Думала о том, что сказала его мать: я одна из немногих могу до него достучаться. Думала о том, как он старался не смеяться над «Песней Абизьянки» в ночь, когда за окном падал золотистый снег. Думала о теплой коже, мягких волосах и руках живого человека, намного более умного, чем я когда-либо стану, умеющего шутить и все же не видящего иного выхода, кроме самоубийства. И наконец я уткнулась головой в подушку и зарыдала, потому что моя жизнь внезапно показалась намного мрачнее и сложнее, чем я могла вообразить, и мне нестерпимо захотелось вернуться во времена, когда не было забот важнее, чем хватит ли нам с Фрэнком пирожных с сухофруктами.

В дверь постучали.

— Иди к черту, Катрина! — Я высморкалась.

— Прости меня. — (Я уставилась на дверь.) — Я принесла вино. — Голос сестры звучал приглушенно, как будто она говорила в замочную скважину. — Ради бога,пусти меня, а то мама услышит. Я спрятала под фуфайкой две кружки, а ты же знаешь, что она думает о пьянках на втором этаже.

Я выбралась из кровати и открыла дверь.

Катрина взглянула на мое лицо с потеками слез и быстро закрыла дверь спальни.

— Ладно. — Она открутила крышку с кружки и налила мне вина. — Что случилось на самом деле?

— Ты никому не должна об этом рассказывать, — сурово посмотрела я на сестру. — Даже папе. И особенно маме.

А затем я ей все рассказала.

Мне нужно было кому-то рассказать.

Мне многое не нравилось в сестре. Несколько лет назад я могла бы показать вам целые листы бумаги, исписанные на эту тему. Я ненавидела ее за то, что у нее густые прямые волосы, а мои не могут отрасти ниже плеч. Я ненавидела ее за то, что Трину невозможно удивить, она уже все знает. Меня бесило, что все школьные годы учителя настоятельно твердили мне, какой умницей она была, как будто я и без того не жила в постоянной тени

ее величества. Я ненавидела Катрину за то, что в двадцать шесть лет я жила в каморке дома на две семьи, чтобы ее внебрачный ребенок мог жить с ней в большой спальне. Но время от времени я была очень рада, что она моя сестра.

Потому что Катрина не стала вопить от ужаса. Она не выглядела потрясенной и не требовала, чтобы я рассказала все маме и папе. Она даже не сказала, что я напрасно бросила работу.

— О боже. — Она сделала большой глоток вина.

— Вот именно.

— Это совершенно законно. Они не могут ему помешать.

— Я знаю.

— Черт! Просто в голове не укладывается.

За время моего рассказа мы опустошили два стакана, и мои щеки начинали гореть.

— Мне ужасно не хочется его бросать. Но я не могу в этом участвовать, Трина. Не могу.

— Мм, — размышляла она.

Сестра умеет делать «умное лицо». Люди не сразу решаются заговорить с ней. Папа говорит, что, когда я делаю «умное лицо», кажется, будто мне нужно в уборную.

— Я не знаю, что делать, — пожаловалась я.

— Все просто, — посмотрев на меня, внезапно просияла Катрина.

— Просто?

— Ой! Кажется, вино кончилось. — Она налила нам еще по стакану. — Да, просто. У них ведь полно денег?

— Мне не нужны их деньги. Она предложила повысить мне зарплату. Дело не в этом.

— Заткнись. Не для тебя, идиотка. У них есть собственные деньги. И она наверняка получила прорву денег по страховке от несчастного случая. Так вот, потребуй у них денег и заставь Уилла Трейнора передумать за оставшиеся — сколько там? — четыре месяца.

— Что?

— Заставь его передумать. Кажется, ты сказала, что он проводит большую часть времени взаперти? Итак, начни с малого, а когда немного расшевелишь, постарайся придумать для него потрясающие занятия, все, что может вернуть ему волю к жизни, — приключения, путешествия, купание с дельфинами и так далее. Я тебе помогу. Поищу варианты в Интернете и библиотеке. Уверена, мы найдем для него чудесные занятия. Занятия, которые сделают его по-настоящему счастливым.

— Катрина... — Я глядела на нее.

— Да, я знаю, — усмехнулась она, когда я расплылась в улыбке. — Я чертов гений.

Трейноры слегка удивились. Вообще-то, это еще мягко сказано. Миссис Трейнор сначала испытала потрясение, затем легкое смущение, а после ее лицо стало непроницаемым. Ее дочь, свернувшись клубочком на диване, просто насупилась — мама любит повторять, что подобная кислая мина может прилипнуть к лицу на всю жизнь. Вот вам и восторженная реакция, на которую я надеялась!

— Но что именно вы собираетесь делать?

— Пока не знаю. Моя сестра умеет искать информацию. Она сейчас выясняет, что вообще доступно квадриплегикам. Но для начала мне хотелось бы узнать, пойдете ли вы на это.

Мы сидели в гостиной. В этой же комнате я проходила собеседование, только теперь миссис Трейнор и ее дочь примостились на диване, а между ними лежала слюнявая старая собака. Мистер Трейнор стоял у камина. На мне был укороченный жакет из темно-синего денима, короткое платье и армейские ботинки. Наверное, стоило выбрать более деловой наряд для изложения своего плана.

— Можно я уточню? — Камилла Трейнор наклонилась вперед. — Вы хотите забрать Уилла из этого дома.

— Да.

— И устроить для него серию «приключений».

Судя по ее тону, я предлагала подвергнуть ее сына любительской микрохирургии.

— Да. Как я уже сказала, я пока не знаю, что именно можно сделать. Но суть в том, чтобы расшевелить его, показать ему мир. Думаю, начать можно здесь, а после расширить поле деятельности.

— Вы говорите о путешествии за границу?

— За границу?.. — заморгала я. — Скорее, я подумываю отвезти его в паб. Или на шоу... для начала.

— Уилл два года практически не выходит из дома, не считая посещений больницы.

— Ну да... Я надеялась его уговорить.

— А вы, разумеется, разделите с ним все приключения, — заметила Джорджина Трейнор.

— Послушайте, я не требую ничего экстраординарного. Для начала я просто хочу вытащить его из дома. Прогуляться вокруг замка или заглянуть

в паб. Если в результате мы отправимся плавать с дельфинами во Флориду — замечательно. Но вообще-то, я хочу просто вытащить его из дома и подумать, что делать дальше.

Я не стала уточнять, что при одной мысли о том, чтобы съездить в больницу с Уиллом без Натана, меня до сих пор бросает в холодный пот. Свезить его за границу для меня так же реально, как пробежать марафон.

— По-моему, отличная идея, — заявил мистер Трейнор. — Расшевелить Уилла — именно то, что нужно. Если целыми днями сидеть в четырех стенах, добра не жди.

— Мы пытались расшевелить его, Стивен, — возразила миссис Трейнор. — По-твоему, мы просто позволили ему гнить? Я пыталась много раз.

— Знаю, дорогая, но ведь у нас ничего не вышло. Если Луиза сможет придумать занятия, которые Уилл решит попробовать, это, несомненно, пойдет на пользу.

— Вот именно, «решит попробовать».

— Это всего лишь идея, — начала злиться я. Мне было ясно, о чем она думает. — Если вы не хотите, чтобы я это делала...

— ...вы уйдете? — посмотрела она на меня в упор.

Я не отвернулась. Миссис Трейнор меня больше не пугала. Теперь я знала, что она не лучше меня. Женщина, способная сидеть сложа руки, когда ее сын умирает у нее на глазах.

— Да, по всей вероятности.

— Итак, это шантаж.

— Джорджина!

— Хватит ходить вокруг да около, папочка.

— Нет. Не шантаж. — Я села чуть прямее. — Это то, в чем я готова участвовать. Я не могу сидеть и тихо ждать, когда... Уилл... ну...

Все посмотрели в свои чашки чая.

— Как я уже сказал, — твердо произнес мистер Трейнор, — я считаю, что это замечательная мысль. Если вы сумеете уговорить Уилла, не понимаю, что тут может быть плохого. Мне бы хотелось, чтобы он куда-нибудь съездил. Просто... просто скажите, что нам делать.

— У меня есть идея. — Миссис Трейнор положила руку на плечо дочери. — Ты могла бы отправиться с ними, Джорджина.

— Я не против.

Я действительно была не против. Уговорить Уилла куда-нибудь съездить... С тем же успехом я могу участвовать в телевикторине.

— Я не могу, — неловко поежилась Джорджина Трейнор. — Ты же

знаешь, что через две недели я выхожу на новую работу. Я не могу вернуться в Англию, проработав всего ничего.

— Ты возвращаешься в Австралию?

— Чему ты так удивляешься? Я же говорила, что приехала в гости.

— Я просто думала, что... учитывая... учитывая последние события, ты смогла бы задержаться. — Камилла Трейнор смотрела на дочь, как никогда не смотрела на Уилла, сколь бы груб он с ней ни был.

— Это очень хорошая работа, мама. Я боролась за нее последние два года. — Она обернулась на отца. — Моя жизнь продолжается, несмотря на психическое состояние Уилла.

Последовало долгое молчание.

— Это нечестно. Если бы в кресле оказалась я, разве ты попросила бы Уилла отложить все дела?

Миссис Трейнор не смотрела на дочь. Я опустила взгляд на свой список, читая и перечитывая первый абзац.

— У меня тоже есть жизнь, знаешь ли, — добавила Джорджина.

— Давайте обсудим это в другой раз. — Мистер Трейнор опустил руку на плечо дочери и осторожно сжал его.

— Да, давайте. — Миссис Трейнор принялась листать бумаги перед собой. — Хорошо. Предлагаю поступить следующим образом. Я хочу знать обо всем, что вы планируете. — Она подняла на меня глаза. — Я хочу знать стоимость, и, если возможно, мне хотелось бы увидеть расписание, чтобы я попыталась выкроить время и смогла сопровождать вас. У меня остались неизрасходованные выходные, которые...

— Нет.

Мы все повернулись и уставились на мистера Трейнора. Он гладил собаку по голове, и лицо его было спокойным, но голос — твердым.

— Нет. Я не думаю, что тебе стоит ездить, Камилла. Мы должны позволить Уиллу быть самостоятельным.

— Уилл не может быть самостоятельным, Стивен. Столько всего необходимо предусмотреть, если Уиллу куда-нибудь нужно! Это сложно. Мы не можем оставить это на...

— Нет, дорогая, — повторил он. — Натан может помочь, и Луиза прекрасно справится.

— Но...

— Уиллу нужно почувствовать себя мужчиной. Это невозможно, если его мать — или, собственно говоря, сестра — где-то рядом.

На мгновение мне стало жаль миссис Трейнор. На ее лице все еще была высокомерная маска, но я видела, что под ней она слегка растеряна,

как будто не вполне понимает, что творит ее муж. Она схватилась за цепочку на шее.

— Я позабочусь о его безопасности, — пообещала я. — И загодя сообщу обо всем, что мы запланируем.

Подбородок миссис Трейнор был выпячен так сильно, что под скулой билась жилка. Возможно, в этот миг она искренне ненавидела меня.

— Я тоже хочу, чтобы Уилл жил, — добавила я.

— Мы это понимаем, — сказал мистер Трейнор. — И ценим вашу решимость. И благоразумие.

Я задумалась, что он имеет в виду — Уилла или нечто совершенно иное, а затем он встал, и я поняла, что аудиенция окончена. Джорджина и ее мать продолжали молча сидеть на диване. Похоже, им многое предстоит обсудить.

— Хорошо, — сказала я. — Я составлю для вас план, как только все обдумаю. Очень скоро. У нас мало...

— Я знаю. — Мистер Трейнор похлопал меня по плечу. — Просто сообщите, когда будете готовы.

Трина дула себе на руки и невольно переступала с ноги на ногу. На ней был мой темно-зеленый берет. Досадно, но на ней он выглядел намного лучше. Сестра наклонилась и, указав на список, который только что достала из кармана, протянула его мне:

— Пункт номер три, наверное, придется вычеркнуть, или, по крайней мере, отложить до тепла.

Я просмотрела список:

— Баскетбол для квадриплегики? Я даже не в курсе, любит ли он баскетбол.

— Дело не в этом. Черт, ну и холодрыга. — Она натянула берет на уши. — Дело в том, что баскетбол поможет ему смотреть на мир шире. Он поймет, что есть другие люди, которым так же тяжело, как и ему, но они занимаются спортом, и не только.

— Ну, не знаю. Он даже чашку поднять не может. Наверное, эти люди параплегики.^[42] Не представляю, как кинуть мяч без помощи рук.

— Ты не улавливаешь суть. Ему не нужно ничего делать, ему нужно научиться смотреть на мир шире, верно? Мы покажем ему, на что способны другие инвалиды.

— Как скажешь.

В толпе негромко забормотали. Вдалеке показались бегуны. Поднявшись на цыпочки, я с трудом могла различить на расстоянии пары

мил, внизу в долине, небольшую группу подскакивающих белых точек, через мороз прокладывающих путь по сырой и серой дороге.

Я посмотрела на часы. Мы уже почти сорок минут стояли на холме, заслуженно прозванном Ветреным, и я совсем не чувствовала ног.

— Я посмотрела, что можно найти поблизости, и если ты не хочешь ездить далеко, через пару недель будет матч в спортивном центре. Он даже может поставить на результат.

— Поставить?

— Так он сможет немного поучаствовать, ничего не делая. Смотри, вон они. Как ты думаешь, скоро они до нас доберутся?

Мы стояли на финише. Над нашими головами уныло хлопал на пронизывающем ветру транспарант: «Финиш весеннего триатлона».

— Не знаю. Через двадцать минут? Или больше? У меня на крайний случай припасен батончик «Марс». Хочешь кусочек? — Я полезла в карман. Список захлопал на ветру. — Что ты еще нашла?

— Кажется, ты говорила, что хочешь расширить поле деятельности? — Трина указала на мою руку. — Твоя половина больше.

— Тогда давай поменяемся. По-моему, его семья считает меня любительницей халявы.

— Только потому, что ты хочешь свозить его немного поразвлечься? О боже! Они должны быть благодарны, что хоть кто-то старается. Но не похоже. — Трина снова откусила от «Марса». — Ладно. Думаю, номер пять подойдет. Он может закончить компьютерные курсы. На голову надевают такую штуку с палочкой, а потом надо кивать головой и стучать по клавиатуре. В Интернете полно групп для квадриплегики. Он сможет завести кучу новых друзей. Не придется даже выходить из дома. Я поговорила кое с кем в чатах. Очень милые ребята. Вполне, — пожала она плечами, — нормальные.

Мы молча ели свои половинки «Марса», глядя, как приближается группа бегунов самого унылого вида. Патрика я не видела. Как всегда. Такое лицо, как у него, мгновенно растворяется в толпе.

— Так, перейдем к культурному разделу. — Катрина ткнула пальцем в листок. — Вот концерт специально для инвалидов. Кажется, ты говорила, что он образованный? Сядет и унесется на крыльях музыки. Разве музыка не помогает вырваться из собственного тела? Это мне посоветовал Дерек с усами, с работы. Он сказал, на концерте может стать шумно из-за совсем больных людей, которые иногда кричат, но я уверена, что ему все равно понравится.

— Ну, не знаю, Трина... — Я сморщила нос.

— Ты боишься только потому, что я сказала «культурный». Тебе придется всего лишь сидеть рядом с ним. И не хрустеть попкорном. Или, если хочешь чего-нибудь погорячее... — усмехнулась она, — стриптиз-клуб? Можешь отвезти его в Лондон.

— Ходить со своим работодателем по стриптизершам?

— Ну, ты же сказала, что делаешь для него все остальное — моешь, кормишь и так далее. Почему бы тебе не посидеть рядом, пока у него стояк?

— Трина!

— Он наверняка скучает по этому делу. Можешь даже купить ему приватный танец.

Несколько человек из толпы обернулись на нас. Сестра хохотала. Она умела говорить о сексе как о разновидности отдыха. Как будто он ничего не значил.

— На обратной стороне — дальние поездки. Не знаю, что тебе понравится, но как насчет дегустации вина в долине Луары?.. Не так уж далеко для начала.

— А квадриплегик может напиться?

— Не знаю. Спроси у него.

— Итак... — Я нахмурилась, глядя на список. — Мне предстоит вернуться и сказать Трейнорам, что я собираюсь напоить их склонного к самоубийству сына, потратить их деньги на стриптиз и приватные танцы, а затем свозить его на Параолимпийские игры...

Трина выхватила у меня список:

— Непохоже, чтобы ты придумала что-нибудь получше, черт побери!

— Я просто думала... Не знаю. — Я потеряла нос. — Если честно, я в растерянности. Мне даже в сад его толком не выманить.

— С таким настроением ничего не добьешься. Ой, смотри! Бегут. Давай улыбаться.

Мы пробились через толпу и принялись кричать. Довольно сложно издавать положенное количество одобрительных возгласов, когда губы едва шевелятся от холода.

Наконец в море напряженных тел я увидела голову Патрика. Его лицо блестело от пота, все сухожилия на шее были натянуты, а черты искажены, словно от муки. Это же лицо волшебным образом преобразится, когда он пересечет линию финиша, как будто он способен достичь высот, лишь измерив свои личные глубины. Он меня не заметил.

— Вперед, Патрик! — слабо пискнула я.

И он промелькнул мимо, стремясь к линии финиша.

Трина не разговаривала со мной два дня, после того как я не сумела должным образом похвалить ее список запланированных дел. Родители ничего не заметили, они были вне себя от радости, что я решила не бросать работу. Руководство мебельной фабрики назначило серию встреч в конце недели, и папа был уверен, что его сократят. Еще никто не избежал отбраковки после сорока лет.

— Мы очень благодарны тебе за поддержку, милая, — повторяла мама так часто, что мне становилось немного не по себе.

Неделя выдалась забавная. Трина начала собираться на курсы, и мне каждый день приходилось пробираться наверх и рыться в сумках, чтобы проверить, какие мои вещи она захватила с собой. Большая часть моей одежды была в безопасности, но я уже успела выудить фен, поддельные солнечные очки «Прада» и свою любимую косметичку с лимонами. Если я возмущалась, сестра пожимала плечами и с уверенностью в своей правоте говорила: «Ты же ими все равно не пользуешься».

В этом была вся Трина. Она считала, что ей все обязаны. Несмотря на рождение Томаса, она так и не перестала быть младшим ребенком в семье. В ней глубоко укоренилось чувство, будто весь мир вращается вокруг ее персоны. Когда в детстве сестра устраивала истерику из-за того, что хотела что-то мое, мама умоляла «отдать ей это, ради бога», лишь бы в доме воцарился покой. Через двадцать лет ничего толком не изменилось. Нам приходилось сидеть с Томасом, чтобы Трина могла развлекаться, кормить его, чтобы Трина не волновалась, покупать ей дорогие подарки на день рождения и Рождество, «потому что из-за Томаса она во всем себе отказывает». Ничего, обойдется без моей чертовой косметички с лимонами. Я прикрепила на дверь своей комнаты записку: «ЭТО МОИ ВЕЩИ. БРЫСЬ ОТСЮДА». Трина сорвала ее и нажаловалась маме, что я веду себя ужасно по-детски и что в мизинчике Томаса больше зрелости, чем во мне.

Но это навело меня на размышления. Однажды вечером, когда Трина ушла на вечерние курсы, я зашла на кухню, где мама разбирала папины рубашки перед глажкой.

— Мама...

— Да, милая.

— Как по-твоему, я могу перебраться в комнату Трины, когда она уедет?

Мама замерла, прижав к груди наполовину сложенную рубашку.

— Не знаю. Я об этом пока не думала.

— В смысле, если они с Томасом уедут, вполне справедливо поселить

меня в спальне приличного размера. Разве не глупо, если она будет пустовать, когда они уедут в колледж?

— Наверное, ты права, — кивнула мама и осторожно положила рубашку в корзину.

— К тому же эта комната должна быть моей, поскольку я старше и так далее. Она досталась ей только из-за Томаса.

Мама сочла мои доводы разумными.

— Да, конечно. Я поговорю об этом с Триной.

Сейчас я понимаю, что лучше было сначала побеседовать с сестрой.

Через три часа она ворвалась в гостиную мрачная, словно туча:

— Уже делишь мое наследство?

Дедушка рывком очнулся в кресле, рефлекторно прижав руку к груди.

— Ты о чем? — Я оторвала взгляд от экрана телевизора.

— А где мы с Томасом будем жить на выходных? Мы не поместимся в каморке вдвоем. Там даже вторую кровать не поставить.

— Вот именно. А я торчу в ней пять лет. — Я сознавала, что никогда еще не была так права, и потому вспыхнула больше, чем предполагала.

— Ты не можешь занять мою комнату. Это нечестно.

— Ты даже не будешь в ней жить!

— Но она мне нужна! Мы с Томасом просто не сможем поместиться в каморке. Папа, скажи ей!

Папа уткнулся подбородком в воротник и скрестил руки на груди. Он терпеть не мог, когда мы ссорились, и старался спихнуть все на маму.

— Потихе, девочки, — сказал он.

Дедушка покачал головой, как будто не мог нас понять. В последнее время дедушка часто качал головой.

— Я тебе не верю. Неудивительно, что ты так старалась выпихнуть меня из дома.

— Что? Ты умоляла меня не бросать работу, чтобы помогать тебе деньгами, — и это часть моего злодейского плана?

— Ты такая двуличная!

— Катрина, успокойся. — Мама появилась в дверях, с ее резиновых перчаток на ковер гостиной капала мыльная пена. — Давайте все обсудим спокойно. Я не хочу, чтобы вы растревожили дедушку.

— На самом деле она хочет, чтобы я уехала. — Лицо Катрины пошло пятнами, как в детстве, когда ей не удавалось получить желаемое. — Вот в чем дело. Ей не терпится, чтобы я уехала: она завидует тому, что я не пускаю свою жизнь на самотек. И теперь она просто хочет усложнить мне возвращение домой.

— Да ты вообще, может, не станешь приезжать домой на выходные! — обиженно завопила я. — Мне нужна нормальная комната, а не чулан, а ты все время жила в лучшей комнате только потому, что у тебя хватило дурасти залететь.

— Луиза! — воскликнула мама.

— А если бы ты не была такой тупой и смогла найти нормальную работу, то давно бы жила в своей собственной квартире. Ты уже достаточно взрослая. В чем дело? Наконец сообразила, что Патрик на тебе не женится?

— Хватит! — взревел в наступившей тишине папа. — С меня довольно! Трина, выйди на кухню. Лу, сядь и заткнись. Мне и так несладко живется, не хватало только ваших кошачьих концертов.

— Можешь больше не рассчитывать на мою помощь со своим дурацким списком. Ты еще пожалеешь! — прошипела Трина, пока мама выволакивала ее за дверь.

— И прекрасно. Мне в любом случае не нужна твоя помощь, приживала. — Я присела, потому что папа швырнул мне в голову программу передач.

Утром в субботу я отправилась в библиотеку. Кажется, я не была в ней со школы — вполне возможно, что из страха, что мне припомнят Джуди Блум, ^[43] потерянную в седьмом классе, и что липкая официальная рука сожмет мне плечо и потребует 3853 фунта штрафа, когда я буду проходить сквозь викторианские двери, обрамленные колоннами.

Библиотека оказалась совсем иной, чем я помнила. Половину книг, похоже, заменили компакт-диски и DVD, бесконечные полки, набитые аудиокнигами, и даже стойки с поздравительными открытками. И вокруг не было тихо. Из уголка детской книги, где занимался кружок матери и ребенка, доносилось пение и хлопки. Люди читали журналы и вполголоса переговаривались. Отдел, где старики дремали над бесплатными газетами, исчез. Его сменил большой овальный стол, уставленный по периметру компьютерами. Я робко села за один из них, надеясь, что никто не смотрит. Компьютеры, как и книги, — прерогатива моей сестры. К счастью, объявивший меня ужас, похоже, не был здесь новостью. Ко мне подошла библиотекарь и протянула карточку и ламинированный лист с инструкциями. Она не стала торчать над душой, а лишь пробормотала, что в случае необходимости я смогу найти ее за стойкой, оставив меня наедине со стулом на шатких колесиках и пустым экраном.

Единственный компьютер, с которым я имела дело за последние годы, принадлежит Патрику. С его помощью он загружает фитнес-планы и

заказывает спортивные руководства с Amazon. Если он использует его для чего-то еще, я не хочу об этом знать. Однако я выполнила инструкции библиотекаря, перепроверив каждый свой шаг. Как ни странно, все получилось. Это оказалось не элементарно, но просто.

Через четыре часа у меня уже было начало списка.

И никто не упомянул Джуди Блум. Возможно, потому, что я воспользовалась читательским билетом сестры.

По дороге домой я заскочила в магазин канцтоваров и купила календарь. Не ежемесячный календарь, листы которого переворачиваешь, чтобы увидеть свежую фотографию Джастина Тимберлейка или горных пони. Настенный календарь — такие встречаются в офисах, на них маркером отмечают отпуска сотрудников. Я купила его с бодрящей деловитостью человека, который больше всего на свете любит решать административные задачи.

В своей маленькой комнатке я развернула календарь, аккуратно приколотая к тыльной стороне двери и отметила первый день работы у Трейноров, в начале февраля. Затем отсчитала полгода вперед и отметила дату — двенадцатое августа, — до которой осталось меньше четырех месяцев. Я отступила на шаг и какое-то время разглядывала календарь, стараясь переложить на маленький черный кружок часть бремени, которое он означал. И пока я смотрела, до меня начало доходить, во что я ввязалась.

Мне придется заполнить эти маленькие белые квадратики целым морем занятий, способных принести счастье, удовлетворение или радость. Мне придется заполнить их всеми приятными ощущениями, которые я смогу изобрести для мужчины, немощные руки и ноги которого означают, что сам он больше не способен их пробуждать. Впереди чуть меньше четырех месяцев типографских квадратиков, которые необходимо заполнить вылазками, путешествиями, гостями, обедами и концертами. Мне придется отыскать практические способы их осуществить и как следует подготовиться, чтобы все прошло как по маслу.

После чего останется уговорить Уилла.

Я глядела, стиснув ручку, на свой календарь. Этот лоскут ламинированной бумаги внезапно воплотил в себе все бремя ответственности.

У меня осталось сто семнадцать дней, чтобы убедить Уилла Трейнора жить.

В иных местах смену сезонов отмечают перелетные птицы или наступление и отступление моря. В нашем маленьком городке вехой служило возвращение туристов. Сперва из поездов и автомобилей текла, сжимая путеводители и членские билеты Национального треста, робкая струйка в ярких дождевиках, затем, по мере того как прогревался воздух и сезон набирал обороты, автобусы, шипя и отплевываясь, извергали американцев, японцев и группы иностранных школьников, которые запруживали главную улицу и осаждали замок.

В зимние месяцы почти все заведения были закрыты. Владельцы магазинов, что побогаче, коротали долгие промозглые месяцы на заграничных дачах, а более стойкие устраивали рождественские вечеринки и извлекали выгоду из местных концертов рождественских гимнов или праздничных ремесленных ярмарок. Но столбик термометра поднимался все выше, парковка у замка заполнялась машинами, в местных пабах все чаще заказывали «Завтрак пахаря»,^[44] и всего за несколько солнечных воскресных дней мы в очередной раз превратились из сонного ярмарочного городка в традиционную английскую приманку для туристов.

Я поднялась по холму, огибая первых туристов нового сезона, которые прижимали к себе поясные сумки и зачитанные путеводители. Фотоаппараты уже были нацелены на замок, чтобы запечатлеть его весной. Одним я улыбалась, других фотографировала на протянутые мне камеры. Некоторые местные терпеть не могли туристический сезон — пробки, переполненные общественные туалеты, странные заказы в кафе «Булочка с маслом»: «А суши у вас есть? Что, даже роллов нет?» Но только не я. Мне нравилось дышать чужим воздухом и наблюдать вблизи жизни, столь далекие от моей. Нравилось слышать акцент и гадать, откуда прибыл его обладатель, изучать одежду людей, которые никогда не видели каталога «Некст» и не покупали трусы пачками в «Маркс энд Спенсер».

— У вас бодрый вид, — заметил Уилл, когда я бросила сумку в прихожей. Ему удалось произнести это почти как оскорбление.

— Да, ведь сегодня особенный день.

— С чего вдруг?

— Мы едем на прогулку. Покажем Натану скачки.

Уилл и Натан переглянулись. Я едва не засмеялась. Утром, выглянув в окно, я испытала огромное облегчение. При виде солнца я поняла, что все

пройдет замечательно.

— Скачки?

— Ага. Скачки без препятствий в... — я вытащила блокнот из кармана, — Лонгфилде. Если отправимся прямо сейчас, успеем к третьему заезду. И я сделала двойную ставку в пять фунтов на Красавчика, так что давайте пошевеливаться.

— Скачки?

— Да. Натан ни разу не был на скачках.

По такому случаю на мне было голубое стеганое короткое платье, шарф с каймой из удил и кожаные жокейские сапоги.

Уилл внимательно изучил меня, дал задний ход и немного развернул кресло, чтобы лучше видеть Натана.

— Это твоё заветное желание?

Я грозно посмотрела на Натана.

— Д-да, — растянул он рот в улыбке. — Всю жизнь мечтал. Поехали скорее к лошадам.

Разумеется, я его предупредила. Позвонила в пятницу и спросила, в какой день могу на него рассчитывать. Трейнеры согласились оплатить ему сверхурочные. Сестра Уилла уехала в Австралию, и, полагаю, им хотелось, чтобы меня сопровождал «разумный» человек. Но только в воскресенье я окончательно определилась с планами. Скачки казались идеальным началом — приятный день на свежем воздухе и менее чем в полчаса езды.

— А если я скажу, что не хочу ехать?

— Тогда вы должны мне сорок фунтов.

— Сорок фунтов? За что же?

— Мой выигрыш. Двойная ставка в пять фунтов при коэффициенте восемь к одному, — пожала я плечами. — Красавчик — верное дело.

Похоже, я вывела его из равновесия.

Натан хлопнул ладонями о колени.

— Звучит замечательно. И погода отличная, — сказал он. — Собрать обед в дорогу?

— Не-а, — отказалась я. — Там отличный ресторан. Когда моя лошадь придет первой, я вас угощу.

— И часто вы бываете на скачках? — спросил Уилл.

Прежде чем он успел сказать что-либо еще, мы завернули его в куртку, и я выбежала на улицу, чтобы подкатить машину.

Понимаете, я все распланировала. Мы должны были прибыть на ипподром в чудесный солнечный денек. Мимо мчатся жокеи в трепещущих ярких костюмах на лоснящихся тонконогих породистых скакунах. Играет духовой оркестр или даже два. Трибуны полны ликующих людей, и мы находим местечко, чтобы размахивать выигрышными квитанциями. В Уилле просыпается соревновательный дух, и он не в силах устоять перед соблазном прикинуть шансы и выиграть больше, чем Натан или я. Все продумано. А когда нам надоест смотреть на лошадей, отправимся в ресторан при ипподроме, имеющий прекрасные отзывы, и закатим роскошный обед.

Надо было слушать папу. «Знаешь, что такое победа надежды над опытом? — любил говорить он. — Планирование веселых выходных для всей семьи».

Все началось на парковке. До нее мы добрались без приключений, теперь меня чуть меньше беспокоило, что я могу перевернуть Уилла, если буду ехать быстрее пятнадцати миль в час. В библиотеке я уточнила маршрут и почти всю дорогу щебетала о чудесном синем небе, сельской местности и отсутствии пробок. Очереди перед ипподромом, который, честно говоря, оказался немного скромнее, чем я ожидала, не было, и рядом с парковкой имелся соответствующий знак.

Но никто не предупредил меня, что парковка расположена на траве, и не просто на траве, а на траве, по которой много ездили за сырую зиму. Мы встали на место — это оказалось несложно, поскольку парковка была заполнена только наполовину, — и опустили пандус.

— Слишком мягко, — встревожился Натан. — Он утонет.

Я обернулась на трибуны:

— Но если мы выберемся на ту дорожку, все будет хорошо?

— Кресло весит целую тонну, — возразил он. — А до дорожки сорок футов.

— Да ладно. Наверняка эти кресла рассчитаны на мягкую землю.

Я осторожно спустила кресло Уилла на землю. Колеса погрузились в грязь на несколько дюймов.

Уилл ничего не сказал. Ему явно было не по себе, и он молчал большую часть получасовой поездки. Мы стояли рядом с ним и нажимали на кнопки кресла. Поднялся ветер, и щеки Уилла порозовели.

— Идем, — сказала я. — Докатим кресло вручную. Уверена, что вдвоем мы прекрасно справимся.

Мы наклонили Уилла назад. Я взяла одну ручку, Натан другую, и мы потащили кресло к дорожке. Дело продвигалось медленно, в немалой

степени потому, что мне приходилось постоянно останавливаться из-за боли в руках, а на мои чистенькие сапожки налипла грязь. Когда мы наконец добрались до дорожки, одеяло Уилла наполовину соскользнуло и умудрилось попасть под колеса. Один его угол порвался и испачкался.

— Ничего страшного, — сухо заметил Уилл. — Это всего лишь кашемир.

Я притворилась, будто не слышу.

— Прекрасно. Мы это сделали. А теперь пора веселиться.

О да. Веселиться. И кому пришло в голову поставить на ипподроме турникет? Можно подумать, здесь нужно сдерживать толпу. Можно подумать, толпы скандирующих любителей скачек угрожают беспорядками, если Крошка Чарли не выйдет в третьем заезде, и задирают работников конюшен. Мы с Натаном посмотрели на турникет, а затем на кресло Уилла и переглянулись.

Натан подошел к кассе и объяснил наше положение кассирше. Она наклонила голову, чтобы посмотреть на Уилла, и указала на дальний конец трибуны.

— Вход для инвалидов там, — сообщила она.

Она произнесла «инвалидов» как на конкурсе дикторов. До входа было добрых двести ярдов. Когда мы наконец добрались до места, синее небо заволочло тучами и налетел внезапный шквал. Разумеется, зонтик я не захватила. Я без умолку жизнерадостно щебетала о том, как все это забавно и нелепо, и начала раздражать даже саму себя.

— Кларк, — наконец не выдержал Уилл. — Успокойтесь, пожалуйста. Вы утомляете.

Мы купили билеты на трибуны, после чего, едва не падая в обморок от облегчения, что дорога осталась позади, я закатали Уилла под навес сбоку от главной трибуны. Пока Натан наливал Уиллу попить, я воспользовалась передышкой, чтобы посмотреть на других любителей скачек.

У подножия трибун было довольно приятно, несмотря на залетающие капли дождя. На застекленном балконе над нами мужчины в костюмах передавали бокалы с шампанским женщинам в свадебных платьях. Атмосфера на балконе казалась теплой и уютной, и я предположила, что это VIP-зона, рядом с которой в прейскуранте стояла заоблачная цена. Обитатели балкона носили небольшие значки на красных шнурках, отличавшие их от простых смертных. На мгновение я задумалась, не перекрасить ли наши синие шнурки, но решила, что инвалидное кресло не позволит нам проскользнуть незамеченными.

Рядом с нами, сжимая пластиковые стаканчики с кофе и плоские

фляжки, вдоль трибун стояли мужчины в твидовых костюмах и женщины в элегантных утепленных пальто. Они выглядели чуть более буднично, и их значки тоже были синими. Наверное, в основном это были тренеры, грумы и прочие лошадики. Перед трибуной, рядом с маленькими белыми досками, размахивали руками букмекеры — их языка жестов я не понимала. Они черкали на досках комбинации цифр и стирали их манжетами.

Далее в своеобразной пародии на классовую систему у парадного круга стояла группа экскурсантов в полосатых рубашках поло, сжимая банки с пивом. Судя по бритым головам, это были военные. Время от времени они запевали песни или затевали шумные перебранки, бодаясь или пытаясь придушить друг друга. Когда я прошла мимо по пути в туалет, они засвистели вслед моей короткой юбке — похоже, это была единственная юбка на трибунах, — и я показала им средний палец. Однако, когда семь или восемь лошадей принялись обходить друг друга, военные утратили ко мне интерес, проворно расселись и принялись ждать следующего заезда.

А когда небольшая толпа вокруг нас взревела и лошади вылетели из стартовых ворот, я подскочила на месте. Я, неожиданно остолбенев, стояла и смотрела, как они мчатся, не в силах подавить прилив возбуждения при виде стелющихся по воздуху хвостов и лихорадочных усилий разноцветных мужчин в седлах, старавшихся перегнать друг друга. Когда победитель пересек финишную черту, сдержаться и не завопить было практически невозможно.

На наших глазах разыграли Кубок Систервуда, затем «Приз первой победы»,^[45] и Натан выиграл шесть фунтов, сделав небольшую двойную ставку. Уилл ставить не пожелал. Он наблюдал за всеми заездами, но молча, вжав голову в высокий воротник куртки. Наверное, он так долго просидел взаперти, что все это просто не могло не показаться ему странным. Я решила сделать вид, что ничего не замечаю.

— Кажется, это твой заезд, Кубок Хемпворта, — заметил Натан, глядя на экран. — На кого ты, говоришь, поставила? На Красавчика? Вот уж не думал, насколько веселее ставить, когда видишь лошадей своими глазами, — усмехнулся он.

— Знаешь, я не говорила, но я тоже никогда не была на скачках, — призналась я Натану.

— Шутишь!

— И никогда даже не сидела на лошади. Моя мама их ужасно боится. Ни за что бы не пустила меня в конюшни.

— У моей сестры две лошади под Крайстчерчем,^[46] она любит их как детей. Спускает на них все деньги, — пожал он плечами. — И ведь даже не съест их, когда придет срок.

— И сколько заездов необходимо, чтобы удовлетворить вашу заветную мечту? — прервал наш разговор голос Уилла.

— Не ворчите. Как говорится, все в жизни надо попробовать, — парировала я.

— По-моему, лошадиные скачки попадают в категорию «кроме инцеста и народных танцев».

— Не вы ли постоянно твердите, что мне нужно расширить свои горизонты? Вам же нравится. Можете не притворяться, будто это не так.

Лошади сорвались с места. Жокей Красавчика был в фиолетовом костюме с желтым ромбом. Я следила, как он летит вдоль белого ограждения, голова лошади вытянута вперед, ноги жокея подскакивают вверх и вниз, руки оглаживают шею скакуна.

— Вперед, дружище! — против воли присоединился Натан. Его кулаки были сжаты, глаза неотрывно следили за расплывчатой группой животных, мчавшихся по дальней стороне скакового круга.

— Вперед, Красавчик! — завопила я. — На тебе скачет наш роскошный обед!

Я следила, как он тщетно пытается обойти соперников: ноздри расширены, уши прижаты к голове. В горле застрял комок. На последнем фарлонге^[47] я немного притихла.

— Ну ладно, кофе, — сказала я. — Я согласна на кофе.

Трибуны вокруг разразились криками и воплями. В двух сиденьях от нас подпрыгивала девушка, охрипшая от визга. Я заметила, что стою на цыпочках. И тут я посмотрела вниз и увидела, что глаза Уилла закрыты, а между бровями пролегла морщина. Я оторвалась от скакового круга и встала на колени.

— С вами все в порядке, Уилл? — Я придвинулась к нему. — Вам что-нибудь нужно? — Мне приходилось перекрикивать гул.

— Скотч, — ответил он. — Большой стакан скотча.

Я уставилась на него, Уилл поднял глаза, и наши взгляды встретились. Похоже, он был сыт по горло.

— Давайте пообедаем, — сказала я Натану.

Красавчик, четырехногий самозванец, преодолел финишную черту всего лишь шестым. Очередной взрыв восклицаний, и комментатор объявил по громкоговорителю: «Леди и джентльмены, убедительную

победу одержала Леди Любовь, вторым пришел Зимнее Солнце, третьим — Барни Раббл, отстав на два корпуса».

Я протолкала кресло Уилла через стайки невнимательных людей, нарочно наезжая на пятки, если мне не уступали с двух попыток дорогу.

Когда мы оказались у лифта, Уилл подал голос:

— Ну что, Кларк, получается, вы должны мне сорок фунтов?

Ресторан был недавно отремонтирован, кухня перешла под покровительство телевизионного шеф-повара, лицо которого смотрело с плакатов вокруг ипподрома. Я заранее изучила меню.

— Фирменное блюдо — утка в апельсиновом соусе, — сообщила я своим спутникам. — Очевидно, это ретро в стиле семидесятых.

— Как и ваш наряд, — заметил Уилл.

Вдали от холода и толпы он немного приободрился. Начал осматриваться по сторонам, вместо того чтобы замыкаться в своей скорлупе. У меня заурчало в животе от предвкушения доброго горячего обеда. Мать Уилла выдала нам восемьдесят фунтов «на булавки». Я решила, что оплачу свою долю сама и покажу ей чек, а потому могу смело заказывать то, что мне нравится, — хоть жареную ретроутку, хоть что-то другое.

— Ты будешь есть, Натан? — спросила я.

— Я больше люблю пиво и еду навынос, — ответил Натан. — Но все равно рад, что поехал.

— Когда вы в последний раз ели вне дома, Уилл? — спросила я.

Они с Натаном переглянулись.

— Не при мне, — ответил за него Натан.

— Странно, но меня не прельщает перспектива есть с ложечки перед толпой незнакомцев.

— Тогда мы выберем такой столик, чтобы посадить вас спиной к залу. — Я ожидала чего-то подобного. — А если в ресторане обедают знаменитости, вам же хуже.

— Ну конечно, знаменитости кишмя кишат на захудалых скачках по мартовской грязи.

— Вы не испортите мне праздник, Уилл Трейнор, — произнесла я, когда двери лифта открылись. — В последний раз я ела вне дома на вечеринке в честь дня рождения для четырехлеток в единственном боулинге Хейлсбери, а там все было в кляре. Включая детей.

Мы покатали по застеленному ковром коридору. Ресторан располагался вдоль одной из его сторон, за стеклянной стеной, и я

заметила, что свободных столиков хватает.

От предвкушения в животе у меня заурчало.

— Добрый день. — Я вошла в ресторан. — Столик на троих, пожалуйста.

«Только не смотрите на Уилла, — мысленно взмолилась я. — Не заставляйте его испытывать неловкость. Очень важно, чтобы ему тут понравилось».

— Значок, пожалуйста, — произнесла женщина.

— Что?

— Ваш значок VIP-зоны.

Я тупо смотрела на нее.

— Этот ресторан — только для владельцев VIP-значка.

Я обернулась на Уилла и Натана. Они ждали там, где не могли меня слышать. Натан помогал Уиллу снять куртку.

— Э-э-э... Я не знала, что нам нельзя есть, где мы хотим. У нас синие значки.

— Простите, — улыбнулась она. — Только обладатели VIP-значка. Это указано во всех наших рекламных материалах.

— Ладно, — глубоко вдохнула я. — Есть у вас другие рестораны?

— Боюсь, «Весовая», наша обычная столовая, сейчас закрыта на ремонт, но у трибун есть киоски, где можно купить съестное. — Она увидела, что мое лицо перекосилось, и добавила: — «Подложи свинью» вполне приличное место. Жареная свинина в булочке. С яблочным соусом.

— Киоск.

— Да.

— Пожалуйста, — наклонившись к ней, взмолилась я. — Мы проделали долгий путь, и мой друг совсем замерз. Нельзя ли как-нибудь получить столик? Нам правда нужно его согреть. Очень важно, чтобы у него был хороший день.

— Мне очень жаль. — Она наморщила нос. — Меня уволят, если я нарушу правила. Но внизу есть зона отдыха для инвалидов, где можно закрыть дверь. Скаковой круг оттуда не видно, зато там довольно уютно. Там есть обогреватели и все, что нужно. Вы можете поесть там.

Я уставилась на нее. Напряжение поднималось от голеней вверх. Так и закаменеет недолго.

Я изучила ее табличку с именем.

— Шэрон, — произнесла я. — У вас половина столиков не занята. Несомненно, лучше посадить за них людей, чем оставить пустыми. И все из-за какого-то мистического классового правила в инструкции?

— Мадам, я объяснила вам ситуацию. — Она сверкнула зубами в электрическом свете. — Если мы смягчим правила для вас, нам придется смягчить их для всех.

— Но это бессмысленно, — возразила я. — На дворе понедельник, сыро, пора обедать. У вас пустые столики. Мы хотим купить еды. Достаточно дорогой еды, с салфетками и всем, что полагается. Мы не хотим есть булочки со свиной и сидеть в раздевалке без окон, какой бы уютной она ни была.

Обедающие начали поворачиваться к нам, заинтригованные перебранкой в дверях. Я заметила смущение на лице Уилла. Они с Натаном сообразили, что что-то не так.

— Тогда, боюсь, вам придется купить значок VIP-зоны.

— Прекрасно. — Я принялась рыться в сумочке в поисках кошелька. — И сколько он стоит?

Салфетки, старые автобусные билеты и игрушечная машинка Томаса полетели на пол. Мне было все равно. Уилл должен получить свой роскошный обед в ресторане.

— Вот. Сколько? Еще десять? Двадцать? — Я сунула ей пригоршню банкнот.

Она посмотрела на мою руку:

— Прошу прощения, мадам, мы не торгуем значками. Это ресторан. Вам необходимо вернуться в кассу.

— Которая расположена на другой стороне ипподрома.

— Да.

Мы уставились друг на друга.

— Луиза, нам пора, — раздался голос Уилла.

На мои глаза внезапно навернулись слезы.

— Нет, — сказала я. — Это нелепо. Мы приехали в такую даль. Оставайтесь, а я пойду и куплю на всех значки VIP-зоны. И мы поедем.

— Луиза, я не голоден.

— Все будет хорошо, когда мы поедем. Посмотрим на лошадей и так далее. Все будет хорошо.

— Луиза. — Натан шагнул вперед и взял меня за руку — По-моему, Уилл просто хочет домой.

На нас смотрел уже весь ресторан. Взгляды обедающих скользили по нам, сперва по мне, затем по Уиллу, затуманиваясь легкой жалостью или неприязнью. Я чувствовала это. Я потерпела полный крах. Я взглянула на женщину, которой, по крайней мере, хватило совести слегка смутиться, когда Уилл заговорил.

— Что ж, спасибо, — сказала я. — Спасибо, что были столь чертовски любезны.

— Кларк... — в голосе Уилла прозвучало предупреждение.

— Ваша гибкость впечатляет. Я обязательно порекомендую вас всем знакомым.

— Луиза!

Я схватила свою сумку и засунула под мышку.

— Вы забыли машинку, — окликнула женщина, когда я вылетела за дверь, которую придерживал Натан.

— Что, ей тоже нужен чертов значок? — огрызнулась я, и мы проследовали в лифт.

Мы спустились в молчании. Большую часть короткого спуска я пыталась унять дрожь ярости в руках.

— Наверное, стоит купить что-нибудь в одном из киосков, — пробормотал Натан, когда мы оказались в вестибюле. — Мы уже несколько часов ничего не ели. — Он опустил взгляд на Уилла, так что мне стало ясно, кого он имеет в виду.

— Прекрасно! — жизнерадостно откликнулась я и перевела дыхание. — Я бы не отказалась от поджаристой корочки. Как насчет старой доброй жареной свинины?

Мы купили три булочки со свиной, жареной шкуркой и яблочным соусом и устроились под полосатым навесом. Я сидела на небольшом мусорном ящике, чтобы быть с Уиллом на одном уровне и кормить его кусочками мяса, при необходимости разрывая их руками. Две женщины за стойкой притворялись, будто не смотрят на нас. Я видела, что они украдкой поглядывают на Уилла и время от времени перешептываются, когда думают, что мы не смотрим. «Бедняга, — почти слышала я. — Какая ужасная жизнь». Я окинула их взглядом. Как они смеют так смотреть на него! Я старалась поменьше думать о том, что должен чувствовать Уилл.

Дождь прекратился, но открытый всем ветрам ипподром внезапно показался унылым и промозглым, его коричнево-зеленая поверхность была усеяна выброшенными квитанциями, а горизонт стал ровным и пустым. Автомобилей на парковке за время дождя осталось совсем мало, и вдалеке раздался чуть слышный искаженный звук громкоговорителя — очередной заезд прогрохотал мимо.

— Не пора ли домой? — вытирая рот, предложил Натан. — В смысле, чудесно отдохнули, но хорошо бы успеть до пробок.

— Ладно. — Я скомкала бумажную салфетку и выбросила в корзину. Уилл отказался от последней трети своей булочки.

— Ему не понравилось? — спросила женщина, когда Натан покатил кресло по траве.

— Не знаю. Возможно, ему понравилось бы больше без гарнира из зевак. — Я швырнула остатки в мусорное ведро.

Но добраться до машины и подняться по пандусу оказалось не так-то просто. За несколько часов, проведенных на скачках, приезжающие и уезжающие машины превратили парковку в море грязи. Даже с впечатляющей силой Натана и моей скромной помощью не удалось проехать и половины пути. Колеса проворачивались и визжали, не в силах обрести точку опоры и преодолеть последние дюймы. Наши с Натаном ноги скользили, на обувь налипла грязь.

— Ничего не получится, — сказал Уилл.

Я сделала вид, что не слышу. Прекрасное окончание нашей прогулки!

— Похоже, нам нужна помощь, — сказал Натан. — Я даже не смогу вернуть кресло на дорожку. Оно застряло.

Уилл громко вздохнул. Я еще никогда не видела его настолько измученным.

— Я могу посадить вас на переднее сиденье, Уилл, если его немного откинуть. А потом мы с Луизой попытаемся вытащить кресло.

— Не хватало только проситься на ручки, — сквозь зубы произнес Уилл.

— Извини, приятель, — сказал Натан. — Но мы с Лу одни не справимся. Эй, Лу, ты посимпатичнее меня. Сходи приведи помощника-другого.

Уилл закрыл глаза, выпятил подбородок, и я побежала к трибунам.

Никогда бы не поверила, что так много людей могут отказаться помочь вытащить инвалидное кресло из грязи, особенно если о помощи просит девушка в мини-юбке и мило улыбается. Обычно я сторонюсь незнакомцев, но отчаяние заставило забыть о страхе. Я металась по главной трибуне и просила любителей скачек уделить мне всего пару минут. Они смотрели на меня и мою одежду, как будто я замышляла какую-то каверзу.

«Надо помочь мужчине в инвалидном кресле, — говорила я. — Он немного застрял».

«Мы как раз ждем следующего заезда», — отвечали они. Или: «Извините». Или: «Мне нужно дождаться половины третьего. Мы поставили на эту лошадь кучу денег».

Я подумывала даже привести жокея или двух. Но когда я подошла к ограждению, оказалось, что они еще меньше меня.

Добравшись до парадного круга, я едва сдерживала ярость. Наверное, я уже не улыбалась, а скалила зубы. И наконец — о радость! — обнаружила парней в полосатых рубашках поло. На спинах рубашек было написано: «Последний бой Марки», в руках ребята сжимали банки с пивом. Судя по акценту, они приехали откуда-то с северо-запада, и я ничуть не сомневалась, что последние двадцать четыре часа они не просыхали. При моем приближении они разразились одобрительными криками, и я подавила желание еще раз показать им средний палец.

— Выше нос, детка! У Марки на этих выходных мальчишник, — невнятно пробормотал один из парней, опустив мне на плечо руку размером с окорок.

— Сегодня понедельник. — Я сдержала дрожь и отлепила руку.

— Шутишь? Уже понедельник? — отшатнулся он. — Типа, ты должна поцеловать Марки.

— Вообще-то, я пришла попросить вас о помощи.

— Все, что хочешь, крошка, — похотливо подмигнул он.

Его приятели плавно покачивались вокруг, словно водоросли.

— Нет, правда, вы должны помочь моему другу. На парковке.

— Извини, но я, похоже, не в том состоянии, чтобы кому-то помогать, крошка.

— Эй, там! Следующий заезд, Марки. Ты на него ставил? Кажется, я на него ставил.

Они повернулись к скаковому кругу, уже утратив ко мне интерес. Я обернулась на парковку и увидела сгорбленную фигуру Уилла. Натан тщетно дергал за ручки кресла. Я представила, как возвращаюсь домой и сообщаю родителям Уилла, что мы бросили его ультрадорогое кресло на автомобильной парковке. И тут я увидела татуировку.

— Он солдат, — громко сообщила я. — Бывший солдат.

Один за другим парни повернулись ко мне.

— Его ранили. В Ираке. И мы просто хотели, чтобы он немного развлекся. Но все отказываются помочь. — На мои глаза навернулись слезы.

— Ветеран? Серьезно? Где он?

— На парковке. Я просила кучу народу, но все отказываются помочь.

Кажется, им понадобилась минута или две, чтобы переварить мои слова. Но затем они с изумлением переглянулись.

— Идем, ребята. Мы этого не потерпим.

Пошатываясь, они потянулись за мной. Я слышала, как они восклицают и бормочут:

— Проклятые гражданские... Знали бы они, каково это...

Когда мы подошли, Натан стоял рядом с Уиллом, от холода глубоко вжавшим голову в воротник, хотя Натан накрыл его плечи вторым одеялом.

— Эти любезные джентльмены предложили нам помощь, — сообщила я.

Натан посмотрел на банки с пивом. Вынуждена признать, что разглядеть в них рыцарские латы было очень непросто.

— Куда вы хотите его затащить? — спросил один из парней.

Остальные окружили Уилла, кивая и здороваясь. Кто-то предложил ему пиво, явно не в силах уразуметь, что Уилл не может его взять.

— В конечном итоге в машину, — указал на наш фургон Натан. — Но для этого нужно дотащить его до трибун, а потом дать задний ход.

— Это лишнее, — хлопнул Натана по спине один из парней. — Мы затащим его прямо в машину, правда, ребята?

Раздался хор одобрительных возгласов. Парни заняли позиции вокруг кресла.

Я тревожно переступила с ноги на ногу.

— Ну, не знаю... тут далеко, — осмелилась я. — А кресло очень тяжелое.

Они были мертвецки пьяны. Некоторые с трудом держали банки с пивом. Один сунул свою банку мне.

— Не волнуйся, крошка. Для брата-солдата — что угодно, правильно, парни?

— Мы не бросим тебя здесь, приятель. Мы своих не бросаем!

Я увидела изумленное лицо Натана и яростно затрясла головой. Уилл, похоже, не был расположен говорить. Он просто выглядел мрачным, а затем, когда мужчины сгрудились вокруг и, крикнув, подняли кресло в воздух, слегка встревоженным.

— Какой полк, крошка?

Я попыталась улыбнуться, роясь в памяти в поисках названий.

— Стрелковый... — ответила я. — Одиннадцатый стрелковый.

— Я не знаю одиннадцатого стрелкового, — удивился другой.

— Это новый полк, — пискнула я. — Сверхсекретный. Расположен в Ираке.

Их кроссовки скользили по грязи, а у меня в горле застрял комок. Кресло Уилла парило в нескольких дюймах от земли, словно чертов паланкин. Натан сбегал за сумкой Уилла, чтобы открыть нам машину.

— А они проходили обучение в Каттерике?

— А то как же, — подтвердила я, быстро сменив тему: — Ну и кто из

вас женится?

К тому времени, как я наконец избавилась от Марки и его приятелей, мы обменялись номерами телефонов. Они скинулись и предложили почти сорок фунтов в фонд реабилитации Уилла и перестали настаивать, только когда я сказала, что мы будем просто счастливы, если они вместо этого выпьют за его здоровье. Мне пришлось перецеловать их всех до единого. Когда я закончила, от алкогольных паров у меня слегка кружилась голова. Я все еще махала им вслед, когда Натан гудком позвал меня в машину.

— Ужасно милые ребята, правда? — весело заметила я, поворачивая ключ в зажигании.

— Высокий уронил мне пиво на правую ногу, — пожаловался Уилл. — Я пахну как пивоварня.

— Поверить не могу, — сказал Натан, когда я наконец покатила к выходу. — Смотри! Здесь, у трибуны, целая парковочная секция для инвалидов. И она забетонирована.

Остаток дня Уилл почти не разговаривал. Он попрощался с Натаном, когда мы забросили его домой, и молчал всю дорогу до замка. Похолодало, и машин стало меньше. Наконец я припарковалась у флигеля.

Я спустила кресло Уилла, закатила его в дом и приготовила горячий чай. Сменила ему обувь и брюки, бросила испачканные в пиве в стиральную машину и разожгла огонь, чтобы он поскорее согрелся. Включила телевизор и задернула шторы, чтобы в комнате стало уютно — особенно по сравнению со временем, проведенным на морозе. Но лишь когда я села с Уиллом в гостиной, потягивая чай, я поняла, что он не разговаривает. Не от усталости и не потому, что хочет посмотреть телевизор. Просто со мной не разговаривает.

— Что-то... случилось? — спросила я, когда он проигнорировал мой третий комментарий к местным новостям.

— Это вы мне скажите, Кларк.

— Что?

— Ну, вы же все обо мне знаете. Вот вы мне и скажите.

Я уставилась на него.

— Простите, — наконец отважилась я. — Я знаю, что сегодня все пошло не совсем так, как я планировала. Но я просто собиралась хорошо провести день. Я правда думала, что вам понравится.

Я не стала добавлять, что он был поистине несносным и понятия не имеет, через что мне пришлось пройти, просто чтобы дать ему возможность развлечься, а он даже не попытался хорошо провести время. Я

не стала говорить, что, если бы он позволил мне купить дурацкие значки, мы могли бы прекрасно пообедать и все было бы забыто.

— Вот именно.

— Что?

— Вы такая же, как все.

— В смысле?

— Если бы вы удосужились меня спросить, Кларк. Если бы вы удосужились хотя бы упомянуть при мне о вашей так называемой увеселительной поездке, я вам сказал бы. Я ненавижу лошадей и лошадиные скачки. Всегда ненавидел. Но вы не удосужились меня спросить. Вы сами решили, чем мне следует заняться, и претворили это в жизнь. Вы поступили как все. Вы решили за меня.

— Я не хотела... — сглотнула я.

— Но вы поступили именно так.

Уилл развернулся в кресле, и через пару минут молчания я поняла, что в моих услугах больше не нуждаются.

Я могу точно назвать день, когда перестала быть бесстрашной.

Это случилось почти семь лет назад, в последние ленивые, вялые от жары дни июля, когда узкие улочки вокруг замка были забиты туристами, а воздух наполнен шелестом их шагов и мелодичным перезвоном неизменных фургончиков с мороженым, выстроившихся на вершине холма.

Месяцем раньше после долгой болезни умерла моя бабушка, и то лето было окутано тонкой вуалью печали, которая мягко приглушала все, что мы делали, усыряя нашу с сестрой склонность к драме и лишая обычных летних поездок на выходные и прогулок. Мать в тщетных попытках сдержать слезы почти все дни проводила у раковины с грязной посудой, а папа с решительным и мрачным видом ускользал по утрам на работу и возвращался через много часов с блестящим от жары лицом, не в силах произнести ни слова, не вскрыв прежде банку с пивом. Сестра вернулась домой после первого года в университете, и ее мысли уже витали где-то далеко от нашего маленького городка. Мне было двадцать, до встречи с Патриком оставалось меньше трех месяцев. Мы наслаждались редким летом полной свободы — никакой финансовой ответственности, никаких долгов, и все наше время принадлежало только нам. У меня была сезонная работа и море свободного времени, чтобы учиться наносить макияж, надевать каблуки, при виде которых отец морщился, и пытаться познать самое себя.

В те дни я одевалась нормально. Или, точнее, одевалась как все местные девушки — длинные волосы, переброшенные через плечо, темносиние джинсы, довольно тесные футболки, призванные продемонстрировать тонкую талию и высокую грудь. Мы часами оттачивали искусство нанесения блеска для губ и подбирали идеальный оттенок дымчатого макияжа глаз. Мы отлично выглядели в любой одежде, но часами жаловались на несуществующий целлюлит и невидимые изъяны кожи.

И у меня были идеи. Желания. Один мой школьный знакомый отправился в кругосветное путешествие, из которого вернулся каким-то отстраненным и загадочным, как будто не он обтрепанным одиннадцатилетним мальчонкой надувал пузыри из слюны на сдвоенном уроке французского. Повинуясь порыву, я купила дешевый авиабилет в Австралию и стала искать попутчика. Мне нравился налет экзотики,

неизведанного, который путешествия придали тому парню. От него веяло большим миром, и это было странно соблазнительным. В конце концов, здесь все обо мне всё знают. А такая сестра, как моя, никогда не даст о чем-то забыть.

Была пятница, и я целый день проработала на парковке в компании девушек, знакомых по школе. Мы провожали гостей на ремесленную ярмарку, которая проводилась в замке. День был полон смеха, шипучих напитков, проглоченных под жарким солнцем, небесной голубизны, игры света на зубчатой стене. Наверное, в тот день мне улыбнулись все туристы до единого. Очень сложно не улыбаться стайке жизнерадостных, хихикающих девиц. Нам заплатили тридцать фунтов, и организаторы были так довольны выручкой, что дали каждой по пятерке сверху. Мы отпраздновали удачу, напившись с парнями, которые работали на дальней парковке у информационного центра. У них было аристократическое произношение, и они щеголяли регбийными футболками и лохматыми головами. Одного из них звали Эд, двое учились в университете — напроочь забыла в каком. Они тоже зарабатывали деньги на каникулах. После целой недели работы у них было полно денег, и когда наши карманы пустели, они охотно покупали выпивку смешливым местным девчонкам, которые отбрасывали волосы с лица, сидели друг у друга на коленях, визжали, шутили и называли их мажорами. Парни говорили на другом языке, обсуждали академические отпуска, каникулы в Южной Америке, пешие походы по Таиланду и шансы на стажировку за рубежом. Мы слушали, пили, и, помнится, моя сестра заглянула в садик при пабе, где мы валялись на траве. На ней была самая старая в мире толстовка с капюшоном, ни капли косметики, и я совсем забыла, что мы собирались встретиться. Я велела ей передать маме и папе, что вернусь, когда мне исполнится тридцать. Почему-то это показалось мне до колик смешным. Трина подняла брови и зашагала прочь, как будто я была самым несносным человеком на свете.

Когда «Красный лев» закрылся, мы все отправились в замковый лабиринт. Кто-то перелез через ворота, и, без конца натываясь друг на друга и хихикая, мы нашли дорогу в самый центр, где пили крепкий сидр и передавали по кругу косяк. Помню, как я смотрела на звезды, растворяясь в их бесконечной глубине, а земля ласково кренилась и покачивалась подо мной, словно палуба огромного корабля. Кто-то играл на гитаре. На мне были розовые атласные туфли на шпильках, которые я выбросила в высокую траву и не стала подбирать. Я казалась себе властелином вселенной.

Прошло около получаса, прежде чем я поняла, что остальные девушки ушли.

Еще через какое-то время, когда звезды давно скрылись за ночными облаками, сестра нашла меня в центре лабиринта. Как я уже говорила, она довольно умна. По крайней мере, умнее меня.

Она единственная, кого я знаю, кто может найти выход из лабиринта.

— Вы будете смеяться. Я записалась в библиотеку.

Уилл глазами изучал свою коллекцию компакт-дисков. Он развернулся в кресле и подождал, пока я поставлю напиток в держатель.

— Неужели? И что же вы читаете?

— Да ничего особенного. Вам не понравится. Обычные истории о любви. Но мне нравится.

— На днях вы читали мою Фланнери О’Коннор.^[48] — Он отпил из стакана. — Когда я болел.

— Рассказы? Поверить не могу, что вы заметили.

— А что мне оставалось? Вы бросили раскрытую книгу. И я не мог ее подобрать.

— А!

— Так что не надо читать всякий мусор. Возьмите рассказы О’Коннор домой. Прочтите лучше их.

Я собиралась отказаться, но сообразила, что для этого нет причин.

— Хорошо. Я верну, как только дочитаю.

— Вы не могли бы включить мне музыку, Кларк?

— Какую?

Уилл назвал диск и кивком указал его примерное местоположение. Я полистала и нашла нужный.

— Один мой друг — первая скрипка в симфоническом оркестре. Он позвонил и сказал, что играет неподалеку на следующей неделе. Это произведение. Вы его знаете?

— Я ничего не знаю о классической музыке. В смысле, иногда папа случайно включает радио с классической музыкой, но...

— Вы ни разу не были на концерте?

— Нет. — (Его изумление казалось искренним.) — Ну, я ходила на «Уэстлайф».^[49] Но не уверена, что это считается. Сестра предложила. Да, и я собиралась сходить на Робби Уильямса в свой двадцать второй день рождения, но чем-то отравилась.

Уилл посмотрел на меня так, как будто я несколько лет провела

взаперти в подвале. Он часто так смотрел.

— Вы обязаны пойти. Он предложил мне билеты. Это будет чудесно. Возьмите с собой мать.

— Не выйдет, — засмеялась я и покачала головой. — Моя мать никуда не ходит. К тому же это не в моем вкусе.

— Как не были в вашем вкусе фильмы с субтитрами.

— Я вам не проект, Уилл, — нахмурилась я. — Это не «Моя прекрасная леди».

— «Пигмалион».

— Что?

— Пьеса, о которой вы говорите. Она называется «Пигмалион». «Моя прекрасная леди» — всего лишь ее незаконнорожденный отпрыск.

Я сердито посмотрела на него. Не помогло. Я поставила компакт-диск. Когда я обернулась, Уилл продолжал качать головой.

— Вы ужаснейший сноб, Кларк.

— Что? Я?

— Вы лишаете себя всевозможных впечатлений, потому что говорите себе, будто что-то «не для вас».

— Но это и правда не для меня.

— Откуда вы знаете? Вы ничего не делали, нигде не были. Откуда вам иметь хоть малейшее представление, что для вас, а что нет?

Откуда такому человеку, как он, иметь хоть малейшее представление, что творится у меня в голове? Я почти разозлилась на него за то, что он нарочно ничего не понимает.

— Ну же. Посмотрите на вещи шире.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне будет не по себе. Мне кажется... кажется, они всё поймут.

— Кто? Что поймет?

— Все поймут, что я белая ворона.

— А как, по-вашему, чувствую себя я? — (Мы посмотрели друг на друга.) — Кларк, где бы я теперь ни появился, люди смотрят на меня как на белую ворону.

Мы сидели молча, когда заиграла музыка. Отец Уилла беседовал по телефону у себя в коридоре, и откуда-то издали во флигель доносился приглушенный смех. «Вход для инвалидов там», — сообщила женщина на ипподроме. Как будто Уилл принадлежал к другому биологическому виду.

Я взглянула на обложку диска:

— Я пойду, если вы пойдете со мной.

— Но одна вы не пойдете.

— Ни за что.

Мы еще немного посидели, пока Уилл переваривал мои слова.

— Господи, вы настоящая заноза в заднице.

— О чем вы не устаете повторять.

На этот раз я ничего не планировала. И ничего не ожидала. Я только тихо надеялась, что после фиаско на скачках Уилл еще в состоянии покинуть флигель. Его друг-скрипач прислал обещанные бесплатные билеты вместе с информационной брошюрой. До зала было сорок минут езды. Я сделала домашнюю работу: выяснила местоположение парковки для инвалидов, заранее позвонила в зал, чтобы прикинуть, как доставить кресло Уилла на место. Нас предложили посадить впереди, меня рядом с Уиллом, на складном стуле.

— Это самое лучшее место, — жизнерадостно сообщила кассирша. — Воздействие оркестра намного сильнее, когда сидишь рядом с ним, прямо в яме. Мне самой часто хочется там посидеть.

Она даже спросила, не прислать ли на парковку встречающего, чтобы проводить нас к нашим местам. Я побоялась, что Уилла смутит избыточное внимание, и вежливо отказалась.

Не знаю, кто больше нервничал по мере приближения вечера — Уилл или я. Я тяжело переживала неудачу нашей последней вылазки, и миссис Трейнор подлила масла в огонь, десяток раз заявившись во флигель, чтобы уточнить, где и когда пройдет концерт и что именно мы будем делать.

Вечерний ритуал Уилла требует времени, сказала она. Кто-то обязательно должен быть рядом, чтобы помочь. У Натана другие планы. Мистер Трейнор, очевидно, намерен провести вечер вне дома.

— Ритуал занимает минимум полтора часа, — сообщила она.

— И невыразимо нуден, — добавил Уилл.

Я поняла, что он ищет предлог никуда не идти.

— Я все сделаю, — выпалила я, прежде чем сообразила, на что соглашаюсь. — Если Уилл расскажет, что делать. Мне несложно остаться и помочь.

— Что ж, нам есть чего ждать с нетерпением, — мрачно произнес Уилл, когда его мать вышла. — Вы сможете хорошенько рассмотреть мой зад, а меня оботрет губкой девица, которая падает в обморок при виде обнаженной плоти.

— Я не падаю в обморок при виде обнаженной плоти.

— Кларк, я в жизни не видел, чтобы кто-то так боялся человеческого тела. Вам случайно не кажется, будто оно радиоактивное?

— Тогда пускай вас моет ваша мама, — огрызнулась я.

— Это делает мысль о походе на концерт еще более привлекательной.

А затем я столкнулась с проблемой гардероба. Я не знала, что надеть.

Я неправильно оделась на скачки. А вдруг я снова оденусь неправильно? Я спросила у Уилла, что лучше подходит, и он посмотрел на меня как на умалишенную.

— Свет будет погашен, — пояснил он. — Никто не будет на вас смотреть. Все будут сосредоточены на музыке.

— Вы ничего не знаете о женщинах, — возразила я.

В итоге я привезла на автобусе в древнем папином чехле для костюмов четыре разных наряда. Другого способа убедить себя пойти не было.

Натан прибыл на вечернюю смену в половине шестого, и пока он ухаживал за Уиллом, я скрылась в ванной, чтобы переодеться. Сначала я надела так называемый артистический наряд — зеленое платье с оборками, расшитое крупными янтарными бусинами. Я полагала, что люди, которые посещают концерты, должны быть весьма артистичными и яркими. Уилл и Натан уставились на меня, когда я вошла в гостиную.

— Нет, — сухо отрезал Уилл.

— Так могла бы одеться моя мама, — добавил Натан.

— Вы никогда не говорили, что ваша мама — Нана Мускури,^[50] — заметил Уилл.

Под смехи мужчин я скрылась в ванной.

Второй наряд был очень строгим черным платьем, скроенным по косой, с белым воротничком и манжетами, которое я сшила сама. На мой взгляд, оно обладало парижским шиком.

— Вы собираетесь подать нам мороженое? — спросил Уилл.

— Чудесная горничная, детка, — одобчительно заметил Натан. — Почаще носи его днем. Я серьезно.

— Сейчас ты попросишь ее протереть плинтуса.

— Они и правда запылились.

— Завтра я вам обоим в чай подмешаю «Мистер Мускул».

Наряд номер три — широкие желтые брюки — я забрала, предчувствуя ассоциации Уилла с Медвежонком Рупертом,^[51] и сразу надела четвертый вариант, винтажное платье из темно-красного атласа. Оно было создано для более голодного поколения, и я уже тайком помолилась, чтобы молния сошлась на талии, но в нем у меня была фигура

старлетки пятидесятих, и это было «королевское» платье, в таком просто невозможно не чувствовать себя на все сто. На плечи я накинула серебряное болеро, шею обвязала серым шелковым шарфом, чтобы прикрыть грудь, подкрасила губы помадой в тон и вышла в гостиную.

— Ух ты! — восхитился Натан.

Уилл смерил мое платье взглядом. Только сейчас я заметила, что он переоделся в рубашку и пиджак. Свежевыбритый, с подстриженными волосами, он выглядел на удивление привлекательным. Я невольно улыбнулась ему. Дело даже не в том, как он выглядит, — дело в том, что он приложил усилия.

— То, что надо. — Его голос был невыразительным и странно размеренным.

— Только болеро нужно снять, — добавил Уилл, когда я протянула руку, чтобы поправить ворот.

Он был прав. Я знала, что оно не вполне подходит. Я сняла его, осторожно сложила и повесила на спинку стула.

— И шарф.

— Шарф? — Моя рука метнулась к шее. — Почему?

— Он не подходит. И у вас такой вид, словно вы пытаетесь под ним что-то скрыть.

— Но я... Ну, без него вся грудь напоказ.

— И что? — пожал он плечами. — Послушайте, Кларк, такие платья надо носить уверенно. Вы должны заполнить его не только физически, но и умственно.

— Только вы, Уилл Трейнор, способны указывать женщине, как ей носить чертово платье.

Но шарф я сняла.

Натан пошел собирать сумку. Я пыталась придумать, что еще сказать о покровительственном отношении Уилла, когда обернулась и увидела, что он смотрит на меня.

— Вы чудесно выглядите, Кларк, — тихо произнес он. — Правда.

* * *

Я бы выделила несколько вариантов реакции на Уилла обычных людей — Камилла Трейнор, вероятно, назвала бы их рабочим классом. Большинство пялились. Кое-кто жалостливо улыбался, выражал сочувствие или спрашивал у меня театральным шепотом, что случилось. Мне часто

хотелось ответить: «Поссорился с секретной разведкой», просто чтобы посмотреть на реакцию, но я сдерживалась.

И вот что я вам скажу о среднем классе. Они делают вид, будто не смотрят, но на самом деле смотрят. Они слишком вежливы, чтобы по-настоящему пялиться. Вместо этого они проделывают странный трюк: ловят Уилла в поле зрения и старательно не смотрят на него. А когда он проезжает, немедленно глядят ему вслед, даже если продолжают с кем-то беседовать. Но говорят не о нем. Потому что это было бы грубо.

Мы пробирались через фойе симфонического зала, где элегантные люди стояли небольшими группами с сумками и программками в одной руке и джином с тоником в другой, и я видела, как подобная реакция пробегает по ним едва заметной рябью, сопровождавшей нас до партера. Не знаю, заметил ли Уилл. Иногда мне казалось, что он мог справиться с этим, только притворившись, будто ничего не видит.

Мы заняли свои места — два человека перед центральным блоком сидений. Справа от нас находился еще один мужчина в инвалидном кресле, жизнерадостно болтавший с двумя женщинами, сидевшими по бокам от него. Я наблюдала за ними, надеясь, что Уилл тоже их заметит. Но он смотрел вперед, вжав голову в плечи, словно пытаюсь стать невидимым.

«Ничего не получится», — произнес внутренний голос.

— Вам что-нибудь нужно? — прошептала я.

— Нет, — покачал он головой и сглотнул. — Вообще-то, да. Мне что-то вливается в шею.

Я наклонилась, провела пальцем по воротнику и обнаружила нейлоновый ярлык. Я потянула за него, надеясь оторвать, но он оказался упрямым.

— Новая рубашка. Вам правда неудобно?

— Нет. Я просто решил пошутить.

— У нас в сумке есть ножницы?

— Не знаю, Кларк. Вообще-то, я редко собираю ее самостоятельно.

Ножниц не было. Я оглянулась на зрителей, которые рассаживались по местам, перешептывались и изучали программки. Если Уилл не сможет расслабиться и сосредоточиться на музыке, вечер пройдет впустую. Я не могу позволить себе второй неудачи.

— Не двигайтесь, — велела я.

— Что...

Прежде чем он успел договорить, я наклонилась, осторожно отвела его воротник от шеи, прикоснулась к ткани губами и зажала чертов ярлык передними зубами. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы его

отгрызть, и я закрыла глаза, пытаюсь игнорировать запах чистого мужского тела, теплоту кожи, неуместность моих действий. Наконец я ощутила, как ярлык поддается. Я отдернула голову и триумфально распахнула глаза, держа в зубах оторванный ярлык.

— Готово! — Я вынула ярлык изо рта и зашвырнула за кресла. Уилл смотрел на меня. — Что? — Я обернулась и застала врасплох несколько зрителей, которые немедленно нашли в своих программках что-то очень интересное. Затем повернулась к Уиллу. — Да ладно, можно подумать, они ни разу не видели, как девушка грызет воротник парня.

Похоже, мне удалось ненадолго заткнуть ему рот. Уилл пару раз моргнул и попытался покачать головой. Я с удивлением обнаружила, что его шея густо покраснела.

Я поправила юбку.

— Как бы то ни было, — добавила я, — нам обоим следует радоваться, что ярлык был не на брюках.

Прежде чем он успел ответить, вошли оркестранты в смокингах и нарядных платьях, и зрители замолчали. Я невольно ощутила легкий трепет волнения. Я положила руки на колени и выпрямила спину. Оркестранты начали настраивать инструменты, и внезапно зал наполнился единственным звуком — я никогда не слышала ничего более живого, более трехмерного. Волоски встали дыбом, перехватило дыхание.

Уилл покосился на меня, его лицо еще хранило следы веселья. «Прекрасно, — как бы говорил он. — Мы получим от этого удовольствие».

Дирижер вышел вперед, дважды постучал по пюпитру, и наступила полная тишина. Я ощутила, как зрители в нетерпении замерли, полные ожиданий. Затем он опустил свою палочку, и внезапно все наполнилось чистым звуком. Я ощущала музыку как нечто материальное — она не просто струилась мне в уши, но лилась сквозь меня, затопляя зал, до предела обостряя мои чувства. По коже побежали мурашки, ладони вспотели. Уилл не описывал ничего подобного. А я еще думала, что мне будет скучно! Я в жизни не слышала ничего столь прекрасного.

Музыка пробудила мое воображение, я думала о том, о чем не думала много лет, меня охватили давно забытые чувства, а новые чувства и мысли унеслись прочь, как будто само восприятие растянулось и утратило форму. Это было даже чересчур, но мне не хотелось, чтобы это закончилось. Мне хотелось сидеть в зале вечно. Я украдкой посмотрела на Уилла. Он выглядел восторженным и свободным. Я отвернулась, внезапно испугавшись смотреть на него. Я боялась того, что он мог испытывать, глубины его утраты, меры его страхов. Жизнь Уилла Трейнора стократ

превосходила все, что я когда-либо испытывала. Кто я такая, чтобы указывать ему, как жить дальше?

Друг Уилла оставил записку с приглашением пройти за кулисы и увидеться с ним после концерта, но Уилл не захотел. Я попыталась его переубедить, но по выпяченной челюсти поняла, что это бесполезно. Я не могла его винить. Я помнила, как на него смотрел бывший сослуживец — со смесью жалости, отвращения и тайного глубокого облегчения, оттого что его минула чаша сия. Думаю, Уилл давно пресытился подобными встречами.

Мы подождали, пока зрители разойдутся, затем я выкатила кресло с Уиллом из зала, спустила в лифте на парковку и без приключений загрузила в машину. Я почти ничего не говорила, в голове продолжала звучать музыка, и я не хотела, чтобы она замолкла. Я все вспоминала, насколько друг Уилла казался поглощенным игрой. Я прежде не создавала, что музыка может отпереть закрытые двери, перенести в мир, которого не представлял даже сам композитор. Музыка оставляет отпечаток в окружающем воздухе, как будто несешь ее остатки с собой. Когда мы сидели в зале, я на какое-то время совершенно забыла о Уилле.

Мы остановились у флигеля. Перед нами, едва выступая над стеной, восседал на вершине холма залитый светом полной луны замок, безмятежно озирая окрестности.

— Итак, классическая музыка не для вас.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Уилл улыбался.

— Мне ни капельки не понравилось.

— Я заметил.

— Особенно мне не понравился тот отрывок в самом конце, когда скрипка играла одна, без оркестра.

— Я заметил, что вам не понравился этот отрывок. Более того, мне показалось, что на ваши глаза навернулись слезы отвращения.

Я усмехнулась в ответ.

— Мне ужасно понравился концерт, — призналась я. — Не уверена, что мне нравится вся классическая музыка, но эта была просто чудесна. — Я потеряла нос. — Спасибо. Спасибо, что пригласили меня.

Мы молча сидели и смотрели на замок. Обычно по ночам он купался в оранжевом свете ламп, расставленных вдоль крепостной стены. Но сегодня, под полной луной, его затопило неземное голубое сияние.

— Как по-вашему, какую музыку там играли? — спросила я. — Наверняка они что-нибудь слушали.

— В замке? Средневековую музыку. Лютни и другие струнные. Я не особый любитель, но могу одолжить вам пару записей. Погуляйте по замку в наушниках, если хотите полностью погрузиться.

— Не-а. Мне не хочется в замок.

— Так всегда бывает, когда живешь рядом с чем-то примечательным.

Я ответила уклончиво. Мы еще минуту посидели, слушая, как остывает мотор.

— Ладно. — Я отстегнула ремень. — Поехали домой. Вечерний ритуал ждет.

— Погодите минуту, Кларк.

Я повернулась на сиденье. Лицо Уилла было в тени, и я не могла его как следует разглядеть.

— Всего минуту.

— С вами все в порядке? — Я невольно посмотрела на его кресло, опасаясь, будто что-то прищемила или зацепила, что-то сделала не так.

— Все хорошо. Просто я...

Светлый воротник его рубашки контрастировал с темным пиджаком.

— Я не хочу домой. Хочу еще немного посидеть и не думать о... — сглотнул он. Даже в полумраке было видно, что сглотнул он с трудом. — Я просто... хочу побыть мужчиной, который сводил на концерт девушку в красном платье. Еще хотя бы минуту.

— Конечно. — Я отпустила ручку дверцы.

Я закрыла глаза, откинула голову на подголовник, и мы посидели еще немного вместе, два человека, заблудившихся в воспоминаниях о музыке, полускрытых тенью замка на залитом лунным светом холме.

Мы с сестрой никогда по-настоящему не говорили о случившемся той ночью в лабиринте. Не уверена, что у нас нашлись бы слова. Она обняла меня, помогла собрать одежду, а после тщетно искала в высокой траве мои туфли, пока я не сказала, что это неважно. Я все равно бы никогда их не надела. И мы медленно отправились домой. Я шла босиком, она держала меня под руку, хотя мы не ходили так с тех пор, как она училась в первом классе и мама требовала, чтобы я не оставляла ее одну.

Вернувшись домой, мы встали на крыльце, и она вытерла мне волосы и глаза влажной салфеткой, а затем мы отперли переднюю дверь и вошли, как будто ничего не случилось.

Папа еще не спал, смотрел какой-то футбольный матч.

— Что-то вы припозднились, девчонки! — крикнул он. — Я понимаю, что сегодня пятница, но...

— Да, папа, — хором ответили мы.

Тогда у меня была комната, в которой сейчас живет дедушка. Я вихрем поднялась наверх и захлопнула за собой дверь, прежде чем сестра успела произнести хотя бы слово.

На следующей неделе я обрезала себе волосы. Отменила бронь билета на самолет. Больше я не гуляла с девушками из моей старой школы. Мама была слишком погружена в свое горе и ничего не замечала, а папа объяснял все перемены настроения в доме и мою новую привычку запираяться у себя в комнате «женскими штучками». Я познала самое себя. Я вовсе не хихикающая девчонка, которая напилась с незнакомцами. Я больше не носила ничего, что можно счесть вызывающим. По крайней мере, ничего, что может понравиться посетителям «Красного льва».

Жизнь вернулась в обычное русло. Я нашла работу в парикмахерской, затем в «Булочке с маслом», и все осталось позади.

Наверное, с тех пор я прошла мимо замка пять тысяч раз.

Но больше никогда не была в лабиринте.

Патрик стоял на краю беговой дорожки и подпрыгивал на месте, его новая футболка и шорты «Найк» слегка липли к влажным рукам и ногам. Я заскочила, чтобы поздороваться и сообщить, что сегодня вечером не приду в паб на встречу «Титанов триатлона». Натан был в отъезде, и я пообещала заменить его во время вечернего ритуала.

— Это уже третья встреча, которую ты пропускаешь.

— Правда? — Я посчитала на пальцах. — Да, наверное.

— Ты должна прийти на следующей неделе. Мы обсуждаем планы поездки на «Викинг экстрим». И ты не говорила, чем хочешь заняться в свой день рождения. — Патрик приступил к растяжке, высоко поднимая колено и прижимая к груди. — Как насчет кино? Обильная еда сейчас, во время тренировок, была бы некстати.

— Э... Мама и папа планируют праздничный ужин.

Он взял себя за пятку, направив колено к земле.

Я невольно обратила внимание, что его нога становится неестественно жилистой.

— Не слишком похоже на романтический вечер.

— Кинотеатр тоже. В любом случае я чувствую себя обязанной, Патрик. Мама в последнее время немного расстроена.

Трина уехала на предыдущих выходных — без моей косметички с лимонами, которую я спасла в ночь перед отъездом сестры. Мама была в отчаянии, она переживала больше, чем когда Трина отправилась в университет в первый раз. Она тосковала по Томасу, как по ампутированной конечности. Его игрушки, с раннего детства валявшиеся на полу гостиной, были сложены в коробки и убраны. Из буфета пропали шоколадные палочки и маленькие коробочки с соком. Ей больше незачем было ходить в школу к пятнадцати минутам четвертого и не с кем болтать на коротком пути домой. Эти прогулки были единственным временем, которое мама проводила вне дома. Теперь она вообще никуда не ходила, не считая еженедельного набега с папой на супермаркет.

Она три дня бродила по дому с несколько потеряннным видом, а после с пылом, испугавшим даже дедушку, приступила к весенней уборке. Он невинно протестовал, когда она пыталась пропылесосить под его креслом или обмахнуть его плечи метелкой для пыли. Трина предупредила, что первые несколько недель не будет приезжать домой, чтобы Томас освоился

на новом месте. Когда она звонила по вечерам, мама беседовала с ними, а потом добрых полчаса плакала у себя в комнате.

— В последнее время ты постоянно работаешь допоздна. Я тебя почти не вижу.

— А ты постоянно тренируешься. Как бы то ни было, это хорошие деньги, Патрик. Я не собираюсь отказываться от сверхурочных.

С этим он поспорить не мог.

Я зарабатывала больше, чем когда-либо в жизни. Я стала отдавать родителям вдвое больше денег, каждый месяц откладывала определенную сумму на сберегательный счет, и все равно у меня оставалось больше, чем я могла потратить. Отчасти дело было в том, что я работала слишком много и покидала Гранта-хаус, когда магазины уже были закрыты. Отчасти — в том, что мне просто не хотелось тратить деньги. В свободное время я пропадала в библиотеке, проводя изыскания в Интернете.

Библиотечный компьютер открыл для меня целый мир, слой за слоем, и мир этот манил сладкоголосыми песнями сирен.

Все началось с благодарственного письма. Через пару дней после концерта я сказала Уиллу, что надо бы поблагодарить его друга-скрипача.

— Я купила симпатичную открытку по дороге на работу, — сообщила я. — Продиктуйте, что хотите написать. Я даже захватила свою лучшую ручку.

— Не стоит, — ответил Уилл.

— Что?

— Что слышали.

— Не стоит? Этот человек предоставил нам передние места для почетных гостей. Вы сами сказали, что концерт был потрясающим. Самое меньшее, что вы можете сделать, — поблагодарить его.

Выпяченная челюсть Уилла не двигалась.

Я отложила ручку.

— Вероятно, вы привыкли, что люди оказывают вам услуги, и не чувствуете потребности их благодарить?

— Вы понятия не имеете, Кларк, насколько раздражает, когда за тебя пишет кто-то другой. Фраза «написано от имени»... унижительна.

— Неужели? И все же это лучше, чем большое жирное ничего, — проворчала я. — Лично я в любом случае собираюсь его поблагодарить. Я не стану упоминать вашего имени, если вы действительно намерены вести себя как эгоистичная задница.

Я написала открытку и отправила по почте. Больше я об этом не заговаривала. Но в тот вечер слова Уилла продолжали звучать у меня в

голове. Я машинально забрела в библиотеку, села за свободный компьютер и подключилась к Интернету. Я надеялась найти устройство, с помощью которого Уилл мог бы писать самостоятельно. Через час я нашла целых три: программу, распознающую речь, программу, реагирующую на моргание, и упомянутое сестрой устройство для стука, которое Уилл мог носить на голове.

Как я и предполагала, он презрительно фыркнул, услышав о налобном устройстве, но признал, что программа распознавания речи может оказаться полезна, и всего за неделю мы сумели при помощи Натана установить ее на компьютер. Мы приделали компьютерный столик к инвалидному креслу, и Уиллу больше не нужно было просить кого-то печатать. Поначалу он немного смущался, но когда я предложила начинать словами: «Запишите, мисс Кларк», ему удалось с этим справиться.

Даже миссис Трейнор не могла ни на что пожаловаться.

— Если вы найдете еще какое-нибудь оборудование, которое может оказаться полезным, — произнесла она, поджав губы, как будто искала подвох, — дайте нам знать.

Она с подозрением разглядывала Уилла, словно он собирался выломать компьютер челюстью.

Спустя три дня, когда я вышла из дома на работу, почтальон протянул мне письмо. Я вскрыла его в автобусе, полагая, будто это ранняя поздравительная открытка от какого-нибудь дальнего родственника. В конверте лежала компьютерная распечатка:

Дорогая Кларк!

Пишу это письмо, чтобы доказать вам, что я не такая уж эгоистичная задница. И я ценю ваши усилия.

Спасибо.

Уилл

Я смеялась так громко, что водитель спросил, не выиграла ли я в лотерею.

Я много лет провела в каморке, храня одежду в коридорном шкафу, и теперь комната Трины казалась мне королевскими покоем. В первый вечер я, раскинув руки, закружилась в ней, наслаждаясь тем фактом, что не могу коснуться обеих стен одновременно. Я сходила в хозяйственный магазин и приобрела краску и новые жалюзи, а также новую прикроватную лампу и

несколько полок, которые собрала сама. Не то чтобы я была мастер на все руки, — наверное, мне просто стало интересно, получится ли у меня.

Я приступила к ремонту, по часу крася стены после возвращения с работы, и к концу недели даже папе пришлось признать, что я отлично поработала. Он проверил, как я прокрасила стыки, пощупал жалюзи, которые я повесила сама, и положил руку мне на плечо:

— Молодец, Лу.

Я купила новое пуховое одеяло, покрывало и несколько огромных подушек — на случай если кто-нибудь заглянет в гости и пожелает расслабиться. Никто, впрочем, не заглядывал. Календарь переехал на новую дверь. Его никто не видел, кроме меня. Впрочем, никто бы и не понял, что он значит.

Мне стало немного не по себе, когда мы поставили раскладушку Томаса рядом с кроватью Трины в каморке, заняв все свободное место, но я рассудила, что они больше не живут здесь. А в каморке будут только спать. Нет смысла держать просторную комнату пустой ради выходных.

Я ходила на работу каждый день, пытаюсь придумать, куда съездить с Уиллом. Далеко идущих планов я не строила. Просто старалась поддерживать его в хорошей форме и почаще радовать. Некоторые дни — дни, когда у него горели руки и ноги или когда он подцепил инфекцию и лежал в кровати, несчастный и беспокойный, — были тяжелее других. Но в хорошие дни мне несколько раз удалось вытащить его под весеннее солнце. Теперь я знала, что Уилл особенно ненавидит жалость незнакомцев, и потому возила его в красивые местечки, где мы около часа проводили наедине. Я устраивала пикники, и мы садились на краю какого-нибудь луга, наслаждаясь ветерком и отсутствием крыши и стен.

— Мой парень хочет с вами познакомиться, — сообщила я однажды днем, отламывая Уиллу кусочки сэндвича с сыром и соленьями.

Мы отъехали от города на несколько миль, поднялись на холм и любовались на противоположной стороне долины видом замка, отделенного от нас лугами, на которых паслись овцы.

— Зачем?

— Хочет знать, с кем я провожу все свои вечера.

Как ни странно, Уилл заметно приободрился.

— Бегун.

— И мои родители, кажется, тоже.

— Меня пугает, когда девушка говорит, что хочет познакомиться меня с родителями. Кстати, как ваша мама?

— Все так же.

— А работа вашего папы? Есть новости?

— Нет. Теперь ему говорят «на следующей неделе». В общем, родители предложили пригласить вас в пятницу вечером на мой день рождения. Семейный ужин. Только самые близкие. Но довольно мило... Я сказала, что вы не захотите.

— С чего вы взяли, будто я не захочу?

— Тоже мне бином Ньютона. Вы ненавидите незнакомцев. Вам не нравится есть на виду. И вы терпеть не можете моего парня.

Я его раскусила. Лучшим способом заставить Уилла что-либо сделать было сказать ему, что он точно этого не захочет. В нем еще жил дух упрямства, противоречия.

Уилл с минуту жевал молча.

— Нет. Я приду на ваш день рождения. По крайней мере, вашей матери будет чем заняться.

— Правда? О боже, если она узнает, то начнет полировать мебель и протирать пыль сегодня же вечером.

— Вы уверены, что она ваша родная мать? Разве между вами не должно быть генетического сходства? Будьте добры сэндвич, Кларк. И не жалейте огурчиков.

Я шутила только наполовину. Маму охватила полнейшая паника при мысли о квадриплегии в гостях. Ее руки взметнулись к лицу, а затем она принялась переставлять тарелки на буфете, как будто он должен был прибыть через несколько минут.

— А если ему понадобится в уборную? У нас нет туалета на первом этаже. Вряд ли папа сможет отнести его наверх. Я могла бы помочь... но как-то неловко трогать чужого мужчину. Может, Патрик поможет?

— Об этом можешь не беспокоиться. Честное слово.

— А еда? Ее нужно натереть? Ему все можно есть?

— Надо просто класть кусочки ему в рот.

— Но кто этим займется?

— Я. Расслабься, мама. Он милый. Он тебе понравится.

На том и договорились. Натан привезет Уилла и заедет через два часа, чтобы отвезти его домой и выполнить вечерний ритуал. Я предложила свою помощь, но мужчины настояли на том, чтобы я «отдохнула» в свой день рождения. Просто они не были знакомы с моими родителями.

Ровно в половину восьмого я открыла дверь и увидела на переднем крыльце Уилла и Натана. На Уилле была элегантная рубашка и пиджак. Я не знала, радоваться ли, что он позаботился о своем внешнем виде, или беспокоиться, что следующие два часа мама станет думать, будто оделась

недостаточно изысканно.

— Привет.

Папа вышел в прихожую следом за мной.

— Оба-на! Как пандус, ребята? — Он весь день прилаживал к крыльцу пандус из ДСП.

Натан осторожно вкатил кресло Уилла в узкую прихожую.

— Хорошо, — ответил Натан, когда я закрыла за ним дверь. — Очень даже. Я встречал в больницах пандусы похуже.

— Бернард Кларк. — Папа пожал Натану руку и потянулся к Уиллу, но тут же отдернул ладонь, внезапно покраснев от смущения. — Бернард. Прошу прощения... я не знаю, как здороваться с... я не могу пожать вам... — начал заикаться он.

— Реверанса вполне достаточно.

Папа уставился на Уилла, а когда понял, что тот шутит, расхохотался от облегчения.

— Ха! — Он хлопнул Уилла по плечу. — Ага! Реверанс. Очень смешно. Ха!

Это сломало лед. Натан ушел, помахав на прощание рукой, и я закатала Уилла в кухню. Мама, к счастью, держала кастрюлю, что избавило ее от замешательства.

— Мама, это Уилл. Уилл — Джозефина.

— Называйте меня Джози, — широко улыбнулась она. Ее руки были в кухонных перчатках по локоть. — Рада наконец познакомиться, Уилл.

— Взаимно, — ответил он. — Мне бы не хотелось вам мешать.

Мама поставила кастрюлю и коснулась волос. Добрый знак. Жаль, она забыла снять перчатку.

— Извините, — сказала она. — Жаркое на ужин. Нужно успеть вовремя, сами понимаете.

— Вообще-то, нет, — ответил Уилл. — Я не умею готовить. Но люблю вкусно поесть. Поэтому я с нетерпением ждал сегодняшнего вечера.

— Итак... — Папа открыл холодильник. — Как мы это сделаем? У вас есть специальная пивная... кружка, Уилл?

Я сказала Уиллу, что на его месте папа купил бы специальную пивную кружку прежде, чем инвалидное кресло.

— Надо правильно расставлять приоритеты, — заметил папа.

Я порылась в сумке Уилла и отыскала его стаканчик.

— Пиво вполне подойдет. Спасибо.

Уилл пил пиво, а я стояла на кухне, внезапно устыдившись нашего крошечного ветхого домика с обоями восьмидесятых годов и ободранными

кухонными шкафчиками. Дом Уилла был элегантно обставлен — красиво и с размахом. Наш дом выглядел так, будто девяносто процентов его содержимого было куплено в местном магазине «Все за фунт». Рисунки Томаса с загнутыми уголками покрывали все свободное пространство на стенах. Но если Уилл и заметил это, то ничего не сказал. Они с отцом быстро нашли общую тему для разговора, а именно мою исключительную bestолковость. Я не протестовала. Пусть развлекаются.

— Знаете, однажды она въехала задом в столб и клялась, что это столб во всем виноват...

— Вы бы видели, как она опускает мой пандус. Порой мне кажется, что я съезжаю с трамплина...

Папа расхохотался.

Я оставила их наедине. Мама, волнуясь, вышла следом за мной, держа в руках поднос с бокалами, и поглядела на часы.

— Где Патрик?

— Он собирался прийти прямо с тренировки, — ответила я. — Наверное, задержался.

— Не мог отложить даже ради твоего дня рождения? Курица перестоится, если он сейчас не придет.

— Мама, все будет хорошо.

Я подождала, пока она поставит поднос, и обняла ее. Она вся задеревенела от беспокойства. Внезапно меня охватил прилив жалости к ней. Нелегко, наверное, быть моей матерью.

— Серьезно. Все будет хорошо.

Она высвободилась, поцеловала меня в макушку и вытерла руки о фартук.

— Жаль, твоей сестры нет дома. Как-то неправильно праздновать без нее.

Мне так не казалось. Можно мне хоть раз побыть в центре внимания и насладиться этим? Быть может, звучит по-детски, но это правда. Мне нравилось, что Уилл и папа смеются надо мной. Нравилось, что все блюда — от жареной курицы до шоколадного мусса — мои любимые. Нравилось, что я могу быть тем, кем хочу, без напоминаний сестры о том, кто я на самом деле.

Прозвенел звонок, и мама хлопнула в ладоши:

— А вот и он. Лу, почему ты не накрываешь?

Патрик все еще был красным от трудов на беговой дорожке.

— С днем рождения, детка. — Он наклонился, чтобы поцеловать меня. От него пахло лосьоном после бритья, дезодорантом и чистой,

свежевымытой кожей.

— Лучше проходи в дом, — кивнула я в сторону гостиной. — Мама на грани срыва — пора вынимать жаркое.

— Ой! — Он посмотрел на часы. — Извини. Наверное, потерял счет времени.

— Но не твоего времени, верно?

— Что?

— Ничего.

Папа перетащил большой раскладной стол в гостиную. Кроме того, я велела ему переставить один из диванов к другой стене, чтобы Уилл мог въехать в комнату без помех. Он направил кресло на место, которое я указала, и немного приподнял сиденье, чтобы находиться на одном уровне с остальными. Я села слева от него, а Патрик — напротив. Они с Уиллом и бабушкой кивнули друг другу в знак приветствия. Я уже предупредила Патрика, чтобы не пытался пожать ему руку. Даже сев, я чувствовала, что Уилл изучает Патрика, и на мгновение задумалась, постарается ли он обаять моего парня, как обаял моих родителей.

Уилл наклонил ко мне голову:

— Поищите на спинке кресла, там есть кое-что к ужину.

Я откинулась назад, запустила руку в его сумку и выудила бутылку шампанского «Лоран-Перье».

— Что за день рождения без шампанского! — сказал он.

— Вы только посмотрите, — восхитилась мама, внося тарелки. — Как мило! Но у нас нет бокалов для шампанского.

— Эти вполне подойдут, — ответил Уилл.

— Я открою. — Патрик взял бутылку, открыл проволоку и подцепил пробку большими пальцами. Он все время поглядывал на Уилла, как будто ожидал увидеть совершенно другого человека.

— Так вы зальете шампанским всю комнату, — заметил Уилл. Он приподнял руку на дюйм и дернул ладонью. — Я обнаружил, что держать пробку и поворачивать бутылку намного надежнее.

— Да вы знаток шампанского! — вставил папа. — Давай, Патрик. Поворачивать бутылку, вы сказали? Кто бы мог подумать!

— Я знал, — сказал Патрик. — Я так и собирался сделать.

Шампанское было благополучно открыто и разлито по бокалам, и мы выпили за мой день рождения.

Бабушка крикнул что-то вроде: «Пусть говорит!»

Я встала и поклонилась. На мне было расклешенное желтое короткое платье шестидесятых годов, которое я купила в благотворительном

магазине. Продавщица предполагала, что оно из «Биба», хотя кто-то срезал ярлык.

— Возможно, в этом году наша Лу наконец вырастет, — произнес папа. — Я собирался сказать: «изменит свою жизнь к лучшему», но это ей, похоже, наконец удалось. Должен сказать, Уилл, с тех пор, как она начала работать у вас, она... ну, она выбралась из своей скорлупы.

— Мы очень гордимся, — добавила мама. — И благодарны. Вам. В смысле, за то, что вы ее наняли.

— Это мне следует благодарить, — покосился на меня Уилл.

— За Лу, — произнес папа. — И ее неизменный успех.

— И за отсутствующих членов семьи, — сказала мама.

— Вот это да! — воскликнула я. — Надо чаще устраивать день рождения. Обычно все только и делают, что оскорбляют меня.

Завязался разговор. Папа рассказал очередную историю обо мне, и они с мамой расхохотались. Приятно было видеть их смеющимися. Папа выглядел таким усталым в последние недели, а у мамы ввалились глаза, и она стала рассеянной, как будто витала где-то далеко. Мне хотелось насладиться минутами, когда родители ненадолго забыли о своих проблемах и перешучивались в теплой семейной обстановке. На мгновение мне показалось, что я была бы не против присутствия Томаса. Иди даже Трины.

Я так погрузилась в размышления, что не сразу заметила выражение лица Патрика. Я кормила Уилла и что-то говорила дедушке, складывая кусочек копченого лосося и поднося к губам Уилла. Это стало такой органичной частью моей повседневной жизни, что интимность жеста поразила меня, только когда я увидела потрясенное лицо Патрика.

Уилл что-то сказал папе, а я уставилась на Патрика, мысленно приказывая ему прекратить. Слева от него жадно ел дедушка, издавая то, что мы называли «обеденными звуками», — тихое довольное ворчание и бормотание.

— Чудесный лосось, — сказал Уилл моей матери. — Просто изумительный вкус.

— Не то чтобы мы ели его каждый день, — улыбнулась она. — Но мы хотели сделать сегодняшний день особенным.

«Хватит пялиться», — молча велела я Патрику.

Наконец он поймал мой взгляд и отвернулся. Он выглядел разъяренным.

Я скормила Уиллу еще кусочек, а затем хлеб, на который он поглядывал. В этот миг я осознала: я так настроилась на потребности

Уилла, что мне не нужно смотреть на него, чтобы понять его желания. Патрик сидел напротив с опущенной головой, разрезая копченого лосося на маленькие кусочки и протыкая вилкой. Хлеб он оставил нетронутым.

— Кстати, Патрик, — начал Уилл, возможно почувствовав мою неловкость. — Луиза говорит, вы персональный тренер. Что это подразумевает?

Лучше бы он не спрашивал. Патрик прочел заученный монолог о личностной мотивации и о том, что в здоровом теле — здоровый дух. Затем он плавно перешел на расписание тренировок к «Викинг экстрим», температуру Северного моря, процент жира в организме, необходимый для марафонского бега, свое лучшее время в каждой дисциплине. Обычно я отключалась на этом этапе, но сейчас, сидя рядом с Уиллом, могла думать лишь о том, насколько это неуместно. Почему Патрик не может отделаться общими словами?

— Знаете, когда Лу сказала, что вы придете, я решил поискать в своих книгах какую-нибудь физиотерапию для вас.

Я подавилась шампанским.

— Это задача для специалиста, Патрик. Не уверена, что ты вправе что-то советовать.

— Но я специалист. Я работаю со спортивными травмами. И закончил медицинские курсы.

— Это не растянутая лодыжка, Пат. Я серьезно.

— Пару лет назад я работал с одним парнем, у которого был клиент-параплегик. Он говорит, что тот практически восстановился. Занимается триатлоном и так далее.

— Надо же, — сказала мать.

— Он дал наводку на одно новое канадское исследование, в котором говорится, что тренировки могут помочь мышцам вспомнить былые времена. Если заставить их как следует работать каждый день — это как синапс в мозгу, — все может вернуться. Спорим, если организовать вам по-настоящему хороший режим, вы заметите разницу в мышечной памяти. В конце концов, Лу говорит, вы раньше были человеком действия.

— Патрик, — громко сказала я, — ты ничего об этом не знаешь.

— Я просто пытаюсь...

— Не надо. Правда.

За столом повисло молчание. Папа кашлянул и извинился. Дедушка тревожно огляделся.

Мама, похоже, собиралась предложить всем хлеба, но передумала.

Когда Патрик снова заговорил, в его голосе чувствовался легкий

оттенок мученичества:

— Это всего лишь исследование, которое, как мне показалось, может быть полезным. Но я умолкаю.

— Непременно об этом подумаю, — с равнодушным и вежливым видом улыбнулся Уилл.

Я встала, чтобы убрать тарелки, мечтая вылезти из-за стола. Но мама одернула меня и приказала сидеть.

— У тебя день рождения, дочка, — сказала она, как будто в другие дни не стремилась все сделать сама. — Бернард, ты не мог бы принести курицу?

— Ха-ха! Надеюсь, она больше не хлопает крыльями? — оскалил зубы папа.

Остаток ужина прошел без происшествий. Я видела, что родители совершенно очарованы Уиллом. О Патрике нельзя было сказать того же. Они с Уиллом больше не разговаривали. Когда мама накладывала жареную картошку — папа, как обычно, попытался стянуть лишку, — я перестала волноваться. Папа расспрашивал Уилла обо всем на свете, о его прошлой жизни и даже о несчастном случае, и тот, похоже, чувствовал себя достаточно комфортно, чтобы отвечать откровенно. Я даже узнала кое-что новое. Например, его работа, видимо, была довольно важной, хотя он постарался преуменьшить свои успехи. Уилл покупал и продавал компании и извлекал из этого прибыль. Папе понадобилось несколько попыток, чтобы вытянуть из Уилла, что его представление о прибыли содержит шесть или семь нулей. Я невольно уставилась на Уилла, пытаясь соотнести человека, которого знала, с безжалостным дельцом из Сити, которого он описывал. Папа рассказал ему о компании, которая собиралась завладеть мебельной фабрикой. Услышав название, Уилл кивнул почти смущенно и ответил, что да, он их знает. Да, наверное, он поступил бы так же. Судя по его тону, плакала папина работа.

Мама лишь ворковала над Уиллом и суетилась вокруг него. По ее улыбке было ясно, что в какой-то момент Уилл превратился в обычного привлекательного молодого мужчину за ее столом. Неудивительно, что Патрик разозлился.

— Праздничный торт? — спросил дедушка, когда мама начала убирать посуду.

Он сказал это так отчетливо и так неожиданно, что мы с папой потрясенно уставились друг на друга. Все затихли.

— Нет. — Я обошла вокруг стола и поцеловала дедушку. — Нет, дедушка. Извини. Но будет шоколадный мусс. Тебе понравится.

Он одобрительно кивнул. Мать сияла. Лучшего подарка и придумать было нельзя.

На столе появился мусс, а вместе с ним большой, завернутый в тонкую бумагу квадратный подарок размером с телефонную книгу.

— Пора дарить подарки? — спросил Патрик. — Вот. Это мой. — Он улыбнулся и положил подарок на середину стола.

Я постаралась улыбнуться в ответ. В конце концов, время для споров было неподходящее.

— Ну же, — сказал папа. — Открывай.

Сначала я открыла их подарок, развернув бумагу аккуратно, чтобы не порвать. Это оказался альбом для фотографий, и на каждой странице был снимок одного года из моей жизни. Я в младенчестве; мы с Триной — серьезные, круглощечные девочки; мой первый день в средней школе — куча заколок и юбка на вырост. Более свежая фотография нас с Патриком, та, на которой я на самом деле посылаю его к черту. И наконец, я в серой юбке первый день на новой работе. Между страницами лежали рисунки Томаса с нашей семьей и сохраненные мамой письма из школьных поездок с детским почерком и рассказами о днях, проведенных на пляже, пропавшем мороженом и вороватых чайках. Листая альбом, я задержалась лишь на мгновение, когда увидела девушку с длинными темными волосами, откинутыми за спину. Я перевернула страницу.

— Можно посмотреть? — спросил Уилл.

— У нас выдался... не лучший год, — сказала мама, когда я продолжила листать альбом перед Уиллом. — В смысле, все в порядке. Но вы же знаете наши обстоятельства. А потом дедушка увидел днем по телевизору про самодельные подарки, и я подумала, что это будет... ну, знаете... действительно что-то значить.

— Так и есть, мама. — Мои глаза наполнились слезами. — Мне очень нравится. Спасибо.

— Некоторые фотографии выбрал дедушка, — сказала она.

— Очень красиво, — произнес Уилл.

— Мне нравится, — повторила я.

В жизни не видела ничего печальнее, чем взгляды бесконечного облегчения, которыми обменялись мама и папа.

— Я следующий. — Патрик подвинул коробочку через стол. Я медленно открыла ее, на мгновение неясно испугавшись, что это может оказаться обручальное кольцо. Я была не готова. Я еще даже не вполне осознала, что заполучила собственную комнату. Открыв коробочку, я увидела на темно-синем бархате тонкую золотую цепочку с маленьким

кулоном-звездочкой. Очень мило, нежно и совершенно не в моем стиле. Я никогда не носила подобные украшения.

Я смотрела на кулон и пыталась придумать, что сказать.

— Какая прелесть, — произнесла я, когда Патрик наклонился через стол и застегнул цепочку на моей шее.

— Рад, что тебе понравилось. — Патрик поцеловал меня в губы. Честное слово, он никогда раньше не целовал меня так — на глазах у родителей.

Уилл невозмутимо наблюдал за мной.

— Что ж, думаю, пора приступить к десерту, — сказал папа. — Пока в комнате не стало слишком жарко. — Он громко рассмеялся над собственной шуткой. Шампанское безмерно подняло его дух.

— У меня тоже есть кое-что для вас в сумке, — тихо сказал Уилл. — На спинке кресла. В оранжевой обертке.

Я достала подарок из рюкзака Уилла.

Мама замерла с сервировочной ложкой в руке.

— Вы купили Лу подарок, Уилл? Это так мило с вашей стороны. Правда, это мило, Бернард?

— Несомненно.

На оберточной бумаге красовались разноцветные китайские кимоно. Я с первого взгляда поняла, что сохраню ее. Возможно, даже сошью что-нибудь по рисунку. Я сняла ленточку и на время отложила в сторону. Развернула оберточную бумагу, затем папиросную и увидела нечто подозрительно знакомое в черную и желтую полоску.

Я достала ткань из свертка, и в моих руках оказались две пары черно-желтых колготок. Взрослого размера, плотные, из такой мягкой шерсти, что они чуть не выскользнули из моих пальцев.

— Поверить не могу, — засмеялась я от радости и неожиданности. — О боже! Где вы их взяли?

— Их сделали на заказ. Кстати, я проинструктировал мастерицу с помощью своей новенькой программы распознавания речи.

— Колготки? — хором произнесли папа с Патриком.

— Лучшие колготки на свете.

Мать взгляделась в колготки:

— Послушай, Луиза, я совершенно уверена, что у тебя были точно такие же в раннем детстве.

Мы с Уиллом переглянулись.

С моего лица не сходила улыбка.

— Я хочу надеть их немедленно, — заявила я.

— Боже праведный, она будет выглядеть как Макс Уолл^[52] в пчелином улье, — качая головой, заметил папа.

— Да ладно, Бернард, у нее день рождения. Пусть надевает что хочет.

Я выбежала из комнаты и натянула дурацкие колготки в коридоре. Вытянула носок, любуясь ими. Я никогда еще не была так счастлива, получив подарок.

Я вернулась в гостиную. Уилл одобрительно хмыкнул. Дедушка хлопнул ладонями по столу. Мама и папа расхохотались. Патрик просто смотрел.

— Не могу выразить словами, как они мне нравятся, — сказала я. — Спасибо. Спасибо. — Я протянула руку и коснулась его плеча. — Правда.

— Там еще открытка, — сказал он. — Прочтете ее как-нибудь потом.

Родители устроили большую суматоху вокруг Уилла, когда он уходил.

Захмелевший папа неустанно благодарил его за предоставленную мне работу и зазывал в гости.

— Если меня сократят, может, загляну на огонек и посмотрим футбол, — добавил он.

— С удовольствием, — ответил Уилл, хотя я ни разу не видела, чтобы он смотрел футбольный матч.

Мама всучила ему остатки мусса в пластмассовом контейнере:

— Раз уж вам так понравилось.

Вот это джентльмен, станут повторять они битый час после его ухода. Настоящий джентльмен.

Патрик вышел в прихожую, засунув руки глубоко в карманы, словно борясь с желанием пожать Уиллу руку. Более великодушного объяснения я придумать не смогла.

— Приятно было познакомиться, Патрик, — сказал Уилл. — И спасибо за... совет.

— О, я просто пытаюсь помочь своей подружке с работой, — сказал он. — Вот и все. — Он явно подчеркнул слово «своей».

— Что ж, вам повезло, — сказал Уилл, когда Натан покатыл его на улицу. — Она ловко обтирает губкой.

Он сказал это так быстро, что дверь успела закрыться, прежде чем Патрик сообразил, о чем речь.

— Ты не говорила, что обтираешь его губкой.

Мы вернулись к Патрику, в новенькую квартиру на краю города. Дом

продавался как лофт,^[53] хотя выходил окнами на торговый комплекс и имел всего три этажа.

— Что это значит? Ты моешь ему член?

— Я не мою ему член. — Я взяла средство для умывания, одну из немногих вещей, которые Патрик позволял хранить у него дома, и начала размашистыми движениями снимать макияж.

— Он только что сказал, что моешь.

— Он тебя поддразнил — и после того, как ты распинался о том, что он раньше был человеком действия. Я его не виню.

— Тогда что ты с ним делаешь? Ты явно не все мне рассказала.

— Иногда я его мою, но только до нижнего белья.

Взгляд Патрика был красноречивее сотни слов. Наконец он отвернулся, стянул носки и кинул в корзину для грязного белья.

— Это не входит в твои обязанности. Никаких медицинских услуг. Никаких интимных услуг. Это не входило в описание работы. — Ему в голову пришла внезапная мысль: — Ты можешь подать на них в суд. Кажется, это называется конструктивное увольнение — когда меняют условия работы?

— Не будь смешным. Я делаю это потому, что Натан не может всегда быть рядом, а Уиллу будет тяжело если за ним станет ухаживать незнакомый человек из агентства. К тому же я уже привыкла. Мне не трудно.

Разве могла я ему объяснить, как чужое тело может стать таким привычным? Я меняла трубки Уилла с ловкостью профессионала и обтирала губкой его голый торс, не прерывая разговора. Я даже больше не задерживалась взглядом на шрамах. Какое-то время все, что я могла видеть, — потенциального самоубийцу. Теперь он стал просто Уиллом — сводящим с ума, переменчивым, умным, забавным Уиллом, — который относился ко мне покровительственно и любил изображать профессора Хиггинса, наставляющего Элизу Дулиттл. Его тело просто входило в комплект, его надо было периодически обслуживать, прежде чем вернуться к беседе. Пожалуй, оно стало наименее интересной его частью.

— Я просто не могу поверить... после всего, через что мы прошли... ты меня так долго не подпускала... а теперь легко сошлась с совершенно чужим человеком...

— Давай поговорим об этом в другой раз, Патрик. У меня день рождения.

— Это не я завел разговор об обтираниях губкой и всем таком прочем.

— Дело в том, что он красив? — не выдержала я. — Дело в этом? Тебе

было бы намного легче, если бы он выглядел как... ну, знаешь... настоящий овощ?

— Значит, ты считаешь, что он красив?

Я стащила платье через голову и принялась аккуратно снимать колготки. Остатки моего хорошего настроения наконец испарились.

— Поверить не могу. Поверить не могу, что ты к нему ревнуешь.

— Я к нему не ревную, — пренебрежительно отмахнулся он. — Разве можно ревновать к калеке?

Патрик занимался со мной любовью в ту ночь. Возможно, «занимался любовью» — слишком сильно сказано. Мы занимались сексом, он устроил марафонский забег, в котором, похоже, задался целью продемонстрировать свой атлетизм, силу и пыл. Это продолжалось несколько часов. Если бы он мог повесить меня на люстру, то наверняка бы повесил. Приятно было чувствовать себя столь желанной, находиться в центре внимания после месяцев отчуждения. Но небольшая часть меня оставалась отстраненной. Я подозревала, что дело не во мне. Я сообразила это довольно быстро. Это маленькое шоу было устроено ради Уилла.

— Ну как? — Когда все закончилось, он обнял меня и поцеловал в лоб. Наша кожа была липкой от пота.

— Чудесно, — ответила я.

— Я люблю тебя, детка. — Удовлетворенный, он откатился, закинул руку за голову и уснул через несколько минут.

Когда сон так и не пришел, я вылезла из кровати и спустилась за своей сумкой. Порылась в ней в поисках книги рассказов Фланнери О'Коннор. Когда я ее доставала, из сумки выпал конверт.

Я уставилась на него. Открытка Уилла. Я не прочитала ее за столом. Я открыла конверт, чувствуя внутри что-то мягкое. Осторожно вынула открытку и раскрыла. Внутри лежало десять хрустящих пятидесятифунтовых банкнот. Я пересчитала их дважды, не в силах поверить собственным глазам. Открытка гласила:

Премия на день рождения.

Не возражайте. Этого требует закон.

У.

Май выдался странным. Газеты и телевизор были полны заголовков о том, что журналисты называли «правом на смерть». Женщина, страдающая дегенеративным заболеванием, попросила уточнить закон, который способен защитить ее мужа, если он сопровождает жену в «Дигнитас», когда ее мучения станут невыносимы. Молодой футболист покончил с собой, уговорив родителей отвезти его в «Дигнитас». Подключилась полиция. В палате лордов назначили дебаты.

Я смотрела новостные репортажи, слушала юридические доводы членов движения «В защиту жизни» и почтенных философов-моралистов и не знала, на чью сторону встать. Все это казалось странно далеким от Уилла.

Мы тем временем постепенно удлиняли прогулки Уилла и увеличивали расстояние, которое он был готов проехать. Побывали в театре, съездили посмотреть народные танцы. Уилл невозмутимо смотрел на колокольчики и носовые платки танцоров, но слегка покраснел от усилий сохранять спокойствие. Как-то вечером посетили концерт под открытым небом во дворе старинного особняка по соседству — больше в его вкусе, чем в моем, — и один раз заглянули в кинотеатр, где из-за недостаточно тщательной моей подготовки посмотрели фильм о неизлечимо больной девушке.

Но я знала, что Уилл тоже видит газетные заголовки. С тех пор как мы поставили новую программу, он начал чаще пользоваться компьютером и научился двигать курсор, водя большим пальцем по тачпаду. Это утомительное занятие позволяло ему читать газеты в Интернете. Однажды утром я принесла чашку чая и обнаружила, что Уилл читает о молодом футболисте — подробный очерк о шагах, которые тому пришлось предпринять, чтобы покончить с жизнью. Он выключил экран, когда понял, что я за спиной. Казалось бы, пустяк, но у меня добрых полчаса стоял комок в горле.

Я просмотрела эту статью в библиотеке. Начала читать газеты. Я выяснила, какие из доводов глубоки, а какие поверхностны, поняла, что информация не всегда полезна в виде сухих, голых фактов.

Бульварные газеты набросились на родителей футболиста. «Как они могли позволить ему умереть?» — кричали заголовки. Я невольно чувствовала то же самое. Лео Макинерни было двадцать четыре года. Он

прожил со своим увечьем почти три года, немногим больше, чем Уилл. Несомненно, он был слишком молод, чтобы решать, жить ему или нет. А потом я прочла статью, которую читал Уилл, — не чье-то личное мнение, а настоящую исследовательскую работу о том, что на самом деле происходило в жизни юноши. Похоже, автор поговорил с его родителями.

Они рассказали, что Лео играл в футбол с трех лет. Он жил футболом. Травму он получил в результате неудачного захвата, какие случаются, по их выражению, «один раз на миллион». Родители делали все возможное, чтобы ободрить сына, дать почувствовать, что его жизнь не потеряла смысл. Но Лео погрузился в депрессию. Он стал атлетом, лишенным не только атлетизма, но и возможности двигаться, а иногда и дышать без посторонней помощи. Ничто не приносило ему удовольствия. Его жизнь была полна боли, подорвана инфекцией, и он полностью зависел от окружающих. Лео скучал по друзьям, но отказывался с ними встречаться. Сказал своей девушке, что не желает ее видеть. Ежедневно твердил родителям о своем нежелании жить. Говорил им, что смотреть, как другие люди хотя бы наполовину живут той жизнью, которую он для себя планировал, невыносимо, настоящая пытка.

Лео дважды пытался уморить себя голодом, но попадал в больницу, а по возвращении домой умолял родителей задушить его во сне. Прочитав это, я сидела в библиотеке, прижимая кулаки к глазам, пока наконец не перестала всхлипывать.

Папа потерял работу. Он держался довольно мужественно. Вернулся домой, переоделся в рубашку и галстук и отправился на следующем автобусе в город, чтобы встать на учет на бирже труда.

Он сказал маме, что согласен на все, хотя был квалифицированным рабочим с многолетним опытом.

— Не думаю, что сейчас время проявлять разборчивость, — добавил он, игнорируя мамины возражения.

Но если мне оказалось тяжело найти работу, перспективы пятидесятипятилетнего мужчины, который всю жизнь занимался одним-единственным делом, были еще менее радужными. Его не возьмут даже кладовщиком или охранником, с отчаянием сказал он, вернувшись с очередной серии собеседований. Работодатели предпочтут ненадежного семнадцатилетнего сопляка, потому что правительство возместит расходы на зарплату, но не зрелого мужчину с безупречным послужным списком. Через две недели постоянных отказов они с мамой признали, что нужно подать заявление на пособие, просто чтобы продержаться, пока он не

найдет работу, и вечерами корпели над маловразумительными пятидесятистраничными анкетами, в которых спрашивалось, сколько человек в его семье пользуется стиральной машиной и когда он в последний раз выезжал за границу — папа предполагал, что в 1988 году. Я положила подаренные Уиллом деньги в жестянку для наличности в кухонном шкафу. Мне казалось, родителям станет легче, появившись у них небольшой запас на черный день.

Проснувшись утром, я обнаружила, что конверт с деньгами просунут под дверь.

Приехали туристы, и город начал наполняться. Мистер Трейнор все реже и реже показывался дома, его рабочий день удлинялся по мере того, как замок посещало все больше людей. Я встретила его в городе однажды вечером в четверг, когда возвращалась из химчистки. В этом не было бы ничего необычного, если бы он не обнимал рыжеволосую женщину, явно не миссис Трейнор. При виде меня он отпихнул ее, словно горячую картофелину.

Я отвернулась, притворившись, будто разглядываю витрину. Мне не слишком хотелось, чтобы он знал, что я их видела, и я постаралась об этом забыть.

В пятницу, после того как папа потерял работу, Уилл получил приглашение — приглашение на свадьбу Алисии и Руперта. Строго говоря, открытку прислали полковник и миссис Тимоти Дьюар, родители Алисии, приглашая Уилла отметить бракосочетание их дочери с Рупертом Фрешвеллом. Приглашение пришло в плотном пергаментном конверте с расписанием празднования и толстым, сложенным в несколько раз списком подарков. Последние предлагалось купить в магазинах, о которых я никогда не слышала.

— Надо же, какая наглость, — заметила я, изучая позолоченные буквы и позолоченный край толстой открытки. — Выбросить?

— Как хотите. — Уилл был воплощенное равнодушие.

Я взглянула на список:

— А что такое кускусьер?^[54]

Возможно, дело в том, как быстро он отвернулся и уткнулся в компьютер. Возможно, дело в его тоне. Но почему-то я не выбросила приглашение, а аккуратно убрала в папку Уилла на кухне.

Уилл дал мне еще одну книгу рассказов, которую заказал на Amazon, а также «Красную королеву». Я знала, что она мне не понравится.

— В ней даже сюжета нет, — заметила я, изучая заднюю сторону обложки.

— Ну и что? — ответил Уилл. — А вы постарайтесь.

Я постаралась — не из-за интереса к генетике, просто опасаясь, что в противном случае Уилл будет меня третировать. В последнее время он стал немного грубым. И что самое неприятное, задавал вопросы по прочитанному, желая убедиться, что я не отлыниваю.

— Вы мне не учитель, — ворчала я.

— И слава богу, — искренне отвечал он.

Эта книга — на удивление живо написанная — была посвящена битве за выживание. В ней утверждалось, что женщины выбирают мужчин вовсе не потому, что любят их. Якобы самки всех видов всегда выбирают сильнейшего самца, чтобы дать своему потомству лучшие шансы. И ничего не могут с этим поделать. Так устроена природа.

Я была не согласна с автором. И его доводы мне не нравились. В том, в чем Уилл пытался меня убедить, был неприятный подтекст. С точки зрения автора, Уилл был физически слабым, неполноценным. Бесполезным биологически. И жизнь его не имела смысла.

Уилл распространялся об этом весь день, и наконец я не выдержала:

— Однако кое-чего этот Мэтт Ридли не учел.

— Неужели? — Уилл оторвался от экрана компьютера.

— Что, если генетически превосходящий самец на самом деле настоящий придурок?

В третью субботу мая приехали Трина и Томас. Мама выбежала в сад еще до того, как они дошли до середины нашей улицы. Она прижала Томаса к груди, уверяя, что за время своего отсутствия он вырос на несколько дюймов. Томас изменился, повзрослел и выглядел как маленький мужчина. Трина обрезала волосы, и в ней появилась непривычная утонченность. На ней был незнакомый пиджак и сандалии с ремешками. Нехорошо, конечно, но я задумалась, где она взяла деньги.

— Ну как? — спросила я, пока мама гуляла с Томасом по саду, показывая ему в крошечном пруду лягушек.

Папа смотрел с дедушкой футбол, разочарованно восклицая при очередной упущенной возможности.

— Отлично. Очень хорошо. В смысле, тяжело, когда никто не помогает с Томасом, а в садике ему понравилось не сразу. — Трина наклонилась вперед. — Только не говори маме. Я сказала ей, что у него все хорошо.

— Но учеба тебе нравится.

— Это самое приятное, — расплылась в улыбке Трина. — Не могу выразить, Лу, как здорово снова пользоваться мозгами. Как будто я на годы

потеряла огромную часть себя... и снова нашла. Наверное, это звучит глупо?

Я покачала головой. Я была искренне рада за нее. Мне хотелось рассказать сестре о библиотеке, компьютерах и обо всем, что я сделала для Уилла. Но решила, что сейчас в центре внимания должна быть она. Мы сидели на складных стульях под потрепанным тентом и попивали чай. Я заметила, что ее пальцы снова здорового цвета.

— Мама скучает по тебе, — сказала я.

— Теперь мы будем приезжать почти каждые выходные. Просто мне нужно было... Лу, дело ведь не только в том, чтобы Томас освоился. Мне нужно было время, чтобы побыть вдалеке от всего этого. Просто чтобы побыть другим человеком.

Трина и выглядела немного другим человеком. Так странно. Всего несколько недель вдали от дома способны стереть знакомые черты. Мне казалось, что сестра ступила на путь к совершенно иной, новой жизни. И почему-то — что она меня бросила.

— Мама сказала, твой приятель-инвалид приходил на ужин.

— Он не «мой приятель-инвалид». Его зовут Уилл.

— Извини. Уилл. Выходит, список радостей жизни работает?

— Отчасти. Какие-то поездки удачны, какие-то нет. — Я рассказала о катастрофе с лошадиными скачками и неожиданным успехе скрипичного концерта, о наших пикниках, и сестра засмеялась, когда я рассказала о праздничном ужине.

— Как ты думаешь?.. — Я видела, что она подбирает слова. — Ты победишь?

Как будто это соревнование.

Я сорвала веточку жимолости и принялась обрывать с нее листья.

— Не знаю. Мне кажется, нужно ускориться. — Я рассказала ей, что миссис Трейнор говорила о путешествии за границу.

— И все же не могу поверить, что ты была на скрипичном концерте. Ты!

— Мне понравилось.

Трина подняла бровь.

— Нет, правда понравилось. Это было... эмоционально.

Она присмотрелась ко мне:

— Мама говорит, он очень милый.

— Он правда милый.

— И красивый.

— Травма позвоночника еще не превращает его в Квазимодо.

«Только не говори, какая это трагическая потеря», — мысленно попросила я.

Но, наверное, моя сестра была достаточно умна.

— Как бы то ни было, мама явно удивилась. По-моему, она ожидала увидеть Квазимодо.

— В том-то и дело, Трин, — отозвалась я, выливая остатки чая в клумбу. — Все ожидают увидеть Квазимодо.

За ужином мама была жизнерадостной. Она приготовила лазанью, любимое блюдо Трины, а Томасу в виде исключения позволили не спать допоздна. Мы ели, разговаривали и смеялись и обсуждали безопасные темы, например футбольную команду, мою работу и сокурсников Трины. Мама, наверное, сто раз спросила сестру, уверена ли она, что хорошо справляется одна, не нужно ли ей что-нибудь для Томаса — как будто у родителей были лишние деньги. Я порадовалась, что предупредила Трину, что папа и мама остались без гроша. Она отказалась от помощи вежливо и убедительно. Только позже мне пришло в голову спросить, действительно ли ей ничего не нужно.

В полночь я проснулась от плача. Томас плакал в каморке. Я слышала, как Трина пытается утешить его, успокоить, включает и выключает свет, перестилает кровать. Я лежала в темноте, глядя, как оранжевый свет фонарей падает сквозь жалюзи на свежевыкрашенный потолок, и ждала, когда это прекратится. Но тот же тоненький плач раздался в два часа ночи. На этот раз я услышала, как мама шлепает по коридору, а затем приглушенный разговор. Наконец Томас снова затих.

В четыре я проснулась от скрипа двери. Я сонно заморгала и повернулась к свету. В дверях стоял Томас, слишком большая пижама болталась вокруг его ножек, одеяльце волочилось по полу. Я не видела его лица, только силуэт, но в его позе ощущалась неуверенность, как будто он не знал, что делать дальше.

— Иди сюда, Томас, — прошептала я.

Он потопал ко мне, и я увидела, что он еще наполовину спит. Он спотыкался на ходу, засунув большой палец в рот и прижимая к себе драгоценное одеяльце. Я приподняла край одеяла, и Томас забрался ко мне в кровать, улегшись лохматой головой на вторую подушку и свернувшись клубочком. Я накрыла его одеялом и некоторое время любовалась племянником, восхищаясь тем, как быстро и уверенно он заснул.

— Доброй ночи, солнышко, — прошептала я и поцеловала его в лоб.

Пухлая ручка схватила меня за футболку, как будто малыш хотел

убедиться, что я никуда не уйду.

* * *

— Где вам больше всего понравилось?

Мы сидели в укрытии, пережидая налетевший шквал, чтобы продолжить прогулку по задворкам замка. Уилл не любил ходить в основную часть — на него таращилось слишком много людей. Но огороды были его тайным сокровищем, которое мало кто посещал. Укромные фруктовые сады были отделены друг от друга гравийными дорожками, с которыми кресло Уилла вполне справлялось.

— В каком смысле? И что это?

Я налила немного супа из термоса и поднесла к его губам.

— Томатный суп.

— Ладно. Господи, да он горячий. Дайте подумать, — прищурился он, глядя вдаль. — Я поднялся на гору Килиманджаро, когда мне исполнилось тридцать. Это было невероятно.

— Насколько высоко?

— Высота пика Ухуру^[55] — чуть больше девятнадцати тысяч футов. Правда, последнюю тысячу я скорее полз. Высота — нелегкое испытание.

— Было холодно?

— Нет... — улыбнулся он. — Это же не Эверест. По крайней мере, в то время года. — Уилл смотрел вдаль, погружившись в воспоминания. — Там очень красиво. Килиманджаро называют крышей Африки. На вершине кажется, что видишь край света.

Уилл мгновение помолчал. Я наблюдала за ним, гадая, где он сейчас. Когда мы вели такие разговоры, он становился похожим на моего одноклассника — парня, рискнувшего уехать и отдалившегося от нас.

— А что еще вам понравилось?

— Залив Тру-д’О-Дус на Маврикии. Приятные люди, красивые пляжи, отличный дайвинг. Мм... Национальный парк Цаво в Кении, сплошь красная земля и дикие животные. Йосемитская долина в Калифорнии. Отвесные скалы, такие высокие, что мозг не в состоянии это осмыслить.

Уилл рассказал мне о ночи, проведенной в горах, когда он примостился на уступе в нескольких сотнях футов от земли. Ему пришлось пристегнуться к спальному мешку, а мешок прикрепить к скале, потому что ворочаться во сне было очень опасно.

— Вы только что описали мой худший кошмар.

— Города мне тоже нравятся. Сидней. Северная территория. Исландия. Недалеко от аэропорта есть место, где можно купаться в вулканических источниках. Станный постыжерный пейзаж. Да, и путешествие по Центральному Китаю. Я добрался до местечка в двух днях езды от столицы провинции Сычуань, и местные плевали в меня, потому что никогда не видели белого человека.

— Есть ли место, где вы не побывали?

Уилл отпил еще супа.

— Северная Корея? — задумался он. — Да, и я ни разу не был в Диснейленде. Это считается? Даже в парижском.

— Я однажды купила билет в Австралию. Но так и не полетела. — (Он удивленно повернулся ко мне.) — Кое-что помешало. Ничего. Возможно, однажды я туда полечу.

— Никаких «возможно». Вы должны отсюда выбраться, Кларк. Обещайте, что не проведете остаток жизни на этом жалком лоскутке земли.

— Обещать? Зачем? — Я старалась говорить беззаботно. — Вы куда-то собрались?

— Мне просто... невыносима мысль, что вы останетесь здесь навсегда, — сглотнул он. — Вы слишком яркая. Слишком интересная. — Он отвернулся. — У вас всего одна жизнь. Ваш долг — прожить ее как можно полнее.

— Ладно, — осторожно сказала я. — И куда мне поехать? Куда бы вы поехали, если бы могли поехать куда угодно?

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. И ответ «Килиманджаро» не принимается. Это должно быть место, куда я в принципе могу поехать.

Расслабляясь, Уилл совершенно менялся. На его лице заиграла улыбка, вокруг глаз разбежались морщинки удовольствия.

— В Париж. Сидеть за столиком у кафе в Маре, пить кофе и есть теплые круассаны с маслом и клубничным джемом.

— Маре?

— Это маленький квартал в самом сердце Парижа. В нем полно мощеных улочек, покосившихся многоквартирных домов, геев, ортодоксальных евреев и женщин бальзаковского возраста, похожих на Бриджит Бардо. Если и жить в Париже, то именно там.

— Мы можем поехать, — повернувшись к нему и понизив голос, сказала я. — На «Евростаре». Это несложно устроить. Наверное, можно обойтись без Натана. Я никогда не была в Париже, но очень хотела бы. Правда. Особенно с человеком, который знает его как свои пять пальцев.

Что скажете, Уилл?

Я вообразила себя в кафе. Я сижу за столиком и восхищаюсь парой новых французских туфель, купленных в шикарном маленьком бутике, или ковыряю булочку ногтями, покрашенными элегантно алым лаком. Я почувствовала вкус кофе и запах дыма сигарет «Голуаз» за соседним столиком.

— Нет.

— Что? — Мне не сразу удалось вернуться из-за своего придорожного столика.

— Нет.

— Но вы только что сказали...

— Вы не понимаете, Кларк. Я не хочу ехать туда в этой... этой штуке. — Уилл, понизив голос, жестом указал на кресло. — Я хочу оказаться в Париже самим собой, прежним. Хочу сидеть на стуле, откинувшись на спинку, в своей любимой одежде, и переглядываться с хорошенькими француженками, которые смотрят на меня, как на любого другого мужчину. А не отводят поспешно глаза, сообразив, что я застрял в чертовой детской коляске-переростке.

— Но мы можем попробовать, — осмелилась я. — Необязательно...

— Нет. Нет, не можем. Потому что я закрываю глаза и точно знаю, каково сидеть на рю де Фран-Буржуа: в руке сигарета, передо мной холодный клементиновый^[56] сок в высоком бокале, пахнет чьим-то жарящимся стейком, вдалеке тарахтит мопед. Я знаю все ощущения до единого. — Он сглотнул. — В день, когда я поеду с вами в этой чертовой штуковине, все мои воспоминания, все чувства сотрутся. Придется прикладывать усилия, чтобы просто усестся за столик, заезжать и съезжать с парижских бордюров. Таксисты откажутся нас подвозить, а чертово кресло не удастся зарядить от французской розетки. Вам понятно? — Его голос стал жестким.

Я закрутила крышку термоса, внимательно изучая свои туфли, потому что не хотела, чтобы он видел мое лицо.

— Понятно, — ответила я.

— Хорошо, — глубоко вздохнул Уилл.

За нашими спинами остановился автобус, чтобы выгрузить у ворот замка очередную партию гостей. Мы молча наблюдали, как они, приученные глазеть на руины минувшей эпохи, покорно выходят гуськом из автобуса и направляются в старую крепость.

Возможно, Уилл понял, что я немного подавлена, потому что слегка наклонился ко мне. Лицо его смягчилось.

— Итак, Кларк. Дождь, похоже, прекратился. Куда мы сегодня пойдем? В лабиринт?

— Нет! — сорвалось с моих губ, и я поймала взгляд Уилла.

— У вас клаустрофобия?

— Что-то вроде. — Я начала собирать наши вещи. — Давайте просто вернемся домой.

В следующие выходные я спустилась вниз посреди ночи, чтобы попить. Я страдала бессонницей и обнаружила, что вставать не намного лучше, чем лежать в кровати, борясь с водоворотом неприятных мыслей.

Мне не нравилось бодрствовать по ночам. Я невольно гадала, не бодрствует ли Уилл по ту сторону замка, и воображение затягивало меня в его мысли. Это было мрачное место.

Хотите знать правду? Я ничего не добилась с ним. Время утекало. Я не смогла даже убедить его поехать в Париж. И когда он объяснил почему, с ним трудно было спорить. У него находились все причины отказаться от любой долгой поездки, которую я предлагала. А поскольку я не могла объяснить, почему мне так хочется взять его с собой, я никак не могла на него повлиять.

Я шла мимо гостиной и услышала звук — приглушенный кашель или, возможно, восклицание. Я остановилась, вернулась назад и подошла к двери. Осторожно толкнула ее. На полу гостиной была устроена импровизированная кровать из диванных подушек, на которой под гостевым одеялом лежали мои родители. Их головы находились на одном уровне с газовым камином. Мы мгновение смотрели друг на друга в полумраке, стакан застыл у меня в руке.

— Что... что вы здесь делаете?

— Тсс! — Мать приподнялась на локте. — Говори тише. Мы... — Она посмотрела на отца. — Мы решили поменяться.

— Что?

— Мы решили поменяться. — Мать в поисках поддержки покосилась на отца.

— Мы отдали Трине нашу кровать, — пояснил папа. На нем была старая голубая футболка с прорехой на плече, а волосы сбились набок. — Они с Томасом не могли прижиться в каморке. И мы отдали им свою спальню.

— Но вы не можете спать здесь! Это же неудобно!

— Нам удобно, милая, — сказал папа. — Правда. — Пока я стояла, пытаюсь осмыслить его слова, он добавил: — Это только по выходным. А

ты не можешь спать в той каморке. Тебе нужно выспаться, ведь ты... — Он прокашлялся. — Ведь ты единственная из нас работаешь и вообще... — Мой здоровяк-отец не мог смотреть мне в глаза.

— Ложись, Лу. Спи. У нас все хорошо. — Мама практически выгнала меня.

Я поднялась по лестнице, бесшумно ступая по ковровой дорожке и краем уха прислушиваясь к бормотанию внизу.

Я помедлила у комнаты мамы и папы, теперь слыша то, чего не слышала раньше, — тихое сопение Томаса. Затем медленно вернулась через площадку в свою комнату и осторожно закрыла за собой дверь. Я лежала в огромной кровати и смотрела в окно на оранжевые огни фонарей, пока рассвет наконец — благослови его Боже — не подарил мне несколько драгоценных часов сна.

В моем календаре осталось семьдесят девять дней. Я снова начала беспокоиться.

И не я одна.

Однажды в обед миссис Трейнор дождалась, пока Натан займется Уиллом, и попросила пройти с ней в большой дом. Она усадила меня в гостиную и спросила, как обстоят дела.

— Ну, мы намного чаще бываем вне дома, — начала я. Она кивнула, как бы соглашаясь. — Уилл разговаривает больше, чем раньше.

— С вами — возможно. — Она издала невеселый смешок. — Вы говорили с ним о поездке за границу?

— Еще нет. Но поговорю. Просто... вы же знаете, какой он.

— Я правда не против, — сказала миссис Трейнор, — если вы захотите куда-то поехать. Да, сначала мы не слишком одобрили вашу идею, но мы много говорили об этом, и оба согласны...

Мы посидели в тишине. Она подала мне чашку кофе на блюдце. Я сделала глоток. С неустойчивым блюдцем на коленях я всегда чувствовала себя лет на шестьдесят.

— Итак... Уилл сказал, что был у вас дома.

— Да, на мой день рождения. Родители устроили праздничный ужин.

— Как он себя вел?

— Хорошо. Очень хорошо. Был удивительно мил с моей мамой. — Я невольно улыбнулась воспоминанию. — В смысле, она немного грустит, потому что моя сестра с сыном переехали. Мама скучает по ним. Мне кажется, ему... ему просто хотелось ее отвлечь.

— Очень... заботливо с его стороны, — явно удивилась миссис

Трейнор.

— Мама думает так же.

Она помешала свой кофе.

— Не припомню, когда Уилл в последний раз изволил ужинать с нами.

Миссис Трейнор еще немного расспросила меня. Разумеется, никаких прямых вопросов — это было не в ее стиле. Но я не могла дать ей ответы, в которых она нуждалась. Иногда мне казалось, что Уилл стал счастливее: он охотно гулял со мной, поддразнивал, наставлял, казался чуть более заинтересованным миром за стенами флигеля... Но что я знала на самом деле? В душе Уилла существовали обширные области, в которые он не позволял мне даже заглянуть. Последние пару недель я испытывала неприятное чувство, что эти области растут.

— Он выглядит чуть более счастливым, — сказала миссис Трейнор. Казалось, она пытается себя успокоить.

— Я тоже так думаю.

— Было очень... — ее взгляд метнулся ко мне, — утешительно увидеть его немного похожим на прежнего Уилла. Я прекрасно сознаю, что все эти улучшения — ваша заслуга.

— Не все.

— Я не могу до него достучаться. Не могу даже приблизиться к нему. — Миссис Трейнор поставила свою чашку и блюдо на колено. — Уилл очень необычный человек. Еще с того времени, когда он был подростком, я не могу отделаться от мысли, что, с его точки зрения, я в чем-то провинилась. Но я так и не поняла, в чем именно. — Быстро взглянув на меня, она попыталась хохотнуть, но это совсем не походило на смех.

Я притворилась, будто пью кофе, хотя в чашке ничего не осталось.

— Вы хорошо ладите со своей матерью, Луиза?

— Да, — ответила я. — А вот сестра сводит меня с ума.

Миссис Трейнор выглянула в окно, где ее драгоценный сад начинал цвести бледным и изысканным сочетанием розового, лилового и голубого.

— У нас осталось всего два с половиной месяца, — не поворачивая головы, сказала она.

Осторожно, чтобы не звякнуть, я поставила чашку на столик.

— Я делаю все, что могу, миссис Трейнор.

— Да, знаю, Луиза, — кивнула она.

Я вышла.

Лео Макинерни умер двадцать второго мая в безымянной палате

швейцарской больницы. На нем была его любимая футбольная форма, и родители находились рядом. Его младший брат отказался приехать, но сделал заявление, что его брат был окружен любовью и поддержкой. В три часа сорок семь минут Лео выпил молочный раствор смертельной дозы барбитурата и, по словам родителей, через несколько минут словно погрузился в глубокий сон. Чуть позже четырех часов смерть констатировал наблюдатель, который снимал все на видеокамеру, чтобы предотвратить любые обвинения в нарушении закона.

«Казалось, он обрел покой, — цитировались слова его матери. — Это единственное, что поддерживает меня на плаву».

Ее и отца Лео трижды допрашивали в полиции, им угрожало судебное преследование. Им слали письма с угрозами и оскорблениями. Мать выглядела почти на двадцать лет старше своего возраста. И все же, когда она говорила, в ее лице было что-то, кроме горя, ярости, беспокойства и усталости, свидетельствовавшее о безмерном облегчении.

«Он снова стал похожим на Лео».

— Ну что, Кларк? Какие волнующие события ожидают вас сегодня вечером?

Мы были в саду. Натан занимался с Уиллом физиотерапией, осторожно прижимая его колени к груди, пока Уилл лежал с раскинутыми руками на одеяле, лицом к солнцу, словно загорая. Я сидела на траве рядом с ними и ела сэндвичи. В последнее время я редко обедала в городе.

— А почему вы спрашиваете?

— Из любопытства. Мне интересно, как вы проводите свободное время.

— Что ж... сначала я сражусь с прославленными мастерами боевых искусств, затем отправлюсь на вертолете ужинать в Монте-Карло. По дороге домой, возможно, загляну на коктейль в Канны. Если вы поднимете взгляд... э-э-э... в два часа ночи, я помашу вам рукой. — Я разлепила сэндвич, чтобы увидеть начинку. — Наверное, буду дочитывать книгу.

Уилл взглянул на Натана и усмехнулся:

— Гони десятку.

Натан полез в карман.

— И так всегда, — пожаловался он.

Я уставилась на них.

— Всегда — что? — спросила я, когда Натан вложил банкноту в руку Уилла.

— Он сказал, что ты будешь читать книгу. Я — что смотреть телевизор. Он всегда выигрывает.

Я замерла, поднеся сэндвич к губам:

— Всегда? Вы ставите на то, насколько скучна моя жизнь?

— Мы бы назвали это иначе. — Слегка виноватое выражение глаз Уилла говорило об обратном.

— Можно я уточню? — Я выпрямила спину. — Вы бьетесь об заклад, что в пятницу вечером я буду сидеть дома и читать книгу или смотреть телевизор?

— Нет, — ответил Уилл. — Я поставил еще и на то, что вы встретитесь с Бегуном на дорожке.

Натан отпустил ногу Уилла, распрямил его руку и начал массировать от запястья вверх.

— А если бы я сказала, что буду делать нечто совершенно другое?

— Но такого никогда не случалось, — заметил Натан.

— Так, это мое. — Я выдернула десятку из руки Уилла. — Потому что сегодня вечером вы ошиблись.

— Но вы сказали, что будете читать книгу! — возразил он.

— Но теперь, — помахала я десяткой, — пойду в кино. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, верно?

Я встала, положила деньги в карман и засунула остатки обеда в коричневый бумажный пакет. Шагая прочь, я улыбалась, но по какой-то непонятной причине на глаза наворачивались слезы.

Утром, прежде чем прийти в Гранта-хаус, я час работала над календарем. Бывали дни, когда я просто сидела с маркером в руке на кровати и смотрела на календарь, пытаюсь придумать, куда отвезти Уилла. Я все еще сомневалась, можно ли с ним ездить далеко, а мысль о ночевке, даже с помощью Натана, казалась обескураживающей.

Я изучала местную газету, поглядывая на футбольные матчи и деревенские праздники, но после катастрофы со скачками опасалась, что кресло Уилла застрянет в траве. Я беспокоилась, что в толпе он будет чувствовать себя уязвимым. Мне пришлось исключить все, связанное с лошадьми, а в наших краях этого было немало. Я знала, что Уилл не захочет смотреть, как бегают Патрик, и что он равнодушен к крикету и регби. Иногда меня мучила собственная неспособность придумать что-то новенькое.

Возможно, Уилл и Натан правы. Возможно, я скучная. Возможно, я совершенно не гожусь, чтобы изобретать способы разжечь аппетит Уилла к жизни.

Книга или телевизор.

Если подумать, сложно считать иначе.

После ухода Натана Уилл нашел меня на кухне. Я сидела за маленьким столиком, чистила картошку ему на ужин и не подняла глаз, когда он остановил свое кресло в двери. Он наблюдал за мной так долго, что от его пристального взгляда у меня порозовели уши.

— Знаете, — наконец сказала я, — а ведь я могла повести себя гадко. Могла сказать, что вы тоже ничего интересного не делаете.

— Вряд ли Натан поставит на то, что я отправлюсь на танцы, — заметил Уилл.

— Я знаю, это шутка, — выбрасывая длинный очисток, продолжила я. — Но вы меня по-настоящему расстроили. Зачем было признаваться, что вы ставите на мою скучную жизнь? Разве не могли вы подшучивать надо

мной втайне?

Уилл молчал. Когда я наконец подняла глаза, он наблюдал за мной.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Непохоже.

— Ну... ладно... возможно, я хотел, чтобы вы это услышали. Хотел, чтобы вы подумали о том, что делаете.

— В смысле, о том, как моя жизнь утекает сквозь пальцы?..

— Вообще-то, да.

— О господи, Уилл. Когда вы уже прекратите указывать мне, что делать? А если мне нравится смотреть телевизор? Если мне хочется просто почитать книгу? — В моем голосе прорезались визгливые нотки. — Что, если я прихожу домой усталая? И мне не хочется заполнять свои дни бурной деятельностью?

— Но однажды вы можете об этом пожалеть, — тихо произнес он. — Знаете, что бы я делал на вашем месте?

— Полагаю, вы мне сейчас скажете. — Я отложила овощечистку.

— Да. И меня это ничуть не смущает. Я ходил бы на вечерние курсы. Учился на швею, модельера, или что вам там по-настоящему нравится. — Он указал на мое мини-платье в стиле шестидесятых и в духе «Пуччи»,^[57] сшитое из бывших дедушкиных занавесок.

Когда папа впервые увидел это платье, он ткнул в меня пальцем и завопил: «Эй, Лу, немедленно задержись!» А потом добрых пять минут хохотал.

— Я нашел бы себе недорогие занятия — гимнастику, плавание, волонтерство, что угодно. Учился музыке, или ходил на долгие прогулки с чужим псом, или...

— Ладно-ладно, я поняла, — раздраженно ответила. — Но я — не вы, Уилл.

— Вам повезло.

Мы еще посидели. Уилл въехал на кухню и поднял сиденье, чтобы мы могли смотреть друг на друга через стол.

— Хорошо, — сказала я. — И чем вы занимались после работы? Таким ценным?

— Ну, времени оставалось немного, но я старался каждый день что-нибудь делать. Занимался в спортивном центре скалолазанием и сквошем, ходил на концерты, исследовал новые рестораны...

— Все это требует денег, — запротестовала я.

— И бегал. Честное слово, — добавил он, когда я подняла бровь. — Еще я пытался учить языки стран, куда мечтал поехать. Встречался с

друзьями... или людьми, которых считал друзьями... — Он мгновение помедлил. — И планировал путешествия. Искал места, в которых никогда не был, занятия, которые пугали или требовали напряжения всех сил. Я переплыл Ла-Манш. Летал на дельтаплане. Взбирался на горы и спускался с них на лыжах. Да... — сказал он, когда я попыталась перебить, — я знаю, многое из этого требует денег, но далеко не все. Кроме того, как по-вашему, чем я зарабатывал деньги?

— Грабили людей в Сити?

— Я выяснил, что доставляет мне радость, и выяснил, чем хочу заниматься, а после обучился занятию, которое обеспечивало и то и другое.

— По-вашему, это так просто.

— Это просто, — подтвердил он. — Только требует тяжелого труда. А люди не любят трудиться.

Я закончила чистить картофель. Выбросила очистки в ведро и поставила сковороду на плиту, а затем, свесив ноги, уселась на стол лицом к Уиллу.

— У вас была интересная жизнь, правда?

— Да. — Он придвинулся ближе и поднял сиденье, так что мы оказались почти на одном уровне. — Вот почему вы меня бесите, Кларк. Потому что я вижу ваш талант, вашу... — пожал он плечами, — вашу энергию, неординарность и...

— Только не говорите «потенциал»...

— ...потенциал. Да. Потенциал. И я не в силах понять, как вы можете довольствоваться этой жалкой жизнью. Жизнью, которая почти полностью проходит в круге радиусом пять миль и в которой нет никого, кто удивлял бы вас, подталкивал или показывал вам то, от чего кружится голова и по ночам лежишь без сна.

— Вы пытаетесь сказать, что мне нужно заняться чем-то намного более стоящим, чем чистить вам картошку.

— Я пытаюсь сказать, что мир огромен и удивителен. Но я буду очень благодарен, если сперва вы приготовите картошку, — улыбнулся он, и я невольно улыбнулась в ответ.

— Вам не кажется... — начала я, но осеклась.

— Продолжайте.

— Вам не кажется, что теперь вам сложнее... привыкнуть... Из-за того, что вы столько всего делали?

— Вы имеете в виду, не жалею ли я, что вообще что-то делал?

— Просто я подумала... вам было бы проще. Если бы прежде вы жили скромно. В смысле, жить как сейчас.

— Я никогда не пожалею о том, что делал. Потому что теперь, застряв в кресле, могу путешествовать лишь по своим воспоминаниям. — Он улыбнулся. Улыбка вышла натянутой, как будто далась ему нелегко. — Так что если вы спрашиваете, не предпочел бы я вспоминать вид на замок из продовольственного магазина или прелестный торговый ряд за круговой развязкой, то мой ответ — нет. Моя жизнь была в самый раз, спасибо.

Я соскользнула со стола. Не знаю почему, но мне снова казалось, что он загнал меня в угол. Я взяла разделочную доску с сушилки.

— И еще, Лу, простите. За историю с деньгами.

— Ладно. Хорошо. — Я повернулась и подставила доску под струю воды. — Но не найдется, что я верну вам десятку.

Через два дня Уилл попал с инфекцией в больницу. Врачи называли это профилактической мерой, хотя любому было очевидно, что он испытывает невыносимую боль. У некоторых квадриплегиков чувства не сохраняются, но Уилл не замечал только температуры, а боль и прикосновения ниже груди чувствовал. Я дважды навестила его с музыкальными дисками и гостинцами, предлагая составить компанию, но ощутила себя помехой и довольно скоро поняла, что на самом деле Уилл вовсе не жаждет привлекать к себе внимание. Он попросил меня уйти и провести свободное время в свое удовольствие.

Год назад я потратила бы эти дни впустую: ходила бы по магазинам, быть может, пообедала с Патриком. Смотрела бы дневные передачи, возможно, попыталась бы разобрать свою одежду. Много спала.

Но теперь я испытывала странное беспокойство и неуверенность. Мне не хватало повода рано вставать, не хватало цели.

В середине утра я сообразила, что могу использовать время с толком. Я отправилась в библиотеку и приступила к поискам. Просмотрела все сайты о квадриплегиках которые смогла найти, и выяснила, чем мы можем заняться, когда Уиллу станет лучше. Составила списки и в каждом пункте указала оборудование или вопросы, которые надо предварительно обдумать.

Я отыскивала форумы для людей с травмами позвоночника и обнаружила, что таких мужчин и женщин, как Уилл, — тысячи. Они ведут неприметную жизнь в Лондоне, Сиднее, Ванкувере или соседнем доме. Им помогают друзья, родные, а порой они совершенно одиноки.

Я была не единственной сиделкой, интересовавшейся этими сайтами. Девушки спрашивали, как помочь своим парням обрести уверенность и снова появляться на людях, мужья искали совета по новейшему

медицинскому оборудованию. Встречалась реклама инвалидных кресел, которые могут ездить по песку и бездорожью, умных подъемников или надувных приспособлений для купания.

В разговорах часто использовались коды. Я разобралась, что ПСМ означает «повреждение спинного мозга», ФЗ — «физически здоровый», ИМП — «инфекция мочевых путей». Оказалось, травма позвоночника C_{4/5} намного тяжелее, чем C_{11/12}, при которой, как правило, сохраняется подвижность рук или торса. Я читала истории любви и утраты партнеров, разрывающихся между супругами-инвалидами и маленькими детьми. Жены испытывали угрызения совести из-за того, что молились, чтобы мужья перестали их бить, и их молитвы были услышаны. Мужья хотели бросить больных жен, но опасались общественного порицания. Разговоры были полны усталости, отчаяния и черного юмора — люди шутили о взрывающихся пакетах для мочи, идиотизме доброжелателей и злключениях в пьяном виде. Падения с кресел были общим местом. О самоубийстве тоже говорили — одни хотели покончить с собой, другие уговаривали их немного потерпеть, научиться смотреть на жизнь по-другому. Я читала страницу за страницей, и мне казалось, что я тайком заглянула в голову Уилла.

В обед я покинула библиотеку и, чтобы немного проветриться, отправилась на короткую прогулку по городу. Я вознаградила себя сэндвичем с креветками и, глядя на лебедей на озере у замка, уселась на стену. Было довольно тепло, я сняла куртку и подставила лицо солнцу. Забавно, но при виде того, как остальной мир усердно трудится, я обрела покой. Я все утро провела в мире затворников, и простая возможность прогуляться и перекусить на солнышке казалась свободой.

Закончив, я вернулась в библиотеку, за свой компьютер. Глубоко вдохнула и напечатала сообщение.

Привет! Я подруга / сиделка 35-летнего квадриплегики C_{5/6}. В прежней жизни он был очень успешным и активным человеком, и ему нелегко привыкнуть к новой. По правде говоря, я знаю, что он не хочет жить, и пытаюсь придумать, как его переубедить. Помогите мне, пожалуйста! Есть идеи, что может ему понравиться или как изменить его настрой? Буду благодарна за любые советы.

Я подписалась «Трудолюбивая Пчелка». Затем, откинувшись на спинку стула, погрызла ноготь большого пальца и наконец нажала «Отправить».

На следующее утро я села за компьютер и обнаружила четырнадцать ответов. Я зашла на форум и заморгала при виде списка имен, откликов от людей со всего света, поступивших днем и ночью. Первый отклик гласил:

Дорогая Трудолюбивая Пчелка!

Добро пожаловать на наш форум. Не сомневаюсь, что вашему другу намного легче, оттого что о нем кто-то заботится.

«А я вот сомневаюсь», — подумала я.

Многие из нас рано или поздно впадают в уныние. Возможно для вашего друга настал такой момент. Не позволяйте ему вас отталкивать. Будьте жизнерадостны. И почаще говорите ему, что не нам решать, когда вступать в этот мир и когда покидать его, а только Господу нашему. В своей неизъяснимой мудрости Он решил изменить жизнь вашего друга, и, возможно, это урок, которым Он...

Я прокрутила страницу до следующего ответа.

Дорогая Пчелка!

Ничего не поделаешь, квадриплегиом быть нелегко. Если твой друг тоже был своего рода игроком, ему, наверное, особенно несладко. Вот что мне помогло: много общения, даже когда я был к нему не расположен. Вкусная еда. Хорошие врачи. Качественные лекарства, при необходимости — антидепрессанты. Ты не написала, где вы живете, но, возможно, ему стоит влиться в ПСМ-сообщество? Я поначалу был против (наверное, мне не очень-то хотелось признавать себя квадриплегиом), но когда знаешь, что ты не одинок, становится легче.

Да, и НЕ советуй ему смотреть фильмы вроде «Скафандр и бабочка». Только настроение портить!

Держи нас в курсе, как у вас дела.

Всего наилучшего,

Ричи

Я поискала фильм «Скафандр и бабочка». В аннотации было написано: «История человека, парализованного после инсульта, и его попыток общения с внешним миром». Я записала название фильма в блокноте, то ли чтобы невзначай не посоветовать его Уиллу, то ли чтобы не забыть самой посмотреть.

Следующие два ответа были от адвентиста седьмого дня и от мужчины, который предлагал способы подбодрить Уилла, явно не входившие в мой трудовой договор. Я покраснела и поспешно прокрутила

вниз, опасаясь, что кто-то увидит экран из-за моей спины. Над следующим ответом я задержалась.

Привет, Трудолюбивая Пчелка!

Почему ты думаешь, что твоего друга / подопечного / неважно кого нужно переубеждать? Если бы я мог изобрести способ умереть с достоинством и не знал, что мои родные будут горевать, я бы непременно им воспользовался.

Я провел в инвалидном кресле уже восемь лет, и моя жизнь — замкнутый круг унижений и разочарований.

Ты способна по-настоящему влезть в его шкуру? Ты знаешь, каково это, когда даже кишечник самому не опорожнить? Каково знать, что до конца своих дней будешь прикован к кровати — не сможешь есть, одеваться, общаться с внешним миром без посторонней помощи? Что никогда не займешься сексом? Каково смириться с перспективой неизбежных пролежней, постоянных болезней, а то и дыхательных аппаратов? Похоже, у тебя большое сердце и ты желаешь ему добра. Но что, если на следующей неделе за ним будет ухаживать кто-то другой? Человек, который его расстраивает или даже недолюбливает. Это, как и все остальное, ему неподвластно. Мы, ПСМ, знаем: нам мало что подвластно — кто нас кормит, одевает, моет, назначает лекарства. Жить с этим знанием очень тяжело.

Поэтому я считаю, что ты задала неправильный вопрос.

С какой стати ФЗ решать, какой должна быть наша жизнь? Если эта жизнь тяготит твоего друга, не лучше ли спросить себя: как мне помочь ему ее прекратить?

С наилучшими пожеланиями,
Перегрузка, Миссури, США

Я смотрела на сообщение, мои пальцы на мгновение замерли на клавиатуре. Затем я прокрутила вниз. Несколько следующих сообщений были от других квадриплегиков. Они укоряли Перегрузку за его жестокие слова, возражали, что обрели смысл жизни и живут полноценно. Разгорелась небольшая перебранка, которая имела мало отношения к Уиллу.

Затем члены сообщества вспомнили о моей просьбе и поведали об антидепрессантах, массаже, чудесных выздоровлениях, обретении нового смысла жизни. Поступило и несколько практических предложений: дегустация вин, музыка, искусство, специальные адаптированные клавиатуры.

«Любовь, — написала Грейс-31 из Бирмингема. — Если он полюбит, то сможет жить дальше. Без любви я погрузилась бы в пучину отчаяния».

Ее слова звучали у меня в голове еще долго после того, как я ушла из

библиотеки.

Уилла выписали из больницы в четверг. Я заехала за ним в специализированной машине и отвезла домой. Он был бледным и утомленным и всю дорогу неподвижно смотрел в окно.

— В больницах не поспишь, — объяснил он, когда я спросила, все ли в порядке. — Обязательно кто-нибудь стонет на соседней кровати.

Я сообщила, что в выходные он может отдохнуть, но после у меня запланирована серия вылазок. Сказала, что воспользовалась его советом и пробую новое и он должен меня сопровождать. Я слегка сместила акценты, сознавая, что это единственный способ заручиться его обществом.

Но на самом деле я составила подробное расписание на следующие пару недель. Все мероприятия были тщательно отмечены в моем календаре черным цветом. Красной ручкой я указала необходимые предосторожности, зеленой — необходимые принадлежности. Каждый раз, глядя на свою дверь, я испытывала легкое возбуждение, как от своей организованности, так и от того, что одно из этих мероприятий может изменить отношение Уилла к жизни.

Папа не устает повторять, что все мозги в нашей семье достались моей сестре.

Визит в картинную галерею занял чуть меньше двадцати минут. Включая три круга вокруг квартала в поисках места для парковки. Мы зашли в галерею, и не успела я закрыть за Уиллом дверь, как он заявил, что все работы ужасны. Я спросила почему, а он ответил, что, если я сама не вижу, он не сможет объяснить. Поход в кино пришлось отменить, когда сотрудники кинотеатра смущенно сообщили, что у них сломан лифт. Остальное, например неудачная попытка поплавать, требовало больше времени и организаторских сил — заранее позвонить в бассейн, договориться с Натаном о сверхурочной работе, а после, добравшись до места, молча выпить на парковке центра досуга термос горячего какао, поскольку Уилл наотрез отказался выходить из машины.

В среду мы отправились слушать певицу, которую он однажды видел в Нью-Йорке. Вечер удался. Уилл слушал музыку с сосредоточенным лицом. Большую часть времени он казался рассеянным, как будто какая-то его часть боролась с болью, воспоминаниями или мрачными мыслями. Но музыка все меняла.

На следующий день я отвезла его на дегустацию вин — часть рекламного мероприятия, устроенного владельцами виноградника в магазине марочных вин. Мне пришлось пообещать Натану, что я не

позволю Уиллу напиться. Я подносила бокалы к носу Уилла, и он понимал, что к чему, даже не попробовав. Я с трудом сдержалась и не фыркнула, когда Уилл сплюнул в стаканчик — это было ужасно смешно, — а он посмотрел на меня исподлобья и сказал, что я совершенный ребенок. Владелец магазина перестал переживать из-за визита инвалида — Уилл произвел на него впечатление. Через какое-то время он сел и принялся открывать другие бутылки, обсуждая с Уиллом сорт и регион винограда, а я бродила и разглядывала этикетки, честно говоря, слегка заскучав.

— Садитесь, Кларк, и учитесь. — Уилл кивком приказал мне сесть рядом.

— Не могу. Мама говорит, что плевать неприлично.

Мужчины переглянулись, как будто я была сумасшедшей. И все же он сплевывал не каждый раз. Я наблюдала за ним. Остаток дня он был подозрительно разговорчив — охотно смеялся и даже был агрессивнее, чем обычно.

По дороге домой мы оказались в незнакомом городке, и, пока стояли в пробке, я огляделась и увидела салон татуировок и пирсинга.

— Всегда хотела сделать татуировку, — заметила я.

Могла бы и сообразить, что в присутствии Уилла нельзя безнаказанно трепать языком. Он не любил переливать из пустого в порожнее и немедленно поинтересовался, почему я до сих пор ее не сделала.

— Ну... не знаю. Наверное, беспокоилась, что скажут другие.

— Почему? Что они скажут?

— Папа ненавидит татуировки.

— Сколько вам лет?

— Патрик тоже их ненавидит.

— И никогда не делает такого, что вам не по вкусу?

— У меня может случиться приступ клаустрофобии. Татуировка может мне не понравиться.

— Тогда сведете ее лазером, вот и все.

Я посмотрела на Уилла в зеркало заднего вида. Его глаза искрились весельем.

— Ну же, — сказал он. — Что бы вы предпочли?

— Не знаю, — невольно улыбнулась я. — Но точно не змею. И не чье-либо имя.

— И конечно, не сердце с надписью «Мама».

— Обещаете не смеяться?

— Не могу, сами знаете. О боже, только не говорите, что хотите наколоть пословицу на санскрите или что-нибудь в этом роде. «Что меня не

убивает — делает меня сильнее».

— Нет. Я хочу пчелу. Маленькую черно-желтую пчелку. Я люблю их.

Уилл кивнул, словно мое желание было совершенно разумным.

— И где вы хотели бы ее наколоть? Или это неприличный вопрос?

— На плече? — пожала плечами я. — На бедре?

— Остановите машину, — сказал он.

— Что случилось? Вам плохо?

— Просто остановитесь. Вон там есть свободное место. Вон там, слева.

Я затормозила у обочины и обернулась на Уилла.

— Идем, — сказал он. — У нас нет других планов на сегодня.

— Куда?

— В салон татуировок.

— Ну да, — засмеялась я, — конечно.

— Почему нет?

— Вы и правда глотали, а не сплевывали.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Я повернулась и посмотрела на Уилла. Он был совершенно серьезен.

— Я не могу взять и сделать татуировку. Это не так просто.

— Почему?

— Потому что...

— Потому что ваш парень против. Потому что вы до сих пор хотите быть хорошей девочкой, даже в двадцать семь лет. Потому что это слишком страшно. Идем, Кларк. Поживите хоть немного полной жизнью. Что вас останавливает?

Я взглянула через дорогу на фасад татуировочного салона. На грязноватом окне сияло большое неоновое сердце и висели фотографии Анжелины Джоли и Микки Рурка в рамках.

— Ладно, — ворвался в мои расчеты голос Уилла. — Я тоже сделаю, если вы сделаете.

Я повернулась к нему:

— Вы сделаете татуировку?

— Если это убедит вас хоть раз в жизни вылезти из своей скорлупы.

Я выключила мотор. Мы сидели и слушали, как он щелкает, остывая, как глухо ворчат машины, выстроившиеся на дороге рядом с нами.

— Это почти на всю жизнь.

— Не почти, а совсем.

— Патрик будет вне себя.

— Это вы уже говорили.

— И мы наверняка подхватим гепатит от грязных иголок. И умрем медленной, ужасной, мучительной смертью. — Я снова повернулась к Уиллу. — Вряд ли они смогут сделать татуировку сейчас. Я имею в виду, прямо сейчас.

— Не исключено. Но, быть может, зайдём и проверим?

Через два часа мы вышли из салона. Я потратила восемьдесят фунтов, и на бедро мне наклеили хирургический пластырь, под которым ещё сохли чернила. Художник сказал, что татуировка относительно маленькая, а значит, ее можно набить и раскрасить за один визит. Так я и сделала. Готово. Я татуирована. Или, как, несомненно, скажет Патрик, изуродована на всю жизнь. Под белым лоскутом сидела пухлая маленькая пчелка, которую я выбрала из глянцевого каталога рисунков, предложенного нам мастером. От возбуждения я была на грани истерики. Все время отгибала краешек пластыря, чтобы посмотреть, пока Уилл не велел прекратить, если я не хочу смазать рисунок.

Как ни странно, в салоне Уилл расслабился и выглядел счастливым. Никто на него не глазел. Сотрудники салона сказали, что уже работали с квадриплегиками, и потому обращались с ним непринужденно. Они удивились, когда Уилл сообщил, что может чувствовать иглу. Шесть недель назад они закончили раскрашивать параплегика, который пожелал иллюзию механической ноги.

Татуировщик с болтом в ухе отвел Уилла в соседнюю комнату и при помощи моего мастера уложил на специальный стол, так что я видела через открытую дверь только голени и ступни. Я слышала, как мужчины переговариваются и смеются под гудение татуировочной машинки, и едкий запах антисептика резал мне ноздри.

Когда игла впилась в кожу, я закусила губу, полная решимости не завизжать при Уилле. Я все время думала, что он делает в соседней комнате, пыталась подслушать разговор, гадала, какую наколку он выбрал. Когда моя татуировка была готова, он выехал, но свою показать отказался. Я подозревала, что она имеет отношение к Алисии.

— Вы ужасно дурно на меня влияете, Уилл Трейнор, — сказала я, открывая дверцу машины. Спуская пандус, я не переставала ухмыляться.

— Покажите.

Я огляделась, повернулась и отогнула пластырь.

— Отлично. Мне нравится ваша пчелка. Правда.

— Теперь мне придется в присутствии родителей до конца своих дней носить брюки с завышенной талией. — Я помогла Уиллу направить кресло

на пандус и подняла его. — Кстати, если ваша мама узнает, что вы тоже сделали татуировку...

— Я скажу ей, что меня сбила с пути девчонка из трущоб.

— Ну ладно, Трейнор, покажите свою.

— Вам придется поменять мне повязку, когда мы вернемся домой. —

Он с полуулыбкой пристально посмотрел на меня.

— Угу. Можно подумать, я ничего подобного не делала. Мы никуда отсюда не уедем, пока не покажете.

— Тогда приподнимите рубашку. Справа. Справа от вас.

Я наклонилась между передними сиденьями, задрала его рубашку и отогнула кусок марли. На бледной коже темнел черно-белый полосатый прямоугольник, такой маленький, что я не сразу разобрала слова.

Употребить до 19 марта 2007 года.

Я уставилась на него, хохотнула, и на глаза навернулись слезы.

— Это...

— Дата несчастного случая. Верно. — Он закатил глаза. — Ради всего святого, не надо соплей, Кларк. Это шутка.

— Смешная шутка. Гадкая, но смешная.

— Натану понравится. И не надо так смотреть. Можно подумать, я изуродовал свое безупречное тело.

Я опустила рубашку Уилла, повернулась и включила зажигание. Я не знала, что сказать. Не знала, что все это значит. Он учится мириться со своим состоянием? Или просто в очередной раз выказывает презрение к собственному телу?

— Эй, Кларк, окажите любезность, — окликнул он, когда я собиралась отъехать. — Загляните в мой рюкзак. В карман на молнии.

Я посмотрела в зеркало заднего вида и снова встала на ручной тормоз. Наклонилась между передними сиденьями и засунула руку в сумку, следуя указаниям Уилла.

— Вам нужно обезболивающее? — Между нашими лицами оставалось всего несколько дюймов. Его кожа обрела краски впервые после выписки из больницы. — У меня есть в...

— Нет. Ищите дальше.

Я достала листок бумаги и села на место. Это оказалась сложенная десятифунтовая купюра.

— Держите. Это десятка на всякий пожарный.

— И что?

— Она ваша.

— В честь чего?

— В честь татуировки, — ухмыльнулся он. — Пока вы не сели в кресло, я ни секунды не верил, что вы и правда на это пойдете.

Ничего не поделаешь. Договоренности о том, кто где спит, не работали. Каждые выходные, когда Трина приезжала домой, семейство Кларк начинало долгую ночную игру в «музыкальные кровати». После ужина в пятницу мама и папа предлагали Трине свою спальню, и Трина соглашалась, после того как родители заверяли ее, что им не сложно, а Томас намного лучше спит в знакомой комнате. Они утверждали, что при таком раскладе все смогут выспаться.

Но когда мама ложилась внизу, им с папой требовалось их собственное одеяло, их собственные подушки и даже простыня, поскольку мама не могла уснуть, если кровать была не в ее вкусе. Поэтому после ужина они с Триной снимали белье с кровати родителей и стелили чистое, включая клеенку для матраса на случай детских неожиданностей. Папино и мамино белье тем временем складывали и убирали в угол гостиной, где Томас на нем прыгал или натягивал простыню на стулья, чтобы превратить их в палатку.

Дедушка предложил свою комнату, но никто не согласился. В ней пахло пожелтевшими газетами и самокрутками, и понадобились бы целые выходные, чтобы все вычистить. Я испытывала чувство вины, — в конце концов, это из-за меня все завертелось, — но знала, что не захочу вернуться в каморку. Эта маленькая душная комната без окон преследовала меня наподобие призрака. При мысли о том, чтобы снова спать в ней, у меня теснило грудь. Мне двадцать семь лет. Я главный кормилец семьи. Я не могу спать в чулане.

Как-то раз в выходные я предложила остаться у Патрика, и все с тайным облегчением вздохнули. Но пока меня не было, Томас захватал липкими пальцами мои новые жалюзи и раскрасил мое новое одеяло несмываемым маркером, после чего мама и папа решили, что лучше им спать у меня, а Трине и Томасу — у них, где фломастером больше, фломастером меньше — неважно.

Мама признала, что, если принять во внимание бесконечные перестилания кроватей и стирку, пользы от того, что я ночую в пятницу и субботу у Пата, немного.

Да, и Патрик. Патрик стал совершенно одержимым. Он ел, пил, жил и дышал ради «Викинг экстрим». Его квартира, прежде скудно обставленная и опрятная, была набита расписаниями тренировок и диетическими

планами. Он приобрел новый облегченный велосипед, который стоял в коридоре и который мне запрещалось трогать, поскольку я могла сбить точную балансировку его скоростных характеристик.

И Патрик редко бывал дома, даже в пятницу или субботу вечером. Из-за его тренировок и моей работы мы, похоже, привыкли проводить время врозь. Я могла отправиться за ним на стадион и смотреть, как он бежит кругами, пока не пробежит нужное количество миль, или остаться дома и смотреть телевизор в одиночестве, свернувшись в уголке широкого кожаного дивана. Еды в холодильнике не было, не считая кусочков индюшачьей грудки и мерзких энергетических напитков консистенции лягушачьей икры. Мы с Триной как-то раз попробовали один и выплюнули, изображая, словно маленькие дети, будто нас тошнит.

По правде говоря, мне не нравилась квартира Патрика. Он купил ее год назад, когда наконец почувствовал, что его мать способна справиться одна. Его бизнес процветал, и он сказал, что один из нас обязательно должен улучшить свои жилищные условия. Я полагала, это послужит толчком к разговору о нашем общем будущем, но почему-то этого не случилось, а мы оба не любили заводить разговоры на неловкие темы. В результате, несмотря на годы, проведенные с Патриком, в этой квартире не было ничего моего. Я так и не смогла ему признаться, но мне больше нравилось жить в родном доме с его шумом и лязгом, чем в этой бездушной, безликой берлоге холостяка с ее выделенными парковочными местами и эксклюзивным видом на замок.

Кроме того, в ней было довольно одиноко.

«Я должен соблюдать расписание, детка, — говорил Патрик, когда я жаловалась на одиночество. — Если я пробегу меньше двадцати трех миль на данном этапе игры, я просто не смогу вернуться в колею». Затем он сообщал мне последние новости о болях в голени или просил передать мазь для натруженных мышц.

В свободное от тренировок время он пропадал на бесконечных встречах с другими членами команды, примеряя экипировку и завершая подготовку к путешествию. Сидеть среди них было все равно что сидеть среди корейцев. Я понятия не имела, о чем они говорят, да и не слишком стремилась это выяснить.

А ведь через семь недель я должна была поехать с ними в Норвегию! Я так и не придумала, как сказать Патрику, что я не попросила Трейноров об отпуске. Какой отпуск? Мой контракт должен был закончиться меньше чем через неделю после «Викинг экстрим». Наверное, я по-детски отлынивала от принятия решений, но, по правде говоря, видела только Уилла и

тикающие часы. Все остальное я едва замечала.

Трагическая ирония заключалась в том, что я даже не могла выспаться в квартире Патрика. Не знаю, в чем было дело, но если я ночевала у него, то приходила на работу с таким чувством, будто говорю через стеклянный кувшин, а под глазами у меня темнели круги. Я начала небрежно замазывать их консилером — своего рода косметический ремонт.

— Что происходит, Кларк? — спросил Уилл.

Я открыла глаза. Он сидел совсем рядом, склонив голову набок и наблюдая за мной. Похоже, это продолжалось уже долго. Я машинально поднесла руку ко рту, чтобы проверить, не текут ли слюни.

От фильма, который я должна была смотреть, остались только медленно плывущие титры.

— Ничего. Извините. Просто здесь очень тепло. — Я выпрямила спину.

— Вы заснули уже второй раз за три дня. — Уилл изучал мое лицо. — И выглядите просто ужасно.

И я ему рассказала. Рассказала о своей сестре, о том, кто где должен спать, и о том, как я не хочу поднимать шум, поскольку каждый раз, глядя на папу, вижу плохо скрытое отчаяние, оттого что он не может даже обеспечить своей семье дом, в котором мы все поместимся.

— Он до сих пор ничего не нашел?

— Ничего. Наверное, дело в возрасте. Но мы об этом не говорим. Это... — пожала я плечами, — слишком неловко для всех.

Мы дождались конца фильма, я подошла к проигрывателю, вынула диск и положила обратно в коробку. Почему-то мне казалось, что не стоило говорить Уиллу о своих проблемах. Они выглядели постыдно банальными по сравнению с его бедами.

— Я привыкну, — добавила я. — Все будет хорошо. Правда.

Уилл погрузился в размышления. Я вымыла руки и включила ему компьютер. Когда я принесла ему попить, он развернул свое кресло ко мне.

— Все просто, — сказал он, как будто продолжая разговор. — По выходным вы можете оставаться здесь. Одна из комнат пустует, а так от нее будет прок.

— Нет, не могу. — Я остановилась со стаканчиком в руке.

— Почему нет? Я не собираюсь оплачивать вам сверхурочные.

— Но что подумает ваша мама? — Я поставила стаканчик в держатель.

— Понятия не имею. — Наверное, я казалась встревоженной, поскольку он добавил: — Все в порядке. Я совершенно безопасен.

— Что?

— Если вы заподозрите, что я злодейски замышляю вас соблазнить, можете просто выдернуть мой штепсель.

— Смешно.

— Я серьезно. Подумайте об этом. Хотя бы как о запасном варианте. Все может измениться быстрее, чем вы думаете. Ваша сестра может решить, что вовсе не желает проводить дома все выходные. Или познакомится с парнем. Мир не стоит на месте.

«А вас, возможно, через два месяца уже не будет», — мысленно добавила я и тут же возненавидела себя за это.

— Одного я не пойму. — Уилл направился к двери. — Почему Бегун не предложил вам свою квартиру?

— Он предложил, — ответила я.

Уилл посмотрел так, как будто хотел продолжить разговор. Но, похоже, передумал.

— В общем, было бы предложено, — пожал он плечами.

Вот что любит Уилл:

1. Смотреть фильмы, особенно иностранные с субтитрами. Если постараться, его можно уговорить на боевик и даже мелодраму, но романтические комедии — уже слишком. Если я беру в прокате романтическую комедию, он насмешливо фыркает все 120 минут или подсчитывает клише в сюжете, пока мне не становится совсем не смешно.

2. Слушать классическую музыку. Он знает о ней ужасно много. Кое-какая современная музыка ему тоже нравится, но джаз он называет претенциозной мурой. Однажды он увидел содержимое моего МРЗ-плеера и так хохотал, что у него едва не выпала одна из трубок.

3. Сидеть в саду, теперь, когда потеплело. Иногда я стою у окна и смотрю, как он сидит, откинув голову и подставив лицо солнцу. Когда я позавидовала его способности оставаться неподвижным и наслаждаться моментом — мне это никогда не удавалось, — он заметил, что у того, кто не может двигать руками и ногами, выбор небольшой.

4. Заставлять меня читать книги или журналы, а потом обсуждать их. «Знание — сила, Кларк», — любит говорить он. Сначала я терпеть это не могла. Казалось, я вернулась в школу и моя память подвергается проверке. Но через некоторое время я поняла, что для Уилла не существует неправильных ответов. Ему действительно нравится, когда я с ним спорю. Он спрашивает, что я думаю о газетных статьях, не соглашается со мной насчет книжных персонажей. Похоже, у него есть мнение по любому

поводу — что делает правительство, следует ли одному бизнесу приобретать другой, сажать ли кого-то в тюрьму. Если ему кажется, что я ленюсь или повторяю мысли родителей или Патрика, он просто говорит: «Нет. Не годится». Он выглядит ужасно разочарованным, если я отвечаю, что ничего о чем-то не знаю. Я научилась лучше чувствовать его и теперь по дороге на работу читаю в автобусе газету — просто чтобы подготовиться. «Интересная мысль, Кларк», — говорит он, и я невольно улыбаюсь. А потом мысленно пинаю себя за то, что опять позволила Уиллу относиться ко мне свысока.

5. Бриться. Каждые два дня я мажу его подбородок пеной и навожу красоту. Если день выдался неплохим, он откидывается на спинку кресла, закрывает глаза, и по его лицу разливается удовольствие. Ну, почти. А может, я это придумала. Возможно, я вижу то, что хочу видеть. Но он сидит совершенно неподвижно, когда я осторожно вожу лезвием по его подбородку, скоблю и скребу, а когда открывает глаза, его лицо смягчается, словно после особенно приятного сна. Благодаря прогулкам на свежем воздухе его кожа приобрела здоровый оттенок — он из тех, кто легко загорают. Бритву я держу в ванной на верхней полке шкафчика, за большим флаконом кондиционера.

6. Быть простым парнем. Особенно в обществе Натана. Время от времени перед вечерним ритуалом они садятся в конце сада, и Натан открывает пару банок пива. Иногда я слышу, как они обсуждают регби или высмеивают женщину, которую видели по телевизору, и это совсем не похоже на Уилла. Но я понимаю, что ему это нужно, нужен кто-то, с кем можно быть простым парнем, вести себя как парень. Капелька «нормального» в его странной одинокой жизни.

7. Отпускать замечания при виде моих нарядов. Вернее, поднимать бровь при виде моих нарядов. Не считая черно-желтых колготок. Я дважды надевала их, и он ничего не сказал, только кивнул, как бы признавая, что все в мире идет как надо.

— На днях вы встретили в городе моего отца.

— А! Да.

Я развешивала белье на веревке. Вербка была спрятана в так называемом огороде. Полагаю, миссис Трейнор не желала, чтобы нечто столь прозаичное, как сохнувшее белье, портило вид на ее цветочные клумбы. Моя мать развешивала стирку почти с гордостью, бросая вызов соседкам: «Попробуйте переплюнуть меня, дамы!» Папа с трудом отговорил ее поставить перед домом вторую сушилку.

— Он спросил, упоминали вы об этом или нет.

— А! — Я тщательно изображала безразличие. Но Уилл явно ждал ответа, и я добавила: — Как видите, нет.

— Он был не один?

Я убрала последнюю прищепку обратно в мешочек. Скатила его и положила в пустую корзину для стирки. Повернулась к Уиллу:

— Да.

— С женщиной?

— Да.

— Рыжей?

— Да.

Уилл поразмыслил над моими словами.

— Простите, если считаете, что я должна была вам рассказать. Но мне показалось... это не мое дело.

— И подобный разговор нелегко завести.

— Да.

— Могу вас утешить, Кларк, это не первый случай, — произнес он и вернулся в дом.

Дейдрэ Беллоуз дважды назвала меня по имени, прежде чем я подняла глаза. Я царапала в блокноте имена и вопросительные знаки, доводы за и против и совершенно забыла, что еду в автобусе. Я пыталась придумать, как вытащить Уилла в театр. Поблизости был всего один театр, в двух часах езды, и в нем показывали мюзикл «Оклахома!». Сложно было представить, как Уилл кивает в такт композиции «Oh What A Beautiful Morning», но все серьезные театры расположены в Лондоне. А Лондон все еще казался недостижимым.

В принципе, я научилась вытаскивать Уилла из дома, но мы перебрали почти все варианты в радиусе часа езды, и я не представляла, как выманить его дальше.

— Витаешь в облаках, да, Луиза?

— Ой! Привет, Дейдрэ. — Я подвинулась на сиденье, чтобы освободить ей место.

Дейдрэ дружила с моей мамой с детства. Она держала магазин обивочных тканей и была разведена три раза. У нее были густые волосы, похожие на парик, и одутловатое печальное лицо. Казалось, она до сих пор тосковала по прекрасному принцу на белом коне, который умчит ее вдаль.

— Обычно я не езжу на автобусе, но моя машина в ремонте. Как поживаешь? Твоя мама рассказала, где ты работаешь. Звучит очень интересно.

Так всегда бывает, если вырос в маленьком городке: твоя жизнь — всеобщее достояние. Ничего нельзя сохранить в тайне — ни тот случай, когда меня в четырнадцать лет застукали с сигаретой на парковке пригородного супермаркета, ни тот факт, что папа поменял плитку в уборной на первом этаже. Мелочи чужой жизни — валюта таких женщин, как Дейрдре.

— Все хорошо, спасибо.

— И платят хорошо.

— Да.

— Я так обрадовалась за тебя после этой истории с «Булочкой с маслом»! Очень жаль, что кафе закрыли. Нужные магазины закрываются один за другим. Помнится, когда-то на главной улице был и швец, и жнец! Не хватало только игрока на дуде!

— Мм... — Я заметила, как она покосилась на мой список, и закрыла блокнот. — И все же нам есть где покупать занавески. Как магазин?

— Вполне, вполне... да... А что это у тебя? Как-то связано с работой?

— Просто пытаюсь придумать, что может понравиться Уиллу.

— Твоему инвалиду?

— Да. Моему боссу.

— Твоему боссу. Неплохо звучит. — Она толкнула меня в бок. — А как дела в университете у твоей умной сестры?

— Неплохо. И у Томаса тоже.

— Она станет президентом, помни мое слово. Однако, Луиза, я всегда удивлялась, что ты не уехала первой. Мы всегда считали тебя яркой маленькой звездочкой. И разумеется, считаем до сих пор.

Я вежливо улыбнулась. А что мне оставалось делать?

— Но все же кто-то должен был уехать, верно? А твоей маме только в радость, что одна из вас сидит дома.

Я хотела возразить, но поняла, что все мои поступки за последние семь лет говорят о том, что у меня нет ни малейшей надежды или желания уехать дальше конца собственной улицы. Я сидела, слушала, как усталый старый мотор автобуса рычит и содрогается под нами, и внезапно представила, как летит время, как я теряю его целыми ломтями, совершая краткие вылазки в одни и те же места. Нарезая крути вокруг замка. Наблюдая, как Патрик нарезает круги на беговой дорожке. Одни и те же мелкие заботы. Одна и та же рутина.

— Ну ладно. Вот и моя остановка. — Дейрдре с трудом встала, взгромоздив на плечо лакированную сумку. — Поцелуй за меня маму. Скажи, что загляну завтра.

Я, моргая, подняла глаза.

— Я сделала татуировку, — внезапно сообщила я. — С пчелой.

Дейдре помедлила, держась за спинку сиденья.

— На бедре. Настоящую татуировку. На всю жизнь, — добавила я.

Дейдре посмотрела на дверь автобуса. Она выглядела немного озадаченной, а затем улыбнулась — вероятно, ободряюще.

— Очень мило, Луиза. Итак, передай маме, что я загляну завтра.

Каждый день, когда Уилл смотрел телевизор или занимался другими делами, я сидела за его компьютером и пыталась изобрести волшебное мероприятие, которое Сделает Уилла Счастливым. Но время шло, и я обнаружила, что список дел, которые мы не можем выполнить, мест, которые мы не можем посетить, стал намного длиннее, чем список хороших идей. Когда первый список впервые стал длиннее второго, я вернулась на форумы и попросила совета.

Ха! — поздоровался Ричи. — *Добро пожаловать в наш мир, Пчелка.*

Из последующих разговоров я узнала, что напиваться в инвалидном кресле довольно опасно — это может привести к неприятностям с катетерами, падению с обочин и тому, что собутельники привезут тебя в чужой дом. Я узнала, что не существует места, где здоровые люди особенно охотно помогают квадриплегикам, но Париж заслужил славу самого недружелюбного к инвалидам места на земле. Я была разочарована, поскольку, вопреки всему, надеялась, что мы туда съездим.

Я начала составлять новый список — список всего, что недоступно квадриплегику.

1. Ездить в метро — большинство станций подземки не оборудовано лифтами, — что фактически исключает развлечения в половине Лондона, если не платить за такси.

2. Плавать без посторонней помощи или в недостаточно теплой воде, от которой через несколько минут начнет бить невольная дрожь. Даже от раздевалок для инвалидов мало проку, если нет специального устройства для спуска в бассейн. Хотя Уилл все равно бы в такое не сел.

3. Ходить в кино, если не гарантировано место впереди или если у Уилла судороги. Я не меньше двадцати минут фильма «Окна во двор» провела на четвереньках, собирая попкорн, который Уилл рассыпал, внезапно дернув коленом.

4. Ходить на пляж, если кресло не оборудовано «толстыми колесами». Кресло Уилла не оборудовано.

5. Летать на самолете, если места для инвалидов уже заняты.

6. Ходить по магазинам, которые не оборудованы положенными по закону пандусами. Многие магазины вокруг замка пользуются своим статусом архитектурных памятников, чтобы не устанавливать пандусы. А некоторые просто жульничают.

7. Ходить в слишком жаркие или слишком холодные места — из-за проблем с температурой.

8. Ходить куда-либо спонтанно, так как нужно сначала собрать сумки, проверить и перепроверить маршрут на предмет его доступности.

9. Ходить по ресторанам, если смущаешься, когда тебя кормят с ложечки или — в зависимости от ситуации с катетером если туалет ресторана расположен этажом ниже.

10. Совершать долгие путешествия на поезде — это утомляет, и к тому же слишком тяжело без посторонней помощи закатить в поезд тяжелое моторизованное кресло.

11. Стричься в дождь — остриженные волосы прилипают к колесам коляски. Странно, но нас обоих тогда чуть не вывернуло.

12. Ходить в гости к друзьям, если у них нет пандусов для инвалидных колясок. Большинство домов оборудовано лестницами. Большинство домов не оборудовано пандусами. Наш дом — редкое исключение. Впрочем, Уилл сказал, что все равно никого не хочет видеть.

13. Спускаться с холма, на котором стоит замок, в сильный дождь — тормоза могут подвести, а кресло слишком тяжелое, чтобы я его удержала.

14. Ходить туда, где могут быть пьяные. Уилл притягивает пьяных, как магнит. Они приседают на корточки, обдавая его алкогольными парами, и глаза их становятся большими и полными жалости. Иногда они даже пытаются укатить его.

15. Ходить туда, где могут быть толпы. Это означает, что с приближением лета гулять вокруг замка будет все сложнее и половину мест, которые я считала вполне подходящими, — ярмарки, театры под открытым небом, концерты — придется вычеркнуть.

Когда в поисках идей я спрашивала интернет-квадриплегики, чего бы им хотелось больше всего, мне почти всегда отвечали: «Заняться сексом». Я узнала массу подробностей, без которых прекрасно могла обойтись.

Но в целом особой помощи от них не было. Оставалось восемь недель, а у меня уже кончились все идеи.

Через пару дней после нашей беседы под бельевой веревкой я вернулась домой и обнаружила папу в прихожей. Это было необычно уже само по себе: последние несколько недель он валялся днем на диване,

якобы составляя компанию дедушке. Но на нем к тому же была отглаженная рубашка, он был чисто выбрит, и приходящая пропахла одеколоном «Олд спайс». Я совершенно уверена, что он купил его еще в 1974 году.

— А вот и ты.

— А вот и я. — Я закрыла за собой дверь.

Я испытывала усталость и тревогу. Всю обратную дорогу на автобусе я разговаривала по мобильному с агентом бюро путешествий о местах, куда можно отвезти Уилла, но мы оба зашли в тупик. Мне нужно увезти Уилла из дома. Но, похоже, все его желания ограничиваются кругом радиусом пять миль вблизи замка.

— Ничего, если ты почаевничаешь сегодня одна?

— Нет проблем. Я могу присоединиться к Патрику в пабе. А что? — Я повесила куртку на свободный колышек.

Вешалка совсем опустела, после того как с нее исчезли все куртки Трины и Томаса.

— Я ужинаю с твоей матерью в ресторане.

Я быстро подсчитала в уме:

— Я пропустила ее день рождения?

— Не-а. Мы отмечаем... — понизил он голос, как будто это было секретом. — Я получил работу.

— Не может быть!

Теперь я видела, что отец словно стал легче. Он перестал сутулиться, и на лице его заиграла улыбка. Он заметно помолодел.

— Папа, это фантастика.

— Я в курсе. Твоя мать на седьмом небе. И, как ты знаешь, в последние месяцы ей пришлось нелегко из-за отъезда Трины, дедушки и всего остального. Так что я хочу вывести ее в свет. Немного побаловать.

— И что за работа?

— Я буду начальником службы технического обеспечения. В замке.

— Но это же... — заморгала я.

— Мистер Трейнор. Верно. Он позвонил и сказал, что искал работника и твой приятель Уилл сообщил ему, что я как раз свободен. Сегодня днем я сходил и показал ему, на что способен, и меня взяли на испытательный срок. Месяц начиная с субботы.

— Ты будешь работать на отца Уилла?

— Ну, он сказал, что месяц нужно провести на испытательном сроке, выполнить все надлежащие процедуры и так далее, но он не видит причин, почему бы мне не получить эту работу.

— Это... это чудесно. — Я не знала, как отнестись к данной новости. — Даже не подозревала, что в замке есть вакансия.

— Я тоже. Но это здорово. Он явно понимает в качестве, Лу. Мы побеседовали о сыром дубе, и он показал мне кое-какую работу моего предшественника. Ты не поверишь! Кошмар. Он сказал, что моя работа его очень впечатлила.

Я много месяцев не видела папу таким оживленным.

Рядом с ним появилась мама. Губы у нее были накрашены, на ногах — выходные туфли на шпильке.

— Фургон. Ему дадут собственный фургон. И зарплата хорошая, Лу. Даже немного больше, чем твой папа получал на мебельной фабрике. — Она посмотрела на него как на супергероя.

Затем повернулась ко мне и безмолвно велела делать то же самое. Лицо моей матери могло выразить миллион разных мыслей, и сейчас оно говорило, что папа вправе насладиться своим звездным часом.

— Замечательно, папа. Правда. — Я шагнула вперед и обняла его.

— Благодарю Уилла. Потрясающий парень! Я чертовски рад, что он вспомнил обо мне.

Я слышала, как они уходят из дома: мама суетится у зеркала в прихожей, а папа без конца заверяет, что она чудесно выглядит и не нужно ничего менять. Я слышала, как он хлопает себя по карманам в поисках ключей, бумажника, мелочи, а затем разражается смехом. Дверь захлопнулась, я услышала, как отъезжает машина, остался только отдаленный гул телевизора в дедушкиной комнате. Я села на ступеньки лестницы. Достала телефон и набрала номер Уилла.

Он ответил не сразу. Я представила, как он едет к своему устройству хендс-фри и нажимает кнопку большим пальцем.

— Алло?

— Это ваша заслуга?

Короткая пауза.

— Это вы, Кларк?

— Это вы нашли моему папе работу?

Он как будто немного задыхался. Я рассеянно подумала, не тяжело ли ему сидеть.

— Я думал, вы будете рады.

— Я рада. Просто это... Не знаю. Я чувствую себя странно.

— Напрасно. Ваш папа нуждался в работе. А мой — в квалифицированном технике.

— Неужели? — не сумела я скрыть скептицизма.

— Что?

— Это никак не связано с вашими расспросами на днях? О вашем папе и чужой женщине?

Повисла долгая пауза. Я почти видела, как он сидит в гостиной и смотрит во французское окно.

— Вы думаете, — снова осторожно заговорил Уилл, — я шантажом заставил своего отца дать работу вашему?

Звучит довольно неправдоподобно.

— Извините. — Я снова села. — Не знаю. Просто это странно. Очень уж вовремя.

— Так радуйтесь, Кларк. Это хорошая новость. У вашего папы все получится. И это означает... — Он помедлил.

— Означает — что?

— ...что однажды вы сможете взлететь и расправить крылья, не переживая, как родители управятся без вас.

Он словно ударил меня кулаком. Воздух вышибло из легких.

— Лу?

— Да?

— Вы что-то притихли.

— Я... — Я сглотнула. — Простите. Отвлеклась. Дедушка зовет. Но да. Спасибо, что... замолвили за папу словечко.

Мне нужно было завершить разговор: в горле внезапно встал огромный комок, и я сомневалась, что смогу сказать что-либо еще.

Я отправилась в паб. Воздух благоухал цветами, и прохожие улыбались мне. Я ни разу не смогла улыбнуться в ответ. Просто знала, что не могу остаться дома, наедине со своими мыслями. «Титаны триатлона» сидели в саду при пабе, составив два пятнистых стола, из-за которых во все стороны торчали острые розовые углы рук и ног. На мою долю досталось несколько вежливых кивков — ни одного от женщин, и Патрик встал, освобождая рядом с собой немного места. Я почувствовала, что мне очень не хватает Трины.

Сад заполняла характерная английская смесь орущих студентов и закончивших работу торговцев в рубашках без пиджаков. Туристы тоже любили этот паб, и среди английских голосов звучали итальянские, французские, американские. С восточной стены открывался вид на замок, и — как и каждое лето — туристы выстроились в очередь, чтобы сфотографироваться на его фоне.

— Не думал, что ты придешь. Хочешь выпить?

— Подожди минутку. — Мне хотелось просто посидеть, положив голову Патрику на плечо. Хотелось чувствовать себя как раньше — спокойной, безмятежной. И не думать о смерти.

— Сегодня я побил свой рекорд. Пятнадцать миль всего за семьдесят девять и две десятые минуты.

— Потрясающе.

— Продолжай в том же духе, Пат! — крикнул кто-то.

Патрик заработал кулаками и заурчал.

— Потрясающе. Правда. — Я старательно делала вид, что рада за него.

Я выпила раз, затем другой. Послушала разговоры о дистанциях, ободранных коленях и приступах гипотермии во время плавания. Я отключилась и принялась наблюдать за другими посетителями паба, пытаюсь представить их жизнь. У каждого из них в семье происходит что-то важное — любимые и потерянные дети, страшные тайны, великие радости и трагедии. Если они способны отрешиться от этого и просто наслаждаться солнечным вечером в саду паба, то и я, несомненно, могу.

А потом я рассказала Патрику о папиной работе. Наверное, мое лицо выглядело примерно так же. Мне пришлось повторить, чтобы он не сомневался, что расслышал правильно.

— Это... очень удобно. Вы оба работаете на него.

Мне хотелось рассказать ему, правда хотелось. Объяснить, как причудливо все переплелось в моей борьбе за жизнь Уилла. Признаться в своих опасениях, что Уилл пытается купить мне свободу. Но я знала, что должна молчать. Зато воспользовалась случаем, чтобы выложить оставшиеся новости.

— Э-э-э... это еще не все. Уилл говорит, что я могу оставаться у него в гостевой комнате, когда захочу. Чтобы справиться с нехваткой кроватей дома.

— Ты собираешься жить у него? — посмотрел на меня Патрик.

— Возможно. Это очень мило с его стороны, Пат. Ты же знаешь, как приятно чувствовать себя как дома. А тебя никогда нет рядом. Мне нравится бывать в твоей квартире, но... если честно, на дом она не похожа.

Он не сводил с меня глаз.

— Так преврати ее в дом.

— Что?

— Переезжай. Преврати ее в дом. Перевези свои вещи. Одежду. Нам давно пора съехаться.

Только потом, размышляя об этом, я осознала, что Патрик выглядел

довольно несчастным. Не так, как положено мужчине, который наконец сообразил, что не может жить вдали от своей девушки и желает счастливо объединить две жизни. Он выглядел как человек, которого обвели вокруг пальца.

— Ты правда хочешь, чтобы я переехала?

— Ага. Конечно. — Он почесал ухо. — В смысле, я не предлагаю тебе пожениться. Но съехаться — это звучит разумно.

— Как романтично.

— Я серьезно, Лу. Пора. Наверное, уже давным-давно, но у меня то одно, то другое. Переезжай. Это будет чудесно. — Он обнял меня. — Просто замечательно.

«Титаны триатлона» вокруг нас дипломатично вернулись к беседе. Раздались одобрителные возгласы, когда группа японских туристов сделала снимок, который хотела. Пели птицы, солнце опускалось все ниже, мир вращался вокруг своей оси. Мне хотелось быть его частью, а не торчать в тихой комнате, переживая из-за мужчины в инвалидном кресле.

— Да, — согласилась я. — Это будет чудесно.

Самое плохое в работе сиделки не то, что вы могли бы подумать. Не поднимать и не мыть, не лекарства и не салфетки и не слабый, но неизменно отчетливый запах дезинфицирующего средства. И даже не тот факт, что большинство людей считает, будто вы согласились на эту работу, поскольку недостаточно умны для любой другой. А то, что, когда проводишь весь день бок о бок с другим человеком, некуда деваться от его дурного настроения. Или от своего.

Уилл сторонился меня все утро, после того как я поведала ему о своих планах. Посторонний человек ничего бы не заметил, но он меньше шутил, возможно, меньше комментировал происходящее. И не спросил о содержимом сегодняшних газет.

— Этого... вы хотите? — В его глазах что-то промелькнуло, но лицо осталось безучастным.

Я пожала плечами. Затем решительно кивнула. Мне показалось, что в моей реакции есть нечто по-детски уклончивое.

— Все дело во времени, — сказала я. — В смысле, мне двадцать семь.

Уилл изучал мое лицо. Его челюсть закаменела.

Внезапно я ощутила невыносимую усталость. Как ни странно, мне захотелось извиниться, но я не знала за что.

Он чуть кивнул и растянул губы в улыбке.

— Рад, что у вас все устроилось, — сказал он и уехал на кухню.

Я разозлилась. Никто еще не осуждал меня так, как Уилл, похоже, осуждал сейчас. Словно из-за моего решения переехать к своему парню он потерял ко мне интерес. Словно я больше не могла быть его подопечной. Разумеется, я не смела сказать ему этого, но стала так же холодна с ним, как он со мной.

По правде говоря, это было утомительно.

Днем в заднюю дверь постучали. Я поспешила по коридору с мокрыми от мытья посуды руками и обнаружила за дверью мужчину в темном костюме, с портфелем в руке.

— Ну уж нет. Мы буддисты, — отрезала я, собираясь захлопнуть дверь.

Две недели назад парочка свидетелей Иеговы задержала Уилла у задней двери почти на пятнадцать минут, пока он пытался дать задний ход через сдвинутый коврик. Когда я наконец захлопнула дверь, они открыли

почтовый ящик и крикнули, что «он как никто другой» должен понимать, каково с нетерпением предвкушать загробную жизнь.

— Э-э-э... можно мне увидеть мистера Трейнора? — спросил мужчина, и я с подозрением приоткрыла дверь.

За время, проведенное мной в Гранта-хаусе, никто не навещал Уилла через черный ход.

— Впустите его, — сказал из-за спины Уилл. — Я попросил его приехать. Я продолжала стоять, и Уилл добавил: — Все в порядке, Кларк... это друг.

Мужчина переступил через порог и пожал мне руку.

— Майкл Лоулер, — сообщил он.

Он собирался сказать что-то еще, но Уилл вставил кресло между нами, успешно оборвав разговор.

— Мы будем в гостинной. Вы не могли бы приготовить кофе и оставить нас наедине?

— Э-э-э... хорошо.

Мистер Лоулер немного смущенно улыбнулся мне и проследовал за Уиллом в гостиную. Когда я через несколько минут вошла с подносом кофе, они обсуждали крикет. Беседа о подачах и пробежках продолжалась, пока у меня не осталось причин задерживаться.

Смахивая невидимые пылинки с юбки, я выпрямилась и сказала:

— Что ж, приятного аппетита.

— Спасибо, Луиза.

— Вы точно больше ничего не хотите? Печенья?

— Спасибо, Луиза.

Уилл редко называл меня Луизой. И никогда меня не прогонял.

Мистер Лоулер провел в доме почти час. Закончив хлопотать по хозяйству, я болталась на кухне, пытаюсь набраться смелости, чтобы подслушивать. Не получилось. Я села, слопала два шоколадных печенья, погрызла ногти, прислушалась к тихому гулу мужских голосов и в пятнадцатый раз задумалась, почему Уилл попросил этого человека не входить через переднюю дверь.

Он не был похож на врача или консультанта. Он мог быть финансовым советником, но что-то мешало в это поверить. И определенно не выглядел как физиотерапевт, эрготерапевт^[58] или диетолог — или кто угодно из сонма наемных работников, которые время от времени заходили и оценивали постоянно меняющиеся нужды Уилла. Их видно издалека. Они всегда выглядят усталыми, но очень оживлены и нарочито жизнерадостны. Они носят шерстяные вещи приглушенных цветов, практичную обувь и

водят пыльные «универсалы», забитые папками и коробками с оборудованием. У мистера Лоулера был темно-синий «БМВ». Блестящая машина пятой серии не могла принадлежать местному чиновнику.

Наконец мистер Лоулер вышел. Он закрыл портфель и повесил пальто на руку. Он больше не выглядел смущенным.

Я вылетела в коридор.

— Вы не подскажете, где у вас туалет?

Я молча показала и топталась на месте, пока он не вернулся.

— Ладно. Это все на сегодня.

— Спасибо, Майкл. — Уилл не смотрел на меня. — Жду ответа.

— Я свяжусь с вами до конца этой недели, — пообещал мистер Лоулер.

— Лучше по электронной почте — пока, по крайней мере.

— Хорошо. Разумеется.

Я открыла заднюю дверь, чтобы выпустить его. Затем, когда Уилл вернулся в гостиную, вышла во двор и небрежно спросила:

— Далеко вам ехать?

Его одежда была прекрасно сшита, в покрое чувствовалась элегантность города, в плотности ткани — немалые деньги.

— К сожалению, в Лондон. И все же надеюсь, что в это время пробки не слишком большие.

Я пошла за ним. Солнце стояло высоко, и мне приходилось щуриться, чтобы разглядеть гостя.

— И... э-э-э... куда именно в Лондон?

— На Риджент-стрит.

— Ту самую Риджент-стрит? Неплохо.

— Да. Очень неплохо. Ладно. Спасибо за кофе, мисс...

— Кларк. Луиза Кларк.

Мистер Лоулер остановился и посмотрел на меня. Неужели догадался о моих жалких попытках выяснить, кто он такой?

— Да, мисс Кларк. — Профессиональная улыбка быстро вернулась на его лицо. — Большое спасибо.

Он осторожно поставил портфель на заднее сиденье, сел в машину и уехал.

Вечером по дороге домой к Патрику я заглянула в библиотеку. Я могла бы использовать его компьютер, но мне все еще казалось, что нужно спрашивать разрешения, а так было проще. Я села за терминал и напечатала: «Майкл Лоулер» и «Риджент-стрит, Лондон» в поисковой системе. «Знание — сила, Уилл», — мысленно произнесла я.

Нашлось 3290 ссылок. В первых трех говорилось, что на этой самой улице обитает «Майкл Лоулер, практикующий юрист, специалист по завещаниям и наследственным делам, поверенный». Я несколько минут смотрела на экран, затем снова набрала его имя, на этот раз в системе для поиска изображений, и вот он сидит в темном костюме за круглым столом — Майкл Лоулер, специалист по завещаниям и наследственным делам, тот самый человек, который провел час наедине с Уиллом.

В тот же вечер я за полтора часа переехала к Патрику — между временем, когда я закончила работу, а он отправился на тренировку. Я забрала все свои вещи, кроме кровати и новых жалюзи. Он приехал на машине, и мы запихали мои вещи в мешки. За две поездки мы перевезли к нему все, не считая школьных учебников на чердаке.

Мама плакала — она думала, что выжила меня из дома.

— Ради всего святого, милая! Ей давно пора переехать. Ей двадцать семь лет, — сказал папа.

— Она все равно моя крошка. — Она сунула мне в руки две формы с фруктовыми кексами и пакет чистящих средств.

Я не знала, что и сказать. Я даже не люблю фруктовые кексы.

Разместить мои пожитки в квартире Патрика оказалось на удивление легко. Своих у него практически не было, а я мало что накопила за годы, проведенные в каморке. Единственное, из-за чего мы поссорились, — моя коллекция компакт-дисков, которую, оказывается, нужно было снабдить наклейками и расставить в алфавитном порядке, прежде чем объединять с его коллекцией.

— Чувствуй себя как дома, — без конца повторял он, словно я была гостьей.

Мы нервничали и испытывали странную неловкость, как на первом свидании. Когда я разбирала вещи, Патрик принес мне чай и сказал: «Хочешь, это будет твоя кружка?» Он показал, где что на кухне расположено, и несколько раз повторил: «Разумеется, ставь куда хочешь. Я не против».

Он освободил два ящика и шкаф в гостевой комнате. Другие два ящика были набиты его спортивной одеждой. Я и не знала, что существует столько разновидностей лайкры и флиса. Мои разноцветные вещи оставили несколько футов свободными, пустые вешалки уныло бренчали в шкафу.

— Придется докупить одежды, чтобы заполнить, — глядя на шкаф, сказала я.

Патрик нервно засмеялся:

— Что это?

Он смотрел на мой календарь, который я приколола на стену гостевой комнаты. Идеи были зелеными, запланированные мероприятия — черными. Когда что-то срабатывало (музыка, дегустация вин), я рисовала рядом улыбающуюся рожицу. Когда не срабатывало (скачки, художественные галереи), не рисовала ничего. В следующие две недели пометок было мало — Уиллу прискучили места по соседству, а я пока не уговорила его расширить поле деятельности. Я обернулась на Патрика. Он разглядывал двенадцатое августа, под которым стояли черные восклицательные знаки.

— Гм... это просто напоминание о работе.

— Ты думаешь, твой контракт не продлят?

— Я не знаю, Пат.

Патрик взял ручку с подставки, посмотрел на следующий месяц и написал на двадцать восьмой неделе: «Пора искать новую работу».

— Так ты будешь готова ко всему. — Он поцеловал меня в лоб и оставил одну.

Я аккуратно расставила в ванной кремы для тела, убрала бритву, увлажняющий крем и тампоны в зеркальный шкафчик. Поставила несколько книг на пол под окном гостевой комнаты, в том числе новые книги, которые Уилл заказал для меня на Amazon. Патрик обещал повесить полки, когда у него выдастся свободная минутка.

Он ушел бегать. Я сидела, глядя на замок за промышленной зоной и мысленно повторяя слово «дом».

* * *

Я совершенно не умею хранить секреты. Трина утверждает, что я касаюсь носа всякий раз, как только мне приходит в голову соврать. Родители до сих пор посмеиваются над записками, которые я писала учителям, чтобы прогуливать школу. «Дорогая мисс Траубридж, — гласили они, — пожалуйста, освободите Луизу Кларк от сегодняшних уроков, потому что у меня ужасные проблемы по женской части». Папа должен был меня отругать, но едва сдерживал смех.

Скрывать план Уилла от семьи было несложно — я неплохо скрываю тайны от родителей. В конце концов, все мы учимся этому в детстве и юности. Но как мне справиться с тревогой?

Следующие пару вечеров я пыталась понять, что Уилл намерен делать и как его остановить. Я лихорадочно размышляла об этом, даже когда мы с

Патриком болтали, вместе готовя еду на маленькой кухоньке. Я узнала о Патрике кое-что новое: например, то, что он действительно знает сотню блюд из индюшачьей грудки. Ночью мы занимались любовью — это казалось почти обязательным, как будто мы должны были насладиться обретенной свободой. Как будто Патрик чувствовал, что я в долгу у него из-за того, что постоянно нахожусь рядом с Уиллом. Но едва он засыпал, я снова погружалась в раздумья.

Осталось чуть больше семи недель.

И Уилл строит планы, даже если я их не строю.

На следующей неделе если Уилл и заметил, что я поглощена мыслями, то ничего не сказал. Мы погрузились в повседневную рутину: я возила его ненадолго за город, готовила еду, присматривала за ним, пока мы были в доме. Он больше не шутил насчет Бегуна.

Мы побеседовали о последних книгах, которые он мне рекомендовал: «Английском пациенте» — мне понравилось — и шведском триллере — не понравилось. Мы были внимательны друг к другу, даже чрезмерно вежливы. Мне не хватало его насмешек, его раздражительности — их отсутствие лишь усиливало ощущение нависшей угрозы.

Натан наблюдал за нами, как натуралист за новым видом животных.

— Вы поссорились? — спросил он однажды на кухне, когда я разбирала покупки.

— Лучше спроси у него, — ответила я.

— Он сказал то же самое.

Натан покосился на меня и удалился в ванную, чтобы отпереть шкафчик с лекарствами Уилла.

Тем временем я продержалась три дня после визита Майкла Лоулера, прежде чем позвонить миссис Трейнор. Я попросила ее встретиться со мной вне дома, и мы выбрали маленькое кафе, открывшееся на территории замка. Забавно — оно помещалось там же, где и то кафе, которое стоило мне работы.

Заведение оказалось намного более элегантным, чем «Булочка с маслом», — сплошь беленый дуб, стулья и столы из беленого дерева. В кафе подавали домашний суп с настоящими овощами и роскошные пирожные. Нормального кофе в нем не водилось, только латте, капучино и макиато. Никаких строителей или девчонок из парикмахерской. Я сидела, потягивая чай и думая о Леди Одуванчик. Достанет ли ей духу сидеть здесь все утро и читать газету?

— Луиза, простите, что опоздала. — Камилла Трейнор ворвалась в кафе с сумкой под мышкой. Одета она была в серую шелковую блузку и

темно-синие брюки.

Я подавила желание встать. При каждом нашем разговоре мне казалось, что я вновь прохожу собеседование.

— Меня задержали в суде.

— Простите. В смысле, что оторвала вас от работы. Просто я... Мне показалось, что это не терпит отлагательства.

Миссис Трейнор подняла руку и одними губами что-то приказала официантке. Затем она села напротив меня. Под ее взглядом я словно стала прозрачной.

— К Уиллу приходил юрист, — выпалила я. — Я выяснила, что он специалист по завещаниям и наследственным делам. — Я так и не придумала, как начать разговор издалека.

Миссис Трейнор отшатнулась, как будто я ударила ее в лицо. Слишком поздно я поняла, что она, наверное, надеялась услышать хорошие новости.

— Юрист? Вы уверены?

— Я нашла его в Интернете. У него офис на Риджент-стрит. В Лондоне, — зачем-то добавила я. — Его зовут Майкл Лоулер.

— Это Уилл вам сказал? — Она часто моргала, как будто пытаюсь понять.

— Нет. По-моему, он не хотел, чтобы я знала. Я... я выяснила имя посетителя и поискала его в Интернете.

Принесли капучино. Официантка поставила чашку на стол, но миссис Трейнор словно не заметила.

— Что-нибудь еще? — спросила девушка.

— Нет, спасибо.

— Блюдо дня — морковный торт. Мы сами готовим его. С чудесным сливочным кремом...

— Нет, — отрезала миссис Трейнор. — Спасибо.

Девушка немного постояла рядом с нами, чтобы дать понять, что она обиделась, и удалилась, демонстративно размахивая блокнотом.

— Простите, — сказала я. — Вы говорили, чтобы я сообщала обо всем важном. Я полночи не спала, решая, нужно ли вообще говорить.

Лицо Камиллы Трейнор почти лишилось красок.

Я знала, что она чувствует.

— Как он? Вы... вы придумали что-нибудь новое? Вылазки?

— Он не хочет. — Я рассказала ей о Париже и списке.

Я говорила и видела, что миссис Трейнор мысленно забегает вперед, подсчитывает, оценивает.

— Куда угодно, — наконец сказала она. — Я заплачу. Любое

путешествие. Я заплачу за вас. За Натана. Лишь бы... лишь бы вы смогли его уговорить. — (Я кивнула.) — Если вы сможете придумать что-то еще... просто чтобы выиграть время. Разумеется, я оплачу вашу работу сверх шести месяцев.

— Это... это неважно.

Мы молча допили кофе, погрузившись в раздумья. Тайком наблюдая за миссис Трейнор, я заметила, что ее безукоризненную прическу подернула седина, а под глазами залегли темные круги, как и у меня. И мне не стало ни капельки легче, оттого что я ей рассказала, оттого что переложила на ее плечи свою лихорадочную тревогу. Но разве у меня был выбор? Ставки росли с каждым днем. Часы пробили два, и она стряхнула оцепенение.

— К сожалению, мне пора на работу. Пожалуйста, сообщайте мне обо всем, что вы... что вы сможете придумать, Луиза. И лучше нам вести эти разговоры подальше от флигеля.

Я встала.

— Да, — вспомнила я, — вам понадобится мой новый номер. Я только что переехала.

Миссис Трейнор полезла в сумочку за ручкой.

— Я переехала к Патрику... моему парню, — добавила я.

Не знаю, почему эта новость так ее удивила.

— Не знала, что у вас есть парень. — Она изумленно протянула мне ручку.

— Не знала, что вас это интересует.

— Уилл упомянул на днях, что вы... — Она встала, опираясь рукой о стол. — Он думал, вы можете переехать во флигель. На выходные.

Я нацарапала домашний номер Патрика.

— Ну, я подумала, всем будет проще, если я перееду к Патрику, — протянула я ей листок. — Но это недалеко. Сразу за промышленной зоной. Это не повлияет на мои часы работы. Или на пунктуальность.

Мы немного постояли. Миссис Трейнор выглядела взволнованной, проводила рукой по волосам, хваталась за цепочку на шее. Наконец, словно не справившись с собой, она выпалила:

— Неужели вы не могли подождать? Всего несколько недель?

— Что?

— Уилл... Мне кажется, Уилл очень привязался к вам. — Она прикусила губу. — Я не понимаю... не понимаю, зачем это было нужно.

— Погодите. Вы хотите сказать, что мне не следовало переезжать к своему парню?

— Я только хочу сказать, что время сейчас неподходящее. Уилл очень

уязвим. Мы всеми силами стараемся поддерживать в нем надежду на лучшее... а вы...

— А я? — (Официантка наблюдала за нами, стиснув блокнот.) — Что я? Посмела жить вне работы?

— Я делаю все, что могу, Луиза, — понизила голос миссис Трейнор, — чтобы воспрепятствовать... этому. Вы знаете, какую задачу мы должны решить. И я лишь говорю, что хотела бы, учитывая, что Уилл очень привязан к вам, чтобы вы подождали чуть дольше, прежде чем ткнуть его носом... в свое счастье.

Я не верила своим ушам. Краска залила мое лицо, и я глубоко вдохнула, прежде чем заговорить снова.

— Как вы смеете предполагать, что я способна оскорбить чувства Уилла? Я делаю все, — прошипела я, — все, что могу придумать. Я изобретаю идеи, вытаскиваю его из дома, разговариваю с ним, читаю ему, забочусь о нем. — Меня понесло. — Я прибиралась за ним. Меняла его мерзкий катетер. Смешила его. Я делаю больше, чем вся ваша чертова семья.

Миссис Трейнор стояла совсем неподвижно. Она выпрямилась во весь рост, зажав сумку под мышкой.

— Полагаю, наш разговор окончен, мисс Кларк.

— Да. Да, миссис Трейнор. Полагаю, что так.

Она повернулась и вылетела из кафе.

Когда дверь захлопнулась, я поняла, что меня трясет.

После разговора с миссис Трейнор я несколько дней не могла прийти в себя. В голове звучали ее слова, сама мысль, что я «ткнула его носом в свое счастье». Я не предполагала, что мои поступки способны повлиять на настроение Уилла. Когда он, похоже, не одобрил моего решения переехать, я решила, что дело в его неприязни к Патрику, а не в каких-либо чувствах ко мне. Более того, вряд ли я выглядела особенно счастливой.

Дома я не могла избавиться от беспокойства. Словно по мне тек слабый ток и пронизывал все, что я делала. Я спросила у Патрика:

— Мы бы съехались, если бы моей сестре не была нужна моя комната дома?

Он посмотрел на меня как на дурочку. Наклонился и притянул к себе, целуя в макушку. Затем опустил взгляд:

— Обязательно носить эту пижаму? Терпеть не могу, когда ты в пижаме.

— Она удобная.

— Она похожа на пижаму моей мамы.

— Я не собираюсь только ради тебя каждый вечер надевать корсет с подвязками для чулок. И ты не ответил на мой вопрос.

— Не знаю. Наверное. Да.

— Но ведь мы не говорили об этом.

— Лу, большинство людей съезжаются, потому что это разумно. Можно любить человека и в то же время видеть финансовые и практические преимущества.

— Я просто... не хочу, чтобы ты думал, будто я тебя вынудила. Не хочу чувствовать, что я тебя вынудила.

Он вздохнул и перекатился на спину:

— Почему женщины всегда снова и снова пережевывают ситуацию, пока она не превращается в проблему? Я люблю тебя, ты любишь меня, мы встречаемся почти семь лет, и у твоих родителей нет лишней комнаты. Все очень просто.

Но мне так не казалось.

Я словно жила жизнью, к которой не успела подготовиться.

В ту пятницу весь день лил дождь — теплой тяжелой стеной, как будто мы очутились в тропиках. Канавы бурлили, ветки цветущих кустарников клонились, словно в мольбе. Уилл смотрел в окно, напоминая пса, которого лишили прогулки. Натан пришел и ушел, подняв над головой полиэтиленовый пакет. Уилл посмотрел документальный фильм о пингвинах, затем сел за компьютер, а я, чтобы нам не пришлось разговаривать, занялась домашними делами. Я остро сознавала, что нам неуютно в обществе друг друга, а оттого, что мы все время находились в одной комнате, становилось только хуже.

Я наконец научилась находить утешение в уборке. Протерла полы, вымыла окна и сменила одеяла. Я превратилась в неугомонный энергичный вихрь. Ни одна пылинка не ускользнула от моего взгляда, ни одно кольцо для салфеток не избежало самого пристального внимания. С помощью бумажного полотенца, смоченного в уксусе, — мамин рецепт — я счищала известковый налет с кранов в ванной, когда слышала за спиной кресло Уилла.

— Что вы делаете?

— Чищу ваши краны от известкового налета. — Я не стала обращаться, чувствуя, что он наблюдает за мной.

— Скажите это еще раз, — произнес Уилл через мгновение.

— Что?

— Скажите это еще раз.

— У вас проблемы со слухом? — Я выпрямилась. — Я чищу ваши краны от известкового налета.

— Нет, просто хотел, чтобы вы прислушались к своим словам. Совершенно незачем чистить мои краны от известкового налета, Кларк. Моя мать этого не заметит, мне наплевать, а в ванной пахнет как в дешевой забегаловке, где подают рыбу с картошкой. И к тому же мне хочется гулять.

Я убрала прядь волос с лица. Он прав. В ванной ощутимо пованивало крупной пикшей.

— Идем. Дождь наконец закончился. Я только что разговаривал с папой, он обещал дать ключи от замка — после пяти часов, когда разойдутся туристы.

Мне не слишком понравилась идея вести вежливые разговоры на природе. Но выбраться из флигеля очень хотелось.

— Ладно. Дайте мне пять минут. Попробую отмыть запах уксуса с рук.

* * *

Разница между моим детством и детством Уилла заключалась в том, что он принимал свое привилегированное положение как должное. Наверное, если растешь как он, у богатых родителей, в прекрасном доме, посещаешь лучшие школы и роскошные рестораны, словно в этом нет ничего особенного, то поневоле у тебя сложится впечатление, будто все хорошее происходит само по себе, будто ты от природы стоишь выше других.

Уилл сказал, что все детство прятался на территории замка. Отец позволял ему бродить где угодно, при условии что он ничего не станет трогать. В половине шестого, когда уходили последние туристы, а садовники начинали подстригать кусты и наводить порядок, когда уборщицы опустошали урны и подметали пустые картонки из-под сока и сувенирных ирисок, замок становился его личной игровой площадкой. Когда он рассказал мне это, я подумала, что, если бы замок был предоставлен в полное распоряжение нам с Триной, у нас закружилась бы голова и мы молотили бы воздух кулаками, не веря в собственное счастье.

— Я впервые поцеловался с девушкой перед подъемным мостом. — Уилл притормозил, чтобы взглянуть на него, когда мы гуляли по гравийной дорожке.

— Вы сказали ей, что это ваш личный замок?

— Нет. Наверное, стоило. Она бросила меня через неделю ради парня,

который работал в круглосуточном магазине.

Я обернулась и с изумлением уставилась на него:

— Случайно, не Терри Роулэнде? Темные волосы, зачесанные назад, и татуировки до локтей?

— Да, он, — поднял бровь Уилл.

— Знаете, он до сих пор работает там. В круглосуточном магазине. Если вам от этого легче.

— Вряд ли он завидует моей судьбе, — ответил Уилл, и я снова замолчала.

Странно было видеть замок таким — тихим, безлюдным. Только мы вдвоем да время от времени садовник вдалеке. Вместо того чтобы глазеть на туристов, отвлекаться на их акценты и неведомую жизнь, я, наверное, впервые увидела замок, начала впитывать его историю. Его каменные стены стояли более восьмисот лет. Здесь рождались и умирали люди, воспаряли и разбивались сердца. И теперь, в тишине, казалось, можно было услышать голоса, шаги на дорожке.

— Ладно, пора признаваться, — сказала я. — Вы когда-нибудь гуляли здесь и воображали, будто вы некий принц-воитель?

— Честно? — покосился на меня Уилл.

— Разумеется.

— Да. Я даже однажды снял меч со стены парадного зала. Он весил целую тонну. Помню, как перепугался, что не смогу вернуть его на место.

Мы достигли вершины холма. Внизу лежал ров, а за ним море травы, которое простиралось до развалин стены — границы замка. За стеной находился город — неоновые вывески, автомобильные пробки, неизбежная суeta часа пик в маленьком городке. А вокруг нас было тихо — только пение птиц и негромкий гул кресла Уилла.

Уилл резко остановил его и развернул к замку.

— Странно, что мы никогда не встречались, — проговорил он. — В смысле, в детстве. Наши пути должны были пересечься.

— С чего бы? Мы вращались в совсем разных кругах. К тому же я была всего лишь младенцем в детской коляске, мимо которого вы шли, размахивая мечом.

— А! Совсем забыл — я же древний старик по сравнению с вами.

— Восемь лет — вполне достаточно, чтобы вы считались старше. Даже в подростковом возрасте папа запрещал мне встречаться с мужчинами старше меня.

— Даже с теми, у кого есть собственный замок?

— Несомненно, это изменило бы дело.

Мы шли, и вокруг поднимался сладкий запах травы. Колеса Уилла шелестели по прозрачным лужицам на дорожке. На душе было легко. Наши отношения не стали прежними, но, вероятно, этого следовало ожидать. Миссис Трейнор права: Уиллу всегда было нелегко смотреть, как другие люди продолжают жить. Я мысленно пообещала, что впредь буду думать, как мои поступки могут отразиться на его чувствах. Мне больше не хотелось злиться.

— Пойдемте в лабиринт. Сто лет по нему не бродил.

Я вынырнула из раздумий.

— О! Нет, спасибо. — Я огляделась, внезапно осознав, куда мы забрели.

— Почему? Боитесь заблудиться? Ну же, Кларк! Я бросаю вам вызов. Посмотрим, сможете ли вы запомнить дорогу и вернуться по своим следам. Я засеку время. Я часто так развлекался.

— Что-то не хочется. — Я обернулась на дом. При одной мысли о лабиринте у меня скрутило живот.

— А! Боитесь!

— Вовсе нет.

— Ну и ладно. Продолжим нашу скучную маленькую прогулку и вернемся в наш скучный маленький флигель.

Я знала, что он шутит. Но что-то в его тоне задело меня за живое. Я вспомнила Дейрдре в автобусе: та радовалась, что одна из нас осталась дома. Мне предстояло вести скромную жизнь, умерив амбиции.

Я обернулась на лабиринт, на его темную, плотную живую изгородь. Я веду себя глупо. Возможно, уже много лет. В конце концов, все позади. А я живу дальше.

— Просто запомните, в какую сторону повернули, а на обратном пути поворачивайте в противоположную. Это не так сложно, как кажется. Правда.

Я оставила Уилла одного на дорожке, прежде чем успела как следует поразмыслить. Глубоко вдохнула и, пройдя мимо предупредительного знака «Дети только в сопровождении взрослых», бодро зашагала между темными, влажными стенами, на которых еще блестели капли дождя.

«Не так уж и плохо, не так уж и плохо, — бормотала я себе под нос. — Это старые живые изгороди, только и всего».

Я повернула направо, затем налево через брешь в стене. Снова направо и налево, мысленно повторяя в обратном порядке: «Направо. Налево. Брешь. Направо. Налево».

Мое сердце билось учащенно, кровь шумела в ушах. Я заставила себя

думать об Уилле по ту сторону изгороди, поглядывающем на часы. Это просто глупая проверка. Я больше не наивная юная девушка. Мне двадцать семь лет. Я живу со своим парнем. У меня ответственная работа. Я совсем другой человек.

Я повернула, пошла прямо и снова повернула.

А потом, почти ни с того ни сего, паника подступила к горлу, как желчь. Мне показалось, что в конце коридора мелькнул мужчина. Хотя я сказала себе, что мне просто померещилось, я отвлеклась и забыла обратный порядок поворотов. «Направо. Налево. Брешь. Направо. Направо?» Я повернула не туда? У меня перехватило дыхание. Я рванула вперед и тут же поняла, что совсем заблудилась. Я остановилась и огляделась, изучая тени, пытаюсь определить, в какой стороне запад.

И тут я поняла, что не могу этого сделать. Не могу здесь оставаться. Я развернулась и пошла, как мне казалось, на юг. Я найду выход. Мне двадцать семь лет. Все хорошо. Но в этот миг я услышала их голоса, свист, глумливый смех. Они мелькали в разрывах изгороди. Я почувствовала, как мои ноги на высоких каблуках пьяно подкосились. Шипы изгороди вонзились в меня, когда я оперлась о нее, пытаюсь удержаться на ногах, — незабываемое ощущение.

— Я хочу выйти, — твердила я дрожащим, неразборчивым голосом. — С меня хватит, ребята.

И они исчезли. В лабиринте стало тихо, не считая далеких шепотков — они по ту сторону изгороди? Или просто ветер шелестит листьями?

— Я хочу выйти.

Даже я слышала в своем голосе нотки неуверенности. Я посмотрела на небо, на миг потеряв равновесие при виде бескрайнего черного пространства, усыпанного звездами. А затем подскочила на месте, когда кто-то обхватил меня за талию. Темноволосый парень. Тот, что был в Африке.

— Еще рано, — сказал он. — Ты испортишь игру.

И тогда я поняла по прикосновению его рук к моей талии. Поняла, что некое равновесие сместилось, что моральные ограничения начали таять. Я засмеялась и отпихнула его руки, как будто это была шутка. Мне не хотелось, чтобы он понял, что я поняла. Я услышала, как он зовет друзей. Я резко вырвалась и побежала, пытаюсь отыскать дорогу к выходу. Мои ноги тонули в сырой траве. Они были повсюду, их взвинченные голоса, их невидимые тела, и мое горло сжималось от паники. Я окончательно заблудилась и не могла понять, где нахожусь. Высокие изгороди продолжали покачиваться, клониться ко мне. Я все бежала, поворачивала,

спотыкалась, ныряла в прорехи, пытаюсь скрыться от их голосов. Но выхода не было. Куда бы я ни повернула, меня ждала очередная изгородь, очередной насмешливый голос.

Я ввалилась в брешь и на мгновение обрадовалась, что свобода близка. Но потом до меня дошло, что я вернулась в центр, туда, откуда начала. Я пошатнулась, увидев их всех, как будто они просто ждали меня.

— А вот и ты. — Один из них схватил меня за руку. — Я же говорил, ей понравится. Давай, Лулу, поцелуй меня, и я покажу тебе дорогу наружу. — Он говорил медленным, тягучим голосом. — Поцелуй нас всех, и мы покажем тебе дорогу наружу.

Их лица слились в размытое пятно.

— Я просто... просто хочу, чтобы вы...

— Давай, Лу. Я же тебе нравлюсь. Ты сидела у меня на коленях весь вечер. Всего один поцелуй. Это несложно.

Я слышала смехок.

— И ты покажешь мне дорогу наружу? — Я прекрасно слышала, как жалок мой голос.

— Всего один. — Он придвинулся ближе.

Я ощутила прикосновение его губ, его рука сжала мое бедро. Он отстранился, и я слышала, как изменился ритм его дыхания.

— А теперь Джейк.

Не знаю, что я сказала потом. Кто-то держал меня за руку. Я слышала смех, чувствовала руку в своих волосах, очередные губы на своих губах, настойчивые, навязчивые, а потом...

— Уилл... — рыдала я, сжавшись в комок. — Уилл, — повторяла я снова и снова хриплым голосом, рвущимся изнутри, его имя.

Он откликнулся откуда-то издалека, с другой стороны изгороди.

— Луиза? Луиза, где вы? Что случилось?

Я сидела в углу, забившись под изгородь и крепко обхватив себя руками. Слезы застилали глаза. Я не могу выйти. Я останусь здесь навсегда. Никто меня не найдет.

— Уилл...

— Где вы?... — И он оказался передо мной.

— Простите, — сказала я, посмотрев на него, мое лицо скривилось. — Простите. Я не могу... этого сделать.

Он поднял руку на пару дюймов — больше не мог.

— О господи, что случилось?.. Идите сюда, Кларк. — Он подъехал ближе и с досадой взглянул на свою руку. — Чертова бесполезная штука... Все хорошо. Дышите. Идите сюда. Просто дышите. Медленно.

Я вытерла глаза. При виде Уилла паника начала отступать. Я неуверенно встала и попыталась прийти в себя.

— Простите. Я... не знаю, что случилось.

— У вас клаустрофобия? — Его лицо, искаженное беспокойством, было всего в нескольких дюймах. — Я же видел, что вы не хотите идти. Просто я... думал, что вы...

— Мне нужно выйти. — Я закрыла глаза.

— Возьмите меня за руку. Мы выйдем.

Он вывел меня за несколько минут, спокойным голосом заверяя, что знает обратную дорогу наизусть. В детстве выучить план лабиринта стало для него делом принципа. Я переплела свои пальцы с его пальцами, и тепло его руки послужило мне утешением. Я почувствовала себя глупо, когда поняла, как близко от входа все время находилась.

Мы остановились у соседней скамейки, и я отыскала в его кресле платок. Я сидела на краю скамейки рядом с Уиллом, и мы оба молчали и ждали, когда я перестану икать.

Время от времени он косился на меня.

— Итак?.. — наконец произнес он, когда решил, что я могу говорить не рыдая. — Может быть, расскажете, что происходит?

Я теребила платок.

— Не могу.

Он умолк.

Я сглотнула.

— Дело не в вас, — поспешно добавила я. — Я ни с кем об этом не говорила... Это... это глупо. И случилось очень давно. Я не думала... Я должна...

Я чувствовала его взгляд — лучше бы он не смотрел! Мои руки не переставали дрожать, а живот скрутило узлом.

Я покачала головой, пытаюсь объяснить Уиллу, что есть дела, о которых я не могу говорить. Мне хотелось снова взять его за руку, но это казалось невозможным. Я чувствовала его взгляд, почти слышала невысказанные вопросы.

Внизу у ворот остановились две машины. Из них вышли два человека — отсюда было невозможно разглядеть, кто именно, — и обнялись. Они постояли немного, возможно разговаривая, сели обратно в машины и уехали в разные стороны. Я наблюдала за ними, но думать не могла. Разум словно замерз. Я больше не знала, о чем говорить.

— Ладно. Есть предложение, — наконец сказал Уилл. Я повернулась, но он не смотрел на меня. — Я расскажу вам кое-что, чего никому не

говорил. Договорились?

— Договорились. — Я скомкала платок, ожидая.

— Я очень, очень боюсь того, что ждет впереди, — глубоко вдохнул он. И, немного помолчав, продолжил тихим, спокойным голосом: — Я знаю, большинство людей считает, что моя участь — худшее, что может случиться. Но все может стать еще хуже. Возможно, я больше не смогу дышать самостоятельно, не смогу говорить. У меня могут возникнуть проблемы с кровообращением, и тогда мне ампутируют руки и ноги. Меня могут положить в больницу на неопределенный срок. Я веду жалкую жизнь, Кларк. Но когда я думаю о том, насколько хуже она может стать... Иногда ночью я лежу в кровати и физически не могу дышать. — Он сглотнул. — И знаете что? Никто не хочет этого слышать. Никто не хочет, чтобы ты говорил о страхе, о боли, о возможности умереть от дурацкой случайной инфекции. Никто не хочет знать, каково это — понимать, что никогда больше не займешься сексом, не попробуешь еду, приготовленную собственными руками, не прижмешь к груди своего ребенка. Никто не хочет знать, какую клаустрофобию я испытываю в этом кресле. Иногда мне хочется закричать, как безумцу, при мысли о том, что придется провести в нем еще день. Моя мать цепляется за соломинку и не может простить мне, что я до сих пор люблю отца. Моя сестра обижается на то, что я вновь затмил ее... и на то, что мои травмы мешают ей меня ненавидеть, как она ненавидела меня с детства. Мой отец просто хочет, чтобы все это закончилось. В конечном итоге они хотят видеть только хорошее. Им нужно, чтобы я видел только хорошее. — Он помолчал. — Им нужно верить, что хорошее существует.

Я моргала, глядя в темноту.

— А я? — тихо спросила я.

— Вы, Кларк... — он посмотрел на свои руки, — единственный человек, с которым я в состоянии говорить, с тех пор как очутился в этой чертовой штуке.

И я ему рассказала.

Я взяла его за руку, ту самую, что вывела меня из лабиринта, потупила голову, вдохнула и рассказала ему о той ночи, о том, как они смеялись надо мной, глумились над тем, какой пьяной и обкуренной я была, и о том, как я потеряла сознание, а после моя сестра сказала: возможно, мне повезло, что я не помню всего, что они делали, но эти выпавшие из жизни полчаса преследуют меня до сих пор. Понимаете, я их заполнила. Заполнила смехом, телами, словами. Заполнила своим унижением. Я рассказала ему, как видела их лица всякий раз, уезжая из города, и как научилась

довольствоваться Патриком, мамой, папой и своей скромной жизнью со всеми их проблемами и ограничениями. Благодаря им я ощущала себя в безопасности.

Когда мы закончили говорить, уже стемнело, и на моем мобильном телефоне было четырнадцать сообщений с вопросами, куда мы подевались.

— Мне ни к чему говорить, что это не ваша вина, — тихо произнес он.

Небо над нами стало бескрайним и бесконечным.

— Да. Конечно. — Я теребила платок. — И все же я чувствую свою... ответственность. Я слишком много выпила, чтобы покрасоваться. Я отчаянно флиртвала. Я...

— Нет. Вся ответственность лежит на них.

Никто не говорил мне этого вслух. Даже в сочувственном взгляде Трины крылся молчаливый укор. «Если бы ты не напилась и не вела себя глупо с незнакомыми мужчинами...»

Уилл сжал мои пальцы. Совсем слабо, но я почувствовала.

— Луиза. Это не ваша вина.

И я заплакала. На этот раз не зарыдала, нет. Слезы текли тихо, и вместе с ними меня покидало что-то еще. Вина. Страх. И несколько других вещей, для которых я не подобрала названий. Я осторожно положила голову ему на плечо, и он склонил на нее свою.

— Хорошо. Вы меня слушаете?

Я пробормотала, что да.

— Тогда я скажу вам кое-что хорошее. — Он подождал, как будто хотел быть уверенным в моем внимании. — Некоторые ошибки... просто имеют больше последствий, чем другие. Но та ночь не должна определять, кто вы. — Его голова касалась моей. — Вы, Кларк, можете этому помешать.

Я содрогнулась и протяжно вздохнула. Мы молча сидели, обдумывая его слова. Я могла бы провести здесь всю ночь, на вершине мира, наслаждаясь теплом руки Уилла и чувствуя, как худшее во мне начинает медленно таять.

— Нам лучше вернуться, — наконец сказал он. — Пока за нами не отправили поисковую партию.

Я отпустила его руку и неохотно встала, чувствуя кожей прохладный ветерок. А затем, почти с наслаждением, вытянула руки над головой. Я выпрямила пальцы в вечернем воздухе. Напряжение недель, месяцев или даже лет немного ослабело, и я глубоко вдохнула.

Внизу моргнули огни города — светлое пятно в море мрака. Я повернулась обратно.

— Уилл?

— Да?

Я с трудом различала его в тусклом свете, но знала, что он наблюдает за мной.

— Спасибо. Спасибо, что пришли за мной.

Он покачал головой и направил свое кресло к дорожке.

— Диснейленд — то, что надо.

— Я же говорила: никаких тематических парков.

— Я помню, но это не только американские горки и вальс в чайных чашках. Во Флориде есть киностудии и научный центр. Очень поучительно.

— Мне не кажется, что тридцатипятилетнему бывшему владельцу компании нужно чему-то учиться.

— Там туалеты для инвалидов на каждом углу. И невероятно заботливые сотрудники. Решат любую проблему.

— Сейчас вы скажете, что специально для инвалидов у них разработаны аттракционы.

— Они рады любым гостям. Почему бы вам не слетать во Флориду, мисс Кларк? Не понравится в Диснейленде — сходите в «Морской мир». И погода чудесная.

— Я и так знаю, кто страшнее — Уилл или кит-убийца.

— И у них огромный опыт работы с инвалидами. Вы знаете, что они активные участники программы «Загадай желание» для умирающих?

— Он не умирает.

Как только появился Уилл, я оборвала разговор с агентом бюро путешествий. Неуклюже положила трубку на место и захлопнула блокнот.

— Все в порядке, Кларк?

— Абсолютно, — широко улыбнулась я.

— У вас есть нарядное платье?

— Что?

— Какие у вас планы на субботу?

Уилл ждал ответа. Я рассеянно размышляла, кто страшнее — кит-убийца или агент бюро путешествий.

— Э-э-э... никаких. Патрик весь день будет на тренировке. А что?

Он подождал несколько секунд, прежде чем ответить, как будто хотел насладиться моим удивлением.

— Мы идем на свадьбу.

Я так и не узнала, почему Уилл передумал насчет бракосочетания Алисии и Руперта. Думаю, тут замешана немалая доля природного упрямства — никто не ожидал, что он придет, и менее всего сами Алисия и

Руперт. Возможно, он хотел поставить точку в их отношениях. Но мне кажется, за последние пару месяцев Алисия утратила возможность его ранить.

Мы решили обойтись без Натана. Я позвонила, чтобы уточнить, подходит ли шатер для кресла Уилла, и Алисия настолько всполошилась, когда поняла, что мы не отклонили приглашение, что даже до меня дошло: тисненное послание было отправлено только из вежливости.

— Гм... ну... у входа в шатер есть совсем маленькая ступенька, но, кажется, люди, которые его ставили, сказали, что смогут предоставить пандус... — Она умолкла.

— Замечательно. Спасибо, — поблагодарила я. — До встречи.

Мы вышли в Интернет и выбрали свадебный подарок. Уилл потратил сто двадцать фунтов на серебряную рамку для фотографий и еще шестьдесят на вазу, которую назвал «совершенно кошмарной». Я была поражена, что он тратит столько денег на человека, который ему даже не нравится, но за недели работы на Трейноров поняла: у них просто другое представление о деньгах. Они выписывали четырехзначные чеки, даже не задумываясь. Однажды я увидела баланс банковского счета Уилла, оставленный для него на кухонном столе. На нем было достаточно денег, чтобы дважды купить наш дом, — и это только на текущем счете.

Я решила надеть красное платье — отчасти потому, что знала: Уиллу оно нравится, а я решила, что сегодня ему понадобится вся возможная поддержка, но еще и потому, что это было единственное мое платье, которое я осмелилась бы надеть на подобное мероприятие. Уилл даже не представлял, как я боялась свадьбы в высшем обществе, тем более в роли «прислуги». Всякий раз, как я представляла пронзительные голоса и оценивающие взгляды в нашу сторону, мне хотелось провести день, наблюдая, как Патрик бежит кругами. Возможно, с моей стороны было мелко даже думать об этом, но я ничего не могла поделать. У меня заранее сводило живот при мысли о гостях, смотрящих на нас сверху вниз.

Я ничего не говорила Уиллу, но боялась за него. Посетить свадьбу бывшей девушки — мазохистский поступок даже в лучшие времена, но посетить публичное мероприятие, на котором будет полно старых друзей и коллег по работе, увидеть, как она выходит замуж за бывшего друга, — верный, как мне казалось, путь к депрессии. Я пыталась намекнуть на это в день перед свадьбой, но Уилл отмахнулся.

— Если я не переживаю, Кларк, вам тем более не стоит, — сказал он.

Я позвонила Трине.

— Поищи в его кресле споры сибирской язвы и патроны, — только и

сказала она.

— Я впервые еду с ним настолько далеко от дома, и это будет настоящая катастрофа.

— Возможно, он просто хочет напомнить себе, что есть вещи похуже смерти?

— Смешно.

Сестра говорила по телефону рассеянно. Она готовилась к недельному выездному курсу для «потенциальных будущих бизнес-лидеров», и ей нужно было, чтобы мы с мамой присмотрели за Томасом. Это будет потрясюще, сказала она. Там ожидается присутствие самых крутых бизнесменов. Наставник выдвинул ее кандидатуру, и она единственная не должна платить за курс. Трина беседовала со мной и одновременно работала на компьютере. Я слышала, как она стучит по клавиатуре.

— Рада за тебя, — сказала я.

— Меня ждет один из колледжей Оксфорда. Даже не бывший политехнический колледж. Настоящий «Оксфорд дремлющих шпилей». [\[59\]](#)

— Замечательно.

Сестра мгновение помолчала.

— Он же не планирует покончить с собой?

— Уилл? Не больше, чем обычно.

— Уже неплохо.

Я услышала звук входящего электронного сообщения.

— Мне пора. Трин.

— Ладно. Желаю повеселиться. И не надевай свое красное платье. Оно слишком открытое.

Утро свадьбы оказалось ясным и благоуханным, как я втайне и подозревала. Такие девушки, как Алисия, всегда добиваются своего. Наверное, кто-то замолвил за нее словечко божествам погоды.

— Как саркастично, Кларк, — заметил Уилл, когда я сообщила ему об этом.

У меня был хороший учитель.

Натан пришел пораньше, чтобы помочь Уиллу собраться. Мы должны были выехать в девять. Дорога занимала два часа, и я запланировала остановки для отдыха, тщательно размечая маршрут, чтобы обеспечить наилучшие условия. Я собралась в ванной, натянула чулки на только что побритые ноги, накрасилась, а затем умылась, чтобы аристократические гости не сочли меня похожей на девицу по вызову. Шарф я оставила дома, но захватила шаль, на случай если мне вдруг станет неловко.

— Неплохо, да? — Натан отступил, и я увидела Уилла в темном костюме и васильковой рубашке с галстуком.

Его лицо было свежевыбритым и слегка загорелым. В этой рубашке его глаза казались особенно яркими. В них словно вспыхивали солнечные искры.

— Неплохо. — Почему-то мне не хотелось говорить, насколько он красив. — Она точно пожалеет, что выходит за этот визгливый бурдюк жира.

Уилл поднял глаза к небу:

— Натан, сумка собрана?

— Ага! Все готово к поездке. — Он повернулся к Уйлли. — С подружками невесты не обжиматься.

— Можно подумать, ему захочется, — заметила я. — На них будут хрустящие воротнички, и от них будет нести лошадыми.

Родители Уилла вышли, чтобы проводить его. Кажется они только что поссорились, так как миссис Трейнор не могла бы встать дальше от мужа, разве что они находились бы в разных графствах. Она держала руки скрещенными на груди, даже когда я дала задний ход, чтобы Уилл мог заехать. И не смотрела на меня.

— Не позволяйте ему напиваться, Луиза. — Она смахнула с плеча Уилла воображаемую пушинку.

— Почему? — спросил Уилл. — Я не за рулем.

— В точку, Уилл, — сказал его отец. — Мне всегда нужно было тяпнуть раз-другой, чтобы вытерпеть свадьбу.

— Даже свою собственную, — пробормотала миссис Трейнор и заговорила чуть громче: — Замечательно выглядишь, милый. — Она опустилась на колени и поправила край брюк Уилла. — Очень элегантно.

— Как и вы. — Мистер Трейнор одобрительно разглядывал меня, когда я вышла из машины. — Элегантно и эффектно. Покружитесь, Луиза.

Уилл развернулся вместе с креслом:

— У нее нет времени, папа. Нам пора, Кларк. Полагаю, катить по проходу за невестой — дурной тон.

Я с облегчением вернулась в машину. Закрепив кресло Уилла и аккуратно повесив его элегантный пиджак на пассажирское сиденье, чтобы не помялся, мы тронулись в путь.

Я знала, как выглядит дом родителей Алисии, еще до того, как увидела его. Реальность настолько совпала с фантазией, что Уилл спросил, почему я смеюсь, когда я затормозила. Большой дом приходского священника эпохи

короля Георга, высокие окна, увитые бледной глицинией, мелкий гравий карамельного цвета на подъездной дорожке — идеальное жилище полковника. Я так и видела, как Алисия растет в этом доме, сидит верхом на своем первом пухлом пони на лужайке и волосы ее заплетены в две аккуратные светлые косички.

Двое мужчин в светоотражающих жилетах направляли машины в поле за домом и церковь рядом с ним. Я опустила окно:

— Рядом с церковью есть парковка?

— Гостям сюда, мадам.

— У нас инвалидное кресло, и в траве оно утонет, — сообщила я. — Нам надо встать рядом с церковью. Послушайте, я просто проеду, и все.

Они переглянулись и что-то пробормотали. Прежде чем они успели сказать что-то еще, я подъехала к церкви и встала в укромном местечке. «Начинается», сказала я себе, выключая зажигание и ловя взгляд Уилла в зеркале.

— Расслабьтесь, Кларк. Все будет хорошо, — сказал он.

— Я совершенно расслаблена. С чего вы взяли, что я напряжена?

— Я вижу вас насквозь. К тому же вы сгрызли четыре ногтя, пока ехали сюда.

Я вышла из машины, поправила шаль и нажала кнопку на пульте управления, чтобы опустить пандус.

— Отлично, — сказала я, когда колеса Уилла коснулись земли.

В поле на другой стороне дороги люди выбирались из огромных немецких машин. Женщины в платьях цвета фуксии что-то говорили мужьям, когда каблуки их туфель погружались в траву. Все они были длинноногими, обтекаемыми, бледных, приглушенных тонов. Я взбила волосы и задумалась, не переборщила ли с помадой. Наверное, я выгляжу как пластмассовый помидор, в который налит кетчуп.

— Итак... какие у нас планы на сегодня?

— Честно? — проследил за моим взглядом Уилл.

— Ага, мне нужно знать. Только не говорите «Шок и трепет». Вы планируете что-то ужасное?

Наши взгляды встретились. Его глаза были синими, бездонными. В моем животе приземлилась стайка бабочек.

— Мы будем вести себя безукоризненно, Кларк.

Бабочки отчаянно забили крыльями, как будто рвались из груди. Я начала говорить, но он меня перебил.

— Давайте просто повеселимся, — сказал он.

«Повеселимся». Как будто свадьба бывшей девушки менее болезненна,

чем удаление зубного нерва. Но это выбор Уилла. День Уилла. Я глубоко вдохнула, пытаюсь собраться с мыслями.

— За одним исключением. — Я в четырнадцатый раз поправила шаль на плечах.

— Каким?

— Никакого Кристи Брауна. Изобразите Кристи Брауна — уеду домой и брошу вас одного среди этих умников.

Когда Уилл повернулся и покатил к церкви, мне показалось, что он пробормотал:

— Всю игру испортила.

Церемония прошла спокойно. Как я и предполагала, Алисия выглядела до смешного прекрасной. Ее бронзовая кожа казалась отполированной, скроенное по косой белое шелковое платье стекало по стройной фигуре, будто не смело нигде задерживаться. Она плыла по проходу, а я пыталась представить, каково это быть высокой и длинноногой и выглядеть, словно на отретушированном рекламном плакате. Интересно, над ее волосами поработала команда профессионалов? Интересно, на ней утягивающие панталоны? Разумеется, нет. На ней что-то светлое, невесомое и кружевное — нижнее белье для женщин, которым нечего поддерживать. Белье, которое стоит больше, чем я зарабатываю за неделю.

Пока священник бубнил, а миниатюрные подружки невесты в балетках ерзали на скамьях, я разглядывала гостей. Все женщины точно сошли со страниц глянцевого журнала. Их обувь идеально совпадала по цвету с одеждой и выглядела совершенно новой. Женщины помоложе элегантно возвышались на четырех- или пятидюймовых шпильках, их ступни украшал безукоризненный педикюр. Женщины постарше, на невысоких острых каблучках, были одеты в строгие костюмы с квадратными плечами и подкладкой контрастного цвета, а их шляпки словно отрицали существование силы тяжести.

На мужчин было смотреть не так интересно, но почти все они обладали аурой, которую я иногда замечала у Уилла, — аурой богатства и уверенности в том, что жизнь сложится идеально сама собой. Интересно, какими компаниями они управляют, в каких мирах обитают? Интересно, они замечают таких женщин, как я, которые нянчатся с их детьми или подают им блюда в ресторанах? «Или танцуют на шесте перед их деловыми партнерами», — подумала я, вспомнив собеседования на бирже труда.

На свадьбах, которые я посещала прежде, семьи невесты и жениха усаживали порознь из опасения, что кто-нибудь нарушит хрупкое перемирие.

Мы с Уиллом расположились в глубине церкви, его кресло стояло впрытик к правому краю моей скамьи. Он на мгновение поднял глаза, когда Алисия шла по проходу, но все остальное время с непроницаемым лицом смотрел прямо. Сорок восемь хористов — я подсчитала — пропели что-то на латыни. Руперт, в смокинге с белой сорочкой, потел и морщил лоб, как будто чувствовал себя одновременно и польщенно, и глупо. Никто не захлопал и не завопил, когда их объявили мужем и женой. Руперт неуклюже наклонился к невесте, как будто пытался выловить ртом яблоко из воды, и немного промахнулся мимо губ. Возможно, сливкам общества неловко торчать у алтаря?

А потом все закончилось. Уилл уже пробирался к выходу. Я наблюдала за его затылком, гордо поднятым и величавым, и мне хотелось спросить, не напрасно ли мы пришли. Спросить, сохранились ли у него чувства к ней. Сказать, что он слишком хорош для этой глупой женщины, даже если на первый взгляд кажется иначе, и что... я не знала, что еще мне хотелось сказать...

Мне просто хотелось, чтобы ему стало легче.

— Все в порядке? — догнав его, спросила я.

Ведь на месте Руперта должен был быть он.

Уилл пару раз моргнул.

— Вполне, — выдохнул он, как будто до этого сдерживал дыхание, потом посмотрел на меня. — Давайте выпьем что-нибудь.

Шатер располагался в огороженном саду, в который вели ворота из кованого железа, перевитые гирляндами бледно-розовых цветов. Бар в дальнем конце уже был переполнен, и я предложила Уиллу подождать снаружи, пока я принесу ему выпить. Я пробралась между столами, накрытыми белыми льняными скатертями. Столько стеклянной посуды и столовых приборов я в жизни не видела. У стульев были позолоченные спинки, как на модных показах, а над букетами из фрезий и лилий висели белые фонари. Воздух был густым от навязчивого благоухания цветов.

— Крюшон? — спросил бармен, когда я добралась до стойки.

— Мм... — Я огляделась и не обнаружила других напитков. — О! Ладно. Два, пожалуйста.

— Очевидно, остальные напитки будут позже. Мисс Дьюар пожелала, чтобы все начали с крюшона, — посмотрев на меня заговорщицки, улыбнулся бармен и легким движением брови дал понять, что об этом думает.

Я уставилась на розовый лимонад. Папа всегда говорил, что богачи ужасно прижимистые, но начать свадьбу с безалкогольного напитка!

— Что ж, придется обойтись крюшоном. — Я забрала бокалы.

Когда я нашла Уилла, с ним разговаривал какой-то мужчина. Молодой, в очках, он стоял, полусогнувшись и опершись рукой о подлокотник инвалидного кресла. Солнце поднялось уже высоко, и мне пришлось сощуриться, чтобы их разглядеть. Внезапно я поняла, зачем нужны все эти широкополые шляпы.

— Я так рад тебя видеть, Уилл, — сообщал он. — Офис стал совсем другим без тебя. Мне не стоило этого говорить... но он стал совсем другим. Совсем.

Он был похож на молодого бухгалтера — мужчину, которому по-настоящему комфортно только в костюме.

— Спасибо на добром слове.

— Это произошло так внезапно. Как будто ты упал со скалы. Еще вчера был здесь и раздавал указания, а сегодня нам пришлось... — Заметив меня, он поднял глаза. Его взгляд остановился на моей груди. — О! Привет.

— Луиза Кларк, познакомьтесь с Фредди Дервентом.

Я поставила бокал Уилла в держатель и пожала молодому человеку руку.

Он поднял взгляд выше.

— О! — повторил он. — Вы...

— Мы с Уиллом друзья. — Я почему-то положила руку на плечо Уилла.

— Выходит, жизнь не так уж плоха. — Фредди Дервент не то хохотнул, не то закашлялся и слегка покраснел. — Ладно... пойду вращаться в обществе. Сам знаешь... надо использовать подобные мероприятия для установления связей. Рад был увидеться, Уилл. Правда. И... и с вами, мисс Кларк.

— Он милый, — заметила я, когда мы отошли.

Я убрала руку с плеча Уилла и отпила из бокала. Крюшон оказался вкуснее, чем можно было ожидать. Но меня несколько удивил огуречный привкус.

— Да. Да, хороший парнишка.

— И не слишком неловкий.

— Да, — встретился со мной взглядом Уилл. — Отнюдь не неловкий, Кларк.

По примеру Фредди Дервента в течение следующего часа к Уиллу подошли еще несколько человек. Одни вставали чуть поодаль, словно это позволяло не решать вопрос с рукопожатием, другие поддегивали брюки и садились на корточки у его ног. Я стояла рядом с Уиллом и помалкивала. Я

заметила, как он слегка напрягся, когда к нам направились двое.

Один — крупный, грубовато-добродушный мужчина с сигарой, — похоже, не знал, что сказать, когда очутился перед Уиллом, и в итоге произнес:

— Чертовски хорошая свадьба! Невеста выглядит потрясающе.

Наверное, он ничего не знал о романтическом прошлом Алисии.

Второй, по-видимому деловой конкурент Уилла, отпустил более дипломатичное замечание, но в его пристальном взгляде и прямых вопросах о состоянии Уилла было нечто, от чего тот напрягся. Словно два пса кружили друг вокруг друга, размышляя, не оскалить ли зубы.

— Новый исполнительный директор моей бывшей компании, — пояснил Уилл, когда мужчина наконец ушел, помахав на прощание рукой. — Наверное, хотел убедиться, что я не замышляю вернуть себе власть.

Солнце пригревало все сильнее, сад превратился в ароматное пекло, люди прятались в пятнистой тени деревьев. Беспокоясь о температуре Уилла, я отвела его в шатер. Там включили здоровенные вентиляторы, которые лениво вертелись над головами. Вдалеке под навесом летнего домика играл струнный квартет. Происходящее напоминало сцену из фильма.

Алисия порхала по саду — неземное видение, сотканное из воздушных поцелуев и восклицаний, — и не приближалась к нам.

Уилл осушил два бокала крюшона. Я втайне радовалась.

Обед подали в четыре часа. Время довольно странное, как мне показалось, но Уилл возразил, что это же свадьба. В любом случае время словно растянулось и потеряло смысл, слившись в размытое пятно бесконечных напитков и пустых разговоров. Не знаю, в чем дело — в жаре или атмосфере, но, когда мы сели за стол, я ощущала себя почти пьяной. Обнаружив, что бессвязно болтаю с пожилым соседом слева, я поняла, что и вправду могу быть пьяна.

— В этом их крюшоне содержится алкоголь? — спросила я Уилла, когда умудрилась высыпать солонку себе на колени.

— Примерно столько же, сколько в бокале вина. В каждой порции.

Я в ужасе уставилась на него. На них обоих.

— Не может быть! В нем же фрукты! Я думала, это значит, что он безалкогольный. Как я отвезу вас домой?

— Ну и сиделка мне досталась! — поднял бровь Уилл. — А что мне будет, если я пообещаю не рассказывать матери?

Реакция Уилла удивляла меня весь день. Я думала, меня ждет Угрюмый Уилл, Саркастичный Уилл. По меньшей мере Молчаливый Уилл. Но он был совершенно очарователен со всеми. Даже появление супа его не расстроило. Он только вежливо спросил, не хочет ли кто-нибудь поменяться на хлеб, и две девицы на дальнем конце стола, утверждавшие, что «не переносят пшеницы», практически швырнули ему свои булочки.

Чем больше я беспокоилась, что не смогу протрезветь, тем веселее и беззаботнее становился Уилл. Пожилая женщина, сидевшая справа от него, оказалась бывшим членом парламента, боровшимся за права инвалидов, и беседовала с Уиллом без малейшего смущения — огромная редкость. Я даже заметила, как она скормила ему кусочек рулета. Когда женщина ненадолго встала из-за стола, Уилл прошептал мне, что она поднималась на Килиманджаро.

— Обожаю таких древних цыпочек, — сказал он. — Так и вижу ее с мулом и пакетом сэндвичей. Крепкая, как старые ботинки.

Мне с соседом повезло меньше. Всего за четыре минуты он провел короткий опрос — кто я, где живу, с кем из присутствующих знакома — и убедился, что я не представляю для него интереса. Он повернулся к соседке слева, предоставив мне молча ковыряться в остатках обеда. В какой-то момент, когда мне стало по-настоящему неловко, я ощутила, как рука Уилла соскользнула с кресла и его ладонь накрыла мою. Я подняла глаза, и он подмигнул мне. Я взяла его ладонь и сжала, благодарная, что он заметил. Затем Уилл отъехал на шесть дюймов и вовлек меня в беседу с Мэри Ролинсон.

— Итак, Уилл говорит, что вы ухаживаете за ним. — У нее были пронзительно-синие глаза и морщины, говорившие о пренебрежении к уходу за кожей на протяжении всей жизни.

— Пытаюсь, — взглянула я на него.

— Вы всегда работали в этой сфере?

— Нет. Раньше я... работала в кафе.

Не знаю, следовало ли мне признаваться в этом кому-либо из присутствующих на свадьбе, но Мэри Ролинсон одобрительно кивнула.

— Мне всегда казалось, что это очень интересная работа. Если вы любите людей и ужасно любопытны, как я, — широко улыбнулась она.

Уилл вернул руку на кресло.

— Я пытаюсь уговорить Луизу сменить работу, расширить свои горизонты.

— Чем бы вы хотели заниматься? — спросила Мэри.

— Она не знает, — ответил Уилл. — Луиза очень умна, но не желает

видеть своих возможностей.

— Не надо ее опекать, дорогой, — резко посмотрела на него Мэри Ролинсон. — Она вполне способна ответить сама. — (Я моргнула.) — Кому об этом и знать, как не вам, — добавила она.

Уилл явно хотел что-то сказать, но промолчал. Он опустил взгляд на стол и слегка покачал головой, но на губах его играла улыбка.

— Итак, Луиза, полагаю, ваша нынешняя работа требует огромного умственного напряжения. И вряд ли с этим молодым человеком легко управляться.

— О да.

— Но Уилл совершенно прав насчет возможностей. Возьмите мою визитную карточку. Я член правления благотворительной организации, которая занимается переподготовкой. Возможно, в будущем вам захочется сменить поле деятельности.

— Мне нравится работать с Уиллом, спасибо.

Я все равно взяла предложенную карточку, слегка удивившись, что этой женщине небезразлично мое будущее. Я чувствовала себя самозванкой. Так или иначе, я не брошу работу, даже если пойму, чего хочу от жизни. Да и смогу ли я чему-то научиться? К тому же главное для меня — чтобы Уилл жил. Я так погрузилась в размышления, что перестала прислушиваться к соседям.

— ...очень хорошо, что самое трудное уже позади. Я знаю, как тяжело было изменить свою жизнь, обрести новый смысл.

Я устала на остатки отварного лосося в своей тарелке. Никогда не слышала, чтобы с Уиллом кто-то так говорил.

Он нахмурился, глядя на стол, и снова повернулся к Мэри Ролинсон.

— Не уверен, что самое трудное уже позади, — тихо сказал он.

Она посмотрела на него, затем взглянула на меня.

Вероятно, лицо меня выдало.

— Для этого нужно время, Уилл. — Она на мгновение положила ладонь ему на руку. — И вашему поколению намного сложнее с этим свыкнуться. Вы росли с мыслью, что все будет по-вашему. Вы собирались жить той жизнью, которую сами выбрали. Особенно такие успешные молодые люди, как вы. Но для этого нужно время.

— Миссис Ролинсон... Мэри... мне не станет лучше, — сказал Уилл.

— Я говорю не о физическом здоровье, — возразила она. — Я говорю о том, чтобы научиться принимать новую жизнь.

Уилл не успел ответить — кто-то постучал ложкой по бокалу. Все умолкло в ожидании речей.

Я почти ничего не слышала. Одутловатые мужчины в смокингах выступали один за другим, упоминая незнакомых мне людей и места. Аудитория вежливо смеялась. Я сидела и жевала трюфели из темного шоколада, которые подали в серебряных вазочках, и выпила три чашки кофе подряд, так что стала не просто пьяной, а пьяной, нервной и взвинченной. Уилл, напротив, был само спокойствие. Он сидел, смотрел, как гости аплодируют его бывшей девушке, и слушал, как Руперт бубнит, что ему досталось в жены само совершенство. Никто на Уилла не поглядывал. То ли потому, что щадили его чувства, то ли потому, что его присутствие всех смущало. Время от времени Мэри Ролинсон наклонялась и что-то шептала ему на ухо, а он слегка кивал, как бы в знак согласия.

Когда речи наконец закончились, явилась целая армия прислуги и принялась расчищать центр зала для танцев. Уилл наклонился ко мне:

— Мэри напомнила, что чуть дальше по дороге есть прекрасный отель. Позвоните и узнайте, остались ли у них места.

— Что?

Мэри протянула мне салфетку с названием и телефонным номером гостиницы.

— Все в порядке, Кларк, — тихо сказал Уилл, чтобы Мэри не слышала. — Я заплачу. Позвоните, чтобы больше не переживать из-за каждого бокала. Возьмите мою кредитную карту из сумки. У вас, наверное, спросят номер.

Я взяла карточку, достала свой мобильный телефон и отошла в дальний угол сада. В гостинице ответили, что у них есть два свободных номера — одиночный и двойной на первом этаже. Да, он подходит для инвалидов. «Прекрасно», — сказала я и чуть не вскрикнула, когда мне озвучили цену. Я продиктовала номер кредитной карты Уилла. Меня слегка подташнивало, пока я называла цифры.

— Ну что? — спросил он, когда я вернулась.

— Я забронировала, но... — Я рассказала ему, во сколько обошлись два номера.

— Ничего страшного, — ответил Уилл. — Теперь позвоните своему парню, предупредите, что не придете ночевать, и выпейте еще бокал. Нет, шесть. Я буду безмерно счастлив, если вы надеретесь за счет отца Алисии.

Я так и поступила.

В тот вечер что-то случилось. Свет притушили, так что наш маленький столик стал меньше бросаться в глаза, удушливый запах цветов смягчился благодаря вечернему ветерку, а музыка, вино и танцы означали, что мы

начали наслаждаться жизнью там, где меньше всего ожидали. Я никогда еще не видела Уилла таким расслабленным. Зажатый между мной и Мэри, он болтал и улыбался ей, и в его мимолетном счастье было что-то отпугивавшее людей, которые иначе косились бы на него с неприязнью или жалостью. Он заставил меня снять шаль и сесть прямо. Я сняла с него пиджак и ослабила галстук, и мы оба старались не хихикать при виде танцующих. Вы даже не представляете, насколько мне полегчало, когда я увидела, как танцуют сливки общества. Мужчины словно корчились на электрическом стуле, а женщины аккуратно тыкали пальчиками вверх и выглядели ужасно смущенными, даже когда кружились.

Мэри Ролинсон несколько раз пробормотала: «О боже». Она поглядывала на меня. Ее речь становилась все пикантнее с каждым бокалом.

— Не хотите показать, на что вы способны, Луиза?

— О господи, нет.

— Похвально. На дискотеке в сельском клубе и то лучше танцуют.

В девять я получила эсэмэску от Натана.

Все в порядке?

Да. Просто замечательно. Уилл наслаждается жизнью.

Так и было. Я смотрела, как он хохочет над шуткой Мэри, и мне непривычно теснило грудь. Я увидела, что все возможно. Он может быть счастлив в окружении правильных людей, если ему позволят быть Уиллом, а не мужчиной в инвалидной коляске, списком симптомов, объектом жалости.

В десять начались медленные танцы. Мы полюбовались, как Руперт под вежливые аплодисменты зрителей кружит Алисию по танцполу. Ее волосы начали терять объем, и она повисла у мужа на шее, как будто нуждалась в поддержке. Руперт обхватил ее за талию. Мне было немного жаль ее, такую красивую и богатую. Наверное, она не поймет, что потеряла, пока не станет слишком поздно.

На середине песни в зал вышли другие пары, частично загоротив новобрачных, и я увлеклась рассуждениями Мэри о пособиях по уходу за инвалидами, пока внезапно не подняла глаза и не увидела прямо перед нами супермодель в белом шелковом платье. Сердце подскочило к горлу.

Алисия кивком поздоровалась с Мэри и чуть наклонилась, чтобы Уилл услышал ее сквозь музыку. Ее лицо было немного напряжено, как будто она

собиралась с духом, прежде чем подойти.

— Спасибо, что пришел, Уилл. Правда. — Она покосилась на меня, но промолчала.

— Пожалуйста, — спокойно ответил Уилл. — Чудесно выглядишь, Алисия. Замечательный день.

На ее лице мелькнуло удивление. А затем тень грусти.

— Правда? Ты правда так думаешь? Мне кажется... в смысле, я столько хочу сказать...

— Правда, — подтвердил Уилл. — Не надо ничего говорить. Ты помнишь Луизу?

— Помню.

Повисло краткое молчание.

Я видела, как Руперт болтается неподалеку, с подозрением поглядывая на нас. Алисия обернулась на него и помахала рукой.

— Что ж, в любом случае спасибо, Уилл. Ты просто молодец, что пришел. И спасибо за...

— Зеркало.

— Конечно. Замечательное зеркало. — Она встала и вернулась к мужу, который потащил ее прочь, схватив за руку.

Мы смотрели, как они пересекают танцпол.

— Вы не покупали ей зеркало.

— Я в курсе.

Новобрачные продолжали о чем-то говорить. Руперт то и дело косился на нас. Казалось, он не мог поверить, что Уилл ведет себя очень мило. Кстати, я тоже не могла.

— Это... вас огорчило? — спросила я.

Он отвернулся от них.

— Нет, — улыбнулся мне Уилл.

От алкоголя его улыбка стала немного кривой, а взгляд был одновременно грустным и задумчивым.

А затем, когда танцпол опустел перед следующим танцем, я услышала собственный голос:

— Что вы сказали, Уилл? Хотите закружить меня в танце?

— Что?

— Давайте. Пусть этим засранцам будет о чем поговорить.

— Отлично! — Мэри подняла бокал. — Просто великолепно.

— Давайте. Пока музыка медленная. Вряд ли у вас получится прыгать в этой штуке.

Я не оставила Уиллу выбора. Осторожно села ему на колени и

обхватила за шею, чтобы не упасть. Он с минуту смотрел мне в глаза, как будто прикидывал, можно ли мне отказать. Затем, ко всеобщему изумлению, выехал на танцпол и принялся ездить маленькими кругами под блестками зеркальных шаров.

Я испытывала острое смущение, и меня распирало от смеха. Я сидела под углом, и в результате мое платье задралось до середины бедер.

— Оставьте платье в покое, — прошептал он мне на ухо.

— Это...

— Ну же, Кларк. Не подведите меня.

Я закрыла глаза, обхватила его за шею и прижалась щекой к щеке, вдыхая цитрусовый запах лосьона после бритья. Уилл негромко напевал под музыку.

— Ну что, все шокированы? — спросил он.

Я приоткрыла один глаз и взгляделась сквозь полумрак.

Кое-кто ободряюще улыбался, но большинство, похоже, не знало, как реагировать. Мэри отсалютовала мне бокалом. А затем я увидела, как Алисия смотрит на нас с кислой миной. Поймав мой взгляд, она отвернулась и что-то пробормотала Руперту. Он покачал головой, как будто мы нарушали приличия.

Я невольно заулыбалась.

— О да, — ответила я.

— Ха! Прижмитесь ближе. Вы замечательно пахнете.

— Вы тоже. Но если продолжите кружить по часовой стрелке, меня может стошнить.

Уилл сменил направление. Обнимая его за шею, я чуть отстранилась, чтобы взглянуть на него. Я больше не смущалась. Он посмотрел на мою грудь. По правде говоря, в таком положении ему больше не на что было смотреть. Затем он оторвал от нее взгляд и поднял бровь.

— Вы бы не стали пихать эту грудь мне под нос, не будь я в инвалидном кресле, — пробормотал он.

Я пристально посмотрела на него:

— Вы бы даже не взглянули на эту грудь, не будь вы в инвалидном кресле.

— Что? Разумеется, взглянул бы.

— Не-а. Вы бы только и делали, что глазели на высоких блондинок с бесконечно длинными ногами и пышными волосами, которые чуют представительские расходы за сорок шагов. И в любом случае меня бы здесь не было. Я бы подавала напитки вон там. Одна из невидимок. (Он моргнул.) — Что? Разве я не права?

Уилл взглянул на бар, затем на меня:

— Правы. Но в свою защиту, Кларк, скажу, что я был ослом.

Я расхохоталась так громко, что на нас обернулись еще несколько человек.

— Простите, — пытаюсь успокоиться, пробормотала я. — Кажется, я впадаю в истерику.

— Знаете что?

Я могла бы смотреть на его лицо всю ночь. На морщинки в уголках его глаз. На место, где шея переходит в плечи.

— Что?

— Иногда, Кларк, вы единственное, ради чего я встаю по утрам.

— Тогда поедем куда-нибудь, — не раздумывая, выпалила я.

— Что?

— Поехали куда-нибудь. Повеселимся неделю. Только вы и я. И никаких...

Он ждал.

— Ослов?

— ...ослов. Скажите «да», Уилл. Ну же.

Он не сводил с меня глаз.

Не знаю, что я ему говорила. Не знаю, откуда что бралось. Я просто понимала, что, если не уговорю его сегодня, в окружении звезд, фрезий, смеха и Мэри, у меня не будет ни единого шанса.

— Пожалуйста!

Казалось, я ждала ответа целую вечность.

— Хорошо, — наконец сказал он.

Они думали, мы не заметим. Они вернулись со свадьбы только на следующий день, в районе обеда, и миссис Трейнор так злилась, что едва не лишилась дара речи.

— Могли бы и позвонить, — произнесла она.

Она осталась дома, чтобы дожидаться их возвращения. Я пришел в восемь утра и все это время слушал, как она в соседнем доме расхаживает по выложенному плиткой коридору.

— Я звонила и писала эсэмэски вам обоим восемнадцать раз. Только когда я дозвонилась Дьюарам и кто-то сказал мне, что «мужчина в инвалидном кресле» отправился в гостиницу, стало ясно, что вы не попали в ужасную автомобильную аварию.

— «Мужчина в инвалидном кресле». Мило, — заметил Уилл.

Но было видно, что ему все равно. Он был спокоен и расслаблен и терпел похмелье, не теряя чувства юмора, хотя я подозревал, что ему больно. Он перестал улыбаться, только когда его мать накинулась на Луизу. Тогда он заявил, что выговаривать надо ему, потому что это он решил остаться на ночь, а Луизе пришлось согласиться.

— И насколько я понимаю, мама, в тридцать пять лет я не обязан ни перед кем отчитываться, если мне придет в голову провести ночь в гостинице. Даже перед своими родителями.

Миссис Трейнор уставилась на них обоих, пробормотала что-то насчет «простой вежливости» и вышла из комнаты.

Луиза выглядела немного расстроенной, но Уилл подъехал и что-то прошептал ей, и тогда я увидел. Она порозовела и засмеялась, как смеются, когда знают, что смеяться не следует. Как смеются заговорщики. Уилл повернулся к ней и велел отдохнуть. Отправиться домой, переодеться, быть может, вздремнуть.

— Я не могу гулять вокруг замка с человеком, у которого на лбу написано, что он провел бурную ночь, — добавил он.

— Бурную ночь? — не смог скрыть удивление я.

— Не в этом смысле. — Луиза хлестнула меня шарфом и схватила свой плащ.

— Возьмите машину, — крикнул Уилл. — Так будет проще вернуться.

Я следил, как Уилл провожает ее взглядом до задней двери. Я поставил бы семь к четырем только на основании этого взгляда.

После ее ухода из него словно выпустили воздух. Похоже, Уилл держался до тех пор, пока его мать и Луиза не покинули флигель. Я не спускал с него глаз, и когда он перестал улыбаться, понял, что мне не нравится его вид. Его кожа была слегка пятнистой, он дважды поморщился, когда думал, что никто не смотрит, и мне отсюда было видно, что у него гусиная кожа. В голове прозвенел тревожный колокольчик, далекий, но пронзительный.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Уилл?

— Все в порядке. Не суетись.

— Может, скажешь мне, где болит?

Видимо, он смирился, словно знал, что я вижу его насквозь. Мы уже давно работали вместе.

— Ладно. Голова немного болит. И... э-э-э... мне нужно сменить трубку. И как можно скорее.

Я перенес его из кресла на кровать и начал готовить оборудование.

— Когда Лу меняла их утром?

— Она не меняла, — поморщился он со слегка виноватым видом. — И вчера вечером тоже.

— Что?

Я проверил его пульс и схватил тонометр. Ну конечно, давление зашкаливало. Я положил ладонь ему на лоб, и она заблестела от пота. Я залез в шкафчик с лекарствами и растолок немного сосудорасширяющих средств. Развел их в воде и заставил выпить до капли. Затем усадил его на кровати и быстро сменил трубки, не переставая наблюдать.

— Дисрефлексия?^[60]

— Угу. Не самый разумный поступок, Уилл.

Автономная дисрефлексия была нашим худшим кошмаром. Это была обширная гиперреакция тела Уилла на боль, дискомфорт... или, к примеру, переполненный катетер — тщетная и бессмысленная попытка поврежденной нервной системы сохранить контроль над происходящим. Дисрефлексия возникала ни с того ни с сего, и Уиллу приходилось туго. Он был бледен и дышал с трудом.

— Как кожа?

— Покалывает.

— Зрение?

— Нормально.

— Да ладно, приятель. Как думаешь, помощь нужна?

— Дай мне десять минут, Натан. Уверен, ты уже сделал все, что нужно. Дай мне десять минут. — Он закрыл глаза.

Я снова измерил кровяное давление, гадая, сколько можно тянуть, прежде чем звонить в «скорую». Я до чертиков боялся дисрефлексии, потому что никогда не знаешь, в какую сторону она повернет. Мы это уже проходили, когда я только начал работать с Уиллом, и в результате он провалялся в больнице два дня.

— Серьезно, Натан. Я скажу, если пойму, что дела плохи.

Уилл вздохнул, и я помог ему забраться поглубже и прислониться к изголовью.

Он рассказал, что Луиза так напилась, что он побоялся давать ей в руки свое оборудование.

— Одному Богу известно, куда она могла засунуть эти чертовы трубки, — хохотнул он.

Уилл сказал, что Луизе понадобилось почти полчаса, чтобы вытащить его из кресла и уложить в кровать. Они оба дважды оказались на полу.

— К счастью, мы оба так надрались, что ничего не почувствовали.

Ей хватило самообладания позвонить администратору и вызвать носильщика, чтобы помочь поднять Уилла.

— Отличный парень. Смутно припоминаю, как он настаивал, чтобы Луиза дала ему пятьдесят фунтов чаевых. Она явно была пьяна, потому что согласилась.

Когда Луиза наконец покинула его номер, Уилл боялся, что она не доберется до своего. Он так и видел, как она сворачивается на лестнице маленьким красным клубочком.

Мое собственное видение Луизы Кларк было менее великодушным.

— Уилл, приятель, давай в следующий раз ты будешь больше беспокоиться о себе?

— Все в порядке, Натан. Со мной все хорошо. Мне уже полегчало.

Я проверил пульс, чувствуя на себе его взгляд.

— Seriously. Она не виновата.

Его давление понизилось. Кожа прямо на глазах приобретала здоровый оттенок. Я выдохнул и только сейчас понял, что все это время сдерживал дыхание.

Мы немного поболтали, дожидаясь, пока все окончательно успокоится, и обсуждая вчерашние события. Похоже, Уилл ничуть не переживал из-за бывшей подружки. Он говорил мало, но выглядел неплохо, несмотря на явную усталость.

Я отпустил его запястье.

— Кстати, отличная татуировка.

— Смотри только, не докатись до «Срока годности», — покосился он на меня.

Несмотря на пот, боль и инфекцию, Уилл в кои-то веки выглядел, как будто у него на уме появилось что-то еще, кроме единственного навязчивого желания. Я не мог отделаться от мысли, что если бы миссис Трейнор знала об этом, то не стала бы злиться.

Мы скрыли от Лу, что случилось в обед, Уилл заставил меня пообещать, — но вечером она вернулась притихшей. Ее лицо было бледным, а вымытые волосы стянуты на затылке, как будто она хотела выглядеть скромницей. Я примерно представлял, как она себя чувствует; порой, когда надираешься за полночь, утром все довольно прилично, но это потому, что алкоголь еще не выветрился. Старое доброе похмелье играет, словно кошка с мышью, и выжидает момент, чтобы цапнуть. Похоже, ее цапнуло в районе обеда.

Но вскоре стало ясно, что ее беспокоит не только похмелье.

Уилл все расспрашивал, почему она притихла.

— Ладно, — наконец призналась она, — просто я обнаружила, что не слишком умно уходить на всю ночь, если только что съехала со своим парнем.

Она улыбалась, но улыбка была натянутой, и мы с Уиллом оба знали, что это не пустые слова.

Я не мог винить ее парня. Мне бы тоже не хотелось, чтобы моя женушка шлялась по ночам с чужим мужчиной, пусть даже квадриплегиком. А ведь он даже не видел, как Уилл смотрит на нее.

Вечером мы в основном бездельничали. Луиза разобрала рюкзак Уилла, выложив кучу бесплатных гостиничных шампуней, кондиционеров, мини-наборов для шитья и шапочек для душа.

«Не смейтесь, — сказала она. — За такие деньги Уилл мог купить целую фабрику шампуня».

Мы посмотрели какой-то японский мультфильм, который Уилл назвал лучшим лекарством от похмелья, а я все болтался поблизости — отчасти чтобы следить за его давлением, отчасти, если честно, из вредности. Мне хотелось увидеть его реакцию, когда я заявлю, что буду смотреть мультфильм вместе с ними.

— Серьезно? — спросил Уилл. — Ты любишь Миядзаки?^[61]

Он тут же взял себя в руки, сказал, что мне, несомненно, понравится... это замечательный фильм... бла-бла-бла. Но все было ясно. В каком-то

смысле я был рад за него. Он слишком долго думал только об одном, бедолага.

Итак, мы посмотрели фильм. Опустили жалюзи, сняли телефонную трубку и включили странную историю о девочке, которая очутилась в параллельном мире, населенном странными существами, о половине которых нельзя было понять, добрые они или злые. Лу сидела рядом с Уиллом, подавала ему пить, а в какой-то момент промокнула ему глаз, когда в него что-то попало. Довольно мило, согласен, но в глубине души я не переставал задаваться вопросом, к чему все это приведет.

А потом, когда Луиза подняла жалюзи и приготовила чай, они переглянулись, как будто решали, можно ли мне доверить секрет, и рассказали, что уезжают. На десять дней. Еще не решили куда, но не слишком далеко. Это будет чудесно! Не хочу ли я поехать с ними и немного помочь?

Еще бы!

Снимаю шляпу перед девочкой. Если бы четыре месяца назад мне сказали, что мы поедem с Уиллом отдыхать — или хотя бы вытащим его из дома, — я ответил бы, что кому-то не хватает винтиков. Кстати, надо переговорить с ней перед отъездом о медицинском уходе за Уиллом. Мы не можем позволить себе подобного промаха, если застрянем в чистом поле.

Они даже сказали об этом миссис Ти, когда та заглянула, как раз перед уходом Луизы. Уилл сообщил об отъезде, как будто тот значил для него не больше, чем прогулка вокруг замка.

Должен сказать, я был очень рад. Чертов покерный сайт сожрал все мои деньги, и в этом году я не надеялся отдохнуть. Я даже простил Луизе, что ей хватило глупости послушать Уилла и не поменять ему трубки. А я был ужасно зол, можете мне поверить. Так что все выглядело замечательно, и я насвистывал, натягивая куртку и предвкушая белый песок и синее море. Я даже прикидывал, не смогу ли заодно заглянуть домой в Окленд.

А потом я увидел их — миссис Трейнор стояла у задней двери, а Лу собиралась уходить. Не знаю, о чем они только что беседовали, но обе выглядели мрачно.

Я услышал только последнюю фразу, но, если честно, мне хватило.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, Луиза.

— Ты что?

Мы были на холмах за городом, когда я ему сообщила. Патрик преодолел половину шестнадцатимильного забега и хотел, чтобы я ехала за ним на велосипеде и следила за временем. Я ездила на велосипеде чуть хуже, чем разбиралась в физике элементарных частиц, и потому постоянно виляла куда-то в сторону и ругалась, а Патрик сердито кричал. Вообще-то, он хотел пробежать двадцать четыре мили, но я сказала, что мой зад этого не выдержит и к тому же один из нас должен запастись на неделю продуктами, когда мы вернемся домой. У нас закончилась зубная паста и растворимый кофе. Кстати, кофе пила только я. Патрик предпочитал травяной чай.

Когда мы поднялись на вершину Шипкоут-Хилл, я задыхалась, мои ноги были тяжелыми, как свинец, и я решила, что самое время признаться. У нас еще десять миль до возвращения домой, и к Патрику успеет вернуться хорошее настроение.

— Я не еду на «Викинг экстрим».

Он не остановился, но подбежал ближе. Повернулся ко мне лицом, не переставая перебирать ногами, и вид у него был настолько шокированный, что я едва не въехала в дерево.

— Что? Почему?

— Я... работаю.

Он снова повернулся к дороге и набрал скорость. Мы начали спускаться с холма, и мне пришлось немного притормозить, чтобы не обогнать его.

— И когда ты это узнала?

На его лбу блестели капельки пота, на лодыжках выпирали сухожилия. Я не могла смотреть на них слишком долго — начинала вилять.

— В выходные. Просто хотела удостовериться.

— Но мы заказали тебе билеты и все остальное.

— Это всего лишь «Изиджет».^[62] Я верну тебе тридцать девять фунтов, если хочешь.

— Дело не в деньгах. Я думал, ты поедешь, чтобы поддержать меня. Ты ведь сказала, что поедешь для этого.

Патрик умел дуться. Когда мы только начали встречаться, я дразнила его за это. Называла ворчливым старикашкой. Я так хохотала, а он так

злился, что обычно прекращал дуться, только чтобы я замолчала.

— Да ладно. Разве я тебя сейчас не поддерживаю? Я ненавижу велосипед, Патрик. Ты и сам это знаешь. Но я тебя поддерживаю.

Мы пробежали еще милю, прежде чем он открыл рот. Возможно, мне только казалось, но топот Патрика по дороге словно приобрел мрачный и решительный оттенок. Мы высоко поднялись над нашим маленьким городком, я задыхалась, когда дорога вела в гору, и безуспешно пыталась унять сердцебиение всякий раз, когда мимо проезжала машина. Я ехала на старом мамином велосипеде — Патрик не позволял мне даже приближаться к своему гоночному скакуну, — а у него не было передач, так что я часто отставала.

Патрик обернулся и чуть притормозил, чтобы я могла поравняться.

— И чем плоха сиделка из агентства? — спросил он.

— Из агентства?

— Трейнеры вполне могут взять сиделку из агентства. Я хочу сказать, ты работаешь на них уже шесть месяцев и имеешь право отдохнуть.

— Все не так просто.

— Я не понимаю почему. В конце концов, ты поступила на работу, ничего не умея.

Я затаила дыхание. Это было довольно сложно, учитывая, что я совершенно запыхалась от езды.

— Потому что он едет в путешествие.

— Что?

— Он едет в путешествие. И мы с Натаном должны ему помочь.

— Натан? Какой еще Натан?

— Сиделка-медик. Парень, которого ты видел, когда Уилл приходил в гости к маме.

Я видела, как Патрик размышляет об этом. Он вытер пот с глаз.

— Можешь не спрашивать, — добавила я, — между мной и Натаном ничего нет.

Он замедлил шаг и долго смотрел на асфальт, пока практически не забежал на месте.

— Что происходит, Лу? Я не вижу... Я больше не вижу границы между твоей работой и... — пожал он плечами, — и нормой.

— Это не обычная работа. Ты и сам знаешь.

— Но Уилл Трейнор, похоже, стал для тебя важнее всего.

— А это нет? — Я отпустила руль велосипеда и указала на его бегущие ноги.

— Это другое. Он зовет, и ты прибегаешь.

— А ты идешь бегать, и я иду бегать, — попыталась улыбнуться я.

— Очень смешно, — улыбнулся он.

— Шесть месяцев, Пат. Шесть месяцев. В конце концов, не ты ли хотел, чтобы я согласилась на эту работу? А теперь выговариваешь за то, что я отношусь к ней слишком серьезно?

— Мне не кажется... что дело в работе... Просто я... я думаю, что ты чего-то недоговариваешь.

Я помедлила, чуть дольше, чем следовало.

— Вовсе нет.

— Но ты не едешь на «Викинг».

— Я же сказала, я...

Патрик чуть покачал головой, как будто плохо меня расслышал. Затем побежал прочь по дороге. По его закаменевшей спине было видно, насколько он зол.

— Да ладно, Патрик. Может, остановимся ненадолго и все обсудим?

— Нет. Я испорчу себе время, — упрямо ответил он.

— Тогда давай остановим часы. Всего на пять минут.

— Нет. Я должен бегать в реальных условиях. — Он побежал быстрее, словно получил толчок.

— Патрик? — Внезапно я рванула за ним. Нога соскользнула с педали, я выругалась и пнула педаль назад, чтобы попробовать снова. — Патрик? Патрик! — Я смотрела на его затылок, и слова вылетели сами собой: — Ладно. Уилл хочет умереть. Он хочет покончить жизнь самоубийством. И это путешествие — моя последняя попытка заставить его передумать.

Патрик сбавил ход, а потом и вовсе остановился с прямой спиной, все еще не глядя на меня. Медленно обернулся. Наконец-то он перестал бежать.

— Повтори.

— Уилл хочет отправиться в «Дигнитас». В августе. Я пытаюсь заставить его передумать. Это мой последний шанс.

Патрик смотрел на меня, как будто не знал, верить или нет.

— Я знаю, это звучит невероятно. Но я должна заставить его передумать. Поэтому... поэтому я не могу поехать на «Викинг».

— Почему ты не рассказала мне раньше?

— Его семья взяла с меня обещание никому не рассказывать. Им пришлось бы тяжело, если бы все узнали. Очень тяжело. Послушай, даже он не знает, что я в курсе. Это очень... запутанная история. Прости. — Я протянула ему руку. — Я рассказала бы, если бы могла.

Патрик не ответил. Он выглядел раздавленным, как будто я сделала

что-то ужасное. Он слегка нахмурился и дважды с трудом сглотнул.

— Пат...

— Нет. Просто... просто я побегу дальше, Лу. Один. — Он провел рукой по волосам. — Хорошо?

— Хорошо, — прочистив горло, ответила я.

Мгновение казалось, что Патрик забыл, как мы вообще здесь очутились. Затем он снова тронулся с места, и я смотрела, как он исчезает вдали, решительно глядя вперед и поглощая с каждым шагом дорогу.

На следующий день после возвращения со свадьбы я отправила в Интернете запрос:

Кто-нибудь знает хорошее место, где есть приключения для квадриплегики? Я ищу варианты, которые подходят и для здоровых людей и могут заставить моего приунывшего друга на время забыть, что его жизнь несколько ограничена.

Я толком не знаю, на что надеюсь, но буду благодарна за любые предложения. Это довольно срочно.

Трудолюбивая Пчелка.

Зайдя на сайт, я в изумлении уставилась на экран. Восемьдесят девять ответов! Я прокрутила экран вверх и вниз, не в силах поверить, что все это отклики на мою просьбу. Затем оглянулась на других пользователей компьютера. Вот бы кто-нибудь посмотрел на меня — я бы ему рассказала! Восемьдесят девять ответов! На один-единственный вопрос!

Мне поведали о банджи-джампинге^[63] для квадриплегики, о плавании, гребле и даже верховой езде с помощью специальной рамы. Когда я посмотрела видеоролик по ссылке, то немного расстроилась, что Уилл терпеть не может лошадей. Но выглядело это потрясающе.

Еще мне предложили плавание с дельфинами и подводное плавание с помощниками. Специальные надувные кресла позволяли отправиться на рыбалку, а адаптированные квадроциклы — на прогулку по пересеченной местности. Многие прислали фотографии и видеоролики, как они сами участвуют в подобных развлечениях. Несколько человек, в том числе Ричи, вспомнили мои предыдущие сообщения и спросили, как у Уилла дела.

Это похоже на хорошую новость. Ему полегчало?

Я быстро ответила:

Возможно. Но надеюсь, что это путешествие все изменит.

Ричи ответил:

Так держать, девочка! Если ты нашла средства, преград нет!

Скутерша написала:

Обязательно опубликуй его фото в банджи-сбруе. Парни ужасно смешные, когда висят вниз головой!

Я обожала этих людей — квадриплегики и их сиделок — за их отвагу, великодушие и воображение. В тот вечер я два часа записывала присланные мне предложения, ходила по ссылкам на проверенные сайты и даже переговорила кое с кем в чате. Уходя, я уже знала, куда мы поедem: в Калифорнию, на «Ранчо четырех ветров», специализированный центр, предлагающий квалифицированную помощь «таким образом, что вы забудете, что вам вообще нужна помощь», если верить их сайту. Само ранчо, приземистое бревенчатое сооружение на лесной поляне неподалеку от Йосемитского парка, построил бывший каскадер, не желавший признавать, что травма позвоночника ограничивает его возможности, и гостевая книга сайта была переполнена восторженными и благодарными отзывами отдыхающих, которые клялись, что он изменил их отношение к своей инвалидности... и к самим себе. По меньшей мере шесть завсегдатаев чата побывали на ранчо, и все они утверждали, что этот опыт перевернул их жизнь.

Ранчо обладало не только необходимыми для инвалидов приспособлениями, но и всеми атрибутами роскошного отеля. Утопленные в землю ванны с не приметными подъемниками и квалифицированные массажисты. Опытные врачи и кинотеатр с местами для инвалидов кресел позади обычных мест. Оборудованная подъемником ванна с подогревом под открытым небом, в которой можно сидеть и смотреть на звезды. Мы проведем здесь неделю, а потом еще несколько дней на море, в гостиничном комплексе, где Уилл сможет плавать и любоваться изрезанным побережьем. Но самое главное, я придумала кульминацию незабываемого отдыха — затяжной прыжок с парашютом при помощи инструкторов, обученных помогать квадриплегикам. У них есть специальное оборудование, чтобы прицепить к себе Уилла — похоже, самое главное, — закрепить ноги, чтобы колени не взлетели и не ударили в

лицо.

Я покажу ему гостиничный проспект, но рассказывать о прыжке не стану. Просто приеду на место вместе с ним и посмотрю, как он прыгает. На несколько драгоценных минут Уилл станет невесомым и свободным. Он покинет ненавистное кресло. Он преодолеет силу тяжести.

Я распечатала все сведения и положила листок наверх. Каждый раз при виде него во мне нарастало возбуждение — как при мысли о моем первом в жизни дальнем путешествии, так и при мысли, что это может оказаться то, что надо.

И сможет заставить Уилла передумать.

На следующее утро, когда мы вдвоем с Натаном, словно два подпольщика, горбились над кофе на кухне, я показала ему результаты. Он пролистал бумаги, которые я распечатала.

— Я поговорила с другими квадриплегиками о прыжках с парашютом. Нет никаких медицинских причин, чтобы ему отказать. И о банджиджампинге. Существует специальная сбруя, чтобы предотвратить любое давление на позвоночник.

Я с беспокойством изучала его лицо. Я знала, что Натан невысоко ценит мои медицинские способности. Сейчас мне было важно, чтобы он одобрил мои планы.

— На ранчо есть все, что может понадобиться. А если мы позвоним заранее и предъявим рецепт врача, нам даже купят любые непатентованные лекарства, чтобы под рукой был запас.

Натан нахмурился.

— С виду неплохо, — наконец сказал он. — Ты отлично поработала.

— Как по-твоему, ему понравится?

— Понятия не имею, — пожал он плечами. — Но... — Он вернул мне бумаги. — Ты частенько нас удивляла, Лу. — Его улыбка была лукавой и пробиралась на лицо откуда-то сбоку. — Почему бы тебе не удивить нас еще раз?

Я показала результаты миссис Трейнор вечером, перед возвращением домой.

Она только что затормозила на подъездной дорожке, и я помедлила, прежде чем подойти к ней так, чтобы меня не было видно из окна Уилла.

— Я знаю, это дорого, — сказала я. — Но... по-моему, это просто потрясающе. Мне кажется, что Уилл замечательно проведет время. Если... если вы понимаете, о чем я.

Миссис Трейнор молча просмотрела бумаги, а затем изучила

подсчеты.

— Я могу заплатить за себя сама. За питание и проживание. Не хочу, чтобы кто-то подумал...

— Все в порядке, — перебила миссис Трейнор. — Делайте, что должны. Если вы считаете, что сможете отвезти его туда, — бронируйте. — (Я уловила подтекст ее слов: «Время на исходе».) — Как вы думаете, вы сможете его уговорить? — спросила она.

— Ну... если я... если я сделаю вид, что это... — Я прокашлялась. — Пойдет и мне на пользу. Уилл считает, я беру от жизни слишком мало. Постоянно говорит, что я должна путешествовать. Должна... что-то делать.

Миссис Трейнор внимательно посмотрела на меня. Потом кивнула:

— Да. Это похоже на Уилла. — Она вернула бумаги.

— Я... — Я вдохнула и, к своему удивлению, обнаружила, что не могу говорить. И дважды с трудом сглотнула. — То, что вы сказали в прошлый раз. Я...

Похоже, миссис Трейнор не собиралась ждать, пока я договорю. Она наклонила голову и вцепилась тонкими пальцами в цепочку.

— Да... Что ж, пойду в дом. До завтра. Сообщите, что он ответит.

Я не поехала к Патрику, как собиралась. Что-то увело меня прочь от промышленной зоны, я пересекла дорогу и села на автобус домой. Прошла сто восемьдесят шагов и открыла дверь. Вечер выдался теплым, и окна были распахнуты в попытке поймать ветерок. Мама, напевая, готовила на кухне. Папа сидел на диване с чашкой чая, дедушка дремал в кресле, свесив голову набок. Томас старательно разрисовывал свои ботинки черным фломастером. Я поздоровалась и поднялась наверх. Удивительно — прошло совсем мало времени, а я уже чувствую себя чужой.

Трина работала в моей комнате. Я постучала в дверь, вошла и обнаружила ее сторбленной над грудой учебников, а на носу у нее красовались незнакомые очки. Странно было видеть ее в окружении вещей, которые я выбирала для себя. Стены, которые я так старательно красила, уже были завешаны рисунками Томаса, а след от его фломастера по-прежнему красовался на углу моих жалюзи. Мне пришлось собраться с мыслями, чтобы отогнать инстинктивную обиду.

Трина обернулась через плечо.

— Мама зовет? — посмотрев на настенные часы, спросила она. — Я думала, она собирается кормить Томаса полдником.

— Да. Он ест рыбные палочки.

Трина перевела взгляд на меня и сняла очки:

— С тобой все в порядке? Выглядишь отвратительно.

— Как и ты.

— Знаю. Я села на дурацкую очищающую диету. У меня от нее крапивница. — Сестра коснулась подбородка.

— Тебе не нужна диета.

— Угу! Ну... мне нравится один парень с бухгалтерского учета повышенной сложности. Я подумала, что стоит приложить немного усилий. Крапивница на лице лучшее украшение девушки.

Я села на кровать, застеленную моим одеялом. Я знала, что Патрику оно не понравится из-за безумного геометрического узора. Странно, что Катрине понравилось.

— Итак, что происходит? — Она закрыла книгу и откинулась на спинку стула.

Я прикусила губу, и ей пришлось спросить еще раз.

— Трин, как ты думаешь, я могу пройти переобучение?

— Переобучение? На кого?

— Не знаю. Что-нибудь, связанное с модой. Дизайном. Или просто пошивом.

— Ну... курсов хватает. В моем универе точно какие-то есть. Могу разузнать, если хочешь.

— Но на них берут людей вроде меня? Людей без какой-либо квалификации?

Трина бросила ручку в воздух и поймала.

— Они просто обожают студентов-переростков. Особенно студентов-переростков, доказавших свое трудолюбие. Возможно, тебе придется пройти курсы переподготовки, в этом есть смысл. А почему ты спрашиваешь? Что происходит?

— Я не знаю. Просто Уилл однажды сказал кое-что. О том... о том, что мне делать со своей жизнью.

— И?

— И я все думаю... возможно, настало время пойти по твоим стопам. Теперь, когда папа снова работает, возможно, не только из тебя может выйти толк?

— Тебе понадобятся деньги.

— Я знаю. Я откладываю.

— Мне кажется, это стоит больше, чем ты смогла отложить.

— Я могу подать заявку на грант. Или взять в долг. И я отложила достаточно, чтобы продержаться первое время. Я познакомилась с одной женщиной, членом парламента. Она сказала, у нее есть связи с агентством,

которое может мне помочь. И дала свою визитную карточку.

— Погоди. — Катрина покрутилась на стуле. — Я чего-то не понимаю. Я считала, ты хочешь остаться с Уиллом. Я считала, весь смысл в том, чтобы он продолжал жить, а ты — работать у него.

— Да, но... — Я уставилась в потолок.

— Что «но»?

— Это сложно.

— Как и количественное смягчение.^[64] Но я все равно поняла, что это печатание денег.

Трина встала со стула, закрыла дверь спальни и понизила голос, чтобы снаружи не слышали.

— Ты думаешь, что проиграешь? Думаешь, он собирается?..

— Нет, — поспешно сказала я. — То есть надеюсь, что нет. У меня есть планы. Обширные планы. Я тебе потом покажу.

— Но...

— Но мне нравится Уилл. — Я вытянула руки над головой и переплела пальцы. — Очень нравится.

Трина изучала меня с задумчивым выражением лица. Нет ничего страшнее, чем задумчивое лицо моей сестры, когда она смотрит прямо на тебя.

— Вот черт...

— Только не...

— Это становится интересным, — сказала она.

— Я знаю. — Я опустила руки.

— Тебе нужна работа. Чтобы...

— Так мне сказали другие квадриплегики. Я говорила с ними на форуме. Совмещать невозможно. Нельзя быть одновременно сиделкой и... — Я закрыла лицо руками. Я чувствовала на себе ее взгляд.

— Он знает?

— Нет. Даже не уверена, что я сама знаю. Просто я... — Я бросилась на кровать лицом вниз. От белья пахло Томасом. И немного — бутербродной пастой «Мармит». — Я знаю только, что мне все время хочется быть с ним, а не с кем-то еще.

— Включая Патрика.

Вот и правда, в которой я не смела признаться даже себе. Мои щеки вспыхнули.

— Да, — сказала я в одеяло. — Иногда — да.

— Черт! — через минуту выругалась сестра. — А я думала, только мне нравится усложнять себе жизнь.

Она легла на кровать рядом со мной, и мы обе уставились в потолок. Внизу фальшиво насвистывал дедушка, а Томас бубнил и стучал о плинтус машинкой с дистанционным управлением. Мои глаза почему-то наполнились слезами. Через минуту сестра обняла меня.

— Совсем рехнулась, — сказала она, и мы обе засмеялись.

— Не волнуйся, — ответила я, вытирая лицо. — Я не собираюсь делать никаких глупостей.

— Хорошо. Потому что чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что все дело в яркости переживаний. Это не реальность, а мелодрама.

— Что?

— Ну, в конце концов, это вопрос жизни и смерти, ведь ты прикована к Уиллу, прикована к его роковой тайне. Это не могло не создать иллюзии близости. Или же у тебя загадочный комплекс Флоренс Найтингейл.

— Она тут ни при чем, можешь мне поверить.

Мы лежали и смотрели в потолок.

— Но это отдает безумием — влюбиться в человека, который не может... ну... ответить на твои чувства. Возможно, это просто паническая реакция на то, что вы с Патриком наконец съехались.

— Я знаю. Ты права.

— И вы давно вместе. Вполне естественно увлекаться другими людьми.

— Особенно когда Патрик только и думает, что о марафонах.

— И ты можешь снова разозлиться на Уилла. В смысле, я помню, как ты считала его козлом.

— И до сих пор иногда считаю.

Сестра достала платок и промокнула мне глаза. Затем потерла меня по щеке:

— При таком раскладе идея с колледжем отличная. Потому что, скажем прямо, очокуится Уилл или нет, тебе все равно понадобится нормальная работа. Ты же не будешь сиделкой до конца своих дней.

— Уилл не очокуится, как ты выразилась. Он... с ним все будет хорошо.

— Конечно.

Мама звала Томаса. Мы слышали, как она напевает на кухне: «Томас! Том-Том-Томас...»

— Ты собираешься к Патрику сегодня? — потеряв глаза, вздохнула Трина.

— Да.

— Не хочешь пропустить пару кружек в «Пятнистой собаке» и показать свои планы? Я попрошу маму уложить Томаса спать. Идем, ты вполне способна меня угостить, раз у тебя достаточно денег на колледж.

К Патрику я вернулась в четверть десятого.

Как ни странно, мои планы на выходные были полностью одобрены Катриной. Она даже не стала добавлять, как обычно: «Да, но будет еще лучше, если ты...» В какой-то момент мне показалось, что она поддакивает просто из вежливости, ведь я явно слетела с катушек. Но ведь она говорила: «Поверить не могу, что ты это нашла! Обязательно сделай кучу фоток, когда он будет прыгать с тросом» и «Представляю его лицо, когда ты скажешь о затычном прыжке! Это будет потрясающе!».

Со стороны, наверное, казалось, что мы две подружки, которые обожают друг друга.

Погруженная в раздумья, я тихо вошла в дом. Окна были темными, и я решила, что Патрик в рамках своей интенсивной подготовки лег спать пораньше. Я бросила сумку на пол в коридоре и толкнула дверь гостиной. Очень мило с его стороны оставить мне свет.

И тут я его увидела. Он сидел за столом, накрытым на двоих, на котором мерцала свеча. Я закрыла за собой дверь, и Патрик встал. Свеча догорела до половины.

— Прости, — сказал он. Я уставилась на него. — Я был идиотом. Ты права. Эта твоя работа всего на шесть месяцев, а я вел себя как ребенок. Я должен гордиться, что ты делаешь такое важное дело и относишься к нему очень ответственно. Просто я немного... расстроился. Прости меня. Пожалуйста. — Он протянул руку. Я приняла ее. — Хорошо, что ты пытаешься помочь ему. Это достойно восхищения.

— Спасибо. — Я сжала его ладонь.

Патрик сделал короткую паузу, как будто успешно справился с отрепетированной речью.

— Я приготовил ужин. Боюсь, это снова салат. — Он открыл холодильник и достал две тарелки. — Обещаю, мы закатим пир горой в ресторане, когда «Викинг» закончится. Или когда я устрою углеводную загрузку. Просто я... — Он надул щеки и выдохнул. — Наверное, в последнее время я ни о чем другом не думал. Видимо, проблема в этом. И ты права. Ты вовсе не обязана ездить со мной. Это мое дело. Ты можешь остаться и работать, если хочешь.

— Патрик... — начала я.

— Я не хочу с тобой спорить, Лу. Ты простишь меня? — Он тревожно

смотрел на меня, и от него пахло одеколоном. Эти два факта медленно наваливались на меня, словно тяжелый груз. — В любом случае садись. Поедим, а потом... ну, не знаю. Пообщаемся. Поговорим о чем-нибудь еще. Не о беге. — Он выдавил смешок.

Я села и посмотрела на стол. И улыбнулась.

— Очень мило, — заметила я.

Патрик и правда умеет приготовить сто одно блюдо из индюшачьей грудки.

Мы съели овощной салат, салат с пастой, салат с морепродуктами и экзотический фруктовый салат, приготовленный на десерт. Я пила вино, Патрик ограничился минеральной водой. Не сразу, но мы начали расслабляться. И передо мной появился Патрик, которого я давно не видела. Он был забавным, внимательным. Он строго следил за собой, и не говорил ничего о беге или марафонах, и смеялся, когда разговор сворачивал на эту тему. Его колено коснулось моего под столом, наши ноги переплелись, и тугой и неприятный комок в груди постепенно начал рассасываться.

Сестра права. Моя жизнь стала странной, я отдалилась от родных и знакомых. Положение Уилла и его тайны поглотили меня. Еще немного — и я бы себя потеряла.

Я начала испытывать угрызения совести из-за разговора с сестрой. Патрик не позволил мне встать, даже чтобы помочь с посудой. В четверть двенадцатого он поднялся, отнес тарелки и миски на кухню и начал загружать посудомоечную машину. Я сидела, беседовала с ним через порог и потирала место, где шея переходит в плечо, разминая узлы, которые, похоже, прочно там обосновались. Я закрыла глаза, пытаюсь расслабиться, и потому только через несколько минут поняла, что разговор оборвался.

Я открыла глаза. Патрик стоял на пороге и держал мою папку с материалами о поездке. Он поднял пару листков.

— Что это?

— Это... путешествие. О котором я тебе говорила.

Я смотрела, как он листает бумаги, которые я показывала сестре, изучая маршрут, фотографии, калифорнийский пляж.

— Я думал... — Когда он снова заговорил, казалось, его кто-то душит. — Я думал, ты имела в виду Лурд.

— Что?

— Или... ну, не знаю... Сток-Мандевилл...^[65] или что-то еще. Я думал, когда ты сказала, что не можешь поехать, потому что должна ему помогать, то имела в виду настоящую работу. Физиотерапию, исцеление

верой и так далее. А это похоже... — недоверчиво покачал головой он. — Это похоже на лучший отдых на свете.

— Ну... в некотором роде. Но не для меня. Для него.

Патрик поморщился.

— Нет... — покачал он головой. — Тебе это совсем не понравится. Горячие ванны под звездами, плавание с дельфинами... А, вот, «пятизвездочная роскошь» и «круглосуточное обслуживание номеров». — Он посмотрел на меня. — Это не рабочая поездка. Это чертов медовый месяц.

— Так нечестно!

— А это — честно? Ты... ты правда думаешь, что я буду сидеть и смотреть, как ты отчаливаешь с другим мужчиной в такой отпуск?

— Его сиделка тоже едет.

— А! Да, Натан. Это, конечно, все меняет.

— Патрик, прекрати... Все очень сложно.

— Так объясни мне. — Он сунул мне бумаги. — Объясни мне, Лу. Объясни так, чтобы я смог понять.

— Мне важно, чтобы Уилл хотел жить и верил, что в будущем его ждет что-то хорошее.

— Например, ты?

— Перестань! Послушай, я хоть раз просила тебя бросить любимую работу?

— Я не принимаю на работе горячие ванны с чужими мужчинами.

— Если что, я не против. Можешь принимать горячие ванны с чужими мужчинами! Хоть каждый день. Ради бога! — попыталась улыбнуться я в надежде, что Патрик тоже улыбнется.

Но он не улыбался.

— А ты что почувствовала бы, Лу? Что ты почувствовала бы, если бы я сказал, что еду на какую-нибудь фитнес-конференцию с... ну, не знаю... Линн из «Титанов триатлона», потому что ей нужна поддержка?

— Поддержка? — Я вспомнила Линн с ее разлетающимися от малейшего ветерка светлыми волосами и безупречными ногами и рассеянно задумалась, почему он привел в пример именно ее.

— И что ты почувствовала бы, если бы я сказал, что мы будем ходить с ней по ресторанам и, возможно, принимать горячие ванны и проводить вместе дни? В каком-нибудь месте за шесть тысяч миль отсюда, только потому, что ей немного взгрустнулось. Ты правда была бы не против?

— Ему не «немного взгрустнулось», Пат. Он хочет покончить с собой. Хочет отправиться в «Дигнитас» и оборвать свою чертову жизнь. — Кровь

шумела у меня в ушах. — И твое сравнение никуда не годится. Разве не ты назвал Уилла калекой? Разве не ты решил, что он совершенно безопасен? «Идеальный начальник, — сказал ты. — Беспокоиться не о чем».

Патрик положил папку обратно на стол:

— Знаешь, Лу... теперь я беспокоюсь.

Я на минуту закрыла лицо руками. В коридоре распахнулась пожарная дверь, раздались и стихли голоса за дверью квартиры.

Патрик медленно водил рукой по краям кухонных шкафчиков. На его подбородке билась жилка.

— Ты знаешь, что я чувствую, Лу? Как будто бегу, но чуть-чуть отстаю от других. Как будто... — глубоко вдохнул он, словно пытаюсь собраться с мыслями, — как будто за поворотом меня ждет что-то плохое и все вокруг знают, что именно, кроме меня. — Он посмотрел мне в глаза. — Мне не кажется, что я веду себя неразумно. Но я не хочу, чтобы ты ехала. Мне плевать, если ты не хочешь ехать на «Викинг», но я не хочу, чтобы ты отправилась в этот... этот отпуск. С ним.

— Но я...

— Мы встречаемся почти семь лет. А его ты знаешь пять месяцев. Пять месяцев на этой работе. Если ты намерена уехать с ним — это кое-что говорит о наших отношениях. О твоих чувствах.

— Нет! Ничего это о нас не говорит, — возразила я.

— Говорит, если, несмотря на мои слова, ты все равно собираешься ехать.

Маленькая квартирка вокруг нас, казалось, замерла. Патрик смотрел на меня с выражением, которого я никогда раньше не видела.

— Но он нуждается во мне, — смогла ответить я только шепотом.

В миг, когда мои слова закружились, меняясь местами в воздухе, я поняла, что почувствовала бы, если бы он сказал мне то же самое.

Патрик сглотнул и чуть-чуть покачал головой, как будто не сразу понял, о чем речь. Он опустил руку на край стола и посмотрел на меня:

— Что бы я ни сказал, это ничего не изменит, верно?

Еще одна черта Патрика. Он всегда оказывался умнее, чем я ожидала.

— Патрик, я...

Он закрыл глаза, всего на мгновение, повернулся и вышел из гостиной, оставив последнюю пустую тарелку на буфете.

Девчушка переехала в выходные. Уилл ничего не сказал ни Камилле, ни мне, но в субботу утром я в пижаме пошел во флигель узнать, не нужна ли Уиллу помощь, поскольку Натан задерживался, и увидел, как она идет по коридору с миской хлопьев в одной руке и газетой в другой. Заметив меня, она покраснела. Не знаю почему — на мне был халат, все более чем прилично. Помнится, я еще подумал, что когда-то ничуть не удивлялся при виде хорошеньких крошек, крадущихся из спальни Уилла по утрам.

— Я только принес Уиллу почту. — Я помахал письмами.

— Он еще не встал. Позвать его? — Она заслонила газетой. На ней была футболка с Минни-Маус и расшитые штаны, какие носят китайки в Гонконге.

— Нет-нет. Раз он еще спит. Пусть отдыхает.

Когда я рассказал Камилле, я думал, она обрадуется.

В конце концов, она так злилась, когда девчонка съехала со своим парнем. Но она только слегка удивилась, а затем привычно напряглась, воображая всевозможные нежелательные последствия. Она ничего не говорила, но я был совершенно уверен, что она не в восторге от Луизы Кларк. А впрочем, кого она одобряла в последнее время? Ее мнение по умолчанию застряло на «Отклонить».

Мы так и не докопались, что заставило Луизу остаться, — Уилл сказал только, что «семейные обстоятельства», — но она была трудолюбивой штучкой. Всегда либо ухаживала за Уиллом, либо носилась, прибираясь, по дому, либо пулей летала в бюро путешествий или библиотеку и обратно. Я заметил бы ее где угодно, такой броской она была. Одевалась ярче всех, кого я знал за пределами тропиков, — в короткие платья чистых цветов и странные туфли.

Я сказал бы Камилле, что с ней в доме стало светлее. Но я не мог больше отпускать при жене подобные замечания.

Очевидно, Уилл разрешил ей пользоваться своим компьютером, но она отказалась, предпочтя библиотечный. То ли опасалась обвинений в злоупотреблении служебным положением, то ли просто не хотела, чтобы он видел, чем она занимается.

Как бы то ни было, Уилл явно веселел, когда она была рядом. Пару раз

я подслушал их разговоры, долетавшие в открытое окно, и совершенно уверен, что Уилл смеялся. Я поговорил с Бернардом Кларком, просто чтобы убедиться, что его все устраивает, и он рассказал, что им пришлось нелегко, поскольку она порвала со своим давним бойфрендом и атмосфера в доме была напряженная. Он также упомянул, что она подала заявление на какие-то курсы переквалификации, чтобы продолжить обучение. Я решил не рассказывать Камилле. Не хотел, чтобы она стала размышлять на эту тему. Уилл говорил, что девчонка увлекается модой и тому подобными штучками. Несомненно, она хорошенькая и с отличной фигурой, но, если честно, не представляю, кто захочет покупать вещи в ее стиле.

Вечером в понедельник она попросила нас с Камиллой и Натаном зайти во флигель. На столе лежали брошюры, расписания, страховки и распечатки из Интернета. Каждому было приготовлено по копии в прозрачной пластиковой папке. Организация была ужасно скрупулезной.

Она сказала, что хочет ознакомить нас со своими планами на отдых. Она предупредила Камиллу, что представит все так, будто старается только ради себя, но я все равно заметил, как похолодел взгляд жены, когда малышка расписала, что именно заказала.

Это было потрясающее путешествие, которое, похоже, включало все сорта нестандартных занятий, которые Уилл вряд ли пробовал даже до несчастного случая. Но каждый раз, упоминая что-либо — сплав по бурной реке, банджи-джампинг и так далее, — она показывала Уиллу фотографии молодых инвалидов, занимающихся тем же самым, и говорила: «Если я и вправду должна все это попробовать, как вы говорите, вы обязаны составить мне компанию».

Должен признаться, она меня изрядно впечатлила. Находчивая крошка!

Уилл слушал ее, и я видел, что он читает документы, которые она разложила перед ним.

— Откуда вы все это узнали? — наконец спросил он.

— Знание — сила, Уилл, — подняв брови, сказала она.

И мой сын улыбнулся, как будто она отпустила остроумное замечание.

— Итак... — произнесла Луиза, когда вопросы закончились. — Мы уезжаем через восемь дней. Вы довольны, миссис Трейнор? — В ее голосе прозвучал легкий вызов, как будто она подстрекала Камиллу ответить «нет».

— Если вы все этого хотите, я не против, — ответила Камилла.

— Натан? Ты не передумал?

— Держите карман шире.

— И... Уилл?

Все посмотрели на него. Не так давно о любом из этих занятий нельзя было и помыслить. Не так давно Уилл с удовольствием ответил бы «нет», только чтобы расстроить мать. Он всегда был таким, наш сын: запросто мог поступить неправильно, лишь бы не подумали, будто он подчинился. Не знаю, откуда она взялась, эта тяга к ниспровержению. Возможно, именно благодаря ей он был столь успешен на переговорах.

Уилл посмотрел на меня с непроницаемым видом, и у меня свело челюсть. Затем посмотрел на девушку и улыбнулся.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Мне не терпится посмотреть, как Кларк ныряет в порог.

Девчонка сразу выдохнула — от облегчения, — как будто ожидала, что он скажет «нет».

Забавно... По правде говоря, когда она только пробралась в нашу жизнь, я не вполне ей доверял. Уилл, несмотря на все свое буйство, был уязвим. Я побаивался, что им будут манипулировать. Несмотря ни на что, он богатый молодой человек, и когда поганка Алисия сбежала с его другом, он почувствовал себя никчемным — как и любой на его месте.

Но я видел, что Луиза смотрит на него со странной смесью гордости и благодарности, и внезапно я безмерно обрадовался, что она рядом. Мы никогда не говорили об этом вслух, но мой сын оказался в самом беспомощном положении. Что бы она ни делала, похоже, это давало ему передышку.

Несколько дней в доме стоял слабый, но отчетливо праздничный дух. Камилла исполнилась тихой надежды, хотя не желала этого признавать. Я понимал подтекст: в конце концов, что именно нам праздновать? Я слышал, как она поздно вечером разговаривает с Джорджиной по телефону, подбирая оправдания принятому решению. Джорджина вся в мать: уже изобретала способы, какими Луиза может использовать положение Уилла к своей выгоде.

— Она предложила заплатить за себя, Джорджина, — возразила Камилла. — Нет, дорогая. Полагаю, выбора нет. Время на исходе, и Уилл согласился, так что мне остается только надеяться на лучшее. Полагаю, тебе следует делать то же самое.

Я знал, чего ей стоит защищать Луизу, даже просто быть с ней любезной. Но она терпела девчонку, зная, как и я, что Луиза — наш единственный шанс сделать сына хотя бы отчасти счастливым.

Мы не говорили об этом вслух, но Луиза Кларк стала нашей единственной надеждой сохранить ему жизнь.

Прошлым вечером я зашел выпить с Деллой. Камилла навещала сестру, поэтому на обратном пути мы решили прогуляться вдоль реки.

— Уилл едет отдыхать, — сказал я.

— Замечательно, — откликнулась она.

Бедная Делла. Я видел, как она борется с инстинктивной потребностью спросить о нашем будущем, обсудить, как этот неожиданный поворот может повлиять на него. Вряд ли она когда-нибудь осмелится. Не раньше, чем все разрешится.

Мы шли, любуясь лебедями, улыбались туристам, которые катались на лодках под ранним вечерним солнцем, и Делла рассуждала о том, что путешествие может оказаться просто чудесным и показать Уиллу, что он начинает привыкать к своему положению. Очень мило с ее стороны, учитывая, что в некоторых отношениях у нее есть все основания надеяться на печальный исход. В конце концов, именно несчастный случай с Уиллом нарушил наши планы жить вместе. Она может втайне надеяться, что однажды ответственность за Уилла спадет с моих плеч и я стану свободен.

Я шел рядом с ней, чувствовал ее руку на своем локте, слушал бубнящий голос. Я не мог сказать ей правду — правду, которую знала только горсточка из нас. Если девчонка потерпит поражение со своими ранчо, банджи-джампингом, горячими ваннами и так далее, парадоксально, но она меня освободит. И тогда, если Уилл в конце концов решит, что все же хочет отправиться в это дьявольское место в Швейцарии, я смогу бросить семью.

Я знал это, и Камилла знала. Даже если мы не признавались самим себе. Только смерть сына позволит мне жить собственной жизнью.

— Не надо. — Она заметила выражение моего лица.

Милая Делла. Она всегда знает, о чем я думаю.

— Это хорошая новость, Стивен. Правда. Возможно, это начало новой, независимой жизни Уилла.

Я накрыл ее ладонь своей. Мне не хватало смелости признаться, что я думаю на самом деле. И не хватало смелости ее отпустить... а может, и свою жену тоже.

— Ты права. — Я заставил себя улыбнуться. — Давай надеяться, что он вернется, переполненный впечатлениями о канатах и прочих ужасах, которыми молодые люди щекочут друг другу нервы.

— Смотри, как бы он не захотел устроить что-нибудь в замке. — Она пихнула меня в бок.

— Сплав по бурному рву? — предположил я. — Неплохое развлечение

для следующего летнего сезона.

Захваченные этой невероятной картиной, мы хихикали всю дорогу до лодочного сарая.

А потом Уилл подхватил пневмонию.

Я вбежала в отделение интенсивной терапии. Из-за спутанного плана больницы и врожденного отсутствия какого-либо внутреннего компаса я искала реанимацию целую вечность. Пришлось спросить три раза, прежде чем меня направили в нужную сторону. Наконец я, задыхаясь и ловя ртом воздух, распахнула двери отделения С-12 и увидела в коридоре Натана, который сидел и читал газету. Он поднял взгляд, когда я вошла.

— Как он?

— На кислороде. Стабилен.

— Я не понимаю. В пятницу вечером он был здоров. В субботу утром немного кашлял, но... но это? Что случилось?

Мое сердце колотилось. Я на мгновение присела, пытаюсь перевести дыхание. Мне пришлось немало побегать, после того как я часом раньше получила эсэмэску от Натана. Он сел прямо и сложил газету.

— Это не в первый раз, Лу. В его легкие попадают бактерии, механизм кашля не работает как надо, и здоровье ухудшается час от часу. В субботу днем я пытался применить кое-какие технологии очистки, но ему было слишком больно. Резко поднялась температура, закололо в груди. Вечером пришлось вызвать «скорую».

— Черт! — Я согнулась пополам. — Черт, черт, черт! Можно мне зайти?

— Он почти ничего не соображает. Не уверен, что будет какой-нибудь толк. И у него сейчас миссис Ти.

Я оставила сумку Натану, протерла руки антибактериальным лосьоном и, толкнув дверь, вошла.

Уилл лежал посередине больничной койки, его тело было накрыто синим одеялом, подключено к капельнице и окружено разнообразными машинами, которые то и дело пищали. Его лицо частично заслоняла кислородная маска, а глаза были закрыты. Кожа выглядела серой, с голубовато-белым оттенком, от которого во мне что-то сжалось. Миссис Трейнор сидела рядом с сыном, положив ладонь на накрытую одеялом руку. Невидящим взглядом она смотрела на противоположную стену.

— Миссис Трейнор, — окликнула я.

Она вздрогнула и подняла глаза:

— А! Луиза.

— Как... как он?

Мне хотелось подойти и взять Уилла за вторую руку, но я не чувствовала себя вправе садиться. Я топталась у двери. Миссис Трейнор выглядела такой подавленной, что даже просто находиться в палате казалось неприличным.

— Немного лучше. Ему дали очень сильные антибиотики.

— Я... могу чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. Нам... нам остается только ждать. Примерно через час врач будет совершать обход. Надеюсь, он даст больше информации.

Мир словно остановился. Я постояла еще немного. Размеренный писк машин выжег ритм в моей голове.

— Может, подменить вас? Чтобы вы могли отдохнуть?

— Нет. Я предпочла бы остаться.

В глубине души я надеялась, что Уилл услышит мой голос. Надеюсь, что он откроет глаза под прозрачной пластиковой маской и пробормочет: «Кларк! Подойдите и сядьте, ради Христа. Хватит устраивать беспорядок».

Но он лежал совершенно безучастно.

Я вытерла лицо рукой.

— Вам... вам принести что-нибудь попить?

— Сколько времени? — Миссис Трейнор подняла глаза.

— Четверть десятого.

— Неужели? — покачала она головой, как будто не могла в это поверить. — Спасибо, Луиза. Это было бы... очень мило. Кажется, я здесь уже достаточно давно.

В пятницу я взяла выходной — отчасти из-за того, что Трейноры настаивали, но главным образом потому, что единственный способ получить заграничный паспорт — отправиться в Лондон на поезде и выстоять очередь на Петти-Франс. Я заскочила к ним домой вечером в пятницу, чтобы показать Уиллу свой трофей и убедиться, что его собственный паспорт не просрочен. Мне показалось, он немного притих, но в этом не было ничего необычного. Иногда он чувствовал себя хуже, иногда лучше. Я решила, что у него просто плохой день. Если честно, все мои мысли занимали планы нашего путешествия.

Утром в субботу мы с папой забрали мои вещи из дома Патрика, а днем я отправилась с мамой на главную улицу, чтобы приобрести купальник и другие необходимые для поездки вещи. В субботу и воскресенье я ночевала у родителей. Было тесновато, поскольку Трина и Томас тоже приехали. Утром в понедельник я встала в семь, чтобы успеть к Трейнорам к восьми. Я пришла и обнаружила, что дома никого нет, а передняя и задняя двери заперты. Записки не было. Стоя на переднем

крыльце, я три раза безуспешно звонила Натану. Телефон миссис Трейнор был переведен в режим голосовой почты. Наконец, когда я провела на ступеньках сорок пять минут, пришла эсэмэска от Натана:

Мы в окружной больнице. У Уилла пневмония.
Отделение С-12.

Натан ушел, и я просидела у палаты Уилла еще час. Полистала журналы, которые кто-то оставил на столе в лохматом 1982 году, затем достала из сумки книгу в мягкой обложке и попыталась читать, но не могла сосредоточиться.

Пришел врач, но я не осмелилась последовать за ним, пока мать Уилла была здесь. Когда он через пятнадцать минут вышел, миссис Трейнор тоже вышла. Возможно, она обратилась ко мне, потому что ей нужно было с кем-то поговорить, а, кроме меня, никого рядом не было. Так или иначе, она с огромным облегчением сообщила, что врач совершенно уверен: инфекция под контролем. Это оказался особенно вирулентный бактериальный штамм. Уиллу повезло, что он попал в больницу вовремя. Непроизнесенное «а не то» повисло в воздухе между нами.

— И что нам теперь делать? — спросила я.

— Ждать, — пожала плечами она.

— Принести вам поесть? Или посидеть с Уиллом, пока вы сходите пообедать?

На мгновение между мной и миссис Трейнор установилось что-то вроде взаимопонимания. Ее лицо чуть смягчилось, и без привычного жесткого выражения внезапно стало заметно, насколько безнадежно усталой она выглядит. Она словно постарела на десять лет за время, проведенное мной в их доме.

— Спасибо, Луиза, — поблагодарила она. — С удовольствием заскочу домой и переоденусь, если вы не против посидеть с ним. Мне не слишком хочется сейчас оставлять Уилла одного.

Когда она ушла, я заглянула в палату, закрыла за собой дверь и села рядом с ним. Он выглядел странно отсутствующим, как будто знакомый мне Уилл отправился в короткое путешествие, а здесь осталась только оболочка. Я мельком задумалась, не так ли люди умирают. Затем приказала себе не думать о смерти.

Я сидела, смотрела, как ползут стрелки часов, слушала редкие приглушенные голоса и тихий скрип шагов по линолеуму за дверью. Дважды заходила медсестра, проверяла какие-то уровни, нажимала какие-

то кнопки, мерила температуру, но Уилл даже не пошевелился.

— Он... с ним все в порядке? — спросила я.

— Он спит, — заверила она. — Пожалуй, сейчас это лучшее для него. Постарайтесь не беспокоиться.

Легко сказать. Но у меня было много времени, чтобы поразмыслить в этой больничной палате. Я думала об Уилле и о пугающей скорости, с которой он заболел. Думала о Патрике и о том, что, даже забрав свои вещи из его квартиры, открепив и скатав настенный календарь, сложив и упаковав одежду, которую я так старательно развесила в его шкафу и разложила в ящиках, я испытывала печаль, но не более. Ни тоски, ни потрясения, ничего, что положено испытывать, когда расстаешься с давним возлюбленным. Только спокойствие, легкую грусть и, возможно, чувство вины — как из-за своей роли в расставании, так и из-за того, что я не переживаю как следует. Я послала ему две эсэмэски, написав, что мне очень, очень жаль и что я надеюсь на его по-настоящему успешное выступление на «Викинг экстрим». Но он не ответил.

Через час я наклонилась, чуть отодвинула одеяло и посмотрела на руку Уилла, светло-коричневую на фоне белой простыни. К тыльной стороне ладони клейкой лентой был прикреплен катетер. Я осторожно повернула ладонь и увидела синевато-багровые шрамы на запястье. Они когда-нибудь поблекнут или будут вечно напоминать ему о попытке покончить с собой?

Я осторожно взяла его пальцы и накрыла своими. Пальцы Уилла были теплыми — пальцы человека, в котором полно жизни. Странно, но мне стало настолько легче от прикосновения к ним, что я продолжала их держать и разглядывать мозоли, говорившие о том, что он не все время проводил в офисе, и розовые ракушки ногтей, которые он никогда не сможет подстричь сам.

У Уилла были прекрасные мужские руки — красивые и ровные, с квадратными пальцами. Глядя на них, сложно было поверить, что в них совсем нет силы, что они никогда не смогут взять предмет со стола, похлопать по плечу или сжаться в кулак.

Я погладила костяшки его пальцев, рассеянно размышляя, следует ли смутиться, если Уилл сейчас откроет глаза, но смущаться вовсе не собиралась. Почему-то я была уверена, что Уиллу идет на пользу то, что я держу его за руку. Надеюсь, что неким образом сквозь пелену наркотического сна он тоже это знает, я закрыла глаза и принялась ждать.

Наконец вскоре после четырех Уилл проснулся. Я была в коридоре, лежала на стульях и читала брошенную газету, и подскочила, когда миссис

Трейнор вышла и сообщила мне новость. Она чуть повеселела, когда упомянула, что Уилл разговаривает и хочет меня видеть. Она сказала, что собирается спуститься вниз и позвонить мистеру Трейнору. А затем, словно не в силах сдержаться, добавила:

— Пожалуйста, не утомляйте его.

— Ну конечно, — ответила я. Моя улыбка была обворожительной.

— Привет! — Я сунула голову за дверь.

— Привет. — Уилл медленно повернул лицо ко мне.

Его голос был хриплым, как будто последние тридцать шесть часов он не спал, а кричал. Я села и посмотрела на него. Он опустил взгляд.

— Поднять маску на минуту?

Он кивнул. Я осторожно сдвинула маску на лоб. На коже осталась тонкая пленка влаги, и я аккуратно промокнула ее салфеткой.

— Как вы себя чувствуете?

— Бывало и лучше.

К горлу поднялся непрошенный комок, и я попыталась сглотнуть его.

— Ну не знаю. Вы на все пойдете, лишь бы привлечь к себе внимание, Уилл Трейнор. Готова поспорить, это всего лишь...

Он закрыл глаза, прервав меня на середине предложения. Затем открыл их и посмотрел слегка виновато:

— Простите, Кларк. Я сегодня не в настроении острить.

Мы еще немного посидели. Мой голос звенел в маленькой бледно-зеленой палате. Я рассказала, как забирала свои вещи у Патрика. Насколько проще было выудить свои компакт-диски из его коллекции, учитывая, что он настоял на правильной системе каталогизации.

— С вами все в порядке? — спросил он, когда я закончила. Он смотрел с жалостью, как будто ожидал, что я страдаю больше, чем на самом деле.

— Да. Конечно, — пожала плечами я. — Это не так уж и плохо. В любом случае у меня хватает других забот.

Уилл помолчал.

— Дело в том, — наконец сказал он, — что в ближайшее время банджи-джампинг мне не светит.

Я знала это. Ожидала с тех пор, как получила эсэмэску от Натана. Но в его устах это стало ударом.

— Не расстраивайтесь. — Я старалась говорить спокойно. — Все в порядке. Прыгнем в другой раз.

— Мне очень жаль. Я знаю, вы так ждали этого путешествия!

— Тсс! — Я положила ладонь ему на лоб и пригладила волосы. — Это неважно. Правда. Главное, чтобы вы поправились.

Он закрыл глаза, чуть поморщившись. Я знала, о чем говорят морщины вокруг его глаз, смиренное выражение лица. Они говорили, что другого раза может и не быть. Они говорили: Уилл считает, что никогда не поправится.

На обратном пути из больницы я заглянула в Гранта-хаус. Отец Уилла впустил меня в дом. Он выглядел почти таким же усталым, как миссис Трейнор. В руках он держал потертый дождевик, как будто собирался на улицу. Я сообщила ему, что миссис Трейнор снова заступила на вахту и, хотя антибиотики, похоже, неплохо справляются, просила предупредить, что проведет в больнице еще одну ночь. Не знаю, почему она не могла сказать ему сама. Возможно, у нее было слишком много забот.

— Как он выглядит?

— Сегодня утром чуть лучше, — ответила я. — Он попил, когда я была в больнице. Да, и сказал что-то грубое об одной из сестер.

— Невыносим, как и прежде.

— Ага, невыносим, как и прежде.

Мистер Трейнор на мгновение сжал губы, и глаза его заблестели. Он посмотрел в окно, затем снова на меня. Не знаю, хотел ли он, чтобы я отвернулась.

— Третий приступ. За два года.

До меня дошло не сразу.

— Пневмонии?

— Ужасная штука, — кивнул мистер Трейнор. — Он смелый мальчик под своим фанфаронством. — Он сглотнул и снова кивнул, как бы сам себе. — Хорошо, что вы это видите, Луиза.

Я не знала, что делать. Я протянула руку и коснулась его плеча:

— Вижу.

Мистер Трейнор едва заметно кивнул и снял с крючка свою панаму. Пробормотав не то «спасибо», не то «до свидания», он протиснулся мимо и вышел.

Без Уилла флигель казался странно тихим. Я поняла, насколько привыкла к далекому гулу моторизованного кресла, разъезжающего взад и вперед, приглушенным разговорам с Натаном в соседней комнате, тихому бормотанию радио. Теперь флигель замер, и я словно очутилась в вакууме.

Я собрала сумку со всеми вещами, которые могли понадобиться Уиллу завтра, включая чистую одежду, зубную щетку, расческу и лекарства, а также наушники, на случай если он будет достаточно здоров, чтобы слушать музыку. Внезапно меня охватила странная паника. В голове

зазвенел гадкий голосок: «Вот как будет, если он умрет». Чтобы заглушить его, я включила радио, пытаюсь вернуть флигель к жизни. Слегка убралась, застелила кровать Уилла свежими простынями, нарвала в саду цветы и поставила в гостиную. А затем, когда все было готово, огляделась и увидела на столе папку с планами путешествия.

Весь следующий день мне придется разбираться в бумагах и отменять заказанные поездки и экскурсии. Одному Богу известно, когда Уилл будет достаточно здоров, чтобы отправиться в путь. Врач подчеркнул, что он должен отдохнуть, завершить курс антибиотиков, находиться в сухости и тепле. Сплыв по бурной реке и ныряние с аквалангом не пойдут ему на пользу.

Я смотрела на свои папки, на вложенные в них усилия, труды и воображение. Смотрела на паспорт, очередь за которым выстояла, и вспоминала, как с растущим возбуждением садилась на поезд в город. Впервые с тех пор, как я приступила к составлению плана, мной овладело настоящее уныние. Осталось чуть больше трех недель, и я потерпела поражение. Мой контракт подходит к концу, а я так и не заставила Уилла передумать. Я боялась даже спрашивать миссис Трейнор, что же теперь будет. Все пропало. Я уронила голову на руки и так и сидела в тихом маленьком доме.

— Добрый вечер.

Я резко подняла голову. Натан заполнил кухню своей массивной фигурой. На плече у него был рюкзак.

— Я принес кое-какие рецептурные препараты к его выписке. Ты... в порядке?

— Конечно. Извини. — Я поспешно вытерла глаза. — Просто... очень не хочется отменять все это.

Натан сбросил рюкзак и сел напротив.

— Да уж, задачка. — Он взял папку и полистал. — Помочь тебе завтра? В больнице я не нужен, так что могу заглянуть около часа. Помогу тебе со звонками.

— Спасибо за предложение. Но не стоит. Я справлюсь. Наверное, проще, если я все сделаю сама.

Натан приготовил чай, и мы сели друг напротив друга. Наверное, впервые мы с Натаном говорили по-настоящему... по крайней мере, без Уилла между нами. Он рассказал о своем предыдущем клиенте, квадриплегиике С_{3/4} на аппарате ИВЛ, который болел не реже раза в месяц все время, пока Натан у него работал. Рассказал о предыдущих приступах

пневмонии у Уилла, причем первый едва не прикончил его и от него он оправлялся не одну неделю.

— У него такой взгляд... — сказал Натан. — Когда он по-настоящему болен. Просто жуть. Как будто он... прячется. Как будто его здесь и нет.

— Я знаю. Ненавижу этот взгляд.

— Он... — начал Натан, но резко отвел глаза и закрыл рот.

Мы сидели и держали кружки. Краешком глаза я изучала Натана, его дружелюбное, открытое лицо, которое на мгновение словно закрылось. И я поняла, что собираюсь задать вопрос, ответ на который уже знаю.

— Ты ведь в курсе?

— В курсе чего?

— Того... что он собирается сделать.

В комнате внезапно повисла звенящая тишина. Натан внимательно посмотрел на меня, как будто прикидывая, что ответить.

— Я в курсе, — добавила я. — Не должна была, но... Вот зачем... я придумала эту поездку. Вот зачем мы устраивали все эти вылазки. Я хотела заставить его передумать.

Натан поставил кружку на стол.

— Я задавался вопросом, — сказал он. — Казалось, у тебя... есть цель.

— Была. Есть.

Он покачал головой, то ли в знак того, что я не должна сдаваться, то ли того, что ничего не поделаешь.

— Как нам быть, Натан?

Он ответил не сразу:

— Знаешь что, Лу? Мне очень нравится Уилл. Не стану скрывать, я к нему прикипел. Мы вместе уже два года. Я видел его в худшие дни и в лучшие и скажу тебе одно: я не хотел бы оказаться в его шкуре ни за какие соколовища. — Он отхлебнул чая. — Иногда я оставался на ночь, и он просыпался, крича, потому что во сне ходил, катался на лыжах и так далее, и в эти краткие минуты, когда его броня слетала и обнажалось ранимое нутро, он физически не выносил мысли, что всего этого больше не будет. Это невыносимо для него. Я сидел с ним, и мне было нечего ему сказать, нечем утешить. Ему выпали самые паршивые карты, какие только можно представить. И знаешь что? Я смотрел на него вчера ночью и думал о его жизни, о том, какой она, по-видимому, станет... и хотя я больше всего на свете хочу, чтобы этот парень был счастлив, я... я не могу осудить его за то, что он хочет сделать. Это его выбор. Это должен быть его выбор.

— Но... так было раньше. — Я начала задыхаться. — Вы все

признаете, что это было до моего появления. Уилл изменился. Разве я не изменила его?

— Конечно, но...

— Но если мы не будем верить, что он может почувствовать себя лучше и даже немного поправиться, как ему сохранить веру в хорошее?

— Лу... — Натан поставил кружку на стол и заглянул мне в глаза. — Он никогда не поправится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Если только не случится революционного прорыва в исследовании стволовых клеток, Уилла ожидает еще десять лет в этом кресле. Минимум. И он все знает, пусть его родные и не хотят этого признавать. Но это только половина беды. Миссис Ти хочет, чтобы он жил любой ценой. А мистер Ти считает, что пора предоставить выбор Уиллу.

— Ну конечно пора. Но он должен понимать, какие варианты у него есть на самом деле.

— Он умный мальчик. И прекрасно знает, какие варианты у него есть на самом деле.

— Нет, — зазвенел в маленькой комнате мой голос, — ты не прав. Получается, все осталось по-прежнему. Получается, я ничуть не изменила его взгляды.

— Я не могу заглянуть ему в голову, Лу.

— Ты же знаешь, что я изменила его взгляды.

— Я знаю только, что он пойдет на многое, чтобы ты была счастлива.

— По-твоему, он гуляет, только чтобы порадовать меня? — уставилась я на него. Я злилась на Натана, злилась на всех них. — Раз ты считаешь, что ему ничего не поможет, почему ты вообще согласился? Почему согласился на эту поездку? Хотел со вкусом отдохнуть?

— Нет. Я хочу, чтобы он жил.

— Но...

— Но я хочу, чтобы он жил, если он сам хочет жить. А если не хочет, то, как бы мы его ни любили, нельзя его заставлять. Иначе мы всего лишь очередные мерзавцы, лишаящие его выбора. — Слова Натана вибрировали в тишине.

Я вытерла слезинку со щеки и попыталась унять сердцебиение. Натан, явно смущенный моими слезами, рассеянно почесал шею, а через минуту молча протянул мне бумажное полотенце.

— Я не могу сложить руки, Натан. — (Он промолчал.) — Не могу.

Я глядела на свой паспорт на кухонном столе. Печальная картина. Как будто он принадлежит кому-то другому. Кому-то, ведущему совсем иную

жизнь. Я смотрела на паспорт и размышляла.

— Натан?

— Да?

— Если я смогу придумать другое путешествие, которое врачи одобряют, ты поедешь? Ты поможешь мне?

— Конечно помогу. — Натан встал, сполоснул кружку и перекинул рюкзак через плечо. Прежде чем выйти из кухни, он повернулся ко мне. — Но, если честно, Лу, сомневаюсь, что даже тебе удастся это проверить.

Ровно через десять дней отец Уилла высадил нас из машины в аэропорту Гэтвик, Натан погрузил чемоданы на тележку, а я несколько раз проверила, удобно ли Уиллу, пока не разозлила его.

— Берегите себя. Отдохните как следует. — Мистер Трейнор положил руку на плечо Уилла. — И поменьше шалите. — Честное слово, при этих словах он мне подмигнул.

Миссис Трейнор не смогла уйти с работы, чтобы проводить нас. Я подозревала, что на самом деле она не хотела провести два часа в машине с мужем.

Уилл кивнул, но ничего не сказал. В машине он был обескураживающе молчалив, смотрел в окно с непроницаемым видом, игнорируя меня и Натана, болтавших о пробках и забытых вещах.

Даже когда мы шли через зал, я не была уверена, что мы поступаем правильно. Миссис Трейнор вообще не хотела, чтобы сын ехал. Но с тех пор, как он согласился на мой пересмотренный план, я знала, она не посмеет ему возразить. Последнюю неделю миссис Трейнор, казалось, боялась с нами разговаривать. Молча сидела рядом с Уиллом и беседовала только с медиками. Или трудилась в саду, подрезая с пугающей методичностью кусты.

— Нас должны встретить сотрудники авиакомпании.

Они должны подойти и встретить нас, — твердила я, листая бумаги, пока мы пробирались к стойке регистрации.

— Успокойся. Не могли же они поставить встречающего у самой двери, — заметил Натан.

— Но кресло должно лететь как «хрупкое медицинское устройство». Я трижды уточнила у женщины по телефону. И надо удостовериться, что никто не станет возмущаться из-за медицинского оборудования Уилла, которое мы возьмем в салон.

На форуме квадриплегиков меня засыпали информацией, предупреждениями, законными правами и контрольными списками. Я трижды потребовала от авиакомпании, чтобы нам предоставили откидные места, а Уилла пустили в самолет первым и разрешили сидеть в своем кресле до подъезда к трапу. Натан останется на земле, снимет джойстик, включит ручное управление, а затем тщательно упакует и перевяжет кресло, закрепив педали. Он лично проследит за его погрузкой, чтобы не

допустить повреждений. На кресле будет розовая этикетка, чтобы предупредить грузчиков о его крайней хрупкости. Нам выделили три места рядом, чтобы Натан мог без любопытных взглядов оказать Уиллу любую медицинскую помощь. Авиакомпания заверила, что подлокотники поднимаются, поэтому мы не наставим Уиллу синяков на бедра, когда будем переносить его из инвалидного кресла на сиденье. Мы все время будем рядом. И нас первыми выпустят из самолета.

Все это имелось в моем контрольном списке «Самолет». Листок с ним лежал перед контрольным списком «Гостиница», но за контрольным списком «День перед отъездом» и схемой маршрута. Несмотря на принятые меры безопасности, меня подташнивало.

Каждый раз, глядя на Уилла, я сомневалась, что поступаю правильно. Терапевт разрешил ему поездку не далее как вчера вечером. Уилл мало ел и большую часть дня проспал. Он выглядел не только изнуренным болезнью, но и утомленным жизнью, уставшим от нашего вмешательства, бодрых попыток завести разговор, неустанных стараний подстелить соломки. Он терпел меня, но я чувствовала, что ему часто хочется, чтобы его оставили в покое. Он не знал, что это единственное, чего я не могу сделать.

— А вот и сотрудница авиакомпании, — заметила я, когда к нам резво направилась одетая в униформу девица с широкой улыбкой и папкой под мышкой.

— От нее будет много толку при погрузке, — пробормотал Натан. — Да она и мороженую креветку не поднимет!

— Мы справимся, — заверила я. — Мы справимся, ты да я. — Это стало моей фирменной фразочкой, с тех пор как я разобралась, чего хочу.

После разговора с Натаном во флигеле меня переполняла обновленная решимость доказать, как все ошибаются. Если мы не можем поехать, куда собирались, это еще не значит, что Уилл ни на что не способен.

Я металась по форумам, сыпала вопросами. Где изрядно ослабевший Уилл может поправить здоровье? Кто-нибудь знает, куда нам поехать? Главным образом меня волновала температура — английская погода слишком переменчива. Нет ничего более удручающего, чем английский морской курорт во время дождя. В большей части Европы в конце июля слишком жарко, это исключает Италию, Грецию, юг Франции и другие прибрежные области. Понимаете, мне было видение. Я видела, как Уилл отдыхает у моря. Проблема в том, что за пару дней подготовки у меня практически не было шансов воплотить мечты в реальность.

Я получила много соболезнований и еще больше рассказов о пневмонии. Похоже, ее призрак преследовал на форуме каждого. Мне

предложили несколько мест для поездки, но ни одно меня не вдохновило. Или, что более важно, мне показалось, что ни одно из них не вдохновит Уилла. Меня не интересовали спа или места, где он мог увидеть других людей в таком же положении. Я толком не знала, чего хочу, но прокрутила список предложений назад и поняла, что ничего не подходит.

В конце концов на выручку пришел Ричи, завсегдатай форума. В день, когда Уилла выпустили из больницы, он напечатал:

Пришли свой имейл. Кузен работает в бюро путешествий.
Я ввел его в курс дела.

Я позвонила по номеру, который он дал, и поговорила с мужчиной средних лет с резким йоркширским акцентом. Когда он изложил свою идею, на самом дне моей памяти звякнул колокольчик узнавания. И через два часа мы обо всем договорились. Я чуть не плакала от благодарности.

— Не стоит, девочка, — ответил он. — Просто постарайтесь, чтобы ваш приятель хорошо отдохнул.

И все же к моменту отъезда я устала не меньше Уилла. Я целыми днями улаживала тонкости путешествия квадриплегики и до самого утра отъезда не была уверена, что Уилл будет достаточно здоров, чтобы поехать. Теперь, сидя с сумками, я смотрела на него, замкнутого и бледного в светлом аэропорту, и вновь сомневалась, что поступаю верно. На мгновение меня охватила паника. А если он опять заболит? Если он возненавидит каждую минуту, как получилось со скачками? Что, если я все неправильно поняла и Уиллу нужно не грандиозное путешествие, а десять дней дома, в собственной кровати?

Но у нас не было десяти лишних дней. Выбор сделан. Это мой единственный шанс.

— Объявили наш рейс, — сообщил Натан, вернувшись из магазина «Дьюти фри». Он посмотрел на меня, подняв бровь, и я перевела дыхание.

— Прекрасно, — сказала я. — Идем.

Сам перелет, несмотря на двенадцать долгих часов в воздухе, оказался не настолько суровым испытанием, насколько я опасалась. Натан ловко менял трубки под покрывалом Уилла. Сотрудники авиакомпании были заботливы и тактичны и обращались с инвалидным креслом очень бережно. Как и обещали, Уилла первым пустили в самолет, перенесли, не наставив синяков, и усадили между нами.

Через час полета я поняла: как ни странно, над облаками, в откинутом

кресле, подпираемый нами с обеих сторон, Уилл был таким же, как все. Сидя перед экраном, когда некуда идти и нечего делать, на высоте тридцати тысяч футов он мало чем отличался от других пассажиров. Он ел, смотрел кино, а в основном спал.

Мы с Натаном осторожно улыбались друг другу и делали вид, что все прекрасно, все хорошо. Я смотрела в окно. Мои мысли клубились, как облака под нами. Я все еще не могла думать о том, что это не просто транспортная головоломка, а настоящее приключение — что я, Лу Кларк, действительно лечу через весь земной шар. Я не видела ничего. К этому моменту я видела только Уилла. Я чувствовала себя, как сестра после рождения Томаса. «Я словно смотрю сквозь воронку, — глядя на младенца, сказала она. — Мир сжался, и остались только мы с ним».

В аэропорту я получила от нее эсэмэску:

Ты справишься. Чертовски горжусь тобой. Целую.

Я открыла ее сейчас, просто чтобы взглянуть, и внезапно расчувствовалась, возможно от выбора слов. Или потому, что устала, боялась и никак не могла поверить, что затащила нас в такую даль. Наконец, чтобы отогнать непрошенные мысли, я включила телевизионный экранчик и, пока вокруг не стемнело, принялась рассеянно смотреть какой-то американский комедийный сериал.

А затем я очнулась и увидела, что стюардесса стоит над нами с завтраком, что Уилл беседует с Натаном о фильме, который они посмотрели, и что — поразительно и вопреки всему — меньше чем через час мы приземлимся на Маврикии.

По-моему, я не верила в реальность происходящего, пока мы не коснулись взлетной полосы международного аэропорта имени сэра Сивусагара Рамгулама. Пошатываясь, разминая руки и ноги, затекшие в самолете, мы вышли из зала прибытия, и я едва не заплакала от облегчения при виде такси для инвалидов, присланного туроператором. В то первое утро, пока водитель мчал нас к отелю, я почти не замечала острова. Да, цвета казались сочнее, чем в Англии, небо ярче — от лазурного до бездонно-синего. Я увидела, что остров покрыт пышной зеленью в окружении акров плантаций сахарного тростника, а море проглядывает сквозь вулканические холмы, как полоска ртути. Воздух пах чем-то дымным и пряным, солнце стояло так высоко, что мне приходилось щуриться в его белом сиянии. В моем измотанном состоянии это было все равно что проснуться на страницах глянцевого журнала.

Но, даже борясь с потоком непривычных ощущений, я без конца поглядывала на Уилла, на его бледное, усталое лицо, на голову, странно осевшую на плечи. А потом мы остановились на подъездной дорожке, обсаженной пальмами, перед низким зданием. Водитель выскочил и принялся выгружать багаж.

Мы отказались от чая со льдом и экскурсии по гостинице. Нашли номер Уилла, выгрузили сумки, уложили его в кровать — и не успели задернуть шторы, как он уже снова заснул. Итак, мы на месте. Я это сделала. Пока Натан смотрел из окна на белые буруны вокруг кораллового рифа, я, стоя у номера Уилла, наконец выдохнула. Возможно, из-за путешествия, а может, потому, что я впервые оказалась в таком красивом месте, мои глаза внезапно наполнились слезами.

Натан сразу заметил, в каком я состоянии.

— Все в порядке. — Совершенно неожиданно он подошел и крепко обнял меня. — Расслабься, Лу. Все будет хорошо. Правда. Ты отлично справилась.

Прошло почти три дня, прежде чем я ему поверила. Первые сорок восемь часов Уилл проспал почти без перерывов, а затем, как ни удивительно, пошел на поправку. Его кожа вновь обрела цвет, синие тени вокруг глаз исчезли. Судороги стали реже, и он снова начал есть, медленно проезжая вдоль бесконечного экстравагантного шведского стола и указывая мне, что положить на тарелку. Я поняла, что ему полегчало, когда он стал заставлять меня пробовать то, чего я никогда бы не выбрала сама: пряное креольское карри и морепродукты с незнакомыми названиями. Вскоре он освоился в гостинице лучше меня. И неудивительно. Мне не следовало забывать, что большую часть жизни Уилл обитал здесь — на этой планете, этих бескрайних просторах, а не в маленьком флигеле в тени замка.

Гостиница, как и обещала, предоставила специальное кресло с толстыми колесами, и почти каждое утро Натан пересаживал Уилла и мы втроем шли на пляж. Я несла зонтик, чтобы прикрыть Уилла, если солнце начнет припекать слишком сильно. Но он ни разу не пригодился — южная часть острова славилась морским бризом, и вне сезона температура курорта редко поднималась выше двадцати. Мы доходили до маленького пляжа рядом с каменистым обнажением пород, который не просматривался из гостиницы. Я раскладывала шезлонг, садилась рядом с Уиллом под пальмой, и мы наблюдали за попытками Натана заняться виндсерфингом или водными лыжами, время от времени подавая ободряющие или оскорбительные реплики со своего лоскутка песка.

Поначалу сотрудники гостиницы обхаживали Уилла даже слишком усердно, порываясь потолкать его кресло, без конца предлагая ему прохладительные напитки. Мы объяснили, что не нуждаемся в этом, и они охотно дали задний ход. Но все равно было приятно видеть, как носильщики или администраторы останавливаются поболтать с ним, когда меня нет поблизости, или подсказать ему место, куда нам непременно следует отправиться. Один долговязый молодой человек по имени Надил, похоже, возложил на себя обязанности неофициальной сиделки, когда Натана не было рядом. Однажды я вышла из гостиницы и обнаружила, как они с другом осторожно выгружают Уилла из кресла на обложенный подушками шезлонг, расположенный под «нашим» деревом.

— Так-то лучше, — сказал Надил, показав большой палец. — Просто позовите меня, когда мистер Уилл захочет вернуться в кресло.

Я собиралась возмутиться и заявить, что они не должны были его переносить. Но Уилл закрыл глаза и лежал с таким неожиданно довольным видом, что я прикусила язык и кивнула.

Я же, когда беспокойство о здоровье Уилла стало утихать, постепенно начала подозревать, что оказалась в раю. Я никогда не предполагала, что буду проводить время в подобном месте. По утрам я просыпалась под звуки прибоя и щебет незнакомых птиц на деревьях. Смотрела на потолок, наблюдая, как солнце играет в листьях. Из соседнего номера доносился приглушенный разговор, означавший, что Уилл и Натан давно встали. Я носила саронги и купальники, наслаждаясь прикосновением теплого солнца к плечам и спине. Моя серая кожа покрылась веснушками, ногти побелели, и я начала испытывать редкое счастье от простых удовольствий: прогулок по пляжу, непривычной еды, купания в теплой чистой воде с черными рыбками, которые робко выглядывали из-под вулканических скал, пламенеющего алого заката. Мало-помалу последние месяцы начали забываться. Стыдно, но я почти не думала о Патрике.

У нас установился определенный распорядок. Мы завтракали вдвоем в кружевной тени за столиками вокруг бассейна. Уилл обычно предпочитал фруктовый салат, которым я кормила его с рук, а иногда еще и банановые оладьи, когда разыгрывался аппетит. Затем мы шли на пляж и отдыхали. Я читала, Уилл слушал музыку, а Натан осваивал водные виды спорта. Уилл твердил мне, чтобы я тоже что-нибудь попробовала, но поначалу я отказывалась. Мне просто хотелось быть с ним. Уилл не унимался, и одно утро я провела, занимаясь виндсерфингом и каякингом, но с большим удовольствием просто сидела рядом с Уиллом.

Иногда, если Надил был поблизости, а в гостинице мало народу, они с

Натаном опускали Уилла в теплую воду маленького бассейна. Натан держал его под голову, чтобы он мог плавать. Уилл мало говорил в эти минуты, но светился от тихого удовольствия, как будто вспоминал давно забытые ощущения. Его бледное тело стало золотистым. Шрамы посветлели и начали исчезать. Он больше не чувствовал себя неловко без рубашки.

В обед мы отправлялись в один из трех ресторанов гостиницы. Поверхность всего комплекса была вымощена плиткой, невысоких ступенек и пандусов было мало, а значит, Уилл мог свободно разъезжать в своем кресле. Казалось бы, мелочь, но возможность самостоятельно выпить означала не столько отдых для меня и Натана, сколько краткое забвение одного из самых навязчивых кошмаров Уилла — полной зависимости от других людей. Впрочем, никому из нас не приходилось особо разгуливать. Где бы мы ни были — на пляже, у бассейна или даже в спа, — к нам то и дело подсказывали улыбающиеся сотрудники и предлагали напитки, как правило украшенные ароматными розовыми цветами. Даже когда мы лежали на пляже, проезжали маленькие багги и улыбающиеся официанты предлагали воду, фруктовый сок или что-нибудь покрепче.

Во второй половине дня, в самую жару, Уилл возвращался в номер и спал пару часов. Я плавала в бассейне или читала книгу, а вечером мы снова встречались все вместе, чтобы поужинать в прибрежном ресторане. Я быстро пристрастилась к коктейлям. Надил сообразил, что, если дать Уиллу соломинку нужного размера и поставить в держатель высокий стакан, наши с Натаном услуги и вовсе не понадобятся. В сгущающихся сумерках мы делились воспоминаниями о детстве, о своих юношеских увлечениях, работах, семьях, других поездках, и постепенно Уилл вернулся в наш мир.

Но этот Уилл не был прежним. Остров словно подарил ему покой, которого недоставало все время нашего знакомства.

— А у него неплохо получается, — заметил Натан, когда мы встретились у шведского стола.

— Да, похоже, неплохо.

— Знаешь... — Натан наклонился ко мне, чтобы Уилл не видел, что мы разговариваем о нем, — я думаю, ранчо и приключения были бы чудесными. Но теперь мне кажется, что это место подействовало на него еще лучше.

Я не сказала ему, что решила в самый первый день, когда мы въехали в гостиницу. У меня сводило живот от беспокойства, и я уже подсчитывала,

сколько времени осталось до возвращения домой. Я должна в каждый из этих десяти дней попытаться забыть, почему мы здесь очутились, — забыть о полугодовом контракте, тщательно расчерченном календаре, обо всем, что было раньше. Я должна просто жить настоящим и пытаться вдохновить Уилла делать то же самое. Я должна быть счастлива в надежде, что Уилл тоже будет счастлив.

— Ну, что дальше? — Я положила себе еще ломтик дыни и улыбнулась. — Как насчет караоке? Или твои уши еще не оправились после прошлого вечера?

На четвертый вечер Натан без особого смущения объявил, что у него свидание. Карен тоже была новозеландкой и жила в соседней гостинице, и он согласился прогуляться с ней в город.

— Просто на всякий случай. Знаете... не думаю, что ей стоит ходить туда одной.

— Конечно, — глубокомысленно кивнул Уилл. — Ты настоящий рыцарь, Нат.

— По-моему, это очень ответственный поступок. Очень цивилизованный, — согласилась я.

— Я всегда восхищался бескорыстием Натана. Особенно по отношению к прекрасному полу.

— Заткнитесь, вы оба, — усмехнулся Натан и исчез.

Карен быстро стала его постоянной подружкой. Натан исчезал с ней почти каждый вечер, и, хотя он возвращался, чтобы подготовить Уилла ко сну, мы тактично предоставляли ему как можно больше свободного времени.

Кроме того, втайне я была рада. Мне нравился Натан, и я была благодарна, что он поехал, но предпочитала оставаться с Уиллом наедине. Мне нравилось, что мы начали общаться накоротке, когда никого не было рядом, и между нами возникла естественная близость. Мне нравилось, как он поворачивал лицо и с изумлением смотрел на меня, как будто я превзошла его ожидания.

В предпоследний вечер я сказала Натану, что не против, если он приведет Карен в комплекс. Он проводил вечера в ее гостинице, и я знала, что ему не доставляет удовольствия тратить двадцать минут на прогулку в каждую сторону, чтобы подготовить Уилла ко сну.

— Я не против. Если это... ну, знаешь... улучшит твою личную жизнь.

Он обрадовался, уже предвкушая предстоящий вечер, и с энтузиазмом ответил:

— Спасибо, дружище.

— Очень мило с вашей стороны, — заметил Уилл, когда я ему рассказала.

— Не с моей, а с вашей, — возразила я. — Я уступила им ваш номер.

В тот вечер Уилл перебрался ко мне, Натан уложил его в кровать и дал лекарства, пока Карен ждала в баре.

В ванной я переоделась в футболку и шорты, после чего открыла дверь и побрела к дивану с подушкой под мышкой. Я ощутила на себе взгляд Уилла и странно смутилась, хотя большую часть недели разгуливала перед ним в бикини. Я бросила подушку на подлокотник дивана.

— Кларк?

— Что?

— Вам необязательно спать на диване. Эта кровать достаточно велика для целой футбольной команды.

Понимаете, я даже не задумалась. Тогда это казалось совершенно естественным. Возможно, нас слегка раскрепостили дни, проведенные полуголыми на пляже. Или мысль о Натане и Карен по ту сторону стены, обнявшихся, свивших кокон на двоих. Или мне просто хотелось быть рядом. Я направилась к кровати, но вздрогнула при внезапном раскате грома. Лампы замигали, на улице раздались крики. Натан и Карен в соседнем номере захохотали.

Я подошла к окну и раздернула шторы, ощутив внезапный ветерок и резкое похолодание. Над морем разразился шторм. Драматические вспышки ветвистых молний на мгновение освещали небо, а затем, словно запоздалая мысль, барабанная дробь потопа ударила по крыше нашего маленького бунгало так яростно, что поначалу заглушила все звуки.

— Я лучше закрою ставни.

— Не надо. — (Я обернулась.) — Распахните двери. — Уилл кивнул на улицу. — Я хочу это видеть.

Я помедлила и неспешно открыла стеклянные двери, ведущие на террасу. Дождь обрушился на гостиничный комплекс, лил с крыши, ручьями тек с террасы к морю. Я ощутила влагу на лице, электричество в воздухе. Волоски на моих руках встали дыбом.

— Вы это чувствуете? — спросил Уилл из-за спины.

— Похоже на конец света.

Я стояла, пропуская сквозь себя электричество, и белые вспышки отпечатывались на моих веках. У меня перехватило дыхание.

Я повернулась, подошла к кровати и присела на край. Под взглядом Уилла я наклонилась и нежно притянула его к себе за позолоченную

солнцем шею. Теперь я знала, как правильно его двигать, как превратить его вес, его массивность в помощника, а не врага. Прижимая его к себе, я наклонилась, подложила ему под плечи пухлую белую подушку и опустила в ее мягкие объятия. От него пахло солнцем, словно пропитавшим кожу, и я молча, как изысканный аромат, втянула носом этот запах.

Затем, еще влажная после дождя, я забралась в кровать рядом с ним, так близко, что наши ноги соприкасались, и мы вместе смотрели на белоголубое пламя, когда молнии касались волн, на серебряные прутья дождя, на бирюзовую массу, которая мягко колыхалась всего в сотне футов.

Мир вокруг нас сжимался, пока не остался только рев бури, лилово-чернильное море и мягко колышущиеся газовые занавески. Я вдыхала аромат цветов лотоса, доносившийся с ночным бризом, слышала приглушенный звон бокалов и грохот поспешно отодвигаемых стульев, музыку далекого праздника, чувствовала напряжение распоясавшейся природы. Я взяла Уилла за руку и мельком подумала, что никогда не почувствую такой неразрывной связи с миром и другим человеческим существом, как в это мгновение.

— Неплохо, да, Кларк? — нарушил молчание Уилл.

В разгар бури его лицо оставалось непроницаемым и спокойным. Он ненадолго повернулся и улыбнулся, и в глазах его вспыхнул триумф.

— Да, — ответила я. — Очень даже неплохо.

Я неподвижно лежала, чувствуя, как он дышит все медленнее и глубже, как дождь стучит по крыше, как теплые пальцы Уилла переплетаются с моими. Мне не хотелось домой. Не хотелось возвращаться. Здесь мы с Уиллом были в безопасности, запертые в своем крошечном раю. Каждый раз при мысли о возвращении в Англию страх сжимал когтистой лапой мое нутро.

«Все будет хорошо, — повторяла я себе слова Натана. — Все будет хорошо».

Наконец я легла на бок, спиной к морю, лицом к Уиллу. Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня в тусклом свете, и я почувствовала, что он твердит то же самое. «Все будет хорошо». Впервые в жизни я пыталась не думать о будущем. Пыталась просто жить, пропускать сквозь себя ощущения прошлого вечера. Не знаю, как долго мы лежали и смотрели друг на друга, но постепенно веки Уилла отяжелели, и он виновато пробормотал, что думал, будто сможет... Его дыхание стало более глубоким, он провалился за грань сна, и теперь только я смотрела на его лицо, ресницы, редущие в уголках глаз, свежие веснушки на носу.

Я твердила себе, что должна оказаться права. Должна.

Наконец около часу ночи буря улеглась, унеслась в морскую даль, яростные вспышки мало-помалу ослабели и вскоре исчезли, чтобы погодное буйство разразилось в каком-то ином, неведомом месте. Воздух постепенно застыл, занавески замерли, остатки воды с журчанием утекли. На рассвете я встала, осторожно высвободив руку из пальцев Уилла, и закрыла стеклянные двери, погрузив комнату в тишину. Уилл спал, крепко и безмятежно, как редко спал дома.

Я не спала. Я лежала, смотрела на него и старалась ни о чем не думать.

* * *

В последний день случились две вещи. Во-первых, под давлением Уилла я согласилась попробовать нырнуть с аквалангом. Он много дней твердил мне, что нельзя проехать полмира и даже не заглянуть под воду. Виндсерфинг мне не покорился, я с трудом могла оторвать парус от воды, а большинство попыток прокатиться на водных лыжах заканчивались тем, что я вспахивала волны лицом вниз вдоль берега. Но Уилл не сдавался, и вчера явился на обед и сообщил, что записал меня на курсы подводного плавания для новичков продолжительностью полдня.

Начало было малообещающим. Уилл и Натан сидели на краю бассейна, пока инструктор пытался убедить меня, что я смогу дышать под водой, но под их взглядами я совершенно терялась. Я не идиотка и понимала, что кислородные баллоны на спине позволят моим легким дышать и я не утону, но каждый раз, опуская голову под воду, я паниковала и рвалась на поверхность. Казалось, мое тело не желает верить, что сможет дышать под несколькими тысячами галлонов лучшей хлорированной воды Маврикия.

— Похоже, ничего не получится, — заявила я, вынырнув в седьмой раз и отплываваясь.

Джеймс, инструктор по подводному плаванию, взглянул на Уилла и Натана за моей спиной.

— Я не могу, — раздраженно добавила я. — Просто это не для меня.

Джеймс повернулся к мужчинам спиной, постучал по моему плечу и указал на открытую воду.

— Возможно, там будет проще, — тихо сказал он.

— В море?

— Иногда нужно бросить человека на глубину, чтобы научить его плавать. Идем. Возьмем лодку.

Через три четверти часа я глазела на яркий подводный мир, прежде скрытый из виду, совершенно позабыв, что кислородный баллон может отвалиться, что вопреки всякой вероятности я могу опуститься на дно и утонуть, и даже позабыв свой страх. Меня увлекли тайны нового мира. В тишине, нарушаемой только шумными вдохами и выдохами, я наблюдала за стайками крошечных радужных рыбок и более крупными черно-белыми рыбами, которые таранились на меня озадаченно и любопытно, а актинии грациозно покачивались, фильтруя воду ради крошечной незримой добычи. Подводные пейзажи казались более яркими и разнообразными, чем наверху. Виднелись пещеры и полости, в которых таились неизвестные существа, и далекие силуэты, сверкавшие под лучами солнца. Мне не хотелось подниматься на поверхность. Я могла бы навсегда остаться в этом безмолвном мире. Лишь когда Джеймс начал жестами показывать на шкалу своего кислородного баллона, я поняла, что выбора у меня нет.

Я с трудом подбирала слова, когда наконец, широко улыбаясь, шла по пляжу к Уиллу и Натану. В голове теснились открывшиеся картины, а руки и ноги словно продолжали нести меня под водой.

— Ну как, понравилось? — спросил Натан.

— Почему вы мне не сказали? — набросилась я на Уилла, швырнув ласты на песок перед ним. — Почему не заставили раньше? Все это! Все это было там, все время! Под самым моим носом!

Уилл спокойно смотрел на меня. Он помолчал и медленно и широко улыбнулся:

— Не знаю, Кларк. Некоторым людям без толку говорить.

* * *

В последний вечер я позволила себе выпить. Дело было не только в завтрашнем отъезде. Я впервые по-настоящему ощутила, что Уилл чувствует себя хорошо и можно расслабиться. Я надела белое хлопковое платье — моя кожа покрылась загаром, и я могла носить белое, не напоминая мертвеца в саване, — и серебристые сандалии, сплетенные из полосок, а когда Надил протянул мне алый цветок и велел вставить в волосы, я не посмеялась над ним, как могла бы неделю назад.

— Привет-привет, Кармен Миранда,^[66] — произнес Уилл, когда я подошла к ним в баре. — Шикарный наряд.

Я собиралась саркастично парировать, но тут поняла, что он смотрит на меня с неподдельным удовольствием.

— Спасибо, — ответила я. — Вы тоже неплохо выглядите.

В главном корпусе гостиницы устроили дискотеку, поэтому вскоре после десяти вечера, когда Натан покинул нас ради Карен, мы направились на пляж. В ушах звучала музыка, а приятное гудение в голове от трех коктейлей смягчало мои движения.

Как же там было красиво! Ласковый вечер, ветерок, доносивший ароматы далеких барбекю, теплых масел на коже, соленого привкуса моря. Мы с Уиллом остановились у нашего любимого дерева. Кто-то, наверное, чтобы приготовить еду, развел на пляже костер, от которого осталась только грудa тлеющих угольков.

— Я не хочу домой, — произнесла я в темноту.

— Отсюда нелегко уезжать.

— Я думала, подобные места бывают только в кино. — Я повернулась к нему лицом. — Мне даже пришло в голову... вдруг вы не лгали и обо всем остальном?

Уилл улыбался. Лицо его было расслабленным и счастливым, вокруг глаз лучились морщинки. Я смотрела на него, и впервые даже тень страха не грызла меня изнутри.

— Вы рады, что приехали? — робко спросила я.

— О да, — кивнул он.

— Ха! — Я ударила воздух кулаком.

Кто-то включил музыку в баре, я скинула туфли и принялась танцевать. Звучит глупо — поведение, которого стыдишься наутро. Но там, в чернильной темноте опьянев от недостатка сна, рядом с костром, бескрайним морем и бесконечным небом, со звуками музыки в ушах, улыбающимся Уиллом и сердцем, разрывающимся от чего-то не вполне понятного, я просто не могла не танцевать. Я танцевала, смеялась, ничуть не смущаясь, не беспокоясь, что нас могут увидеть. Я ощущала на себе взгляд Уилла и знала, что он понимает: это единственная возможная реакция на последние десять дней. Черт побери — на последние шесть месяцев.

Песня закончилась, и я, задыхаясь, упала к его ногам.

— Вы... — начал он.

— Что? — Я лукаво улыбалась.

Наэлектризованная, я словно перетекала с места на место и совершенно не отвечала за свое поведение.

Он покачал головой.

Я медленно поднялась, босиком подошла к его креслу и скользнула ему на колени, так что между нашими лицами осталось всего несколько

дюймов. После прошлого вечера это расстояние почему-то больше не казалось непреодолимым.

— Вы... — Его голубые глаза, в которых вспыхивали искры, заглянули в мои. От него пахло солнцем, костром и чем-то резким и цитрусовым.

В глубине меня что-то подалось.

— Вы... нечто особенное, Кларк.

Я сделала единственное, о чем могла думать. Наклонилась и прижалась к его губам. Он помедлил, совсем чуть-чуть, и поцеловал меня. И на мгновение я обо всем забыла — о миллионе причин этого не делать, о своих страхах, о том, почему мы сюда приехали. Я целовала его, вдыхая запах его кожи, касаясь мягких волос кончиками пальцев, и когда он ответил на мой поцелуй, все испарилось и остались только мы с Уиллом, на острове в безбрежном нигде, под мириадами мерцающих звезд.

А затем он отстранился:

— Я... Прости. Не...

Я открыла глаза и провела кончиками пальцев по его безупречным чертам. Его кожа была чуть шершавой от соли.

— Уилл... — начала я. — Ты можешь. Ты...

— Нет. — В слове чувствовался привкус металла. — Я не могу.

— Я не понимаю.

— Я не стану в этом участвовать.

— Мм... А по-моему, тебе придется.

— Я не могу, потому что не могу... Он сглотнул. — Не могу быть мужчиной, которого хочу видеть рядом с тобой. А значит, это... — Он заглянул мне в лицо. — Это становится всего лишь... очередным напоминанием о том, кем я не являюсь.

Я не сводила глаз с его лица. Коснулась лбом его лба, так что наше дыхание слилось, и тихо сказала, чтобы больше никто не услышал:

— Мне плевать, чего ты... чего ты якобы можешь и не можешь. Мир не только черный и белый. Если честно... я поговорила с другими людьми в таком же положении и... кое-что возможно. Мы оба можем быть счастливы... — Я начала слегка запинаться. От этого разговора мне было не по себе. Я заглянула ему в глаза. — Уилл Трейнор, — мягко произнесла я. — Суть вот в чем. По-моему, мы можем...

— Нет, Кларк... — начал он.

— По-моему, мы можем все. Я знаю, это не обычная любовная история. Я знаю, есть миллионы причин, по которым мне не следует этого говорить. Но я люблю тебя. Люблю. Я знала это, когда уходила от Патрика. И мне кажется, ты тоже неравнодушен ко мне.

Уилл молчал. Его глаза нашли мои, и в них плескалось море печали. Я отвела волосы с его висков, как будто могла облегчить его горе, и он наклонил голову, чтобы она легла в мою ладонь.

— Я должен тебе что-то сказать.

— Знаю, — прошептала я. — Я все знаю. — (Уилл закрыл рот. Воздух словно застыл вокруг нас.) — Знаю о Швейцарии. Знаю... почему меня наняли всего на шесть месяцев.

Он поднял голову с моей ладони. Посмотрел на меня, затем на небо. Его плечи обмякли.

— Я все знаю, Уилл. Уже много месяцев. Уилл, пожалуйста, послушай меня... — Я взяла его правую руку и поднесла к своей груди. — У нас получится. Конечно, ты хотел бы, чтобы все сложилось иначе, но я знаю, что смогу сделать тебя счастливым. И я могу сказать одно: ты превратил меня совсем в другого человека. Я счастлива с тобой, даже когда ты несносен. И мне будет лучше с тобой, чем с кем угодно, хоть ты и считаешь себя неполноценным. — Его пальцы чуть сжали мои, и это придало мне смелости. — Если тебе неловко встречаться с прислугой, я найду другую работу. Я давно хотела сказать... Я подала заявление на курсы в колледже. Я искала в Интернете, разговаривала с другими квадриплегиками и их сиделками и узнала много, очень много о том, как все устроить. И теперь я могу быть с тобой. Понимаешь? Я все продумала, все изучила. Вот какой я стала. Это твоя вина. Ты меня изменил. — Я почти смеялась. — Ты превратил меня в мою сестру. Только я лучше одеваюсь.

Он закрыл глаза. Я взяла его руки в свои, поднесла костяшки пальцев к губам и поцеловала. Его кожа касалась моей, и я была совершенно уверена, что не смогу его отпустить.

— Что скажешь? — прошептала я.

Я могла бы смотреть ему в глаза целую вечность.

Он ответил так тихо, что я не сразу поверила, что расслышала верно.

— Что?

— Нет, Кларк.

— Нет?

— Прости. Этого недостаточно.

— Не понимаю. — Я опустила его руку.

Он ответил не сразу, как будто впервые не мог подобрать нужных слов.

— Мне недостаточно. Этого... моего мира... даже если в нем есть ты. Поверь, Кларк, с твоим появлением вся моя жизнь изменилась к лучшему. Но этого для меня недостаточно. Не такой жизни я хочу. — (Настала моя очередь отстраниться.) — Да, я понимаю, это может быть хорошая жизнь.

С тобой — даже очень хорошая. Но это не моя жизнь. Я не такой, как люди, с которыми ты говорила. Это не похоже на жизнь, которая мне нужна. Ничуть не похоже. — Голос Уилла был запинаящимся, сломленным. Выражение его лица напугало меня.

Я покачала головой:

— Ты... Ты однажды сказал, что та ночь в лабиринте не должна меня определять. Ты сказал, я могу сама выбирать, что меня определяет. Так не позволяй этому... этому креслу тебя определять.

— Но оно определяет меня, Кларк. Ты меня не знаешь, по-настоящему не знаешь. Ты никогда не видела меня до того, как все случилось. Мне нравилась моя жизнь, Кларк. Очень нравилась. Я обожал свою работу, путешествия, занятия. Мне нравилось упражнять свое тело. Нравилось гонять на мотоцикле, прыгать с крыш. Нравилось размазывать конкурентов по бизнесу. Нравилось заниматься сексом. Много заниматься. Я вел насыщенную жизнь. — Он заговорил громче: — Прозабание в этом кресле не для меня... и все же фактически оно меня определяет. Оно единственное, что меня определяет.

— Но ты даже не дал шанса, — прошептала я. Слова застревали в горле. — Ты даже не дал мне шанса.

— Дело не в том, чтобы дать тебе шанс. Эти шесть месяцев я следил, как ты становишься другим человеком — человеком, который только начинает осознавать свои возможности. Ты даже не представляешь, сколько счастья мне это доставляло. Я не хочу, чтобы ты была прикована ко мне, моим визитам в больницу, ограничениям моей жизни. Я не хочу, чтобы ты упустила то, что тебе может дать кто-то другой. И еще я эгоистично не хочу, чтобы однажды ты посмотрела на меня и хоть немного пожалела, что...

— Я не пожалею никогда!

— Откуда тебе знать, Кларк? Ты понятия не имеешь, как все сложилось бы. Понятия не имеешь, что будешь чувствовать через шесть месяцев. А я не хочу смотреть на тебя каждый день, видеть тебя обнаженной, смотреть, как ты ходишь по флигелю в этих сумасшедших платьях, и быть... быть не в силах сделать с тобой то, что хочу. Ах, Кларк, если бы ты знала, что я хочу с тобой сделать прямо сейчас! И я... я не могу жить с этим знанием. Не могу. Я не такой. Я не могу быть мужчиной, который только... принимает. — Он опустил взгляд на кресло и его голос дрогнул. — Я никогда этого не приму.

— Пожалуйста, Уилл, — заплакала я. — Пожалуйста, не говори так. Просто дай мне шанс. Дай нам шанс.

— Тсс... Послушай. Именно ты. Послушай меня. Этот... вечер... самое чудесное, что ты могла для меня сделать. То, что ты сказала, то, на что ты пошла, чтобы привезти меня сюда... Поразительно, как тебе удалось найти нечто достойное любви в том осле, которым я был поначалу. Но... — Его пальцы коснулись моих. — На этом все. Больше никакого кресла. Никакой пневмонии. Никаких горящих рук и ног. Никакой боли, усталости. Я больше не хочу просыпаться по утрам и жалеть, что это еще не закончилось. Когда мы вернемся, я все равно поеду в Швейцарию. И если ты действительно любишь меня, Кларк, я буду бесконечно счастлив, если ты поедешь со мной.

— Что? — резко отдернула голову я.

— Лучше уже не станет. По всей вероятности, мое здоровье будет только ухудшаться, а жизнь, и без того ограниченная, становится все более убогой. Врачи это подтвердили. Меня подстерегает масса болезней. Я все понимаю. Я больше не хочу испытывать боль, или торчать в этой штуковине, или зависеть от всех и каждого, или бояться. И я прошу тебя... если ты действительно чувствуешь то, о чем говорила... сделай это. Будь рядом. Подари мне долгожданный конец.

Я в ужасе смотрела на Уилла, кровь стучала в ушах. Я с трудом понимала, о чем он говорит.

— Как ты можешь об этом просить?

— Я знаю, это...

— Я сказала, что люблю тебя и хочу построить наше общее будущее, а ты просишь посмотреть, как ты кончаешь жизнь самоубийством?

— Прости. Наверное, это грубо. Но у меня нет лишнего времени.

— Что так? Уже заказал билеты? Боишься пропустить назначенный визит?

Я видела, как постояльцы останавливаются, возможно слышав наши крики, но мне было все равно.

— Да, — после паузы ответил Уилл. — Да, боюсь пропустить. Я консультировался. В клинике признали, что я соответствую их критериям. И мои родители согласились на тринадцатое августа. Мы вылетаем накануне.

У меня закружилась голова. Осталось меньше недели.

— Поверить не могу.

— Луиза...

— Мне казалось... Мне казалось, что я заставила тебя передумать.

Уилл наклонил голову набок и посмотрел на меня. Его голос был мягким, взгляд ласковым.

— Луиза, ничто не заставит меня передумать. Я обещал родителям шесть месяцев, и они их получили. Благодаря тебе это время стало еще более драгоценным, чем ты можешь вообразить. Оно перестало быть проверкой на прочность...

— Не надо!

— Что?

— Замолчи! — Я давилась словами. — Ты такой эгоист, Уилл. Такой глупец. Даже если я теоретически могла бы поехать с тобой в Швейцарию... даже если ты думал, что я пойду на это после всего, что я для тебя сделала, тебе больше нечего мне сказать? Я открыла тебе сердце! А ты только и можешь сказать: «Нет, этого мне недостаточно. И теперь я хочу, чтобы ты отправилась со мной смотреть на самое ужасное на свете»? На то, чего я боялась с тех пор, как узнала правду? Ты представляешь, о чем меня просишь? — Я была вне себя от ярости. Стояла перед ним и вопила как сумасшедшая. — Иди к черту, Уилл Трейнор! Иди к черту! Лучше бы я никогда не соглашалась на эту идиотскую работу. Лучше бы никогда не встречала тебя. — Я разразилась слезами и побежала по пляжу в свой номер, подальше от него.

Его голос, зовущий меня по имени, звенел в ушах еще долго после того, как я закрыла дверь.

Ничто так не обескураживает прохожих, как мужчина в инвалидном кресле, умоляющий о прощении женщину, которая должна за ним ухаживать. Злиться на своего беспомощного подопечного явно не принято.

Особенно когда он в принципе не может пошевелиться и тихо повторяет:

— Кларк. Пожалуйста. Пожалуйста, подойди ко мне. Пожалуйста.

Но я не могла. Не могла его видеть. Натан собрал вещи Уилла, мы встретились в фойе на следующее утро. Натан слегка пошатывался от похмелья. С того момента, как нам пришлось вновь оказаться в обществе друг друга, я отказывалась иметь с Уиллом дело. Меня переполняли ярость и отчаяние. В голове звучал назойливый взбешенный голос, который требовал держаться от него подальше. Вернуться домой. Никогда его больше не видеть.

— Все в порядке? — спросил Натан из-за плеча.

Когда мы прибыли в аэропорт, я решительно покинула их и зашагала к стойке регистрации.

— Нет, — ответила я. — И я не хочу об этом разговаривать.

— Похмелье?

— Нет.

Повисла короткая пауза.

— Я правильно понял? — резко помрачнел Натан.

Я не могла говорить. Кивнула и увидела, как челюсть Натана на мгновение закаменела. Однако он был сильнее меня. В конце концов, он был профессионалом. Через пару минут он вернулся к Уиллу, показывая ему что-то в журнале и вслух рассуждая о перспективах какой-то футбольной команды, известной им обоим. По их виду нельзя было догадаться о важности новости, которую я им только что сообщила.

Я сумела найти себе занятие на все время ожидания в аэропорту. Позаботилась о тысяче мелочей: разобралась с этикетками для багажа, купила кофе, изучила газеты, сходила в туалет, лишь бы не смотреть на него. Не разговаривать с ним. Но время от времени Натан исчезал, и мы оставались наедине, сидели бок о бок, и короткое расстояние между нами гудело от невысказанных встречных обвинений.

— Кларк... — начинал Уилл.

— Не надо, — обрывала я. — Я не хочу с тобой разговаривать.

Никогда не думала, что могу быть настолько холодной. Я определенно поразила стюардесс. Во время полета я видела, как они перешептывались, когда я отворачивалась от Уилла, надевала наушники или упорно смотрела в окно.

Впервые в жизни он не разозлился. Это было почти самое ужасное. Он не злился и не язвил, а только становился все тише и тише, пока совсем не замолчал. Бедному Натану пришлось поддерживать разговор, спрашивать о чае, кофе и лишних пакетиках с жареным арахисом, просить выпустить его в туалет.

Наверное, сейчас это кажется ребячеством, но дело было не только в гордости. Я не могла это вынести. Не могла вынести мысли, что потеряю его, что он настолько упрям и не желает видеть хорошего, возможности хорошего. Что он не передумает. И так вцепился в эту дату, как будто она высечена в камне. В моей голове теснились тысячи безмолвных возражений. «Почему этого для тебя недостаточно? Почему меня для тебя недостаточно? Почему ты в меня не поверил? Если бы у нас было больше времени, все было бы иначе?» Я то и дело ловила себя на том, что смотрю на его загорелые руки, квадратные пальцы всего в нескольких дюймах от моих и вспоминаю, как наши пальцы переплетались — его тепло, иллюзию силы, несмотря на неподвижность, — и в моем горле рос комок, пока я не начала задыхаться. Мне пришлось спрятаться в туалете, согнуться над раковиной и молча рыдать под лампами дневного света. Несколько раз при мысли о том, что Уилл по-прежнему намерен сделать, мне приходилось бороться с желанием закричать. Меня охватило какое-то безумие, я чувствовала, что вот-вот усядусь в проходе и завою, буду выть, пока кто-нибудь не вмешается. Пока кто-нибудь не помешает ему это сделать.

Хотя со стороны я казалась инфантильной, а стюардессам и вовсе бессердечной, поскольку отказывалась говорить с Уиллом, смотреть на него, кормить его, я знала, что притвориться, будто его нет рядом, — единственный способ пережить эти несколько часов вынужденной близости. Честное слово, если бы я верила, что Натан справится один, то сдала бы билет или даже исчезла, пока между нами не пролег бы целый континент, а не несколько жалких дюймов.

Мужчины заснули, и это принесло определенное облегчение — краткую передышку от напряжения. Я уставилась на экран телевизора, и с каждой милей полета на сердце становилось все тяжелее, а беспокойство росло. До меня начало доходить, что поражение не только мое — родители Уилла будут сокрушены. Наверное, они станут винить меня. Сестра Уилла может подать на меня в суд. И еще я виновата перед самим Уиллом. Я не

сумела его убедить. Я предложила ему все, что смогла, включая себя, но ничто не вернуло ему желание жить.

Возможно, внезапно подумала я, он заслуживал кого-то получше меня. Поумнее. Кто-то вроде Трины мог бы придумать нечто более убедительное. Найти редкую статью о медицинском исследовании или действенное средство. Заставить его передумать. У меня закружилась голова при мысли, что мне придется провести с этим знанием остаток жизни.

— Воды, Кларк? — Голос Уилла прервал мои размышления.

— Нет. Спасибо.

— Я не слишком заехал локтем на твоё сиденье?

— Нет. Все в порядке.

Только в последние несколько часов, в темноте, я позволила себе посмотреть на него. Медленно отвела взгляд от мерцающего экрана и украдкой стала наблюдать за ним в тусклом свете тесного салона. Пока я изучала его лицо, такое загорелое и красивое, такое безмятежное во сне, по моей щеке скатилась одинокая слеза. Под пристальным взглядом Уилл пошевелился, но не проснулся. Невидимая стюардессами и Натаном, я медленно накрыла Уилла одеялом по шею и аккуратно подоткнула края, чтобы он не замерз под кондиционером.

* * *

Они ждали в зале прибытия. Откуда-то я знала, что так будет. На паспортном контроле меня начало подташнивать. Какой-то служащий, исполненный благих намерений, провел нас в обход, хотя я молилась, чтобы нам пришлось ждать, торчать в очереди несколько часов, а лучше дней. Но нет, мы пересекли просторное помещение. Я толкала багажную тележку, Натан катил кресло Уилла, и когда стеклянные двери открылись, они бок о бок стояли у загородки, напоминая дружную семью, что случалось редко. Лицо миссис Трейнор при виде Уилла на мгновение просияло, и я рассеянно подумала: «Ну конечно, он так хорошо выглядит». Стыдно, но я надела солнечные очки — не чтобы скрыть усталость, а чтобы она не поняла по моему лицу, что мне предстоит ей сказать.

— С ума сойти! — воскликнула миссис Трейнор. — Уилл, ты чудесно выглядишь. Просто чудесно!

Отец Уилла, наклонившись, хлопал сына по креслу, по колену, расточая улыбки.

— Мы поверить не могли, когда Натан сказал, что ты каждый день

загораешь на пляже. И плаваешь! Как вода — ласковая и теплая? Здесь все время лил дождь. Типичный август!

Ну конечно. Натан писал им эсэмэски или звонил. Разве они отпустили бы нас так надолго, не договорившись о связи?

— Там... там было просто замечательно, — сказал Натан. Он тоже притих, но попытался улыбнуться, как ни в чем не бывало.

Я застыла, сжимая паспорт, как будто собиралась уехать куда-то еще. Мне приходилось напоминать себе о необходимости дышать.

— Мы тут подумали — как насчет праздничного ужина? — произнес отец Уилла. — В «Интерконтинентале» есть отличный ресторан. Шампанское за наш счет. Что скажешь? Мы с твоей матерью не отказались бы развлечься.

— Конечно, — ответил Уилл.

Он улыбался матери, а она смотрела на него, как будто хотела сохранить этот миг навечно. «Как ты можешь?! — хотелось закричать мне. — Как ты можешь так на нее смотреть, если знаешь, как собираешься с ней поступить?»

— Тогда поехали. Я оставил машину на парковке для инвалидов. Это совсем рядом. Я-то думал, вы не выпались в самолете. Натан, забрать у тебя какую-нибудь сумку?

— Вообще-то, я лучше пойду, — встряла я в их разговор, снимая свои вещи с тележки. — Спасибо за предложение.

Я сосредоточилась на своей сумке, намеренно не глядя на них, но даже в шуме аэропорта заметила короткое замешательство, вызванное моими словами.

— Ну что вы, Луиза, — нарушил молчание мистер Трейнор. — Давайте отметим ваше возвращение. Нам не терпится услышать о ваших приключениях. Я хочу знать об острове как можно больше. Обещаю, вам не придется рассказывать нам все. — Он чуть не захихикал.

— Да, — резковато добавила миссис Трейнор. — Поехали, Луиза.

— Нет, — ответила я, пытаясь вяло улыбнуться. Солнечные очки служили мне щитом. — Спасибо. Я лучше поеду к себе.

— Куда? — спросил Уилл.

Я поняла, о чем он спрашивает. Мне некуда было идти.

— К родителям. Все будет хорошо.

— Поехали с нами, — мягко настаивал он. — Остайся, Кларк. Пожалуйста.

Мне захотелось расплакаться. Но я была совершенно уверена, что не могу находиться рядом с ним.

— Нет. Спасибо. Приятного аппетита. — Я перекинула сумку через плечо и, прежде чем кто-то успел заговорить, направилась прочь, растворившись в толпе терминала.

Я почти добралась до автобусной остановки, когда услышала ее. Камилла Трейнор, цокая каблуками по мостовой, наполовину шла, наполовину бежала ко мне.

— Остановитесь. Луиза. Пожалуйста, остановитесь.

Я обернулась. Она пробиралась сквозь группу автобусных туристов, раздвигала подростков с рюкзаками, словно Моисей — волны. Огни аэропорта отражались в ее волосах, придавая им медный оттенок. На ней была тонкая серая шаль, элегантно задрапированная на плече. Я рассеянно подумала, какой красавицей она, вероятно, была всего несколько лет назад.

— Пожалуйста. Пожалуйста, остановитесь.

Я остановилась, поглядывая на дорогу и призывая автобус поскорее появиться и забрать меня отсюда. Призывая хоть что-нибудь. Например, небольшое землетрясение.

— Луиза?

— Он хорошо отдохнул. — Мой голос был резким. Я поймала себя на мысли, что он странно напоминает ее голос.

— Он замечательно выглядит. Просто замечательно. — Миссис Трейнор стояла на мостовой и изучала меня. Внезапно она застыла совершенно неподвижно, несмотря на море людей, вздымающееся вокруг.

Мы молчали.

А затем я сказала:

— Миссис Трейнор, я хочу уволиться. Я не могу... не могу работать эти последние несколько дней. Можете ничего мне не платить. Честно говоря, можете вообще не платить за этот месяц. Я ничего не хочу. Я просто...

Миссис Трейнор побледнела. Я увидела, как краски схлынули с ее лица, как она покачнулась под утренним солнцем. Я увидела, как мистер Трейнор спешит к ней из-за спины, придерживая рукой панаму. Он бормотал извинения, проталкиваясь через толпу и не сводя глаз с меня и своей жены, застывших в нескольких футах друг от друга.

— Вы... вы утверждали, что он был счастлив. Вы утверждали, что это может заставить его передумать. — В ее голосе звучало отчаяние, как будто она умоляла меня сказать что-то другое, изменить свой ответ.

Я не могла говорить. Я смотрела на нее, а затем сумела лишь покачать головой.

— Простите, — прошептала я так тихо, что она не расслышала.

Мистер Трейнор был уже совсем рядом, когда она упала. Ее ноги просто подкосились, он протянул левую руку и подхватил ее, рот миссис Трейнор сложился большой буквой «О», она навалилась на мужа.

Его панама упала на мостовую. Он озадаченно взглянул на меня, еще не понимая, что случилось.

Но я не могла на него смотреть. Я, словно в прострации, повернулась и пошла, машинально переставляя ноги, прочь от аэропорта, куда глаза глядят.

После возвращения из отпуска Луиза не выходила из своей комнаты целых тридцать шесть часов. Она приехала из аэропорта поздно вечером в воскресенье, бледная как привидение, несмотря на свой загар... Но мы не сразу это поняли, поскольку она недвусмысленно пообещала увидеться с нами утром в понедельник. «Мне просто нужно поспать», — сказала она и, закрывшись в своей комнате, сразу легла. Это показалось немного странным, но откуда нам было знать? В конце концов, Лу с рождения была эксцентричной.

Утром мама отнесла ей кружку чая, но Лу даже не пошевелилась. К ужину мама забеспокоилась и встряхнула ее, проверяя, жива ли она. Порой мама немного мелодраматична... хотя, если честно, она приготовила рыбный пирог и, наверное, просто не хотела, чтобы Лу его пропустила. Но Лу отказалась есть, отказалась говорить и отказалась спускаться. «Я хочу побыть здесь, мама», — буркнула она в подушку. Наконец ее оставили в покое.

— Она сама на себя не похожа, — заметила мама. Как по-вашему, может, это запоздалая реакция на расставание с Патриком?

— Плевать она хотела на Патрика, — возразил папа. — Я сказал ей, что он звонил и хвастался сто пятьдесят седьмым местом на этом своем «Викинге», но она и ухом не повела. — Он пригубил чай. — Впрочем, я ее не виню. Нелегко восхищаться сто пятьдесят седьмым местом.

— Может, она заболела? Несмотря на загар, она ужасно бледная. И столько спит. На нее не похоже. Возможно, у нее какая-нибудь ужасная тропическая болезнь.

— Просто у нее нарушены биоритмы из-за смены часовых поясов, — авторитетно заявила я, поскольку знала, что мама и папа склонны считать меня экспертом в разнообразных вопросах, о которых никто из нас не имел ни малейшего понятия.

— Нарушены биоритмы? Вот к чему приводят долгие путешествия! Пожалуй, мне лучше оставаться в Тенби. А ты что скажешь, Джози, милая?

— Не знаю... Кто бы мог подумать, что можно выглядеть такой больной из-за отпуска? — покачала головой мама.

После ужина я поднялась наверх. Стучать в дверь я не стала. В конце

концов, строго говоря, это была моя комната. Воздух был спертый и затхлый, я подняла жалюзи и открыла окно, так что Лу в вихре пылинок, прикрывая глаза от света, сонно вывернулась из-под одеяла.

— Ты собираешься рассказать, что случилось? — Я поставила кружку чая на прикроватный столик.

Она моргала, глядя на меня.

— Мама считает, что ты подхватила лихорадку Эбола. Она уже обзванивает соседей, которые заказали тур бинго-клуба в Порт Авентура.
[\[67\]](#)

Сестра промолчала.

— Лу?

— Я уволилась, — тихо сказала она.

— Почему?

— А ты как думаешь? — Она заставила себя выпрямиться, неловко потянулась за кружкой и сделала большой глоток.

Для человека, только что прошедшего почти две недели на Маврикии, Лу выглядела просто кошмарно. Ее глаза заплыли и покраснели, а кожа покрылась пятнами. Волосы торчали вбок. Казалось, она не спала несколько лет. Но главное — она была грустной. Я никогда не видела сестру такой грустной.

— Выходит, он все-таки решился на это? — (Она кивнула и с трудом сглотнула.) — Вот дерьмо. Ах, Лу! Мне так жаль.

Я легонько ударила ее и забралась в кровать. Лу отпила еще чаю и положила голову мне на плечо. На ней была моя футболка. Я ничего не сказала. Видите, как я переживала?

— Что мне делать, Трин?

Ее голос был тонким, как у Томаса, когда он поранится и пытается храбриться. Соседский пес бегал вдоль садовой ограды, гоняя местных кошек. Время от времени раздавались взрывы отчаянного лая, пес пытался выглянуть из-за забора и таращил от досады глаза.

— Не уверена, что можно что-то сделать. О боже! Ты так старалась... И все эти усилия...

— Я призналась, что люблю его, — прошептала она. — А он ответил, что этого недостаточно. — Ее глаза были большими и печальными. — Как мне теперь с этим жить?

В нашей семье я считаюсь всезнайкой. Я читаю больше других. Учусь в университете. У меня должны найтись ответы на любые вопросы.

Но я посмотрела на свою старшую сестру и покачала головой:

— Не представляю.

Наконец на следующий день Лу вышла, приняла душ и переоделась, и я велела маме и папе ни о чем ее не расспрашивать. Я намекнула, что дело в парне, и папа поднял брови и состроил гримасу, как будто это все объясняло и одному Богу известно, с чего мы переполошились. Мама немедленно позвонила в бинго-клуб и заявила, что передумала насчет опасностей авиаперелета.

Лу съела тост — обедать она не хотела, — надела большую широкополую шляпу от солнца, и мы прогулялись вместе с Томасом к замку, чтобы покормить уток. Полагаю, сестра предпочла бы остаться дома, но мама настояла, что нам всем нужен свежий воздух. На мамином языке это означало, что ей не терпится подняться в спальню, проветрить и сменить белье. Томас вприпрыжку бежал впереди, сжимая пухлый полиэтиленовый пакет с сухариками, а мы с отточенной годами тренировок ловкостью огибали слоняющихся туристов, уклонялись от рюкзаков, разделялись перед позирующими фотографу парами и вновь встречались позади. Замок плавился под летним солнцем, земля потрескалась, трава превратилась в пушинки, похожие на последние волоски на голове лысеющего мужчины. Цветы в кадках поникли, как будто уже готовились к осени.

Мы с Лу почти не разговаривали. О чем нам было говорить?

Когда мы шли мимо туристической парковки, я заметила, как сестра покосилась из-под полей шляпы на дом Трейноров. Высокие непроницаемые окна элегантного особняка из красного кирпича скрывали трагедию, которая разыгрывалась за ними, быть может, в этот самый момент.

— Если хочешь, зайди поговори с ним, — предложила я. — Я подожду тебя здесь.

Лу уставилась в землю, скрестив руки на груди, и мы пошли дальше.

— Бессмысленно, — пояснила она.

Я знала продолжение фразы: «Его, наверное, даже нет дома».

Мы медленно обошли вокруг замка, глядя, как Томас скатывается с крутых участков холма и кормит уток, которые к этому времени года разъедались настолько, что ленились подходить ради простого хлеба. По дороге я наблюдала за сестрой, за коричневой спиной в топе с лямкой вокруг шеи, за сгорбленными плечами, и мне стало ясно, что для нее все изменилось, даже если она еще этого не знает. Она не останется здесь, что бы ни случилось с Уиллом Трейнором. От нее веяло новыми знаниями, зрелищами, впечатлениями. Перед сестрой наконец открылись новые

горизонты.

— Да, — вспомнила я, когда мы повернули обратно к воротам, — тебе пришло письмо. Из колледжа, пока ты была в отъезде. Извини... я его вскрыла. Думала, это мне.

— Ты его вскрыла?

— Да. Я надеялась, что мне увеличили грант. Тебе назначили собеседование.

Лу заморгала, как будто услышала новость из далекого прошлого.

— Вот именно. Самое главное, что собеседование уже завтра, — добавила я. — Давай обсудим вечером возможные вопросы.

— Я не могу пойти на собеседование, — покачала она головой.

— Можно подумать, у тебя есть другие дела.

— Я не могу, Трина, — грустно повторила она. — Разве в такой момент можно думать о чем-то еще?

— Послушай, Лу. Не будь идиоткой — собеседованиями не швыряются направо и налево, словно крошками для уток. Это важное событие. Им известно, что ты студент-переросток и подала заявление в неурочное время, но тебя все равно хотят видеть. Не валяй дурака.

— Мне плевать. Я не могу об этом думать.

— Но ты...

— Просто оставь меня в покое, Трин. Хорошо? Я не могу.

— Эй! — Я заступила ей дорогу. Томас беседовал с голубем в нескольких шагах впереди. — Сейчас самый подходящий момент, чтобы подумать об этом. Нравится тебе или нет, но настала пора решить, чем ты будешь заниматься до конца своих дней.

Мы загораживали дорогу. Теперь туристам приходилось разделяться, чтобы обойти нас — и они обходили, склонив головы или со слабым интересом разглядывая спорящих сестер.

— Я не могу.

— Замечательно! Кстати, ты не забыла? У тебя больше нет работы. Нет Патрика, чтобы вытирать тебе сопли. И если ты пропустишь это собеседование, то через пару дней отправишься на биржу труда, где тебе предложат потрошить куриц, танцевать гольшом или подтирать чужие задницы, чтобы зарабатывать на жизнь. Можешь мне не верить, но тридцатник уже не за горами, и ничего лучшего тебе не предложат. И все, что ты узнала за последние шесть месяцев, окажется пустой тратой времени. Все.

Лу глядела на меня с безмолвной яростью, как всегда, когда знает, что я права и она не может ничего возразить. Томас подошел к нам и потянул

меня за руку.

— Мама... ты сказала «задница».

Сестра продолжала сверкать глазами. Но я видела, что она задумалась.

— Нет, солнышко, — повернулась я к сыну, — я сказала «салатница». Мы сейчас пойдем домой — правда, Лу? — и заглянем в салатницу, нет ли там чего вкусного? А потом бабушка тебя искупает, а я помогу тете Лу сделать домашнюю работу.

На следующий день мама согласилась присмотреть за Томасом, и я пошла в библиотеку. Я посадила Лу на автобус, зная, что увижу ее только вечером. Я не возлагала на собеседование особых надежд, ведь с тех пор, как мы расстались с сестрой, почти не думала о ней.

Возможно, это звучит немного эгоистично, но мне не нравится отставать в учебе, и перерыв в трагедии Лу принес желанное облегчение. Находиться рядом со страдальцем несколько утомительно. Его можно жалеть, однако все равно хочется, чтобы он собрался. Я мысленно сложила семью, сестру и беспорядок в ее личной жизни в папку, закрыла ящик и сосредоточилась на освобождении от уплаты НДС. По бухгалтерскому учету я шла второй и не намеревалась отставать только из-за причудливой системы единой ставки Управления по налогам и таможенным сборам Великобритании.

Домой я вернулась в четверть шестого и положила свои папки на стул в прихожей. Все уже болтались возле кухонного стола, а мама начала накрывать. Томас запрыгнул на меня, обхватив ногами за талию, и я поцеловала его, вдыхая чудесный запах маленького мальчика.

— Садись, садись, — пропела мама. — Папа только что пришел.

— Как твои книги? — спросил папа, вешая пиджак на спинку стула.

Он всегда осведомлялся о «моих книгах». Как будто они жили собственной жизнью и за ними нужно было присматривать.

— Спасибо, хорошо. Я одолела три четверти второго тома «Бухгалтерского учета». А завтра займусь корпоративным правом. — Я отлепила от себя Томаса и, потрепав по шелковистой макушке, посадила на соседний стул.

— Слыхала, Джози? Корпоративное право.

Папа стащил картофелину с блюда и засунул в рот, пока мама не видела. Похоже, ему нравилось, как звучит «корпоративное право». Мы немного поболтали о содержании учебника. Затем поговорили об отцовской работе — в основном о том, как туристы все ломают. За ними нужен глаз да глаз! Даже деревянные столбики ворот на парковке

приходится менять раз в несколько недель, потому что недоумки не в состоянии проехать в проем шириной двенадцать футов. Лично я повысила бы цену билета, чтобы покрыть издержки, но кто меня спрашивает.

Мама закончила накрывать на стол и наконец уселась. Томас ел руками, когда думал, что никто не видит, и, таинственно улыбаясь, тихонько повторял «задница», а дедушка ел и глядел в потолок, словно думал о чем-то совершенно постороннем. Я взглянула на Лу. Она смотрела на тарелку и гоняла по ней жареную курицу, точно пыталась ее закопать. «Дело плохо», — подумала я.

— Ты не голодна, милая? — проследив за моим взглядом, спросила мама.

— Не очень, — ответила сестра.

— Слишком жарко для курицы, — признала мама. — Просто хотелось немного тебя подбодрить.

— Ну... так ты расскажешь, как прошло собеседование? — Папа замер с вилок на полпути ко рту.

— А-а, собеседование... — Лу казалась рассеянной, как будто папа припомнил дела пятилетней давности.

— Да, собеседование.

— Хорошо. — Она наколола на вилку крошечный кусочек курицы.

Папа взглянул на меня. Я чуть пожала плечами.

— Просто хорошо? Разве тебе не дали понять, как ты справилась?

— Дали.

— Что?

Сестра продолжала смотреть на тарелку. Я перестала жевать.

— Они сказали, что искали именно такого студента. Я пройду базовый курс, это займет год, а затем мне его засчитают.

— Потрясающая новость! — Папа откинулся на спинку стула.

— Отличная работа, милая. — Мама похлопала Лу по плечу. — Просто блестяще!

— Не слишком. Вряд ли я смогу позволить себе четыре года обучения.

— Не волнуйся об этом сейчас. Seriously. Посмотри, как успешно справляется Трина. Эй! — Он ткнул Лу в бок. — Мы что-нибудь придумаем. Мы всегда что-нибудь придумываем, правда? — Папа широко улыбнулся нам обеим. — Похоже, удача повернулась к нам лицом, девочки. Нашу семью ждет счастливое будущее.

И тут Лу внезапно разрыдалась. По-настоящему разрыдалась. Она плакала, как Томас, выла, заливаясь слезами и соплями. Ей было плевать, кто услышит, ее всхлипы ножом вспороли тишину в маленькой комнате.

Томас смотрел на нее, открыв рот, так что мне пришлось посадить его на колени и отвлечь, чтобы он не встроился тоже. И пока я играла с кусочками картошки и разговаривала с горошком смешным голосом, она все рассказала родителям.

Она рассказала им все: о Уилле, шестимесячном контракте и о том, что случилось на Маврикии. Мамины руки взлетели ко рту. Дедушка помрачнел. Курица остыла, подливка застыла в соуснике.

Папа с недоверием качал головой. Когда сестра подробно описала, как летела домой с побережья Индийского океана, и шепотом повторила свои последние слова миссис Трейнор, он отодвинул стул и встал. Потом медленно обошел стол и заключил Лу в объятия, как в детстве. Он крепко прижимал ее к себе, очень крепко.

— О господи, бедный парень. И бедная ты. О боже!

Кажется, я никогда еще не видела отца настолько потрясенным.

— Какой кошмар.

— Ты все это пережила? И не сказала нам? Прислала открытку о подводном плавании — и все? — Голос матери был недоверчивым. — Мы думали, это лучший отдых в твоей жизни.

— Я была не одна. Трина знала. — Лу посмотрела на меня. — Она очень мне помогла.

— Ничего я не делала, — сказала я, обнимая Томаса. Мама поставила перед ним жестянку с шоколадными конфетами, и он утратил интерес к разговору. — Только слушала. Ты все сделала сама. Ты сама все придумала.

— И что толку? — Лу прислонилась к отцу, в ее голосе звенело отчаяние.

Папа приподнял ее лицо за подбородок, чтобы дочка на него посмотрела.

— Но ты сделала все, что могла.

— И проиграла.

— Кто сказал, что ты проиграла? — Папа, глядя с нежностью, отвел ее волосы с лица. — Я перебрал все, что знаю о Уилле Трейноре, все, что знаю о таких людях, как он. И я скажу тебе одно. Сомневаюсь, чтобы этого парня вообще можно было переубедить, если уж он решил. Он тот, кто он есть. Нельзя изменить характер человека.

— Но его родители! Как они могут позволить ему покончить с собой? — вступила мама. — Что они за люди?

— Обычные люди, мама. Миссис Трейнор просто не знает, что еще можно сделать.

— Для начала — не везти его в эту чертову клинику! — Мать

разозлилась, на ее скулах вспыхнули красные пятна. — Я бы сражалась за вас обеих и за Томаса до последнего вздоха.

— Даже если он уже пытался покончить с собой? — спросила я. — И очень мучительным способом?

— Он болен, Катрина. У него депрессия. Нельзя позволять уязвимым людям делать то, о чем они... — От ярости мама проглотила язык и вытерла глаза салфеткой. — У этой женщины нет сердца. Нет сердца! И подумать только, что они втянули Луизу во все это! А еще мировая судья! Казалось бы, мировые судьи должны различать добро и зло. Кто, как не они? Мне ужасно хочется отправиться к ним и привезти его сюда.

— Все не так просто, мама.

— Нет. Вовсе нет. Он уязвим, и она не вправе даже помышлять об этом. Я в шоке. Бедный парень, бедный парень! — Она встала из-за стола и, забрав остатки курицы, широким шагом вышла из кухни.

Луиза наблюдала за ней не без удивления. Мама никогда не злилась. Кажется, она не повышала голоса с 1933 года.

Папа покачал головой, явно размышляя о чем-то другом:

— Я тут подумал... Теперь понятно, почему не видно мистера Трейнора. А я все гадал, куда он подевался. Решил, они поехали всей семьей отдыхать.

— Они... они уехали?

— Я не видел его последние два дня.

Лу осела на стуле.

— Вот дерьмо, — не сдержалась я и закрыла Томасу уши руками.

— Это завтра.

Лу посмотрела на меня, и я подняла взгляд на календарь на стене.

— Тринадцатое августа. Это завтра.

Лу ничего не делала в тот последний день. Она встала раньше меня и смотрела в кухонное окно. Шел дождь, затем прояснилось, затем снова пошел дождь. Она лежала на диване с бабушкой, пила чай, приготовленный мамой, и каждые полчаса я наблюдала, как она молча бросает взгляд на часы на каминной полке. Ужасное зрелище. Мы с Томасом отправились купаться, и я попыталась уговорить ее присоединиться к нам. Я сказала, что мама присмотрит за ребенком, если мы потом пройдемся по магазинам. Я предложила сходить вдвоем в паб, но Лу отказалась и от этого.

— Что, если я ошиблась, Трина? — спросила она так тихо, что расслышала только я.

Я взглянула на бабушку, но он не отрывал глаз от скачек. По-моему,

папа до сих пор тайком делал за него двойные ставки, хотя уверял маму, что нет.

— В смысле?

— А если мне следовало поехать с ним?

— Но... ты сказала, что не можешь.

Небо было серым. Сестра смотрела на унылый пейзаж сквозь безукоризненно чистые окна.

— Да, сказала. Но мне невыносимо не знать, что происходит! — Ее лицо сморщилось. — Невыносимо не знать, что он чувствует. Невыносимо, что я даже не смогу попрощаться.

— Так лети! Ты еще можешь успеть на рейс!

— Слишком поздно. — Она закрыла глаза. — Я не успею. Осталось всего два часа... до окончания процедур. Я проверила. По Интернету. — (Я ждала.) — Они не... делают... этого... после половины шестого, — изумленно покачала головой Лу. — Как-то связано со швейцарскими чиновниками, которые должны присутствовать. Им не нравится... удостоверять... что-либо в нерабочее время.

Я едва не засмеялась. Но я не знала, что ей сказать. Я не могла представить, каково ждать и знать, что сейчас происходит где-то далеко. Я никогда не любила мужчину, как она, по-видимому, любила Уилла. Конечно, мужчины мне нравились, я их хотела, но иногда казалось, что во мне не хватает какой-то микросхемы чувствительности. Я не могла представить, как оплакиваю кого-либо из них. Единственный эквивалент, который я смогла изобрести, — Томас, ожидающий смерти в чужой стране, и едва эта мысль пришла мне на ум, как я чуть не рехнулась, настолько чудовищной она была. Поэтому ее я тоже засунула в дальний угол воображаемой картотеки в ящик с этикеткой «Немыслимо».

Я села рядом с сестрой на диван, и мы молча посмотрели «Приз первой победы» в три тридцать, затем заезд с гандикапом в четыре и следующие четыре заезда, напряженно глядя в телевизор, как будто поставили на победителя все до гроша.

А затем позвонили в дверь.

Луиза соскочила с дивана и через мгновение очутилась в прихожей. Она рывком распахнула дверь, и от того, как она это сделала, остановилось даже мое сердце.

Но на пороге был не Уилл. Это была молодая женщина, накрашенная ярко и безупречно, ее волосы обрамляли подбородок аккуратным каре. Она сложила зонт, улыбнулась и потянулась к большой сумке, которая висела у нее на плече. На мгновение мне пришло в голову, что это сестра Уилла

Трейнора.

— Луиза Кларк?

— Да?

— Я из «Глоуб». Можно с вами побеседовать?

— «Глоуб»?

В голосе Лу чувствовалось замешательство.

— Вы из газеты? — Я встала у сестры за спиной и заметила блокнот в руке женщины.

— Можно войти? Всего на пару слов об Уильяме Трейноре. Вы ведь работаете на Уильяма Трейнора?

— Без комментариев, — сказала я и захлопнула дверь у женщины перед носом, прежде чем та успела что-либо добавить.

Сестра в шоке стояла в прихожей. Она вздрогнула, когда в дверь снова позвонили.

— Не отвечай, — прошипела я.

— Но откуда?..

Я принялась толкать ее вверх по лестнице. Она еле передвигала ноги, как будто во сне.

— Дедушка, не открывай дверь! — крикнула я. — Кому ты говорила? — спросила я, когда мы добрались до площадки. — Кто-то им рассказал. Кто в курсе?

— Мисс Кларк, — женский голос просочился в щель для писем, — дайте мне всего десять минут... Мы понимаем, что это очень щекотливый вопрос. Мы хотели бы узнать вашу часть истории...

— Это значит, что он мертв? — В глазах Лу стояли слезы.

— Нет, это значит, что какая-то сволочь пытается извлечь выгоду из происходящего. — Я на минуту задумалась.

— Кто это был, девочки? — крикнула снизу мать.

— Никто, мама. Просто не открывай дверь.

Я перегнулась через перила. Мама держала кухонное полотенце и вглядывалась в тень за стеклянными панелями передней двери.

— Не открывать дверь?

— Лу... — Я взяла сестру под локоть. — Ты что-нибудь рассказывала Патрику?

Ей не нужно было отвечать. Ее потрясенное лицо говорило само за себя.

— Ладно. Не паникуй. Просто не подходи к двери. Не отвечай на телефон. Не говори им ни слова, ясно?

Маме пришлось несладко. И особенно несладко, когда начал звонить телефон. После пятого звонка мы включили автоответчик, но все равно были вынуждены слушать. Голоса вторгались в нашу маленькую прихожую. Их было четыре или пять, и все твердили одно. Все предлагали Лу возможность рассказать свою часть «истории», как они выражались. Как будто Уилл Трейнор превратился в товар, за который они дрались. Звонил телефон, звонили в дверь. Мы сидели с задернутыми шторами и слушали, как журналисты топчутся у наших ворот, переговариваются и болтают по мобильным телефонам.

Мы словно оказались в осаде. Мама заламывала руки и кричала в щель для писем, чтобы журналисты убирались к черту из нашего сада, куда один из них посмел зайти сквозь ворота. Томас смотрел в окно ванной на втором этаже и интересовался, откуда в нашем саду люди. Четыре или пять раз звонили соседи с вопросами, что происходит. Папа припарковался на Айви-стрит, прокрался домой через задний сад, и мы почти всерьез обсудили замки и кипящее масло.

Затем, поразмыслив еще немного, я позвонила Патрику и спросила, сколько он получил за свой поганый маленький совет. Он чуть замялся, прежде чем все отрицать, и у меня не осталось сомнений.

— Ах ты говнюк! — завопила я. — Я тебе ноги переломаю, марафонец, так что о сто пятьдесят седьмом месте будешь только мечтать!

Лу сидела на кухне и плакала. Не рыдала, а молча заливалась слезами, вытирая щеки ладонью. Я не знала, что ей сказать.

И прекрасно. Мне было что сказать всем остальным.

Все журналисты, кроме одного, убрались к половине восьмого. Не то сдались, не то им надоела манера Томаса кидать кубики «Лего» в щель для писем в ответ на записки. Я попросила Луизу искупать Томаса вместо меня, в основном чтобы вытащить ее с кухни, но еще и потому, что хотела в одиночестве прослушать автоответчик и удалить сообщения от журналистов. Двадцать шесть. Двадцать шесть уродов! И все такие милые, такие понимающие. Некоторые даже предлагали ей деньги.

Даже если предлагали деньги, я методично нажимала «Удалить», несмотря на легкий соблазн узнать сумму. Из ванной доносились голоса Лу и Томаса и плеск — он пикировал и бомбил бэтмобилем шесть дюймов мыльной пены. Только матери знают, что купание, «Лего» и рыбные палочки не позволяют страдать слишком долго. Наконец я открыла последнее сообщение.

— Луиза? Это Камилла Трейнор. Вы не могли бы позвонить мне? Как можно скорее.

Я устала на автоответчик. Перемотала назад и повторила сообщение. Затем взбежала наверх и выдернула Томаса из ванны так быстро, что малыш даже не понял, что случилось. Он стоял, плотно завернутый в полотенце, словно мумия, а смущенная Лу, спотыкаясь, уже была на половине лестницы, подталкиваемая мной.

— А если она меня ненавидит?

— По голосу непохоже.

— А если их осадили журналисты? Если они винят меня? — Ее глаза были большими и испуганными. — Если она позвонила, чтобы сказать, что все кончено?

— Ради всего святого, Лу! Соберись хоть раз в жизни! Ты ничего не узнаешь, если не позвонишь. Позвони ей. Просто позвони. Выбора у тебя нет.

Я бегом вернулась в ванную, чтобы освободить Томаса, запихнула его в пижаму и пообещала, что бабушка угостит его печеньем, если он добегит до кухни супер-быстро. Затем выглянула из ванной. Сестра разговаривала в прихожей по телефону.

Она стояла ко мне спиной, приглаживая волосы на затылке. Затем вытянула руку, чтобы не упасть.

— Да, — говорила она. — Понятно. Хорошо. — Затем, после паузы: — Да.

Лу не меньше минуты смотрела себе под ноги, прежде чем положить трубку.

— Ну? — спросила я.

Она подняла глаза, как будто только что меня заметила, и покачала головой:

— Газеты здесь ни при чем. — От потрясения сестра едва ворочала языком. — Она просила меня... умоляла... приехать в Швейцарию. И заказала мне билет на последний рейс сегодня вечером.

В других обстоятельствах, полагаю, показалось бы странным, что я, Лу Кларк, девушка, которая на протяжении двадцати лет редко уезжала дальше пары километров от родного города, менее чем за неделю летит в третью страну. Но я собрала вещи со стремительностью стюардессы, взяв только самое необходимое. Трина бегала вокруг и молча подавала все, что, по ее мнению, могло мне понадобиться, а затем мы спустились вниз. На полпути мы остановились. Мама и папа с угрожающим видом стояли в прихожей, как в юности, когда мы пробирались в дом ночью после вечеринки.

— Что происходит? — Мама смотрела на мой чемоданчик.

Трина загородила меня.

— Лу летит в Швейцарию, — сообщила она. — И ей пора выходить. Остался всего один рейс.

Мы уже собирались идти дальше, когда мама шагнула вперед:

— Нет! — Ее губы были непривычно поджаты, руки неуклюже скрещены на груди. — Я серьезно. Я не хочу, чтобы ты в этом участвовала. Если это то, что я думаю, мой ответ — нет.

— Но... — обернувшись на меня, начала Трина.

— Нет, — повторила мама с непривычным металлом в голосе. — Никаких «но». Я думала об этом, обо всем, что ты нам рассказала. Это неправильно. Аморально. И если ты впутаешься в это и будешь участвовать в самоубийстве, тебя ждут неприятности.

— Мама права, — поддакнул отец.

— Тебя покажут в новостях. Это может изменить всю твою жизнь, Лу. Собеседование в колледже, все. С криминальным прошлым ты никогда не получишь диплом колледжа, или хорошую работу, или...

— Он просит ее приехать. Она не может отказать, — перебила Трина.

— Нет, может. Она отдала шесть месяцев жизни этой семье. И много же радости это ей принесло, судя по положению вещей! Много же радости это принесло нашей семье, в двери которой стучатся журналисты, а соседи считают, что мы замешаны в каких-то махинациях с пособием по безработице. У нее наконец появилась возможность позаботиться о себе, а они хотят, чтобы она явилась в это ужасное место в Швейцарии и участвовала бог весть в чем. Ну уж нет! Нет, Луиза.

— Но она должна ехать, — настаивала Трина.

— Нет, не должна. Она сделала достаточно. Она сама сказала вчера вечером, что сделала все, что могла, — покачала головой мама. — Как бы Трейноры ни собирались испортить себе жизнь, сделав... это... со своим сыном, я не хочу, чтобы Луиза участвовала. Я не хочу, чтобы она разрушила свою жизнь.

— Полагаю, я в состоянии решить сама, — заметила я.

— Не уверена. Это твой друг, Луиза. Молодой человек, у которого впереди вся жизнь. Ты не можешь в этом участвовать. Я... в шоке, что тебе вообще пришло в голову... — Голос матери стал непривычно жестким. — Я растила тебя не для того, чтобы лишать людей жизни! Ты помогла бы дедушке покончить с собой? Может, нам отправить его в «Дигнитас»?

— Дедушка — другое дело.

— Нет, не другое. Он не может делать то же, что раньше. Но его жизнь бесценна. Как и жизнь Уилла.

— Это не мне решать, мама, а Уиллу. Весь смысл в том, чтобы поддержать его.

— Поддержать Уилла? В жизни не слышала подобной чуши. Ты ребенок, Луиза. Ты ничего не видела, ничего не делала. И ты понятия не имеешь, как это на тебе отразится. Ради Христа, как ты сможешь спать по ночам, если поможешь ему пройти через это? Ты поможешь человеку умереть. Ты вообще понимаешь о чем речь? Ты поможешь Уиллу, этому милому, умному молодому человеку, умереть?

— Я буду спать по ночам, потому что верю, Уилл знает, что для него правильно, и потому что для него самое ужасное — утратить способность принимать решения, стать совершенно беспомощным... — Я посмотрела на родителей, пытаюсь объяснить им. — Я не ребенок. Я люблю его. Я люблю его и не должна бросать одного, и мне невыносимо быть здесь и не знать, что... что он... — Я сглотнула. — Так что мой ответ — да. Я еду. Мне не нужна ваша забота или понимание. Как-нибудь обойдусь. Но я еду в Швейцарию — что бы вы ни говорили.

В маленькой прихожей воцарилась тишина. Мама смотрела на меня как на чужую. Я шагнула к ней, в надежде, что она поймет. Но она отступила.

— Мама, я в долгу перед Уиллом. Я должна поехать. Кто, по-твоему, заставил меня подать заявление в колледж? Кто, по-твоему, вдохновил меня развиваться, путешествовать, стремиться к большему? Кто изменил мое отношение к миру? И даже к себе самой? Уилл. За последние шесть месяцев я сделала больше, жила больше, чем за предыдущие двадцать семь лет. Так что, если он хочет, чтобы я приехала в Швейцарию, я поеду. Чем

бы это ни кончилось.

Повисла недолгая пауза.

— Она совсем как тетя Лили, — тихо произнес отец.

Мы все стояли и смотрели друг на друга. Папа и Трина переглядывались, как будто ждали, кто сделает первый шаг.

— Если ты поедешь, Луиза, — нарушила молчание мама, — можешь не возвращаться.

Слова падали из ее рта, словно камушки. Я в шоке уставилась на мать. Она не отвела глаз, напряженно наблюдая за моей реакцией. Казалось, между нами встала стена, о которой я никогда не подозревала.

— Мама...

— Я серьезно. Это все равно что убийство.

— Джози...

— Да, Бернард. Я не могу в этом участвовать.

Помню, как я отстраненно подумала, что никогда не видела Катрину такой неуверенной. Я заметила, как папа коснулся маминой руки, но не поняла, в качестве упрека или поддержки. В голове стало пусто. Почти не сознавая, что делаю, я медленно спустилась по лестнице и прошла мимо родителей к передней двери. Через мгновение сестра последовала за мной.

Уголки папиного рта опустились, как будто он пытался сдержаться. Затем он повернулся к маме и положил руку ей на плечо. Он всматривался в ее лицо, и она как будто заранее знала, что он скажет.

Папа бросил Трине ключи от машины. Она поймала их одной рукой.

— Держи, — сказал он. — Выйдите в заднюю дверь, через сад миссис Догерти, и возьмите фургон. В фургоне вас не заметят. Если отправитесь прямо сейчас и пробки не слишком большие, должны успеть.

— Ты не в курсе, что теперь будет? — спросила Катрина. Летя по автостраде, она покосилась на меня.

— Нет.

Я не могла долго смотреть на нее — рылась в сумочке, пытаюсь сообразить, не забыла ли что-нибудь. В голове звучал голос миссис Трейнор. «Луиза? Вы не могли бы приехать? Я знаю, у нас есть определенные разногласия, но... Приезжайте немедленно, это очень важно».

— Черт! Никогда не видела маму такой, — продолжила Трина.

«Паспорт, бумажник, ключи». Ключи? Зачем? У меня больше нет дома. Катрина снова покосилась на меня:

— Ну да, она взбесилась, но это из-за шока. Ты же знаешь, рано или

поздно она успокоится. В смысле, когда я вернулась домой и призналась, что залетела, я думала, мама никогда больше не станет со мной разговаривать. Но ей понадобилось всего... сколько?.. два дня, чтобы успокоиться.

Я слушала ее болтовню краем уха, но не обращала внимания. Я ни на чем не могла сосредоточиться. Мои нервные окончания словно ожили и гудели от предвкушения. Я увижу Уилла. Как бы то ни было, я его увижу. Я почти физически чувствовала, как расстояние между нами сокращается, словно мы — два конца невидимой резиновой ленты.

— Трина?

— Да?

— Я не должна опоздать на рейс, — заявила я.

Моя сестра — сама решимость. Мы объезжали пробки по обочине, мчались по правой полосе, превышали скорость и искали по радио сообщения о ситуации на дорогах, пока наконец не увидели аэропорт. Трина со скрежетом затормозила, и я была уже на полпути, когда услышала ее:

— Эй! Лу!

— Прости. — Я обернулась и подбежала к ней.

Она обняла меня, очень крепко.

— Ты поступаешь правильно, — сказала она. Казалось, она готова расплакаться. — А теперь вали отсюда. Если у меня отберут права, а ты все равно опоздаешь на свой чертов самолет, я никогда больше не стану с тобой разговаривать.

Я не обернулась. Я бежала всю дорогу до стойки «Свисс эйр» и только с третьей попытки назвала свое имя, чтобы забрать билеты.

В Цюрих я прибыла незадолго до полуночи. Учитывая поздний час, миссис Трейнор, как и обещала, забронировала мне номер в гостинице аэропорта и пообещала прислать машину в девять утра. Я думала, что не засну, но заснула странным, тяжелым и беспокойным сном и проснулась в семь утра, не представляя, где нахожусь.

Я сонно смотрела на незнакомую комнату, тяжелые бордовые занавески, надежно отсекающие солнечный свет, большой телевизор с плоским экраном, чемоданчик, который я даже не потрудилась разобрать. Я взглянула на часы — было чуть больше семи по швейцарскому времени. Когда я поняла, где нахожусь, у меня внезапно скрутило живот от страха.

Я выбралась из кровати как раз вовремя, чтобы меня стошнило в маленькой ванной. Я осела на плиточный пол, волосы прилипли ко лбу,

щека прижалась к холодному фаянсу. В голове звучал голос матери, ее возражения, и темный страх закрался мне в сердце. Я не готова. Я не хочу еще раз проиграть. Я не хочу смотреть, как Уилл умирает. Вслух застонав, я приподнялась, и меня снова стошнило.

Я не могла есть. С трудом проглотила чашку черного кофе, приняла душ и оделась. На часах было восемь. Я смотрела на бледно-зеленое платье, которое бросила в чемодан вчера вечером, и гадала, будет ли оно уместно. Все придут в черном? Не следует ли мне надеть нечто более яркое и живое, вроде того красного платья, которое нравилось Уиллу? Зачем миссис Трейнор вызвала меня? Я проверила мобильный телефон. Быть может, позвонить Катрине? Дома сейчас семь утра. Но она, наверное, одевает Томаса, а разговора с мамой я не вынесу. Я подкрасилась и села у окна. Минуты медленно текли мимо.

В жизни не чувствовала себя такой одинокой.

Когда находиться в маленькой комнате стало невыносимо, я побросала последние вещи в сумку и вышла. Куплю газету и подожду в холле. Все лучше, чем сидеть в тишине в своем номере или в душной темноте смотреть новости по спутниковому каналу. Проходя мимо стойки администратора, я заметила компьютер, благоразумно расположенный в углу. На нем висела табличка: «Для наших гостей. Спросите администратора».

— Можно воспользоваться? — спросила я администратора.

Она кивнула, и я купила жетон на один час. Внезапно мне стало ясно, с кем я хочу поговорить. Я нутром чуяла, что он в Сети, несмотря на ранний час. Я зашла в чат и напечатала сообщение:

Ричи! Ты здесь?

Доброе утро. Пчелка. Ты сегодня спозаранку.

Помедлив всего мгновение, я напечатала:

Меня ждет самый странный день в моей жизни.
Я в Швейцарии.

Он знал, что это значит. Все на форуме знали, что это значит. О клинике велись многочисленные жаркие споры. Я напечатала:

Мне страшно.

Тогда почему ты здесь?

Потому что не могла иначе. Он меня попросил. Я в отеле, скоро поеду к нему.

Я помедлила и добавила:

Не представляю, как закончится этот день.

Бедная Пчелка!

Что мне сказать ему? Как заставить его передумать?

Ричи ответил не сразу. Слова появлялись на экране медленнее, чем обычно, как будто он подбирал их с особой осторожностью.

Если он в Швейцарии, Пчелка, вряд ли он передумает.

В горле встал огромный комок, и я сглотнула. Ричи продолжал печатать:

Это не мой выбор. И не выбор большинства обитателей форума. Мне нравится моя жизнь, хотя я выбрал бы другую. Но я прекрасно понимаю, почему с твоего друга довольно. ФЗ не понять, насколько утомительно вести подобную жизнь. Если он решился, если он правда видит будущее только в мрачном свете, наверное, лучшее, что можно сделать, – просто быть рядом. Ты не обязана одобрять его выбор.

Но ты должна быть рядом.

Я осознала, что затаила дыхание.

Желаю удачи, Пчелка. И навести меня, когда все закончится. Возможно, тебя ждут проблемы. В любом случае я буду рад такому другу, как ты.

Мои пальцы замерли на клавиатуре. Я напечатала:

Навещу.

А затем администратор сообщила, что за мной приехала машина.

Не знаю, что я ожидала увидеть. Возможно, белое здание рядом с

озером или заснеженными горными вершинами. Возможно, мраморный больничный фасад с золоченой табличкой на стене. Чего я не ожидала, так это промышленной зоны и совершенно обычного дома в окружении фабрик и, как ни странно, футбольного стадиона. Я прошла по деревянному настилу мимо пруда с золотыми рыбками и оказалась внутри.

Женщина, открывшая дверь, сразу поняла, кого я ищу:

— Он здесь. Проводить вас?

Я застыла. Посмотрела на закрытую дверь, странно похожую на дверь флигеля Уилла, у которой я стояла много месяцев назад, и перевела дыхание. И кивнула.

Я увидела кровать, прежде чем увидела его. Красное дерево главенствовало в комнате, старомодное одеяло и подушки в цветочек казались странно неуместными. На одной стороне кровати сидел мистер Трейнор, на другой — миссис Трейнор.

Она была бледной как привидение и встала при виде меня:

— Луиза.

Джорджина сидела в деревянном кресле в углу, согнувшись пополам и стиснув руки, словно в молитве. Она подняла взгляд, когда я вошла. Ее глаза покраснели от горя, под ними залегли тени, и мое сердце сжалось от сочувствия к ней.

Как бы я поступила, если бы Катрина настаивала на своем праве сделать то же самое?

Комната была просторной и воздушной, как в загородном доме высшего класса. На плиточном полу лежали дорогие ковры, в дальнем конце стоял диван, с которого был виден маленький сад. Я не знала, что сказать. Это было настолько нелепое, обыденное зрелище — они сидели втроем на кровати, словно решали, какие достопримечательности посмотреть сегодня.

Я повернулась к кровати.

— Ну что, — спросила я, не снимая сумки с плеча. — Полагаю, обслуживание номеров здесь паршивое?

Наши с Уиллом взгляды встретились, и, несмотря ни на что, несмотря на все мои страхи, на то, что меня дважды стошнило, на то, что я словно год не спала, внезапно я испытала радость. Нет, не радость, облегчение. Как будто я вырезала болезненную, ноющую часть себя и выбросила.

И тогда он улыбнулся. Его улыбка была чарующей — медленной, полной узнавания.

Поразительно, но я улыбнулась в ответ.

— Красивая комната, — сообщила я и немедленно осознала идиотизм

своего замечания.

Джорджина Трейнор закрыла глаза, и я покраснела.

— Я хочу поговорить с Лу. — Уилл повернулся к матери. — Вы не против?

Миссис Трейнор попыталась улыбнуться. В ее взгляде читалось столько чувств — облегчение, благодарность, легкое возмущение, оттого что ее выгоняют на несколько минут, возможно, даже слабая надежда, что мое появление что-нибудь означает и судьба ее сына еще может свернуть с проторенной колеи.

— Конечно.

Миссис Трейнор прошла мимо меня в коридор и, когда я шагнула в сторону, чтобы пропустить ее, протянула руку и легонько коснулась моего плеча. Наши взгляды встретились, и ее взгляд смягчился, так что на мгновение она стала выглядеть совсем другим человеком, а затем она отвернулась.

— Идем, Джорджина, — сказала она, когда ее дочь даже не пошевелилась.

Джорджина медленно встала и молча вышла, всей спиной выражая протест.

И мы остались вдвоем.

Уилл полусидел в кровати, благодаря чему мог смотреть в окно слева от себя, где фонтанчик в маленьком саду весело пускал под настил струйку прозрачной воды. На стене висела репродукция георгинов в уродливой рамке. Помню, я подумала, что это не самое достойное зрелище для последних часов жизни.

— Итак...

— Ты не будешь...

— Я не буду уговаривать тебя передумать.

— Если ты здесь, значит принимаешь мой выбор. Впервые после несчастного случая я контролирую происходящее.

— Знаю.

Вот и все. Он это знал, и я знала. Мне больше нечего было делать.

До чего же сложно ничего не говорить. Когда каждый атом вашего тела молит об обратном. Я всю дорогу из аэропорта тренировалась молчать, и все равно это было невыносимо. Я кивнула. Когда я наконец заговорила, мой голос был тихим и сломленным. Я сказала единственное, что казалось безопасным:

— Я скучала по тебе.

Уилл заметно расслабился.

— Подойди ко мне. — Я помедлила, и он добавил: — Пожалуйста. Подойди. Сядь на кровать. Рядом со мной.

Я осознала, что на его лице написано неподдельное облегчение. Он так рад меня видеть, что не в силах выразить словами. И я сказала себе, что этого должно быть достаточно. Я сделаю то, о чем он меня просил. Этого должно быть достаточно.

Я легла на кровать и обняла его. Положила голову ему на грудь, впитывая ее движения всем телом. Я ощущала слабое прикосновение пальцев Уилла к спине, его теплое дыхание в своих волосах. Я закрыла глаза, вдыхая его запах, все тот же дорогой запах кедра, несмотря на безликую свежесть комнаты со слабым тревожным привкусом дезинфицирующего средства. Я пыталась ни о чем не думать, просто быть, пыталась раствориться в любимом человеке, навсегда запечатлеть в себе оставшиеся минуты. И молчала. А затем он заговорил. Мы были так близко, что его голос словно завибрировал во мне.

— Эй, Кларк, — позвал он. — Расскажи мне что-нибудь хорошее.

Я уставилась в окно на ярко-голубое швейцарское небо и рассказала ему историю двух людей. Двух людей, которые не должны были встретиться и которые не слишком нравились друг другу поначалу, но со временем обнаружили, что понимают друг друга лучше всех на свете. Я рассказала ему о приключениях, которые они пережили, о краях, в которых они побывали, о картинах, которые я даже не предполагала увидеть. Я соткала в воздухе лазурное небо и радужное море, вечера, наполненные смехом и глупыми шутками. Нарисовала мир, далекий от швейцарской промышленной зоны, мир, в котором он оставался тем, кем хотел быть. Нарисовала мир, который он сотворил для меня, полный чудес и возможностей. Я дала понять, что он исцелил мою душу, сам того не подозревая, и уже поэтому я буду вечно ему благодарна. Я говорила и знала, что это самые важные слова в моей жизни и нужно говорить искренне, не проповедовать, не пытаться переубедить, а уважать желания Уилла.

Я рассказала ему кое-что хорошее.

Время замедлилось и остановилось. Нас было всего двое, я бормотала в пустой, залитой солнцем комнате. Уилл говорил мало. Он не отвечал, не добавлял сухих замечаний, не насмехался. Время от времени он кивал, прижавшись головой к моей, и бормотал или тихо хмыкал от удовольствия при очередном приятном воспоминании.

— Это были лучшие шесть месяцев в моей жизни, — сказала я.

Повисло долгое молчание.

— Ты не поверишь, Кларк, но в моей тоже.

И в этот миг мое сердце разбилось. Я сморщилась, потеряла самообладание. Горе затопило меня, я вцепилась в Уилла и перестала беспокоиться, что он почувствует содрогания моего рыдающего тела. Горе поглотило меня, терзало мое сердце, внутренности и голову, тащило на дно, и это было невыносимо. Я правда думала, что не вынесу этого.

— Не надо, Кларк, — пробормотал он. Его губы коснулись моих волос. — Пожалуйста. Не надо. Посмотри на меня.

Я зажмурилась и покачала головой.

— Посмотри на меня. Пожалуйста.

Я не могла.

— Ты злишься. Пожалуйста. Я не хочу причинять тебе боль или заставлять тебя...

— Нет... — снова покачала я головой. — Дело не в этом. Я не хочу... — Я прижималась щекой к его груди. — Не хочу, чтобы мое несчастное пятнистое лицо стало последним, что ты видел.

— Ты так и не поняла, Кларк? — По его голосу было ясно, что он улыбается. — Это не тебе решать.

Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя. Я высморкалась, глубоко вдохнула и выдохнула. Наконец я приподнялась на локте и посмотрела на Уилла. Его глаза, всегда напряженные и несчастные, выглядели непривычно ясными и безмятежными.

— Ты очень красивая.

— Смешно.

— Иди сюда, — сказал он. — Как можно ближе ко мне.

Я снова легла, лицом к нему. Потом услышала тиканье часов над дверью и внезапно ощутила, что время на исходе. Я взяла его руку и обернула вокруг себя, тесно переплелась с ним руками и ногами. Взяла его ладонь — более сильную — и вложила в нее свои пальцы, ощутив пожатие и поцеловав костяшки его пальцев. Его тело стало таким знакомым. Я знала его, как никогда не знала тело Патрика, — его сильные и уязвимые стороны, его шрамы и запахи. Я поднесла лицо так близко, что черты его лица расплылись, и я начала растворяться в них. Гладила его волосы, кожу, лоб кончиками пальцев, слезы безудержно катились по моим щекам, я прижималась носом к его носу, и все это время он молча наблюдал за мной, внимательно изучал меня, как будто хотел запечатлеть каждый атом. Он уже отступал, прятался там, где я не могла до него дотянуться.

Я поцеловала его, пытаясь вернуть. Я поцеловала его и застыла, прижавшись губами к губам, так что наше дыхание смешалось и слезы из

моих глаз стали солью на его коже, и я сказала себе, что крошечные частички его станут крошечными частичками меня, поглощенные, живые, вечные. Я хотела полностью прижаться к нему. Хотела внушить ему что-то. Хотела влить в него свою любовь к жизни и заставить жить дальше.

Я осознала, что боюсь жить без него. «Почему ты вправе разрушить мою жизнь? — хотелось спросить мне. — Почему я должна молчать насчет твоей?»

Но я обещала.

И я просто обнимала его, Уилла Трейнора, бывшего вундеркинда из Сити, бывшего искусного ныряльщика, спортсмена, путешественника, любовника. Я крепко обнимала его и молчала, мысленно твердя, что он любим. И как сильно любим!

Не знаю, сколько времени мы так лежали. Я смутно сознавала, что снаружи тихо переговариваются, шаркают обувью, где-то вдали звонит церковный колокол. Наконец я ощутила, как Уилл протяжно выдохнул, почти содрогнулся и откинул голову всего на дюйм, чтобы мы видели друг друга отчетливо.

Я заморгала, глядя на него.

Он чуть улыбнулся мне, почти виновато.

— Кларк, — тихо произнес он, — тебя не затруднит позвать моих родителей?

КОРОЛЕВСКАЯ СЛУЖБА
ПО ДЕЛАМ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
Вниманию главного прокурора
касательно Уильяма Джона Трейнора
4 сентября 2009 года

Следователи допросили всех участников вышеупомянутого дела, и я прилагаю папки со всеми соответствующими документами.

Предметом расследования является мистер Уильям Трейнор, 35-летний бывший партнер в фирме «Мэдингли Льюинс», расположенной в лондонском Сити. Мистер Трейнор получил травму позвоночника в дорожно-транспортном происшествии в 2007 году, и ему была поставлен диагноз квадриплегии: C_{5/6} с ограниченной подвижностью одной руки и необходимостью круглосуточного ухода. Его медицинская карта прилагается.

Из бумаг следует, что мистер Трейнор незадолго до визита в Швейцарию потрудился привести в порядок свои дела. Его адвокат, мистер Майкл Лоулер, переправил нам подписанное и заверенное заявление о намерениях, а также копии всех надлежащих документов, имеющих отношение к предварительным консультациям в клинике.

Семья и друзья мистера Трейнора единодушно ужаснулись выраженному им желанию покончить с собой, но, учитывая историю его болезни и предыдущие попытки самоубийства (подробно описанные в приложенных больничных записях), его интеллект и силу воли, очевидно, не смогли переубедить его даже в течение шестимесячного периода, о котором с ним специально для данной цели была заключена договоренность.

Следует отметить, что один из выгодоприобретателей мистера Трейнора — его наемная сиделка, мисс Луиза Кларк. Учитывая ограниченную продолжительность ее общения с мистером Трейнором, остаются некоторые вопросы о мере его щедрости по отношению к ней, но все стороны утверждают, что не намерены опротестовывать выраженные мистером Трейнором

и заверенные юридически пожелания. Мисс Луизу Кларк несколько раз подробно допросили, и полиция считает, что она сделала все возможное, чтобы отвлечь мистера Трейнора от его намерения (см. ее «Календарь приключений», включенный в доказательства).

Также следует отметить, что миссис Камилла Трейнор, его мать, много лет прослужившая уважаемым мировым судьей, подала в отставку в свете публичности, окружающей данное дело. Вполне объяснимо, что они с мистером Трейнором расстались вскоре после смерти сына.

Хотя Королевская служба по делам судебного преследования не вправе поощрять эвтаназию в заграничных клиниках, на основании собранных доказательств представляется очевидным, что действия семьи и сиделок мистера Трейнора не выходят за рамки текущего законодательства об эвтаназии и возможном судебном преследовании близких лиц покойного.

1. Мистер Трейнор был признан дееспособным и выразил «добровольное, недвусмысленное, взвешенное и информированное» желание принять подобное решение.

2. Свидетельства душевного заболевания или принуждения с чьей-либо стороны отсутствуют.

3. Мистер Трейнор ясно дал понять, что хочет совершить самоубийство.

4. Болезнь мистера Трейнора была тяжелой и неизлечимой.

5. Сопровождающие мистера Трейнора лица содействовали ему или влияли на него лишь в минимальной степени.

6. Действия сопровождающих мистера Трейнора лиц можно классифицировать как вынужденное содействие под давлением пациента.

7. Все участвующие стороны оказали полиции во время расследования всестороннюю поддержку.

Учитывая вышеприведенные факты, хорошую репутацию всех сторон и приложенные доказательства, полагаю, что судебное преследование в данном случае не послужит общественным интересам.

В случае любых публичных заявлений, связанных с данным делом, рекомендую главному прокурору дать понять, что дело Трейнора не создает никакого прецедента и что впредь Королевская служба по делам судебного преследования будет

рассматривать каждый случай на основании его собственных особенностей и обстоятельств.

С наилучшими пожеланиями,

Шейла Маккиннон,

Королевская служба

по делам судебного преследования

Эпилог

Я просто следовала инструкциям.

Я сидела в тени темно-зеленого навеса кафе, смотрела на рю де Фран-Буржуа, и нежаркое солнце парижской осени согревало мне щеку. Официант с галльской ловкостью поставил передо мной тарелку круассанов и большую чашку кофе. В сотне ярдов дальше по улице два велосипедиста остановились у светофора и завели разговор. На одном из них был синий рюкзак, из которого под разными углами торчали два длинных багета. Воздух, неподвижный, сырой и теплый, хранил ароматы кофе и выпечки и резкий привкус сигарет.

Я дочитала письмо Трины. Она утверждала, что позвонила бы, но это слишком накладно. Трина лучше всех закончила второй год бухгалтерского учета и завела нового парня Сандипа, который пытался решить, хочет ли работать в отцовском бизнесе импорта-экспорта рядом с Хитроу, и обладал еще худшими музыкальными вкусами, чем моя сестра. Томас прыгал от счастья, что перешел в следующий класс. Папа преуспевал на работе и просил передать, что любит меня. Сестра ничуть не сомневалась, что мама скоро простит меня. «Она точно получила твое письмо, — сообщила она. — Я знаю, что она прочла его. Дай ей немного времени».

Я отпила кофе и на мгновение перенеслась на Ренфру-роуд, в дом, который, казалось, был в миллионе миль отсюда. Я сидела и чуть щурилась под низким солнцем, глядя, как женщина в темных очках поправляет прическу в зеркальной витрине магазина. Она поджала губы, изучив свое отражение, расправила плечи и пошла дальше.

Я поставила чашку, глубоко вдохнула и взяла другое письмо, письмо, которое носила с собой уже почти шесть недель.

На конверте под моим именем было напечатано большими буквами:

ПРОЧЕСТЬ В КАФЕ «МАРКИЗ»
НА РЮ ДЕ ФРАН-БУРЖУА,
В КОМПАНИИ КРУАССАНОВ
И БОЛЬШОГО CAFÉ CRÈME. [\[68\]](#)

Я засмеялась сквозь слезы, впервые прочитав надпись на конверте, — так похоже на Уилла! Командует до последнего.

Официант — высокий проворный мужчина с десятком листков бумаги,

торчащих из-за фартука, — обернулся и поймал мой взгляд. «Все в порядке?» — спросили его поднятые брови.

— Да, — ответила я. И немного смущенно добавила: — Oui.^[69]

Письмо было напечатано. Я узнала шрифт с открытки, которую он когда-то прислал. Я откинулась на спинку стула и приступила к чтению.

Кларк,

к тому времени, как ты прочитаешь это письмо, пройдет уже несколько недель. Даже учитывая твои новообретенные организаторские способности, сомневаюсь, что ты добралась до Парижа раньше начала сентября. Надеюсь, кофе вкусный и крепкий, круассаны свежие, погода еще достаточно солнечная, чтобы сидеть снаружи на металлических стульях, которые неизменно неровно стоят на мостовой. Неплохое место этот. «Маркиз». Стейк тоже хорош, если ты надумаешь здесь пообедать. А если посмотреть налево, ты увидишь «E'Artisan Parfumeur», где по прочтении письма непременно должна попробовать духи под названием вроде «Papillons Extrême»(точно не помню). Мне всегда казалось, что они тебе подойдут.

Ладно, инструкции закончились. Есть несколько вещей, которые я хочу тебе сказать и сказал бы лично, но: а) ты бы распереживалась и б) ты бы не дала мне договорить. Ты всегда слишком много болтала.

Итак: чек, который ты получила в конверте от Майкла Лоулера, — это не вся сумма, а лишь маленький подарок, чтобы ты пережила первые недели без работы и добралась до Парижа.

По возвращении в Англию отнеси это письмо Майклу в его лондонский офис, и он выдаст тебе соответствующие документы, чтобы ты могла получить доступ к счету, который он открыл для меня на твое имя. На этом счету достаточно средств, чтобы купить хорошенький домик, оплатить колледж и расходы на время очного обучения.

Мои родители будут поставлены в известность. Надеюсь, что благодаря этому и правовой поддержке Майкла Лоулера беспокойство будет сведено к минимуму.

Кларк, я так и слышу, как у тебя учащается дыхание. Не паникуй и не пытайся вернуть деньги — их недостаточно, чтобы ты лежала на диване до конца своих дней. Но они купят тебе свободу как от клаустрофобного городка, который мы оба

называли своим домом, так и от решений, которые тебе приходилось принимать.

Я даю тебе деньги не для того, чтобы ты тосковала, или чувствовала себя в долгу, или чттила мою чертову память.

Я даю их тебе, потому что в моей жизни осталось мало хорошего. Только ты.

Я сознаю, что знакомство со мной принесло тебе горе и боль, и надеюсь, что в один прекрасный день, когда злость и печаль утихнут, ты поймешь: я не мог поступить иначе, и это поможет тебе прожить по-настоящему хорошую жизнь, лучше, чем если бы мы не встретились.

Поначалу тебе будет не по себе в изменившемся мире. Покидать уютное гнездышко всегда непривычно. Но я надеюсь, что ты испытываешь и возбуждение. Твое лицо, когда ты вернулась с подводного плавания, сказало мне все. В тебе живет голод, Кларк. Бесстрашие. Просто ты похоронила его, как и большинство людей.

Я не говорю, что тебе следует прыгать с высоких зданий, плавать с китами и так далее, хотя в глубине души мне нравится представлять тебя за этими занятиями. Просто живи ярко. Подгоняй себя. Не останавливайся на достигнутом. С гордостью носи полосатые чулки. А если ты захочешь поселиться с каким-нибудь нелепым парнем и остепениться, не забудь припрятать часть денег. Знание, что у тебя есть выбор, — роскошь. Знание, что я предоставил его тебе, — мое утешение.

Ну вот и все. Ты высечена в моем сердце, Кларк. С того самого дня, как вошла в мою жизнь со своими дурацкими нарядами, неудачными шутками и полной неспособностью скрывать движения души. Ты изменила мою жизнь намного больше, чем эти деньги изменят твою.

Не думай обо мне слишком часто. Мне не нравится представлять тебя в расстроенных чувствах. Просто живи хорошо.

Просто живи.

С любовью,

Уилл

Слеза упала на шаткий столик. Я вытерла щеку ладонью и положила

письмо. Понадобилось несколько минут, чтобы в глазах прояснилось.

— Еще кофе? — вернулся ко мне официант.

Я моргала, глядя на него. Он был моложе, чем мне показалось, и с него слетела легкая заносчивость. Возможно, парижские официанты обучены утешать плачущих женщин в своих кафе.

— Или... коньяк? — Он покосился на письмо и понимающе улыбнулся.

— Нет, — улыбнулась я в ответ. — Спасибо. У меня... у меня есть дела.

Я заплатила по счету и аккуратно убрала письмо в карман.

Встав из-за стола, я поправила сумку на плече и направилась по улице к парфюмерному магазину и всему Парижу за ним.

Благодарности

Спасибо моему агенту Шейле Краули из «Curtis Brown» и моему редактору Мари Эванс из «Penguin», которые с первого взгляда поняли, чем является эта книга, а именно историей любви.

Отдельное спасибо Мэдди Уикхем, которая вдохновила меня в тот момент, когда я сомневалась, могу ли и должна ли писать эту книгу.

Спасибо чудесной команде «Curtis Brown», особенно Джонни Геллеру, Талли Гарнер, Кэти Макгован, Элис Лаченс и Саре Льюис, за энтузиазм и безукоризненную агентскую работу.

Из сотрудников «Penguin» я хотела бы особо поблагодарить Луизу Мур, Клэр Лединхем и Шан Морли Джонс.

Я очень признательна всему форуму «Творческий кризис» — моему личному бойцовому клубу, только без драк.

А также Индии Найт, Сэму Бейкеру, Эмме Беддингтон, Триш Десен, Алексу Хеминсли, Джесс Растон, Сали Хьюз, Таре Мэннинг и Фанни Блейк.

Спасибо Лиззи и Брайану Сандерс, а также Джиму, Би и Клемми Мойес. Но больше всего, как обычно, я благодарна Чарльзу, Саскии, Гарри и Локки.

notes

Примечания

«Блэкберри» — марка смартфонов. (Здесь и далее прим. перев.)

Блэкфрайарз — железнодорожный вокзал и станция метро в лондонском Сити.

Перестрелка в корале «О. К.» — знаменитая перестрелка, состоявшаяся в 1881 году в аризонском городке Тумстоун между братьями Эрп и бандитами.

Оби-Ван Кеноби — персонаж киноэпопеи «Звездные войны», придуманный американским кинорежиссером Джорджем Лукасом. (Прим. ред.)

Дарт Вейдер — центральный персонаж «Звездных войн». (Прим. ред.)

«*Райбина*» — напиток с черносмородиновым соком.

Скиатос — небольшой греческий остров в Эгейском море, курорт.

Джеффри Арчер (р. 1940) — английский политик и писатель.

Рикард Брэнсон (р. 1950) — английский предприниматель.

Квадриплегия — паралич всех четырех конечностей.

Национальный трест — организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест.

«Кантри лайф» — английский еженедельный журнал. (Прим. ред.)

База в заливе Гуантанамо — арендованная США военно-морская база в заливе Гуантанамо (Куба). На базе расположена также одноименная тюрьма для лиц, подозреваемых в терроризме, известная как «Концлагерь XXI века».

Далеки — киборги из британского научно-фантастического сериала «Доктор Кто», разговаривающие с помощью своей брони, которая синтезирует металлический скрипучий голос, лишенный эмоций.

Палочники — отряд насекомых.

Роберт Айронсайд — герой одноименного сериала (1967–1975), сыщик, прикованный к инвалидной коляске.

Кристи Браун (1932–1981) — ирландский писатель, художник и поэт, с рождения страдавший церебральным параличом.

Боб-строитель — герой одноименного английского мультсериала.

Гастропаб, или гастрономический паб, — паб, в меню которого присутствуют ресторанные блюда.

«Боден» — британская марка одежды для состоятельного среднего класса.

Макиато — кофе с небольшим количеством молока.

Презентеизм — ситуация, когда сотрудники компании работают больше необходимого или выходят на работу нездоровыми.

«Лукозейд» — витаминизированный напиток.

Триатлон «Норвежец» — экстремальный триатлон, последний участок которого — подъем в гору.

Эми Уайнхаус (1983–2011) — эксцентричная английская певица, страдавшая алкогольной и наркотической зависимостью.

Песто — итальянский соус на основе оливкового масла, базилика, сыра и семян пинии.

«*Местный герой*» — английский фильм 1983 года.

«Жан де Флоретт» — экранизация одноименного романа французского драматурга и кинорежиссера Марселя Паньоля (1895–1974).

Танец семи покрывал — согласно Оскару Уайльду, автору пьесы «Саломея», тот самый обольстительный танец, в награду за который Саломея попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя.

«Красная королева: секс и эволюция человеческой природы» — книга английского биолога и журналиста, автора популярных книг о науке, экономике и окружающей среде Мэтта Ридли (р. 1958), посвященная эволюционной «Гипотезе Красной королевы», связанной с половым отбором.

«Уолтоны» — американский телесериал, основанный на одноименной книге Гора Спенсера о жизни бедной вирджинской семьи в период Великой депрессии; транслировался с 1972 по 1981 год.

Йоркский камень — песчаник, добываемый в Йоркшире.

Пилатес — система физических упражнений, разработанная американским спортивным специалистом Джозефом Пилатесом (1883–1967). (Прим. ред.)

Лепрекон — персонаж ирландского фольклора, традиционно изображаемый в виде маленького коренастого человечка. (Прим. ред.)

«Лансанг сушонг» — один из самых известных сортов чая из Южного Китая; отличается своеобразным вкусом и ароматом. (*Прим. ред.*)

«Дигнитас» (лат. «достоинство») — швейцарская организация, предоставляющая смертельно больным людям и людям с тяжелыми формами инвалидности возможность совершить ассистированное самоубийство, обычно с помощью яда.

Кнуд Великий (995–1035) — король Дании, Англии и Норвегии. По преданию, повелел приливу остановиться.

Helleborus niger — морозник, растение семейства лютиковых.
Eremurus stenophyllus — травянистое растение семейства асфodelовых.
Athyrium niponicum — вид папоротника. (Прим. ред.)

«*Любовь в холодном климате*» (1949) — роман английской аристократки, автора полубиографических произведений Нэнси Митфорд (1904–1973).

Яйца по-шотландски — яйца, запеченные в мясном фарше.

«Блэк энд Декер» — марка ручного электроинструмента.

Параплегик — человек, страдающий параличом нижних конечностей.

Джуди Блум (р. 1938) — американская писательница, автор книг для детей и подростков.

«Завтрак пахаря» — дежурное блюдо в деревенских пабах: хлеб, сыр и соленья, подается с пинтой пива.

«Приз первой победы» разыгрывается среди лошадей, никогда не получавших призов.

Крайстчерч — город в Новой Зеландии.

Фарлонг английская единица измерения длины, равная 220 ярдам (примерно 201 метр). *(Прим. ред.)*

Фланнери О'Коннор (1925–1964) — американская писательница, мастер южной готики.

«Уэстлайф» — поп-группа из Ирландии.

Нана Мускури (р. 1934) — греческая певица.

Медвежонок Руперт — персонаж детских комиксов.

Макс Уолл (1908–1990) — английский комик.

Лофт — тип жилища, переоборудованное под жилье помещение заброшенной фабрики или другого здания промышленного назначения.
(Прим. ред.)

Кускусьер — традиционная посуда для приготовления кускуса; в нижней части готовится мясо или овощи, в верхней — кускус.

Пик Ухуру — самая высокая точка Килиманджаро; высота 5896 м.
(Прим. ред.)

Клементин — гибрид мандарина и апельсина; создан в 1902 году французским селекционером, священнослужителем отцом Клеманом.
(Прим. ред.)

«Эмилио Пуччи» — известный итальянский модный дом. (Прим. ред.)

Эрготерапия — комплекс реабилитационных мероприятий, направленный на восстановление повседневной деятельности человека с учетом имеющихся у него физических ограничений. (Прим. ред.)

Поэтическое название Оксфорда; впервые встречается в стихотворении «Тирс» английского поэта и культуролога Мэтью Арнольда (1822–1888).

Дисрефлексия — осложнение, которое наблюдается при травмах позвоночника с повреждением спинного мозга выше грудного отдела.
(Прим. ред.)

Хаяо Миядзаки (р. 1941) — японский режиссер-аниматор. (Прим. ред.)

«Изиджет» — английская бюджетная авиакомпания. (Прим. ред.)

Банджи-джампинг — широко распространенный в мире аттракцион, часто называемый в России тарзанкой. (Прим. ред.)

Количественное смягчение — денежно-кредитная политика, при которой центральные банки покупают государственные облигации у банков, чтобы оживить кредитование компании и потребителей.

Сток-Мандевилл — английская деревня, где расположена больница, специализирующаяся на травмах позвоночника.

Кармен Миранда (1909–1955) — бразильская и американская певица и актриса.

Порт Аventura — парк развлечений и курорт в Испании.

Café crème (*фр.*) — кофе со сливками.

Oui (*фр.*) — да.